

И.В. Можайскова

**РЫНОЧНЫЕ СВЯЗИ
И ДЕНЕЖНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В МНОГОВЕКОВЫХ ЦИКЛАХ
ЗАПАДНОЙ И РУССКОЙ
ЦИВИЛИЗАЦИЙ**

Ретроспектива

Книга вторая

**РЫНОЧНЫЕ СВЯЗИ
И ДЕНЕЖНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В МНОГОВЕКОВЫХ ЦИКЛАХ
РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ**

И.В. Можайскова

**РЫНОЧНЫЕ СВЯЗИ
И ДЕНЕЖНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В МНОГОВЕКОВЫХ ЦИКЛАХ
ЗАПАДНОЙ И РУССКОЙ
ЦИВИЛИЗАЦИЙ**

Ретроспектива

В двух книгах

МОСКВА
«Международные отношения»
2014

И.В. Можайскова

**РЫНОЧНЫЕ СВЯЗИ
И ДЕНЕЖНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В МНОГОВЕКОВЫХ ЦИКЛАХ
ЗАПАДНОЙ И РУССКОЙ
ЦИВИЛИЗАЦИЙ**

Ретроспектива

Книга вторая

**РЫНОЧНЫЕ СВЯЗИ
И ДЕНЕЖНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В МНОГОВЕКОВЫХ ЦИКЛАХ
РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ**

МОСКВА
«Международные отношения»
2014

УДК 008;336;930
ББК 63.3;65.261;65.262.6;71.05
М74

Можайскова И.В.

Рыночные связи и денежные отношения в многовековых циклах Западной и Русской цивилизаций: Ретроспектива. В 2-х кн. М., 2013.

ISBN 978-5-903388-26-4

Кн. 2. Рыночные связи и денежные отношения в многовековых циклах Русской цивилизации: Ретроспектива. — М.: Международные отношения, 2014. — 406 с.

ISBN 978-5-7133-1465-1

В монографии, состоящей из двух книг, исследуются две цивилизации, возникшие в рамках христианства и оказывающие большое влияние на ход мировой истории. Одна из них возникла в западной части Европы в рамках католически-протестантской ветви христианства. Два тысячелетия исторической эволюции этих цивилизаций, зародившихся примерно в одно и то же время (разница в несколько столетий): Западная цивилизация — VI–VIII вв., Русская — VIII–IX вв., нашли свое отражение в особенностях многовековых циклов развития, в которых поразному складывалась вся система общественных отношений, включая экономические и их важнейшую часть — рыночные связи и денежные отношения.

Книга представляет интерес для обществоведов всех специальностей (научных и практических работников, преподавателей), а также широкого круга творческой интеллигенции.

УДК 008;336;930
ББК 63.3; 65.261; 65.262.6;71.05

SBN 978-5-903388-26-4
ISBN 978-5-7133-1465-1

© Можайскова И.В., 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие. К методологии исследования	9
---	---

РАЗДЕЛ I

Рыночные связи и денежные отношения в первом многовековом цикле Русской цивилизации (VIII–X вв.)	15
--	----

Глава 1

Истоки русской цивилизации: месторазвитие и духовная константа, славянские корни, варяжский фактор и дохристианская государственность	17
1.1. Начало начал: месторазвитие и духовная константа русской цивилизации	17
1.2. Русский эмбрион истории на фоне этнических бурь Западной Евразии VI–VIII в. Славянские корни этнонима «рос» (Русь, «русский»)	24
1.3. Рюрик и славянская версия его этнического происхождения. Русский каганат и имперская государственность Святослава на фоне экспансии скандинавов в Европе и Западной Евразии	36

Глава 2

Рыночные связи и денежные отношения славянских племен Древней Руси в развитии международной торговли между Востоком и Западом	47
2.1. Внутренние рыночные связи славянских племен и международная торговля (VII–IX вв.)	47
2.2. Исторические факторы выделения серебра как основы российской денежной системы (VII–IX вв.)	56

РАЗДЕЛ II

Рыночные связи и денежные отношения во втором многовековом цикле Русской цивилизации (XI–XV вв.)	63
--	----

Глава 3

Религиозно-духовные основы Киевско-Новгородской государственности. Роль православия и Русской церкви в борьбе против монгольского владычества	65
3.1. От язычества к христианской Руси. Киевско-Новгородская государственность и самобытность ее политических структур	65
3.2. Симбиоз христианства и славянского язычества. «Земля русская» в мировосприятии древнерусского этноса, его разрушение монгольским смерчем и предпосылки образования трех обособленных этнических ветвей	77
3.3. Русская церковь и великоросский (русский) этнос в борьбе против монгольского владычества	85
3.4. Роль Русской церкви в образовании национальной государственности. От Великого князя Московского к Государю Всея Руси. (XIII–XV вв.)	96

Глава 4

От мир-экономики Киевско-Новгородской Руси к возрождению рыночных связей Великого княжества Московского	115
4.1. Формационный строй и мир-экономика Киевско-Новгородского государства (X–XII вв.)	115
4.2. Обескровленная Русь в рабстве «торгового империализма» монголов и его «русский след». Предпосылки возрождения рыночных связей Великого княжества Московского в период распада Золотой Орды	127

Глава 5

Борьба за создание самобытной русской денежно-монетарной системы	137
5.1. Денежно-кредитные отношения мир-экономики Киевско-Новгородской Руси	137
5.2. Монетная регалия и деньги Золотой Орды. Рождение русского рубля	149
5.3. Денежные отношения и монетарные системы русских княжеств: ордынские корни и самобытные начала	154

РАЗДЕЛ III

Рыночные связи и денежные отношения в третьем многовековом цикле Русской цивилизации (XVI–XIX в.)	165
---	-----

Глава 6

В поисках союза светской и духовной власти: реформы Русской церкви и их негативное влияние на религиозно-духовный климат общества ...	167
6.1. «Москва – Третий Рим» как национальная идея самодержавной Руси: ее сущность и практическое воплощение в деятельности Ивана IV	167
6.2. Реформы Никона и раскол	180
6.3. Русская церковь (синодальная форма) в светском управлении. Петр I в великих деяниях	186
6.4. Религиозно-духовный и культурный раскол общества в условиях синодальной Русской церкви, его обострение к концу XIX века	197

Глава 7

Самодержавная и имперская государственность России. Династические, этнические, геополитические противоречия и западное влияние	210
7.1. Первые противоречия русского самодержавия: династический кризис. Смута и роль Русской церкви в ее преодолении (XVI–начало XVII в.)	210
7.2. Православное Московское царство как народная монархия. Позитивные тенденции и социально-религиозные потрясения	216
7.3. Исторические особенности Российской империи, петровское наследие в династических противоречиях и их влияние на формы государственного управления	231
7.4. Имперская государственность, создание геополитического каркаса русской цивилизации и антирусские военно-политические акции западных держав	238
7.5. «Великодержавный шовинизм» как идеологический штамп, его реальное содержание и отражение в национальной политике Российской империи	256

Глава 8

От социально-экономических и геополитических предпосылок развития рыночных связей самодержавной Руси к мир-экономике Московского царства и национальному рынку Российской империи	271
8.1. Социально-экономические и геополитические предпосылки развития рыночных связей самодержавной Руси, роль международной торговли	271
8.2. Мир-экономика Московского царства, роль государства и народной колонизации его развития (XVI–XVII вв.)	277
8.3. Становление национального рынка Российской империи	292

Глава 9

Финансовые и денежно-кредитные реформы самодержавной государственности и создание закрытой денежно-кредитной системы Российской империи	313
9.1. Податно-налоговые отношения и создание единой денежной системы централизованного Московского государства (конец XV–XVI в.)	313
9.2. Смута и усиление податно-налогового гнета. Фискальный аспект монетной регалии первых Романовых, разрушение «старой» системы денежного счета. Новые процессы монетной чеканки (XVII в.)	323
9.3. Финансовые потребности империи, податно-налоговая система и кредитно-денежные реформы Петра I и его преемников (первая половина XVIII в.)	339
9.4. Податно-налоговая система и создание закрытой денежно-кредитной системы (вторая половина XVIII в.)	354
9.5. Опыт реформирования денежно-кредитной системы на основе серебряного монометаллизма	366
9.6. Триумф рубля в условиях возникновения золотого монометаллизма закрытой денежно-кредитной системы Российской империи	380

Глава 10

Эхо русской истории в информационной войне Запада и идеологическом климате постсоветской России	389
10.1. Информационная война Запада против России: сущность, геополитические корни, обострение в современный период, негативное влияние на российский социум	389
10.2. Отечественная социологическая мысль в противостоянии информационной агрессии Запада	398

Эта книга не могла быть написана без деятельного участия моего брата Олега Владимировича Можайского, много лет проработавшего в области международных валютно-финансовых отношений в Банке России. Он помогал необходимыми материалами, советами, профессиональной консультацией, не говоря уже об обеспечении материальной стороны моей жизни.

Хотелось бы выразить благодарность Медицинскому центру Банка России за постоянную и квалифицированную медицинскую помощь в течение долгих лет, что давало возможность сохранять работоспособность, несмотря на возрастные и благоприобретенные недуги. Моим другом и хранителем долгие годы была Александра Романовна Литвинова.

Не могу не выразить также глубокой признательности Сергею Петровичу Шапталю, который всегда помогал решать проблемы самой техники и обращения автора с ней.

Глобалистский взгляд на великую евразийскую равнину, на которой сталкиваются мировые энергии – импульсы Востока и Запада, Севера и Юга, Кочевья и Оседлости, Леса и Степи, Океана и Континента, – открывает смысл России как усмиряющего и преобразующего синтеза – стабилизатора мирового масштаба.

А. Панарин

ПРЕДИСЛОВИЕ

К методологии исследования

Эта книга, с одной стороны, продолжает (в методологическом отношении), а с другой – начинает исследование исторической природы рыночных связей и денежно-кредитной системы, возникшей в рамках русской цивилизации. Это развернутое методологическое введение позволит читателю понять общие и частные закономерности развития рыночных связей и денежных отношений в процессе циклического развития Русской цивилизации с конца I тысячелетия до конца II тысячелетия, выявить их особенности по сравнению с западным обществом.

Четыре сферы затрагивают каждого человека и любое социальное объединение: религиозно-духовная константа, государственность, рыночные отношения, деньги. Вопросы государственности, рыночных связей (особенно в рамках наиболее распространенного сейчас институционального метода экономического анализа), а также денежных отношений широко исследовались в дореволюционной, советской и постсоветской отечественной социологии и истории. Но все они анализировались по-разному, а религиозно-духовные отношения всегда включались в анализ как один из факторов. В этой работе именно религиозно-духовный фактор выделяется в качестве главного, что нашло свое отражение в методологии, которая освещена в предыдущей работе¹. Однако, поскольку эта методология противостоит неким традиционным взглядам, принятым в анализе этих реалий общественной жизни, необходимо напомнить ее основные положения.

---

¹ Общие методологические основы работы изложены в начале этого исследования. Подробнее см.: *Можайскова И.В.* Рыночные связи и денежные отношения в многовековых циклах Западной и Русской цивилизаций. Книга 1. Рыночные связи и деньги в многовековых циклах цивилизаций и их развитие в западном обществе (ретроспектива). (М., 2013). Методологическое введение.

К началу 3-го тысячелетия деньги и рыночные связи стали править современным миром. Им посвящают панегирики авторы работ по истории денег в России, связывая их с постулатами свободы, воли, всеобщего благоденствия. «Деньги – великий символ добровольного обмена, а значит – символ доброй воли и свободы... Торговля и свободный рынок создали тот мир, в котором мы живем... Произвести товар может каждый, но найти нуждающегося в нем потребителя и доставить ему этот товар способна только торговля. А главным элементом торговли являются деньги – незаменимое средство обращения, платежа и накопления... Мы живем в мире денег – одного из величайших изобретений человечества. Деньги – великий инструмент, с помощью которого определяется важность и насущность наших потребностей, весомость трудов и усилий по достижению наших целей, ценность того, что мы создали – для себя и своих потомков. Парадоксально, но факт; все хотят больше денег, но мало кто знает, что это такое на самом деле!»² Эту точку зрения разделяют и крупные западные экономисты. «В действительности же сегодня теория денег относится к числу наименее согласованных областей экономического анализа, и никакой серьезный исследователь не может игнорировать этого факта или его причин...» – написано в серьезном капитальном труде по теории монетаризма³. «Деньги для экономической науки – это то же, что квадратура круга в геометрии»⁴. С этим мнением нельзя не согласиться.

Не случайно первая книга этого тома начинается с большого раздела, где анализируются все основные политэкономические доктрины трактовки денег и рыночных отношений⁵. Этот обзор меркантилизма, классической и неоклассической политэкономии, функционально-декретной природы денег (от Дж. Ло, номинализма, кейнсианства), монетаризма убеждает в том, что «...неясность по поводу понятия и природы денег по-прежнему является бичом экономической профессии»⁶. Поэтому там же предпринята попытка доказать, что постижение сущности денег и рыночных отношений требует другой методологии исследования, которая обоснована у представителей цивилизационной школы истории,

² Кауфман И.И., Никольский П.А. История денег в России. М., 2012.

³ Monetary Theory / Ed. by R.W. Clower. 1969. P. 7.

⁴ Sevens W.S. Money and the Mechanism of Exchange. London, 1975, P. 1.

⁵ Можайскова И.В. Рыночные связи и деньги в многовековых циклах цивилизаций и их развитие в Западном обществе (ретроспектива). Разд. 1.

⁶ Davidson R. Money and the Real World. New York, 1972. P. 87.

возникшей в рамках идеалистической философии⁷. Эта школа, не отрицая полностью исторического материализма, предложила другую парадигму рода человеческого, выделив не формационное, а цивилизационное начало в его развитии⁸. В этой школе история человечества рассматривается в плане существования и взаимодействия больших и устойчивых во времени (долгоживущих) особых духовных суперорганизмов. Эти обособленные структуры назывались по-разному: «культуры», «общества», «миры» и, наконец, «цивилизации»⁹.

Каждая большая цивилизация приходит в этот мир с определенной, только ей свойственной духовной константой, определяемой господствующей религией. Любая религия вносит иерархию в эту систему ценностей посредством формирования более высокого, а в высшем варианте – трансцендентного уровня конечной ориентации для всех слоев общества во множестве поколений того или иного анклава человечества (в бесчисленном потоке времени) в их соотношении как с земным миром (его организацией), так и с миром общих законов Бытия, определяемых высшими силами мироздания. Каждая религия выработала свою систему ответов на эту взаимосвязь, которую можно назвать *метаисторической идеей* данной цивилизации¹⁰. Метаисторическая идея и религиозное творчество многих поколений людей тех или иных цивилизаций образуют духовные скрепы, с помощью которых и на основе которых формируются все общественные отношения людей (политические, социально-экономические, социально-культурные и др.). Тем самым создается механизм *самодетерминации*, т.е. некоторой цивилизационной целостности, который позволяет каждой данной цивилизации существовать как самобытной структуре, соседствуя и взаимодействуя с другими цивилизациями в историческом времени человечества. При этом всегда происходило

⁷ Можайскова И.В. Указ. соч.

⁸ По их мнению, история человечества делится на два периода: первый охватывает сотни тысяч лет эволюции – от первобытных его форм (стада) до организации в форме примитивных обществ. Второй период (К. Ясперс назвал его «осевым» временем всего последующего развития человечества) – это уже цивилизационная форма бытия человечества, которая связана с возникновением его духовной интенции. Именно в этот период стала формироваться подлинная история человечества с выделением религиозно-духовной основы как доминирующего начала по сравнению с родовыми, природными, социальными, политическими сторонами.

⁹ Можайскова И.В. Рыночные связи и деньги в многовековых циклах цивилизаций и их развитие в Западном обществе (ретроспектива). Гл. 2.1.

¹⁰ Там же. Гл. 5.1.

противоборство разных духовных анклавов человечества. Именно цивилизации структурируют эволюцию человечества. Разные историки и обществоведы называют разное число существовавших в истории (от 30 до 45) и погибших (от 20 до 30) цивилизаций. В любом случае они укладываются в пределах двухзначных чисел, а не бесчисленного множества, как это имело место по отношению к государственным образованиям.

В цивилизационной школе истории второй половины XX в. (Ф. Бродель, С.Хантингтон и др.) уделяется большое значение экономическому фактору и его важнейшим составным частям – рыночным связям и деньгам – в жизни цивилизаций, но он ставится в «подчиненность» религиозно-духовным и идеологическим факторам данной цивилизации, изменяющимся в процессе их циклического развития. В отличие от традиционного положения (деньги появились в результате «договора между людьми» в неопределенном, чуть ли не племенном и родовом прошлом), в цивилизационной школе истории четко прослеживаются объективные основы появления денег в процессе формирования цивилизационной структуры мирового сообщества.

Именно цивилизационная эволюция породила четыре типа рыночных связей и соответствующих им денежных форм. Первая – мировая торговля между цивилизациями, которая выделила драгоценные металлы (золото и серебро) как абсолютные символы денег. Вторая – малые товарные миры и множество товаров-денег, разнообразных потребительных стоимостей, обслуживающих эти ограниченные ареалы обмена. Третья – мир-экономики разных цивилизаций, которые обусловили появление различных металлических монетарных систем, т.е. конкретных форм металлических денежных единиц (прежде всего монет или слитков), и их соотношение между собой (метрология), которые образовали оригинальные денежные системы разных цивилизаций¹¹.

Эти методологические подходы реализованы применительно к западной цивилизации, где выявлены особенности развития рыночных связей и денег в трех многовековых циклах этого общества, охватывающего более тысячи лет в религиозно-духовном отношении, базирующемся на католически-протестантской ветви христианства и идеологии эпохи Просвещения.

В данной книге ставится задача в рамках той же методологии провести анализ развития рыночных связей и денег в рамках рус-

¹¹ Можайскова И.В. Рыночные связи и деньги в многовековых циклах цивилизаций и их развитие в Западном обществе (ретроспектива).

ской цивилизации. Автора интересуют *долговременные* тенденции во взаимосвязи трех основных констант русской цивилизации: религиозно-духовных основ, государственность и рыночно-денежные отношения. При этом религиозно-духовные начала являются наиболее устойчивой константой во временном аспекте, хотя имеют циклическую форму развития, образуя основу многовековых циклов, затрагивающих жизнь многих поколений, в том числе их включенность в рыночные связи и денежные отношения.

Но прежде чем перейти к освещению этих тенденций, следует ответить на два вопроса. Первый: какой задел имеется в отечественной литературе по истории денежных отношений, второй: почему современная денежная система России целиком привязана к западному обществу? По этим темам в отечественной литературе имеется космическое количество работ, Интернет способствовал доступу к конкретной информации, ранее закрытой для исследователей. Но в целом в этих работах «нумизматические частности» превалируют над пониманием неких общих социологических долговременных тенденций, специфики развития рыночных связей и денег в русской истории. Точнее, в работах отечественных нумизматиков (большое количество фундаментальных работ ученых мирового уровня) анализируются специфические закономерности истории монетарных и денежно-весовых систем, различных форм денег и знаков денег в России по сравнению с Западом, но они мало связаны с характером исторических форм рыночных связей, не говоря уже об общем религиозно-духовном и государственном климате, в рамках которых они возникают. Такой подход не позволяет проследить долговременные тенденции в развитии денежных отношений России как самобытной системы и ответить на вопрос, почему рубль как национальная денежная единица, возникшая в XIV в., спустя семь столетий, в XXI в., привязана к западным денежным системам. Ответ в рамках нормализма или марксистского детерминизма нельзя признать удовлетворительным.

Только анализ рыночных связей и денег России как *Русской цивилизации* (в контексте своеобразия отдельных многовековых циклов развития) позволит выявить связь между четырьмя константами каждого многовекового цикла: его религиозно-духовными основами, формами государственности, рыночными связями и формами денег, порождаемыми ими как самобытными структурами. Формирование русской цивилизации, соответственно рыночных связей и денежных отношений, происходило в очень сложных условиях, так как она в течение длительных периодов испытывала негативное влияние со стороны как западного обще-

ства, так и кочевой степной цивилизации (монгольской империи). Поскольку западная цивилизационная структура начала формироваться примерно на столетие раньше, тема западного влияния, которое своими истоками уходит в варяжский фактор и образование династии Рюриковичей, а затем приобретает новые черты после Петра I, стала сквозной в сочинениях выдающихся русских историков¹².

Тема влияния Запада в современный период приобрела особую остроту, поскольку современная российская денежно-кредитная политика «скалькирована» с американской, а национальная единица – рубль – не имеет основы в отечественной экономике, зависит целиком от мировых цен на топливно-энергетические ресурсы. Это обстоятельство обусловило необходимость более развернутого освещения информационной войны, которую ведет Запад против России в течение последних двух столетий и его отражения в современной отечественной социологии. Мы широко используем «наработки» в этой области, содержащиеся в книге В. Мединского «Мифы о России», включая большой конкретный исторический материал, характеризующий цивилизационные особенности быта и нравов нашей страны. В книге дана краткая сравнительная характеристика рыночных связей и денег в трех многовековых циклах развития западной и русской цивилизаций с IX по XIX век.

¹² С появлением варягов начался период, который был более или менее полно рассмотрен в большинстве курсов и очерков русской истории. Излишне говорить о том, что здесь мы не в состоянии дать общий очерк русской историографии. Можно выделить только самые главные труды. С этой точки зрения первой среди них нужно назвать «Историю Российскую» В. Татищева (первый том был опубликован в 1768 г.), потому что она содержит фрагменты хроник, утраченных впоследствии. По той же причине никто из исследователей русской истории не может пренебречь знаменитой «Историей Государства Российского» Н.М. Карамзина, впервые опубликованной в 1818 г. Труд Карамзина действительно классический, а по широте интересов и знакомству с западноевропейской историографией Карамзину нет равных, в том числе и среди русских историков. Символично, что современники называли Карамзина Колумбом русской истории. Это, конечно, преувеличение, поскольку русское прошлое было открыто до него Татищевым и князем Щербатовым.

Из последующих очерков о доваряжском и варяжском периодах особенно ценны труды К.Н. Бестужева-Рюмина и М.С. Хрущевского. Следует указать «Волжский речной путь» П.П. Смирнова (1927) и «Киевскую Русь» Б.Д. Грекова (1939), глубокий историографический очерк В.А. Мошина (1930 г.). Исследования А.А. Куника и Ф. Крузе легли в основу образования «скандинавской партии» в русской историографии. Их оппонентом выступил Д.С. Лихачев (Повесть временных лет / Под ред. Д.С. Лихачева. 2-е изд. СПб., 1996. Славяне и скандинавы. М., 1986).

РАЗДЕЛ I

**Рыночные связи
и денежные отношения
в первом многовековом цикле
Русской цивилизации
(VIII–X вв.)**

Первые столетия существования русской цивилизации очень противоречиво освещены в исторической литературе разных жанров и степени их исторической обоснованности. Объемность этих источников, где частности преобладают над выявлением общих закономерностей, делают этот период терра инкогнито, т.е. неизвестным историческим пространством для профессиональных историков и социологов, не говоря уже о простых читателях. Поэтому мы попытаемся обобщить исторические сведения, которые (с учетом материалов, содержащихся в Интернете) представляются наиболее убедительными, и в очень сжатой форме выделить главные закономерности взаимосвязи этнического, политического и религиозно-духовного факторов в первые столетия существования русской цивилизации.

ИСТОКИ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: МЕСТОРАЗВИТИЕ И ДУХОВНАЯ КОНСТАНТА, СЛАВЯНСКИЕ КОРНИ, ВАРЯЖСКИЙ ФАКТОР И ДОХРИСТИНСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

Вопрос о зарождении русского народа и Русского государства – это сфера идеологической борьбы, пропаганды, столкновения больших интересов, геополитики. И соответственно, большого PR¹.

В.Р. Мединский

1.1 . Начало начал: месторазвитие и духовная константа русской цивилизации

В работе «Духовный образ русской цивилизации: опыт метаисторического исследования»² нами достаточно подробно рассмотрен вопрос о месторазвитии русской цивилизации с точки зрения традиционной и «сакральной» географии³, отраженной во многих эзотерических сочинениях⁴. В данной работе необходимо вернуться к этой теме в контексте циклического развития русской цивилизации и изменения ее месторазвития в процессе исторической эволюции. При этом особое внимание будет обращено на некоторые положения хронологического порядка, связанные с рождением новой цивилизации на фоне активной жизни Запад-

---

¹ *Мединский В.* Особенности национального пиара. PRавдивая история Руси от Рюрика до Петра. М., 2010. С. 67.

² *Можайскова И.В.* Духовный образ русской цивилизации: опыт метаисторического исследования. М., 2002.

³ В сакральной географии существует особое понимание земли (суши) и воды (океана, моря, реки), их сочетания и воздействия на духовный мир народов в каждой цивилизации. Соотношение воды и суши влияет на религиозно-духовную, политическую и социально-экономическую сторону цивилизаций, рождая теллукратические и талассократические виды цивилизаций. Суша воспринималась всегда в качестве пространства, обеспечивающего стабильность, плотность, фиксированность сакрального смысла бытия. Русская цивилизация принадлежит к теллукратическому типу цивилизаций.

⁴ *Можайскова И.В.* Духовный образ русской цивилизации... Т. 1. Гл. 6.

ной Евразии накануне и в пределах Новой эры. Для возникновения любой цивилизации требуется несколько условий, которые появляются в процессе эволюции человечества в тех или иных регионах планеты: удобное месторазвитие; достаточно плотное население; единый религиозно-духовный стержень; сравнительно высокий уровень материального развития, включая рыночные связи и градостроение. Месторазвитие – один из основополагающих факторов возникновения и развития любой цивилизации. Его эволюция подробно рассмотрена в предыдущей работе в традиционно-историческом и метаисторическом плане⁵. Напомним основные черты ее пространственного бытия на планете Земля.

На евразийском континенте русские земли занимают центральное место⁶. Выделение русского центра Евразии имеет не только географическое, но и историческое значение. Оно преодолевает евроцентристские взгляды на цивилизационное развитие мира, когда весь мир рассматривался с точки зрения человека, живущего в западной части евразийской ойкумены, которую тем не менее считали центром земли, начиная с Геродота (именно он ввел в употребление термин «Европа»). «Россия–Евразия – это центр Старого Света. Устраните этот центр – и все остальные его части, вся система материковых окраин (Европа, Передняя Азия, Иран, Индия, Индокитай, Китай, Япония) превращается как бы в “рассыпную храмину”. Этот мир, лежащий к востоку от границ Европы и к северу от “классической” Азии, есть то звено, которое спаивает в единство их все... По сравнению с русским “торосом” Европа и Азия одинаково представляют собой окраину Старого Света», – пишет П.Н. Савицкий⁷.

Многие исследователи отмечают, что по природным характеристикам (близости к морям, рельефу местности, климатическим условиям) Восточно-Европейская, или Беломорско-Кавказская, как иногда ее называют, равнина гораздо ближе к равнинам Западно-Сибирской и Туркестанской, лежащим к востоку от нее,

---

⁵ См.: *Можайскова И.В.* Духовный образ русской цивилизации... Т. 3. Гл. 17.

⁶ Месторазвитием русской цивилизации являются два огромных материковых массива – Восточно-Европейский и Сибирский. Российские земли расположены на той территории суши Земли, образование которых закончилось 500–600 млн лет назад. Они расположены на наиболее древних докембрийских платформах, составивших основные массивы современных материков, и отличаются от складчатых поясов, которые подвержены сжатиям и качаниям

⁷ *Савицкий П.Н.* Континент Евразия. М., 1997. С. 279.

нежели к равнинам Западной Европы. Названные три равнины вместе с горами, отделяющими их друг от друга (Уральские горы, горы русского Дальнего Востока, Восточной Сибири, Средней Азии, Ирана, Кавказа, Малой Азии), составляют особый мир, отличный как от стран, лежащих к западу, так и от стран, лежащих к юго-востоку и югу от него. Эти физико-географические особенности определяли многие черты ее истории.

Прежде всего следует помнить о равнинных открытых границах России, которые были и ее силой и ее слабостью, – пишет один из известных западных «русистов» Джеффри Хоскинг. – Силой потому, что давали народу России возможности распространяться на Восток, в результате чего Россия, колонизировала фактически всю северную Азию, оккупировав в конце концов одну шестую земной поверхности. Слабостью, потому что благодаря им Россия была более уязвимой для нападения с востока, с юга и особенно в последние столетия с запада». Вывод, который делает этот социолог, вполне убедителен⁸. «По этой причине все российские правительства выдвигали защиту своей территории в качестве главного приоритета, в чем находили чистосердечную полную поддержку своего населения. *Национальная безопасность была в действительности чем-то большим, нежели приоритет, – одержимостью, которой при необходимости все остальное приносилось в жертву при восторженном одобрении народа*»⁹.

Что касается метаисторических особенностей русской цивилизации, то они в значительной степени также связаны с территориальной средой ее возникновения и пространственной экспансией. Значение этой константы в развитии цивилизаций отмечают социологи и историки, работающие в области геополитики, сакральной географии; этнографы, занимающиеся происхождением индоевропейских народов; исследователи дохристианского сакрально прошлого Руси (Ю.П. Миролюбов, С.А. Лесной, А.И. Асов, В.Т. Демин и др.).

Эти особенности месторасположения земли русской на евразийском континенте – ее огромность, континентальность, повернутость «фасадом» к Ледовитому океану, некая обособленность и вместе с тем соприкосновение (или, точнее, возможность кон-

---

⁸ Хоскинг Дж. История Советского Союза 1917–1991. М., 1995; Школа славистики и восточноевропейских исследований. Лондонский университет, 1989. С. 14.

⁹ Там же.

тактов) с большинством ранее сложившихся цивилизационных структур – несут в себе в себе сакральный или метаисторический смысл. *Евразийский континент отличается от других материков тем, что это единственное место на планете, где могли происходить великие переселения народов.* И уже этот фактор выделяет особую роль севера-запада евразийского континента (впоследствии исконно русских земель) в образовании многих этносов и цивилизаций Старого Света.

Речь идет прежде всего о Гиперборее¹⁰. Современные этнографические, геологические данные свидетельствуют о существовании в далеком прошлом огромной полярной области (преимущественно Российского Севера – Арктиды.) Эти земли были заселены тогда протоиндоевропейцами, которые вошли в историю под названием гиперборейцев. Эта северная область, изменив свой природно-климатический облик, в основном исчезла с лица земли в результате катаклизма, который привел к похолоданию и оледенению Планеты. По древним индоарийским представлениям, символ полярной отчизны – золотая гора Меру, которая возвышалась на Северном полюсе, была окружена семью небесами. Русская поговорка «На седьмом небе» отражает этот миф. «Именно гора Меру, упоминаемая еще в Ригведе и подробно описываемая в “Мабхарате”, – пишет В. Демин в книге «Тайны русского народа»¹¹, – вселенский символ доиндоевропейских и индоарийских народов, однозначно указывающий на истинную прародину человечества – полярные заполярные и приполярные области современной Евразии, где климат в те далекие времена (начальная точка отсчета 40 тыс. лет до новой эры), согласно многочисленным научным данным, был совершенно иным. Отсюда постепенно мигрировали прапредки современных народов, составлявших ранее единое целое и говорившие на общем для всех языке».

От этой гипотезы отталкивается в своей концепции прародины человечества великий русский космист Н.Ф. Федоров. В «Философии общего дела» он выделяет такие общезначимые мировые центры для человечества: вселенская полярная гора Меру – ось мира, Памир – «могила праотца» и бывший рай (Эдем), куда, согласно апокрифическим преданиям, Ной во время потопа вывез тело или прах первочеловека Адама и где «покоятся забытые предки всех арийских и неарийских племен (Изафета, Сима, Хама)¹².

Роль русской Евразии в образовании цивилизационной структуры мира подробно исследовал А. Дугин¹³, который доказывал, что ги-

¹⁰ Подробнее см. в: *Можайскова И.В.* Духовный образ русской цивилизации... Т. 1. Гл. 6.

¹¹ *Демин В.Н.* Тайны русского народа. М., 1957.

¹² *Федоров Н.Ф.* Соч. Т. 1. С. 204, 205, 226.

¹³ *Дугин А.* Гиперборейская теория (Опыт ариософического исследования). М., 1996.

перборейское существование человечества длилось тысячи лет и что именно отсюда (по мере изменения климата планеты) происходило переселение отдельных ветвей человечества на запад (к северной Атлантике), на восток (через Северный Урал) и на юг, где впоследствии образовались первые древние цивилизации на великих реках древности (Тигре, Евфрате, Ниле и др.).

Предпринимались попытки связать начало русской истории со Священным Писанием, с Библией. Поскольку правнука Ноя, великого праведника, спасшегося в Ковчеге со всеми зверями и растениями во время Всемирного потопа, якобы звали Скифом, а его сыновей – Словеном и Руссом, делались выводы о том, что славяне и русские происходят непосредственно от праотца Ноя. Более трех веков назад появились списки русской легенды о скифских князьях Словене и Руссе, имевших братьев и родича – библейского Мешеа. По христианской хронологии, князья около 2395 г. до н.э. вышли к озеру Мойско (Ильмену) и основали города Словенск (будущий Новгород) и Руссу (ныне Старую Руссу).

В Священном Писании можно обнаружить упоминание о том, что апостол Андрей Первозванный посетил Скифию, области к северу от Черного моря. По одним версиям, св. Андрей побывал в греческих городах Причерноморья; по другим – в Приднепровье в районе Киева¹⁴.

Не может не представлять интереса и версия места и время рождения русского цивилизационного эмбриона в астрологической интерпретации.

Астрологи связывают эту дату с особыми временными циклами космических созвездий, предсказывая смену эпохи Овна эпохой Рыб и приходом христианства¹⁵. «Это место должно представлять собой хорошо обжитую местность IX века; быть удобным в геоклиматическом, транспортном и торговом отношении; принадлежать к славянскому этносу; упоминаться в летописях, фольклоре, обладать материальными свидетельствами как в языческой, так и раннехристианской культуре», создавать достоверную рабочую сетку астрологических Домов в гороскопе России, подтверждаемую событиями. «День рождения России находится в интервале 4–7 февраля 837 г.», – пишет П.Свиридов¹⁶. «Из все известных исторических мест, связанных

¹⁴ В.Н. Татищев вел родословную славян от скифов. Татищев именовал их скифами гиперборейскими, что перекликается с эзотерическими версиями возникновения руссов. Праотцом русских Татищев считал Мосока – шестого сына библейского Яфета (Иафета) и внука легендарного Ноя. Эту точку зрения поддерживали Ломоносов и Забелин.

¹⁵ Во времена раннего христианства рыба считалась символом Христа, а само слово «рыба» (греч. *ichthios*) можно образовать из первых букв греческих слов Иисус Христос, Сын Божий, Спаситель.

¹⁶ Свиридов П.В. Миф эпохи Водолея. М., 2000. С. 87.

с IX, наше внимание привлекла Старая Ладога на реке Волхв. Археологами и историками в многочисленных трудах доказано, что это был славянский город по крайней мере, с VIII века, который развивался на первоначальном месте в последующие века»¹⁷.

Кроме месторазвития, тема начала начал русской цивилизации требует освещения еще одного кардинального вопроса – метаисторической идеи этой новой структуры. Каждая большая цивилизация приходит в этот мир с определенной только ей свойственной духовной константой, которая реализуется многими столетиями, а иногда и тысячелетиями, которую можно назвать *метаисторической идеей* данной цивилизации. Эта тема нами исследовалась достаточно обстоятельно в предыдущих работах¹⁸.

Согласно концепции цивилизационной школы истории религия, приходящая «добровольно» или «насильственно» насаждаемая власть предрержащими в тех или иных анклавах планеты, всегда сталкивается с другими духовными мирами, ранее существовавшими у населения этих пространств. В результате рождается некий религиозно-духовный симбиоз, формирующий долгосрочную метаисторическую идею этой цивилизации. В западной цивилизации евангельское христианство, столкнувшись с языческой стихией древних германцев, породило *фаустовскую метаисторическую идею* с ее жесткими волевыми и кровавыми основами, на базе которых выросли потом католическая церковь и все формы протестантизма¹⁹.

Обобщая тысячелетнюю российскую историю, отечественная религиозно-философская мысль сформулировала Русскую Идею, которая отражала духовное своеобразие этой цивилизации в ряду других и ее отличие от западной. Русская цивилизация предложила человечеству другие ориентиры. Какие? Попытка ответа на этот далеко не риторический вопрос содержится в русской религиозно-философской мысли. Эта проблема достаточно подробно проанализирована нами ранее²⁰ и может быть введена в эту работы

¹⁷ Свиридов П.В. Миф эпохи Водолея. М., 2000. С. 94.

¹⁸ Можайскова И.В. Духовный образ русской цивилизации...; Рыночные связи и деньги в многовековых циклах эволюции цивилизаций и их характерные черты в развитии Западного общества (ретроспектива).

¹⁹ Подробнее см.: Можайскова И.В. Рыночные связи и деньги в многовековых циклах эволюции цивилизаций и их характерные черты в развитии Западного общества (ретроспектива).

²⁰ Можайскова И.В. Духовный образ русской цивилизации...

только в виде выводов, характеризующих внутреннюю глубинную ее суть. Отметим только, что эта формулировка русской идеи дается на основании обобщения многих положений, содержащихся в работах «русских космистов», в частности Федорова, Соловьева, Булгакова, Лосского, Андреева и др. «Русская идея» как метаисторическая константа русской цивилизации содержит три основных постулата.

Всеединство, т.е. выявление единых онтологических корней человечества, где каждый народ является обособившейся частью рода людского. Федоров уверен, что если первоначальное единство стало залогом их победы как вида *homo sapiens*, дало возможность утвердиться на всей планете, то новое внеродовое, внеземное единство, к которому вынуждено будет прийти человечество, если захочет просто выжить, поможет ему не только вырваться из нынешнего тупика, но выйти на новое положение уже во Вселенной, как существ одухотворенных, бессмертных, оплативших свой долг природе и ставший ее творческим регулятором²¹.

В выдвинутом русскими философами постулате всеединства как основы русской идеи важна мысль о иерархии ценностной триады, которая здесь трактуется как особая взаимосвязь человечества, народа и личности. Реализация личности может происходить только посредством народного мирочувствия, так как полноценная личность формируется на том генетическом фундаменте, который возник еще у его предков (ближних и дальних), живших на данном куске земли с его природными стихиями, особым складом языка, психики, способом думать и понимать мир.

Синергия – это сотрудничество Божественной и человеческой энергии в преобразении тварного мира, непосредственной реализации догмата Троицы – заповеди в духовной и социальной жизни, а через это всеобщего восстановления и преобразования бытия. В историческом христианстве был дан Богочеловек, открылась правда о личном небесном спасении, но не была сформулирована идея богочеловечества и соборного спасения. А между тем идея соборного спасения – это провиденциальная цель истории, осуществляемая через посредничество Христа как воплощения (ипостаси) Святой Троицы. Призвание России – стать инициатором процесса тесного объединения божественной и человеческой энергий в теургическом делании, избавлении мира от законов падшего материального естества и введения его в эволюционный, но высший тип бытия – Царство Божие.

Обожение (преображение) – это достижение человечеством духовного благоденствия в процессе нормальной эволюции на пути в Царство Божие. В активно-христианском идеале речь идет о длительном процессе все большего объединения человечества, «о братотворении», о гармонизации человеческой природы, о медленном органическом вращении в новый «небесный тип бытия».

²¹ Федоров Н.Ф. Соч. Т. 1. С. 27.

Эту религиозно-духовную метаисторическую константу русской цивилизации, отличной от западной, отечественная православная философская мысль смогла сформулировать только, обобщая многие столетия ее развития и испытания в отстаивании своей духовной идентичности. При этом необходимо отметить, что эти положения, уловленные религиозно-философской мыслью, скорее, свидетельствуют о тех потенциях, которые содержатся в духовных интенциях русской цивилизации, дарованные ей Высшими силами мироздания, нежели в их фактическом историческом осуществлении, хотя русское православие в конкретном историческом процессе стремилось и стремиться к осуществлению этих высоких духовных заветов. Но эта миссия будет нами рассматриваться в разных аспектах на протяжении всей работы.

От легендарно-астрологических версий и метаисторических вопросов, характеризующих начало начал русской цивилизации, целесообразно обратиться к более или менее достоверным историческим свидетельствам зарождения русской цивилизации, хотя и их в силу противоречивости, идеологизированности и политизированности у разных историков (отечественных и зарубежных) можно рассматривать как далеко не достоверные версии воссоздания прошлого.

1.2. Русский эмбрион истории на фоне этнических бурь Западной Евразии VI–VIII вв. Славянские корни этнонима «рос» (Русь, «русский»)

«Имя народа, равно как и имя человека, – самое первое его определение. Это какой-то базовый, изначальный, корневой и буквально подземный PR, касающийся этнического начала и начальной государственности. Важнейшая составляющая самоопределения. Собственного имиджа, если угодно», – пишет Мединский²². Обратим внимание на слово «русский», которое в современной политологии приобрело особенно важное значение как один из аспектов идеологической борьбы Запада против России. Идеологическая суть этого вопроса состоит в желании внедрить в общественное сознание идеи «импортного» происхождения этого названия-символа, которое в конце 1-го тысячелетия якобы было дано скандинавами таким неисторическим народам (выражение Гегеля), как славяне. Это утверждение основывается на лингвистике, точнее на

²² Мединский В. Особенности национального пиара.

выделении корня «gos» в названиях этнических групп в Скандинавии и в летописях, которые появились хронологически уже в Новой истории²³. Поэтому мы попытаемся прояснить эту проблему не только в лингвистическом, но и в этнологическом плане.

Начнем с лингвистики – корня «gos». Его возникновение связано не с Западом и уж тем более не с одним из его народов. Первоначально оно возникло для обозначения народа или земли, в которой много света, а это север планеты. Его появление уходит в глубину веков и проявляется в нерасчлененной этнологической общности, с которой, собственно, и начинается человечество. Земля была основательно заселена 10–12 тыс. лет назад, но затем произошли географические катаклизмы и сопряженные с ними изменения климата, сопровождавшиеся в северных широтах наводнением и всеобщим похолоданием. Точное время катастрофы, случившейся на севере, не установлено. Можно лишь косвенно судить о ней по волнам миграции и оставленным археологическим следам. Языком, наиболее приближенным к праязыку, считается санскрит. Поэтому русы, этноним «русский» и топоним «Русь», по одной из версий, сопряжены с санскритским словом «gusa» и общеславянским «русы» в смысле «светлый». Затем это слово в том же значении будет неоднократно встречаться в этнологической круговерти народов в середине 1-го тысячелетия, оно связано не с северным народом (викингами), а с одной из ветвей славянства (об этом подробнее ниже).

---

²³ Утверждают, что название «Русь» и «русские» имеет скандинавское происхождение, связывая его с названием племени, обитавшего на шведском побережье к северу от Стокгольма, жителей которого звали русс. Этот корень входит в слово *gospiggar*, в древнеисландские слова *gorsmenn* или *rosaria*, означающие «гребцы, мореходы», с *Ruotsi* – именем одного из трех варяжских братьев, призванных править на Руси.

Вся аргументация первых норманистов была построена на том, что название «Русь» распространяется с севера на юг. Чтобы это утверждать, нужно бы сначала доказать, что племя русов возникло где-то в Скандинавии и оттуда пришло в Новгород. В таком случае это название должно было бы упоминаться в скандинавских сагах. В последних название Русь (*Rusland*) относится уже к организованному русскому государству XI–XII вв., но даже в этом случае оно редко упоминается, поскольку Русь называлась *Jardariki* – «царство замков».

В арабских источниках слово «русы» (*ar-Rus*) служило для обозначения всех обитателей лесной полосы Восточной Европы безотносительно к их языковой и этнической принадлежности, в частности так именовали славяноязычных чехов и поляков, германоязычных саксов, тюркоязычных волжских булгар и самих русов. www.tradition-ru.org/wiki/Русский_каганат.

*Этнологический*²⁴ анализ позволяет отнести возникновение термина «русский» (применительно к определенным этническим группам населения Западной Евразии) к середине 1-го тысячелетия Новой эры, к эпохе Великого переселения народов. Но этническая жизнь Западной Евразии уходит в глубину веков. «Хотя население Западной Евразии было редким, страна не представляла собой пустыню. Человек жил здесь многие тысячи или, скорее, десятки тысяч лет до Рождества Христова. Именно в далекой древности сложились его основные занятия на всей территории Евразии; приспособляясь к природным условиям, человек создал раннюю экономику, а культурные традиции постепенно сформировались для передачи его потомкам... Разбросанные по евразийским равнинам, поселения доисторического человека не были изолированы друг от друга. Отношения как мирного, так и военного плана устанавливались между различными группами в первобытный доклановый период (дородовое общество) и в период более организованной родовой жизни, что обуславливало разнообразные формы этнического многообразия»²⁵. К этим формам этнической жизни следует отнести стихийное передвижение больших групп народов, носившее военно-грабительский характер, иногда с участием лишь молодых мужчин, иногда с участием женщин и детей данного племени (хотя часть его оставалась на старом месте). При всех многочисленных вторжениях разных народов в земли Евразии всегда была некоторая часть населения, которая не мигрировала в другие регионы. «Оказывается, что время от времени новые правящие роды захватывали контроль над страной, и, несмотря на то, что некоторые группы эмигрировали, большинство местного населения оставалось, лишь принимая примесь крови пришельцев»²⁶.

---

²⁴ Удивительно, что в выявлении термина «рус» социологические разработки в области этнологии как интенсивно развивающейся науки в обосновании этого вопроса не используются современными историками. А именно они вскрывают формы, которые способствовали рождению новых этносов, включая разнородные процессы: ассимиляцию, поглощение одного этноса другим с полным забвением происхождения и былых традиций; метизацию, при которой сохраняются и сочетаются традиции предшествующих этносов и память о предках; слияние, при котором забываются традиции обоих первичных компонентов и рядом с двумя предшествующими (или вместо них) возникает новый этнос с новым названием.

²⁵ *Вернадский Г.В.* Древняя Русь. М., 1940. С. 26–27.

²⁶ *Там же.* С. 69.

Этническая характеристика населения этой части планеты к началу 1-го тысячелетия новой эры имеет ряд особенностей. На этнической карте Европы, приведенной во «Всемирной истории», к началу 1-го тысячелетия в рамках Западной Европы выделяются в качестве преобладающих *немецкие и кельтские племена*. В Средней и Восточной Европе *финно-угорские племена* занимали большую часть территории современной Русской равнины – междуречье Оки и Волги до Ледовитого океана, *лето-литовские племена* – значительную часть Средней Европы с выходом к Балтийскому морю и узкой полосой через Днепр, вторгавшиеся в центр Русской равнины, *фракийские племена* – Балканский полуостров. Все области, примыкающие к Черному и Азовским морям, и, стало быть, низовья Дуная, Буга, Днестра и Крымский полуостров занимали *скифо-сарматские племена* (в VIII в. до н.э. – II в. н.э.). В северной своей части Скифия соприкасалась со славянскими племенами²⁷.

Славяне – важная этническая составляющая Восточной Евразии. «Сумма фактов, которыми мы располагаем, заставляет нас понять, что прародина славян лежала в области, охватывающей истоки Дуная, Эльбы, Одера, Вислы и Днестра. На севере они достигали южного побережья Балтики и были остановлены в своем распространении морем... Скандинавия через Ютландию и многочисленные острова была заселена германцами, образовавшими уже этническое препятствие для перехода славян в Скандинавию. На западе славяне доходили до Везера. Южная граница их не выяснена. Во всяком случае они жили на южном берегу Дуная. Такое положение уже сложилось к началу нашей эры, поэтому мы имеем все основания считать славян “автохтонами” Европы. Никакого нашествия славян на Европу не было. Они развивались на месте. Это самый большой народ в центре Европы с начала нашей эры»²⁸. Но уже тогда выделялись три основные группы славян, со своими особыми религиозно-духовными и культурными традициями: западная, средняя и восточная.

«Можно предположить, что во время рождения Христа места обитания *западных славян* были в регионе средней и верхней

---

²⁷ Скифы появились в Причерноморье примерно в VII в. до н.э., ареал их проживания распространился далеко на север и Сибирь. Уровень культуры скифов был сопоставим с уровнем эллинской и латинской. Скифы оказывали влияние на протославян, живших вблизи, вступая в браки. Поэтому скифский период является неотъемлемой частью этнической истории славян.

²⁸ *Лесной С.П.* Откуда ты, Русь? С.115.

Вислы; поселения *средних славян* простирались от Карпат до среднего Днепра, в то время как кланы *восточных славян* распространились по северной кайме...по Левобережной Украине или Слобидшине (Харьковская, Курская, Полтавская, Воронежская губернии). Некоторые восточнославянские группы, возможно, проникли и дальше на юг, по направлению к региону нижнего Дона. Каждая из этих групп испытывала влияние соседствующих племен: западная (венетов) – германцев, средняя (склавленов) – тюркского и восточная – народов иранского происхождения. Особенно велико сначала было влияние аланов – иранского племени, которые вторглись в Южную Русь. Аланы пустили здесь наиболее глубокие корни и вошли в тесную связь с местным славянским населением. «Хотя аланы произошли из типичных кочевников, со временем некоторые из их кланов перешли к оседлости. Предполагают, что существовали антские (ассо-славы) и русские (рухс-ас) соединения даже в западной аланской орде. В результате миксикации славян и некоторых аланских племен выделяется восточнославянское племя *антов* (впервые встречается в керченской надписи III в. н. э.). Название анты иранского происхождения»²⁹.

Анты занимали зону лесостепи между Днестром и Днепром к востоку от Днепра. К антам можно отнести племена северян, радимичей, вятичей, полян, уличай, тиверцев. Писатели VI и VII вв. (Иордан, Прокопий Кесарский, Менаандр, Иоанн Эфесский и др.) называют восточных славян антами, отделяя их от других ветвей славян – склавленов и венетов. Арийскую (иранскую) привязку к восточным славянам Вернадский считает весьма существенной: «Около 370 г. н.э., – пишет он, – на передний план выходит племя антов, которое, как мы полагаем, первоначально контролировалось аланскими родами, некоторые из них стали известны как рухс-ас (светлые-ас). Возможно, от их имени произошло слово Русь. В любом случае именно с антов начинается собственно русская история (курсив мой. – И.М.), учитывая, что уже в III–IV вв. небольшие кланы славянского племени антов создали племенные союзы и объединения государственного типа»³⁰.

²⁹ Вернадский Г.В. Древняя Русь. С. 69.

³⁰ Вернадский Г.В. Древняя Русь. С. 139. Политическая демократия в период первоначальной жизни антов (по сведениям византийского историка VI в. Прокопия Кесарийского), когда все общественные дела обсуждались на собраниях кланов и племен, не исключала наличия класса аристократии, «архонтов», антских князей, а затем царя.

В конце I в. н.э. на территории Западной Евразии появляется еще одна этническая группа – *готы*, германские племена. *Скандинавский фактор* – самый дискуссионный вопрос в русской историографии³¹. Уже в I в. н.э. готы переместились к южному побережью Балтийского моря, откуда затем двинулись в причерноморские степи. В середине IV в. в Западной Евразии сложились три политически оформленные этнические группы: *сарматы*, *анты* (славяне)³² и *готы*. Считается, что отношение между готами, антами и сарматами были в целом дружественными. Но положение изменилось, когда в середине IV в. н.э. сформировалась сильная федерация готов, которую возглавил один из племенных вождей Германарих.

Его провозгласили королем остготов, и он начал агрессивную политику по отношению к неготским племенам. Усилив свою власть на юго-востоке, Германарих обратился на северо-запад, решив подчинить славянские племена запада и начал кампанию против венетов. Чтобы проникнуть в землю венетов – в регион верхней Вислы, остготы должны были пересечь либо землю антов (район Южного Буга), либо землю склавен (район Киева), которые в связи с этим частично мигрировали на север, но оставшиеся признали власть готов. (В VI в. в числе славянских племен (наряду с венетами и антами) упоминаются склаваны (словене), которые мигрировали в район озера Ильмень.)

---

³¹ Экспансия скандинавов на материк возникла в начале Новой эры. Из-за суровости скандинавского климата и природных условий человек мог обеспечить там свое существование, приложив значительно больше усилий, нежели жители территорий с более плодородной землей. В таких случаях не оставалось другого варианта, кроме эмиграции, хотя бы части племени. Скандинавия богата железом и древесиной, поэтому у ее жителей было достаточно материалов, необходимых дляковки оружия и строительства кораблей.

Напомним, что готы играли большую роль в жизни Западной Европы. Великое переселение народов – движение с востока на запад варварских европейских племен, начавшееся во второй половине IV в. под напором вторгнувшихся из Азии в Европу гуннов, – заставило часть готского племени – вестготов, живших в низовьях Дуная, перейти границу Римской империи и поселиться на римской территории. Вестготы грабили римские провинции и основали королевство в южной Галлии и Испании. На юге Испании некоторое время держалось германское племя вандалов, вскоре переселившееся в Северную Африку. Другая ветвь готов – остготы – завладела Италией. Германскими племенами были заняты и остальные области Западной Римской империи: в Британии утвердились англосаксы, в юго-восточной Галлии – бургундцы, в северной Галлии – франки, впоследствии распространившиеся по всей Галлии, получившей название Франции.

³² В современной исторической литературе вместо термина анты употребляются термины русоланы, аланы-руссы, руссы, ассы, яссы, рухс-ассы.

Предполагают, что отступая от Германариха, венеты и склавены переместились дальше на север. Возможно, в это время племя склавинов мигрировало из региона среднего Днепра вверх, чтобы в конце концов осесть вокруг озера Ильмень³³. Война против венетов закончилась победой Германариха, и королевство Германариха одно время простиралось от Черного до Балтийского моря, оставив свои «зарубки» в славянском языке (князь, шлем, меч). Это был первый, как считает Вернадский, скандинавский след на Русской земле.

Затем на арене евразийской истории появились *гунны*, которые вступили в военное противостояние с готами.

Отступающие под натиском гуннов готские отряды должны были пересечь территорию антов. Анты отказались пропустить готов через свою территорию. Между антами, жившими в районе Буга, и остготами началась война, которая шла с переменным успехом. Но в этой войне был эпизод, запечатленный русской историей. Захваченный готами антский царь Бож (Бус) был распят вместе со своими сыновьями и 70 антским вождями, что впоследствии нашло свое отражение в русском эпосе: автор «Слова о полку Игореве» вспоминал «время Бусово».

Гуннское вторжение принесло громадные изменения в геополитические процессы в Западной и Восточной Европе, определило положение анто-славянских племен. «Уничтожив могущество остготов, гунны предотвратили возможность германизации анто-славян в Южной Руси. Более того, остатки иранских племен в Южной Руси также были ослаблены. Значительная часть антов двинулась на запад, следуя к исходу готов. В результате роль иранского элемента в жизни ас, или антских племен, уменьшилась, в то время славянское влияние возросло. Эпоха гуннского вторжения является, таким образом, в определенном смысле периодом освобождения восточных славян не только от готского, но также от иранского контроля. Привлекая славянские подразделения в свою армию и используя их как вспомогательные во время своих кампаний, гунны научили военному делу анто-славян»³⁴.

В середине 1-го тысячелетия бесчисленные народы запада, востока, юга и севера столкнулись на территории Западной

---

³³ Славяне вклинились между финскими и литовскими племенами, духовная и материальная культура которых оказала влияние на эту ветвь славянства. И не случайно впоследствии именно новгородская часть славянства долго противилась принятию христианства.

³⁴ Вернадский Г.В. Древняя Русь. С. 265.

Евразии, после распада империи гуннов. В эпоху Великого переселения народов выделяется особая роль славянства. После смерти Атиллы (453 г.) гуннская империя раскололась на несколько улусов. С ослаблением гуннского могущества анты и склалены появились на исторической арене в качестве независимой политической силы.

В конце V в. большая полиэтническая группировка, включавшая славянские племена, начала движение на восток, а также на юг и к Дунаю, в Северо-Западное Причерноморье. Началось вторжение в балканские провинции Византийской империи. Именно тогда племена разделились на две группы – антов, пращуров жителей Киевской Руси, вторгавшихся на Балканский полуостров через низовья Дуная, и склаленов (славян), нападавших на византийские провинции с севера и северо-запада.

На территории современной Молдавии и Украины тогда сформировалось государство антов. Однако его развитие приостановила новая волна кочевников – аваров. Часть племен, заселявших Алтайский горный регион, включая смешанные кланы тюрков, монголов, маньчжур, в середине VI в. достигла рубежей Северного Кавказа, прорвалась через восточное побережье Азовского моря и приблизилась к родине антов Бессарабии (современной Молдавии). Анты были побеждены.

Вторжение авар нарушило баланс сил в северном Черноморье и тем самым открыло новый период в жизни народов Западной Евразии, особенно повлияв на судьбы антов.

Государство антов в Бессарабии было разгромлено аварами, но часть антских племен осталась в Нижнедунайском регионе, иногда присоединяясь к аварам в набегах на Византийскую империю. Во второй половине VI – начале VII в. анты стали расселяться во Фракии к югу от Дуная. Аварский период характеризуют как время антско-славянской колонизации Балканского полуострова. С начала VI в. анты вместе с родственными им склаленами вели наступления на балканские владения Византии. Сначала это были набеги для захвата пленных и добычи, но в середине VI в. часть антов и склаленов осталась на Балканах³⁵. Нельзя не отметить также усиление связи антов с Византийской империей: в черноморских степях анты служили Византии (VI в.), они даже формально признали суверенитет императора, и Юстиниан вскоре присоединил к своему титулу эпитет «антский».

---

³⁵ Заметим, что колонизация Балканского полуострова была результатом не переселения, а расселения славян, так как они удерживали свои старые земли в Центральной и Восточной Европе.

В VI–VII вв. активно заявили о себе восточные этнические группы – тюрки, болгары, угры, но при этом славянский фактор не уходит с политической арены.

В середине VI в. тюрки появились у границ Туркестана, дав название этому краю. Там часть их осела, а другая часть достигла восточного региона Северного Кавказа и нижней Волги. Западная орда тюрков не была многочисленной, и завоеванные ею местные племена сохраняли свое самоуправление, причем этнический состав племен был микшированным. Они включали и ассов, и сарматов, и гунно-болгар, и угров.

В V–VI вв. одно из смешанных племен стало известно как *хазары*. Вместе с другими местными племенами хазары признали над собой тюркское господство примерно в 570 г. В скором времени они стали верными сторонниками тюркского государства и постепенно смешались с тюрками. Ко времени, когда западная тюркская орда на Северном Кавказе отделилась от главной орды в Туркестане, хазары уже составляли основу северокавказского государства – хазарского каганата. Влияние хазарского государства (каганата) было велико.

Это было связано с тем, что в каганат входили не только собственно хазарские земли, но и земли племен, подчиненных хазарам, пользующихся некоторой автономией. Основное ядро земель хазарского каганата включало северокавказскую территорию и треугольный выступ к северу между нижним Доном и нижней Волгой; степи и пустыни к востоку от Волги до реки Яик. Это значит, что восточная граница хазарских земель включала Каспийское побережье от устья Яика до Дербентского пролива (Дербентских Ворот). Они охранялись мощным хазарским гарнизоном. По Главному Кавказскому хребту проходила южная граница (Дарьяльское ущелье), она охранялась аланами, которые были подданными хазар. На западе граница проходила по Черноморскому побережью от устья Кубани до Керченского пролива (город Боспор, Керчь). Азовское море образовывало естественную северо-западную границу. Хазарской крепостью была Тмутаракань (название, должно быть, происходит от алтайских слов «тма» – военный отряд 10 тыс. человек и тархан – вождь, который устроил свой штаб в дельте Тамани). Столицей каганата был город Итиль, расположенный в дельте Волги.

Хазарский период на в этой части Евразии совпал по времени с существованием другой мощной политической структуры на средней Волге – Волжской Булгарией, которая была создана другими восточными народами. Возникновение этого государства связано

с событиями VII в. в Причерноморье, когда происходило объединение болгарских и угорских (мадьярских) племен в Причерноморье. Тогда возникла так называемая Великая Булгария. После смерти ее основателя она была разделена между сыновьями на отдельные орды, каждая из которых должна была противостоять тюрско-хазарскому натиску, к чему они не были готовы. Поэтому болгарские орды были вынуждены искать другие безопасные регионы. Одна часть болгар проникла в дельту Дуная (в Добруджию) и впоследствии слилась с анто-славянскими племенами, появился новый народ по языку и культуры – болгары. Другая орда осела в районе средней Волги и Камы. Так появились волжские болгары, которых считают предками современных чувашей (их называют серебряными из-за серебра, ввозимого из-за Урала, или «черными» – северными, поскольку по китайской традиции север имел черный цвет). Центр государства располагался в регионе средней Волги и Камы.

Скандинавы также принимали участие в этой схватке этносов на территории Западной Евразии. Согласно трактовке этого вопроса Вернадским еще в V в. скандинавы широко исследовали южный и восточный берега Балтийского моря, а в VI в. часть из них расселилась в устье Западной Двины³⁶. Упрочив контроль над ливонским побережьем, варяги стали глубже проникать на материк.

Характеризуя этнические изменения 1-го тысячелетия новой эры, можно сделать вывод, что славяне заявили о себе как активная политическая сила. Поэтому первые три века после Великого переселения народов (VI– VIII вв.) характеризовались широким распространением славян в лесостепных и степных областях. Славянской колонизации здесь, как не кажется странным, способствовала именно могущественная Хазарская орда, утвердившаяся на нижней Волге и нижнем Дону. И хотя каган орды облагал славян данью и приезжавших в Хазарию славянских купцов пошлиной, хазары не пропускали в южные степи кочевников с юга. На востоке предел распространения славян в лесистом Поволжье ограничивала могущественная Булгарская орда.

---

³⁶ В VII в. у королей Южной Швеции были заморские владения в Курляндии. К началу VIII в. Ливония и Эстония были частью королевства Ивара, короля Южной Швеции и Дании. Упрочив контроль над ливонским побережьем, варяги стали глубже проникать на материк.

Нельзя не отметить, что расселение славян по южным лесостепным и степным областям Западной Евразии сопровождалось их движением на север и северо-восток, в лесные регионы бассейнов Западной Двины, Чудского озера и Ильменя, верхнего Днепра, верхней Волги и Оки. Эти территории были редко заселены литовскими и финскими племенами.

К VI–VII вв. славяне заняли Верхнее Приднепровье и его северную часть, принадлежащую ранее восточным балтам и финно-угорским племенам, а также земли по нижней Эльбе и юго-западному побережью Балтийского моря, образовав крупную этническую группу полабских славян.

В VII–VIII вв. образовались племенные объединения на территории будущей Белоруссии – дреговичи (занимали Полесье и часть Средней Белоруссии), радимичи (бассейн р. Сош), кривичи (Подвижье и верх Поднепровья).

Начиная с VIII в., поляне занимали Среднее Приднепровье, северяне – бассейн рек Десны, Сейма, Суллы, древляне – Днепропетровское Полесье, белые хорваты – район Карпат и бассейн Днестра, дулебы-волыняне или бужане жили между Западным Бугом и Припятью, уличи – между Южным Бугом и Припятью, тиверцы – между Днестром, Прутом и Дунаем.

В VIII–IX вв. Волжско-Окское междуречье, которое населяли финно-угорские племена (весь, мурома, мещера, голядь балтийского происхождения), стали занимать славянские переселенцы – новгородские словены, смоленские кривичи, вятичи.

Усиливается политическая интеграция славянских племен. Политическое государственное образование восточных славян, о котором упоминают византийские источники и более поздние арабские, сложилось в конце VII в. на Волыни, в Верхнем Поднепровье и Побужье. Оно называлось историками «державой волынян» и возникло из племенного союза волынян. В VII в. крупные славянские племенные союзы государственного типа возникают не только на Балканском полуострове, но и в Приднепровье, на Севере, где центром племенного союза была сначала Старая Ладога.

В этой политической борьбе со многими этническими племенами – булгарами, особенно уграми – славяне, как не кажется парадоксальным, вступают в союз со скандинавами, которые присваивают себе название одного из славянских племен. «Мы уже говорили, – пишет Вернадский, – о многих случаях раннего употребления названия “Русь” или “рось” в Южной Руси. Вряд ли можно отрицать, что оно существовало там по крайней мере с

четвертого века. В качестве резюме наших предшествующих доводов следует сказать, что само название изначально было связано с одним из аланских кланов – светлыми асами (рухс-асами). Не позднее начала девятого века название присвоили себе шведские воины... Как мы увидим впоследствии, в связи с приходом князя Рюрика в Новгород (около 856 г.) была предпринята попытка, так сказать, “пересадить” название “Русь” с юга на север и связать его происхождение с кланом Рюрика. Но эта новая теория была продиктована политическими соображениями и ни в коем случае не распространяется на подоснову древней русской истории»³⁷.

Возвращаясь к вопросу о возникновении слова «русский», подчеркнем, что этнологическая история говорит о его возникновении как одного из названий славянского племени антов, которые стали известны как рухс-ас (светлые-ас). Благодаря их активной политической жизни (создание сильных политических союзов и объединений государственного типа) это название вошло в политическую лексику Византии и стран ислама, что отражено в исторических трудах византийских и арабских историков того времени. Антский период завершился, и название «анты» перестало употребляться в письменных источниках того времени (и арабских, и западных). Появились новые слова «рус», Русь, Русские земли и т.д.³⁸

Из всего изложенного можно сделать однозначный вывод: норманистская версия возникновения этнонима «рус» применительно к славянским народам не выдерживает испытания конкретными историческими фактами, более того, свидетельствует об обратном: часть скандинавов в процессе мексикации со славянскими племенами присвоила себе это название. Импортный характер древнерусской государственности – другая важная тема норманистской интерпретации русской истории, которая тиражируется вместе с рассмотренной выше темой скандинавского происхождения этнонима «рус».

³⁷ Вернадский Г.В. Древняя Русь. С. 134.

³⁸ Академик Б. Рыбаков пишет: «Две формы наименования народа (РОС и РУС) существуют с древнейших времен: византийцы применяли форму РОС, а арабо-персидские авторы IX–XI вв. – форму РУС. В русской средневековой письменности употреблялись обе формы: «Русьская земля» и «Правда Росьская». Обе формы дожили вплоть до наших дней: мы говорим Россия, но жителей ее называют РУСскими».

1.3. Рюрик и славянская версия его этнического происхождения. Русский каганат и имперская государственность Святослава на фоне экспансии скандинавов в Европе и Западной Евразии

Традиционная история возникновения Древнерусского государства основывалась на Несторовской летописи, которая разными историками подвергалась обоснованной критике за ее идеологизированную интерпретацию событий давно прошедших лет в угоду романовской династии³⁹. Поэтому появились новые «концепции» (публицистического, эзотерического и фантастического характера) истории и русского этноса и русской государственности. (Их мы рассмотрели в книге «Духовный образ русской цивилизации...»⁴⁰.) В данной работе мы «отобрали» версии, которые, как нам представляется, отражены в работах наиболее авторитетных историков.

Начнем с Рюрика, но в контексте особой роли норманнов в жизни не только древнерусской государственности, но и Западной Европы. То, что Рюрик присутствовал в процессе создания и жизни древнерусского государства, не отрицает никто из историков. С Рюрика начинается отсчет государственности и начала «истории» Руси⁴¹. Рюрик правил 15 лет, Рюриковичи породили на Руси 14 поколений русских князей, а затем четырех царей.

Общепризнанно положение об особой роли скандинавов в Западной Европе: отмечается, что в начале – середине VIII в. возникает особая пассионарность скандинавов, выходцев из Южной Норвегии и Северной Дании. Полагают, что причиной тому были

³⁹ Рыбаков считает, что Несторовская летопись не была начальной, что в языческой Руси велись свои летописи. Первые следы киевского летописания относятся к концу IX в. (867–875 гг.) и освещают деятельность киевского князя Аскольда, вероятно, убитого варягом Олегом. Обращает на себя внимание, что в этих отрывках ощущается антиваряжская настроенность автора. Как языческую (и тоже антиваряжскую) летопись можно рассматривать описание княжения Игоря и Ольги (912–946 гг.). Последний раздел языческой летописи (964–980 гг.) относится в основном к эпохе Святослава.

⁴⁰ *Можайскова И.В.* Духовный образ русской цивилизации... Т. 1. Гл. 6; Т. 3. Гл. 2.

⁴¹ В «Повести временных лет», несмотря на все сомнения относительно норманнской теории, говорится о приходе Рюрика на Ладогу «в лето 6379 г. (862)... избрахся трие брата с роды своими... и придоша к словенам первее, и срубиха город Ладогу. И седее старейший в Ладозе Рюрик. По то же лету (864 г.) умре Синеус, и брат его Трувор и прия Рюрик власть один, и пришел к Ильмерю, и срубил город над Волховом, и призваша и Новгород».

события геологического порядка – сильное опускание берега моря в районе Голландии, Фрисландии. Другие факторы были связаны с перенаселенностью приморских районов Скандинавского полуострова, нехваткой пригодных для обработки земель.

Так или иначе, но VIII–XI вв. характеризовались военными экспедициями норманнов, главной целью которых был грабеж как источник обогащения. «Террористическая» деятельность норманнов в эти столетия распространяется на всю Западную Европу, они организуют экспедиции против Франкского государства, нападают на берега Англии, Шотландии, Ирландии. Более того, с конца IX в. крупные отряды викингов переходят от грабежа и сбора дани к заселению завоеванных территорий. В частности, в Северной Франции они основывают герцогство Нормандия, покоряют Северо-Восточную Англию. В начале XI в. вся Англия была подвластна датским королям, потомки викингов подчинили Южную Италию и Сицилию, основав здесь свое государство. Варяги Вильгельма Завоевателя, покорив Англию, во-первых, закрепили все ее население. «Памятником этого закрепощения и до сих пор служит Doomsdaybook – Книга Страшного победителя, в котором был записан и закреплён раздел земли между победителями и которая до сих пор служит чем-то вроде юридического справочника при решении некоторых земельных вопросов... Приблизительно до XVI столетия норманнское наречие французского языка было официальным языком правящего слоя Англии. Английский язык есть смесь двух завоевателей – датских и норманнских. Язык коренного населения страны исчез почти бесследно»⁴². И далее: «В церквах Западной Европы в те времена читали специальные молитвы: от свирепости норманнов спаси нас, Господи»⁴³.

В связи с этими общими тенденциями кажется весьма убедительным утверждение Вернадского о скандинавском происхождении Рюрика. Вернадский пишет, что Рюрик родился около 800 г. Он был типичным представителем феодальной знати своего времени, которая вела борьбу за ленные владения сначала в империи Карла Великого, затем во Фрисланде. В 843 г. получилась так, что Рюрик утратил свой лен. На протяжении следующих нескольких лет вел жизнь искателя приключений, участвуя в набегах как на континент, так и на Англию. В хрониках тех лет он стал известен как «язва хрис-

⁴² Потин В.М. Древняя Русь и европейские государства в X–XIII вв. Л., 1986. С. 21.

⁴³ Потин В.М. Древняя Русь и европейские государства в X–XIII вв. С. 22.

тианства». Согласно «Повести временных лет», в 862 г. Рюрик принял приглашение прийти и править ильменскими племенами (точная дата его прихода 856 г.). Рюрик не был заинтересован в походе на юг и послал туда своих бояр Аскольда и Дира. Отряд этих воинов достиг Киева и обосновался там по соглашению с уграми. Сидевший сначала на Ладоге Рюрик захватил Новгород. Рюрик правил 15 лет. После его смерти преемником стал норвежец Олег, который через пять лет предпринял во главе сильного отряда поход на Киев, убил Аскольда и Дира и прекратил власть угров над Киевом⁴⁴.

Но был ли Рюрик скандинавом и имели ли славяне до него государственность? Ответ на этот далеко не риторический вопрос у многих историков расходится с общепринятой его трактовкой, корни которой уходят в Несторовскую летопись. С. Лесной и ряд других историков утверждают, что уже во второй половине IX в. в этой части Восточной Евразии существовали два больших славянских государства – Новгородское (арабы называли его Словокия) и Киевское, носившие имя Русь⁴⁵. Оба государства имели свои формы политической организации, князей, династии, довольно высокую материальную культуру, широкие связи с Европой, причерноморскими племенами Дуная, Днепра, Дона.

К середине IX в. новгородцы имели давний опыт княжеского правления, что подтверждается данными новгородских летописей. Они свидетельствуют о том, что в Новгороде существовала династия князей, насчитывающая ко времени «призвания» варягов девять поколений⁴⁶. Причем прадед Рюрика Буриной вел долгую войну с варягами, был разбит на реке Кюмени, которая веками служила границей с Финляндией, и был вынужден бежать в свои окраинные владения. Новгородцы подпали под власть варягов и стали платить им дань, но не долго. Буриной прислал новгородцам своего сына Гостомысла – деда Рюрика. Под его водительством новгородцы подняли восстание против варягов и выгнали их со своей земли. Но опасность вторжения скандинавов осталась. И тогда новгородцы обратились к своим западным родичам – полабским славянам. Дело в том, что Умила – дочь Гостомысла и мать Рюрика, была замужем за Годлавом (отцом

⁴⁴ Новгородская Русь (862–882 гг.), Киевская Русь (882–1240 гг.).

⁴⁵ В Киевской Руси с V до начала IX в. выделяется династия Кия – родоначальника рода князей (Щек и Хореев; Лебедянь и два последующих князя), княживших в сумме 50 лет (по данным Влесовой книги); затем Верем и Стрежень; Аскольд и Дир, которыми оборвалась династия Кия.

⁴⁶ В Словокии (Новгородской Руси в V–VI вв.), по данным Иокимовской летописи, выделяется 8 поколений князей, начиная с Владимира Древнейшего. С VII до начала IX в. особо отмечается династия князя Буривого (прадеда Рюрика) и его сына Гостомысла (деда Рюрика).

Рюрика), князем полабских славян. (У Умилы и Годлава кроме Рюрика (Рорика) были еще два сына – Синеус и Трувор). Рюрик с братьями пришли к новгородцам, которые Русью тогда не назывались⁴⁷. Рюриковичи – полабские славяне – были приглашены в Новгород потому, что мужская линия древней славянской новгородской династии угасла. Они же были представителями ее женской линии – внуками последнего новгородского князя Гостомысла и его средней дочери Умилы⁴⁸.

Лесной категорически возражает против ставшего теперь классическим прочтения древней рукописи со всеми нам известными словами. С ними якобы наши предки обратились к пришедшим братьям-варягам во главе с Рюриком: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет, да поидите княжить и володеть нами». Отсюда следует самоуничижительная теория возникновения Русского государства. На самом деле, как считает Лесной, в ней значатся иные слова: «Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет». «Наряд» – это не синоним слова «порядок», а выражение понятия «управления». И это заявление свидетельствует об уме наших предков, которые заботятся об установлении власти, чтобы обеспечить мир и надлежащее управление. Солоневич в работе «Народная монархия» камня на камне не оставляет от легенды о приглашении варягов, обвиняя нашего летописца не более и не менее как... в плагиате. Вот что он пишет: «Лет за сто до записи нашей летописи о призвании варягов английский летописец записал такое сказание: британские племена, недовольные собственными раздорами, обратились к норманнским, т.е. варяжским, братьям Генгисту и Горзе с приглашением: *Terram latam et spaciosam, omnia rerum copia rebfertam, vetrae maadant diciont parere* (перевод: земля наша велика и обильна, порядка в ней нет, придите княжить нами). Литературным плагиатом люди занимались, оказывается, и тысячу лет назад. Варяжские князья, конечно, были. Как они попали на Русь, мы, надо пола-

⁴⁷ Лесной С. Откуда ты, Русь? С. 121.

⁴⁸ Следы первых припелдцев на территории будущей Новгородской земли, датированные серединой VIII в., указывают, что переселение было направлено именно из южнобалтийской вендо-славянской Германии, а не из Скандинавии, как было «общепринято» считать, поскольку погребения переселенцев, представленные только обрядом кремации, характерны для северо-западных славян, а в Скандинавии того же времени (так называемого вендельского периода, длившегося до конца VIII в.) военных вождей погребали в ладьях без сожжения.

гать, никогда не узнаем. Но можем установить твердо, что они растворились быстро и совершенно бесследно, что варяжский язык, нравы и прочее никакого влияния на туземные племена не оказали»⁴⁹.

Только когда Олег, норвежец, брат жены Рюрика Ефанды, правивший из-за малолетства Игоря⁵⁰, завоевал Киев и захватил Южную Русь, имя Русь распространилось и на Новгород, и на другие северные и восточные области, подчиненные Киеву⁵¹. Случилось это потому, что Киев стал столицей двух объединенных славянских государств западной Евразии. Олег, а затем Святослав и Владимир имели военные дружины, состоящие из варягов, которые получали за свою службу плату, а не собирали дань. Об этом сохранились записи в сагах, в которых говорится, что варяги заключали контракты, имеются даже указания на суммы, уплачиваемые Русью простым воинам-варягам, а также их начальникам. Однако со времени смерти Ярослава Мудрого нужда в наемных войсках отпала. Такова одна нетрадиционная версия призвания Рюрика как форма выражения политической зрелости славянских племен, отрицающая роль скандинавов в создании нового типа государственности.

О политической зрелости славянства и его роли в создании государственности, отвечающих их цивилизационным интересам, говорят и другие факты, которые долгое время в традиционной истории замалчивались или тенденциозно интерпретировались в угоду официальной версии. В этом ряду непроясненных фактов особое место занимает вопрос о *Русском каганате*. «Русский каганат – гипотетическое государственное образование во главе с русами в IX в., хронологически предшествующее Киевской Руси, верховный правитель которого назывался каганом (хаканом). Самое раннее сообщение об этом относится к 839 г., когда, согласно русским летописям, еще не существовало Древнерусского

---

⁴⁹ Солоневич Н.Л. Народная монархия. С. 213–214.

⁵⁰ Игорь, сын Рюрика от норвежской княжны Ефанды; Святослав, сын Игоря и Ольги; Владимир – незаконный сын Святослава.

⁵¹ У современных историков тема политической самобытности славян звучит особенно четко. «В интересующем нас времени здесь, – пишет академик Кузьмин, – скорее всего, правила династия Киевичей – потомков основателя Русолании. После смерти Кия, Щека и Хорива, наследуя по прямой линии, их сыновья и племянники много лет господствовали у русских, пока наследование не перешло к двум родным братьям Аскольду и Диру.

государства князей Рюриковичей»⁵². Эта тема сейчас находит свое отражение в работах многих историков, писателей, социологов, но в крайне противоречивом выражении (наиболее обоснованно и полно этот вопрос был поставлен в свое время Вернадским)⁵³.

Это положение определяется отсутствием летописных свидетельств. Главный источник, на который опираются все историки, это «Бертинские анналы» франкских летописцев. В «Бертинских анналах» 839 г. есть сообщение о послых народа «рос», прибывших откуда-то с севера и возвращавшихся на родину через Германию, поскольку пути к ней были перерезаны варварскими народами. Правитель этой страны носил титул «кагана», аналогичный византийскому титулу императора. Но при дворе императора Людовика Благочестивого в прибывших заподозрили свеонов. Свеонами франкские летописцы называли население южного берега Балтии, т.е. западных славян. Норманисты тут же объявили «свеонов» шведами, хотя в Скандинавии не было племен, вождь которых носил бы титул кагана.

Этот факт историки интерпретируют по-разному, но приходят к общему выводу о существовании такого государства и его связи со славянством, но не с западным, а восточным или какой-то его ветвью⁵⁴. Право на такое предположение дает само название верховного правителя посланцев этого государства – каган, а также последующие его упоминания в лексике богослужения уже Киевской Руси. Каган – тюркский титул, который носили верховные правители кочевых империй, в частности хазары. В русских летописных источниках X в. этот титул по отношению к правителям Руси не употреблялся. Однако он появляется в ряде древнерусских текстов XI–XII вв. применительно к киевским князьям. Полагают, что в это время он использовался неофициально как панегирик, так как не был христианским термином. Хотя митрополит Илларион в своих трактатах «Слово о законе и благодати» и «Исповедании веры» (1040-е годы) называет каганом Владимира («великий каган нашей земли») и его сына Ярослава Мудрого («благочестивому кагану Ярославу»).

⁵² Русский каганат. Материал свободной русской энциклопедии «Традиция». tradition-ru.org/wiki/Русский_каганат;_Варяги_и_Русь._Schvedov/ru/index134/htm.

⁵³ Вернадский Г.В. Древняя Русь. Глава VII. Скандинавы и русский каганат (737–839 гг.). Библиотека Гумер-история. www.Gumtr.Info/bibliotek_Buks/Historu/ver/07/php.

⁵⁴ Хотя многие историки связывают образование Русского каганата с ираноязычным племенем русов-аланов.

Но когда и где возникло это государство, верховный правитель которого носил титул кагана, каковы его отношения с Хазарией? Все эти вопросы у разных историков трактуются по-разному и крайне противоречиво.

Можно считать, что сейчас большинство историков пришли к выводу, что оно появилось в конце VIII – начале IX в. в хазаро-булгаро-мадьярский период и в своем первоначальном виде могло существовать только до второй половины или конца IX в., затем уступив место объединениям, описанным в русских летописях. Признавая реальное существование Русского каганата, разные историки помещают его в разных землях Восточно-Европейской равнины.

Среди вариантов местоположения Русского каганата называют Среднее Поднепровье – территории полян⁵⁵ (официальная советская историография – Б.А. Рыбаков, Л.Н. Гумилев, А.П. Новосельцев, А.В. Назаренко); славянский север, где ранее всего фиксируется скандинавское присутствие: Ладога – Рюриково городище в Новгород – Ростов – Старая Русса – (В.В. Бартольд, О. Прицак, К. Цукерман, Д.А. Мачинский, Дж. Шепард, А.А. Шахматов, С.Ф. Платонов); район от Левобережья Днепра до Среднего Дона и Верхней Оки (В.В. Седов, Е.С. Галкина); регион между верхней Волгой и Окой⁵⁶.

Следует отметить, что у современных историков сформировалась общая точка зрения, что Русский каганат это не часть Хазарии, как считают многие хазароведы, а ее соперник в Причерноморских степях.

Сам титул «каган» предполагает, с одной стороны, соседство тюркского народа, а с другой – независимость «каганата» от любого другого государственного образования. Историки, которые помещают каганат в Донской анклав, утверждают, что первоначально (VII–VIII вв.) вся Донская область входила в состав Хазарии, грани-

---

⁵⁵ Территория Русского каганата соответствовала области расселения руссов времен после 1-й Киевской Руси. На западе она охватывала бассейн реки Десны с ее притоками, часть правобережного Днепра с Киевом и Каневом, а южные пределы простирались до верхних течений рек Суллы, Псла, Ворсклы, на юго-востоке граница пролегла по рекам Северный Донец и Тихая Сосна. В состав территории этого государства на востоке включались земли бассейна Дона в его верхнем течении, а на севере – бассейна Оки почти до самой Волги. На востоке земли Русского каганата граничили с землями финно-угорских племен муромы и мордвы.

⁵⁶ Смирнов связывает само название «Русь» с рекой Волгой, которая упоминается в трудах Птолема как Ра, и пытается доказать, что Русский каганат означает Волжский каганат.

цы которой доходили до Днепра. Затем весь Донской регион «отпал» от Каганата и стал враждебным ему. Выделяются два фактора, обусловившие это отторжение. Первый связан с появлением в Восточной Балтике, в районе Ладоги, новой курганной культуры, оставленной первой волной колонизации западных славян. Второй фактор связан с изменением внутривосточной ситуации в Хазарском каганате, когда правящая элита резко сменила религию, приняв на государственном уровне иудаизм.

Автор книги «Тайна Русского каганата» Галкина, тщательно проанализировав все имеющиеся источники, включая знаменитое «Письмо царя Иосифа», пришла к выводу, что западная граница Хазарского каганата распространялась вплоть до Дона, но никак не далее, а крепость Саркел прикрывала западные границы Хазарии.

Г.В. Вернадский, версия которого кажется наиболее убедительной, пришел к выводу, что Русский каганат возник в Приазовье. Скандинавы, проникшие в Приазовье в середине VIII в., смешались с местными рухс-асами и, опираясь на них (эти племена приняли варягов в противостояние мадьярам-венграм), создали не только вооруженные силы, но и организованное государство, верховный правитель которого присвоил себе хазарский титул кагана.

«В общем, мы вполне можем признать, что Русский каганат этого периода являлся сильной державой того же типа, что и государство хазар и волжских булгар, т.е. имевшими главной целью контроль над важными путями международной торговли, который угрожал монопольному положению хазар, что вызвало ответные действия. Они выразились в наступлении на пути, связывающие Русский Север с Югом. Хазарский каганат пригласил византийских архитекторов и инженеров построить мощную крепость в нижнем течении Дона и Донца (вблизи современной станицы Цимлянской), названную Саркел. На языке угров это означало «белый дом», о чем упоминалось уже в ранних русских летописях. Возведя эти укрепления, хазары не только отрезали русским путь на восток, но и нарушили связь между руссами и славянами в Южной России – Тамани (Тмутаракани) и их северными партнерами. Более того, в течение нескольких лет после окончания строительства Саркела хазары завоевали славянские племена в Окском регионе, а мадьярские хазары установили власть над регионом Киева⁵⁷. Реконструируя события тех лет, Вернадский

⁵⁷ Вернадский Г.В. Древняя Русь. Глава VII. Скандинавы и русский каганат (737–839 гг.). Библиотека Гумер-история. www.Gumtr.Info/bibliotek_Buks/Historu/ver/07/php.

утверждает: «Русский каган в этих условиях, заимствуя опыт своих врагов, решил заручиться поддержкой Византии и в 838 г. направил своих посланцев в Константинополь для заключения договора. Но эта акция не увенчалась успехом: император не только не стал заключать с ним договор, но даже задержал их возвращение домой, используя извращенные методы византийской дипломатии. Подобные действия могущественного соседа вызвали негодование русского кагана, и около 840 г. русские напали на византийский город на берегу Черного моря, а двадцатью годами позже на Константинополь»⁵⁸.

Агрессивная политика хазар, приведшая к нарушению торговых связей между русскими в Тамани (Тмутаракани) и обширной областью на севере, затрагивала не только Русский каганат, но и интересы славянских племен в районе Старой Руссы и всего региона вокруг озера Ильмень. Здесь и возникает проблема «пробуждения» Северной Руси для активных политических действий. Вернадский примерно так интерпретирует этот вопрос, используя, правда, современную терминологию: «Вскоре стало очевидным, что единственным выходом из серьезного экономического кризиса, который стал быстро развиваться во всей этой области, была отправка сильных экспедиционных войск с севера, чтобы открыть торговые пути. Однако этот план не мог быть приведен в исполнение немедленно, поскольку, очевидно, достаточных войск в северной России для того, чтобы попытаться начать такое серьезное предприятие, собрано еще не было. Этот недостаток войск, по всей вероятности, и был причиной вызова варягов из за моря, который веками считался началом русской истории. Согласно традиции, это произошло в 862 году, но в действительности — около 856 года»⁵⁹.

Этот вывод Вернадского подрывает традиционно сложившуюся точку зрения о том, «откуда пошла русская земля», не только традиционных норманнистов, но и славянофильствующих анти-норманнистов. Он объясняет логику развития русской истории, показывая, что основания для возникновения Киевской Руси были заложены в Южной Руси задолго до X в.

С возникновением Русского каганата сложился прецедент в политической организации русо-славян. И не случайно Тмутаракань в IX в. оставалась более важным центром российской государственности, нежели Киев, сохраняя свои позиции даже в начале Киевского

---

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Вернадский Г.В. Русская история. С. 33–34.

периода. С политической и стратегической точек зрения Тмутаракань в X в. была столь же важна, как и Киев. Поход Владимира на Крым в 989 г. в какой-то мере был мотивирован его стремлением обеспечить себе владение Тмутараканью – старой столицей первого Русского каганата. Характерно, что после крымской кампании Владимир присвоил себе титул кагана, который сохранил за собой и его сын Ярослав. Таким образом, правители Киева стали политическими преемниками русских каганов Тмутаракани. Новые набеги тюркских кочевников – сначала печенегов, а затем куманов (половцев) – отрезали Киев от Приазовья.

Выделение Вернадским Русского каганата как важной геополитической структуры дохристианской Руси важно не только потому, что дает достаточно объемную картину взаимоотношений варяжского и славянского факторов в конце 1-го тысячелетия н.э. Оно показывает, как формировались политические институты дохристианской Руси в рамках русской цивилизации, включая ее имперскую форму. И не случайно Вернадский выделил громадную роль князя Святослава Игоревича в этом процессе, который всю свою жизнь проводил в походах и стал известен как великий военачальник (делами на Руси правила его мать, княгиня Ольга)⁶⁰.

Святослав проводил военные экспедиции не с целью грабежа, а преследовал большие политические цели – создание империи. И в этом отношении большое значение имел разгром Хазарского каганата. Предварительно подчинив зависимые от хазар племена на Оке, он напал на хазар в 965 г., захватил их главные города – Саркел на Дону и Итиль на Волге и полностью разгромил каганат, намереваясь укрепиться на нижней Волге и сделать этот регион центром империи. Но затем планы Святослава изменились: он выступил в союзе с Византией против болгар и занял город Переяславец на Дунае. «После покорения болгар Святослав был в состоянии строить политический план обширных завоеваний. Он стал наследником империи кочевников и поэтому занял уникальную стратегическую позицию. В это время он контролировал огромную по размерам империю, больше, чем у авар или хазар, так как она включала устье Волги и устье Дуная. По размерам ее можно было бы сравнить только с гуннской империей IV–V вв., но власть над южнорусскими степями, которыми правили и гунны и Святослав, у последнего дополнялась подчинением обширных лесных массивов районов Киева и Новгорода»⁶¹. Но планам Святослава не

⁶⁰ Там же. С. 36.

⁶¹ Там же. С. 3.

суждено было сбыться – его держава начала рушиться с востока, где появилось новое тюркское племя (печенеги), которое осадило Киев и вынудило Святослава вернуться, чтобы спасти город.

Деятельность Святослава не устраивала и Византию. Поэтому один из наиболее искусных византийских правителей император Иоанн Цимисхий лично возглавил поход против Святослава, разбил его и осадил в крепости, заставил принять условия мира, предполагающие его уход из Болгарии. Это было в 971 г. Возвращавшиеся в Киев русские войска подверглись нападению печенегов и были разбиты. Святослав погиб в бою. После смерти Святослава в начавшихся раздорах между его сыновьями победу одержал князь Владимир. Он был сильным политиком и создал сильную государственность на Руси, способную противостоять внешним угрозам.

Заканчивая анализ многофакторного исторического процесса взаимовлияния разных этнических групп после Великого переселения народов, когда начали формироваться русская и западная цивилизации, можно сделать вывод, что славянские племена были активными участниками этого процесса, создавая разные формы государственности – начиная от антской военно-демократической и кончая имперской Святослава. Славянские племена принимали активное участие в международной торговле, что категорически отрицают норманистские историки. Поэтому данную проблему нужно рассматривать с использованием материалов не только дореволюционных историков, которые во многом отражены и в советской литературе, но и отечественных историков-нумизматиков второй половины XX в., опирающихся на новые археологические открытия в этой области.

**РЫНОЧНЫЕ СВЯЗИ И ДЕНЕЖНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
СЛАВЯНСКИХ ПЛЕМЕН ДРЕВНЕЙ РУСИ
В РАЗВИТИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ
МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ**

**2.1. Внутренние рыночные связи славянских племен
и международная торговля (VII–IX вв.)**

Рыночные связи и денежные отношения – это часть социально-экономических отношений, о чем подробно сказано в предыдущих работах¹. Характер развития рыночных связей Древней Руси – остродискуссионная и политизированная тема. «Преобладала ли в домонгольской Руси система общерусских экономических связей в сфере товарно-денежного обращения или эти связи были локально замкнутыми; в какой степени внутреннее экономическое обращение Древней Руси определялось внешнеторговым фактором, насколько интенсивным было развитие внутрирусской торговли? Нет единого ответа», – пишет академик Янин². Но все же преобладающей точной зрения в этом вопросе среди отечественных экономистов долгое время была норманистская, которая исключала развитие рыночных отношений внутри славянских племен. По мнению Лященко, славянская эпоха начиная с VIII в. продолжала торговое развитие в виде транзитно-посреднической торговли и не затрагивала натуральное хозяйство массы населения³.

Действительно, натуральное хозяйство было господствующей формой экономики для человечества того времени. Действительно, международная торговля между цивилизациями и крупными политическими структурами Древнего мира базировалась на двух основополагающих началах: на военной силе этих крупных государств (империй) и дани (контрибуции), собираемой ими внешнеэкономическими методами с завоеванного ими населения. Но это не означает, что в рамках экономических анклавов, плативших дань, где господс-

---

¹ Мажайскова И.В. Духовный образ русской цивилизации... Ч. 3, Гл. 16; Она же. Рыночные связи и деньги в многовековых циклах цивилизаций и их развитие в Западном обществе (ретроспектива). Гл. 2.2.

² Янин В.Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М., 2009. С. 28.

³ См.: Лященко П.И. История народного хозяйства СССР.

твовали натуральные отношения, не развивались рыночные связи и не образовывались малые товарные миры. Это сосуществование даннической формы отношений и малых товарных миров на основе натурального хозяйства было характерно и для славянских племен.

Анализируя развитие рыночных связей и денег в первом многовековом цикле Западной цивилизации (VI–X вв.), мы отмечали «скромное» развитие рыночных связей и денежных отношений в ее экономике, хотя именно в этот период активизировалась военно-агрессивная деятельность скандинавов. Что же происходило примерно в это время в Восточной Европе? Как ни странно, но именно в этой части Европы завязывался узел интенсивной международной торговли Севера, Юга, Востока, но пока с очень «скромным» участием скандинавов, вопреки глубоко укоренившемуся мнению об обратном. Освещение этого вопроса в ином ключе стало возможно благодаря привлечению не только новых литературных источников, но и большого археологического и нумизматического материала, который показывал пути и интенсивность торговых отношений в Восточной Европе, ранее использованный историками или мало, или очень тенденциозно⁴.

Скандинавы, осуществляя агрессивные военно-торговые экспедиции грабительского характера на Западе и на Востоке Европы, не определяли климат мировой торговли того времени. Лидером тогда был ислам. Основанное преемниками Магомета великое мусульманское государство – Халифат – объединило много земель с общим экономическим и хозяйственным прошлым. Ислам столетиями был господином от Атлантики до Тихого океана⁵.

---

⁴ Монеты и клады монет особенно ценны тем, что могут наиболее правильно отразить особенности товарного обращения в разные периоды и в разных районах Западной Евразии. Именно нумизматики позволили представить развитие рыночных связей славянских племен не только в IX–X вв., но и в предшествующие столетия. Они детально прослеживают движение торговых связей славянских племен с международными потоками через движение международной валюты того времени – ею был дирхем, серебряная монета Халифата.

⁵ Еще до арабов товарооборот между Русским Севером, с одной стороны, и Персией и Византией – с другой, был важным фактором международной торговли. Греки в наибольшей степени пользовались благоприятными торговыми условиями, что позволило им организовать ряд греческих городов-колоний на северном побережье Черного моря. Наиболее значительными среди них были Оливия в устье Буга, Херсонес в Крыму (близ Севастополя). Греческие города на северном побережье Черного моря, игравшие важную роль в развитии международной торговли, служили связующим звеном между средиземноморскими цивилизациями и Евразией, скифским миром, в дальнейшем со славянскими племенами.

Арабская торговля, весьма значительная в древности, пережила эпоху расцвета в VIII–IX вв. Ее развитию содействовали обширность территории Халифата (от Инда до Атлантического океана) и единство религии. Туркестан, Иран, Аравия, Сирия, Месопотамия, Египет, Северная Африка и Испания были изрезаны удобными торговыми дорогами со складочными местами. К ним примыкали караванные пути внешней торговли через Восточный Туркестан и Китай. Важнейшие морские и речные пути вели из Басры (Месопотамии) в Индию и Китай. Торговый путь из Омана (юго-восток Аравии) направлялся к юго-восточным берегам Африки, из Трапезунда (на Малоазиатском берегу Черного моря) шел в Константинополь и Европу. Ведя посредническую торговлю индийскими товарами (пряностями, драгоценными камнями), арабы в эпоху расцвета своей промышленности вывозили свои фабрикаты (ткани, стеклянные изделия, оружие, ковры, сахар, краски, благовония и др.).

Прикамье и Западное Приуралье были первым уголком Восточной Европы, открытым восточной торговле Халифата еще в VI в. Однако потребовалось еще два столетия, чтобы направление главного русла этой торговли изменилось, и восточные связи перестали играть только местную роль, приобрели общеевропейское значение. Первопричиной торговли арабов с Севером была потребность Халифата в продуктах славянских промыслов, а населения Восточной Европы – в серебряной монете.

И здесь возникает вопрос об экономическом потенциале славянских племен, который был для своего времени достаточно высоким, имел древние исторические корни⁶. Мы анализируем

---

⁶ В конце 3-го – начале 2-го тысячелетия до н.э. из этих центров началось распространение многочисленных племен по Восточно-Европейской равнине – древних предков балтов и славян, а также современных индийцев-ариев, которые затем мигрировали в Индию. Эти племена продвинули земледелие и скотоводство в долины рек, покрытых лесом Русской равнины (Днепра, Волги, Оки, Дона). Вернадский отмечает, что археологические культуры, возникшие на территории будущей русской цивилизации, были на уровне «развитых» структур мирового уровня, возникших в неолитическую эпоху, бронзовый и железный век, культур, которые предшествовали возникновению древних цивилизаций Египта, Двуречья, Индии и др. Выделяются на территории будущей Древней Руси в 3–2-м тысячелетиях до н.э. различные археологические культуры: трипольская, или среднеднепровская, культура – район Киева, фатьяновская культура – вблизи Ярославля, культура окрашенных костяков – Южная Россия. Позднее скифы принесли с собой особую скифскую культуру. Они охватывали широкую полосу степей от Дуная до реки Урал, причем по характеру захоронений выделяются два типа культур, принадлежащих к двум различным этническим группам – скифам-всадникам и скифам-земледельцам.

экономику славянских племен в период, предшествующий образованию Киевско-Новгородской Руси (конец VIII – IX в.), а он непосредственно связан с антской цивилизацией славян.

Центр цивилизации антов находился в районе среднего Днепра, на территории современных Киевской и Черниговской областей. На востоке антская территория включала регионы по реке Десне, Сейму, Ворскле и достигала Дона у Воронежа. На юге она простиралась до нижнего Днепра. Рыбаков не проводит различия между границами распространения антов в ранний (V – первая половина VI в. н.э.) и поздний (вторая половина VI–VII в.) периоды. Вернадский предполагает, что регион нижнего Буга и Бессарабия были территориями раннего антского общества.

Хотя сельское хозяйство было основой антской экономики, скотоводство также было хорошо известно антам, о чем свидетельствуют византийские и сирийские источники, повествуя о складах проса и овощей в селениях антов, об антских полях на Дунае, о стадах скота и лошадей. У них были огороды и фруктовые сады. Развито ремесленное производство, ткачество, изготовление керамики и оружия. К этому надо добавить, что анты были хорошо знакомы с судоходством, они делали лодки, выдалбливая их из стволов деревьев. Более того, их навыки в управлении судами позволяли спускаться к берегам Азовского и Черного морей.

В современной исторической литературе выделяются другие важные экономические центры славян: Салтово-маяцкая археологическая культура, созданная населением Дона и Северского Донца, и Волынцевская, Борщевская и Окская археологические культуры, через территорию которых пролегали основные караванные пути на Восток. Основой их хозяйства было пашенное земледелие, выращивание различных сортов пшеницы, ржи, проса, ячменя, а также гороха, бобов, репы, льна и конопли. Земледелие дополнялось животноводством, где первое место принадлежало

В неолитическую эпоху он выделяет три региона с особой специализацией экономики: пограничная зона лесов и степей, где было развито земледелие и скотоводство; регион Оки и верхней Волги, благоприятный для охоты и рыболовства; южные степи – район коневодства и скотоводства. Вернадский отмечает также наличие торговых отношений этих регионов с другими анклавами этой части планеты. Так, район среднего Днепра был связан с территорией Балкан, с одной стороны, и с Кавказом – с другой: через Кавказ область Оки–Волги была открыта влиянию культуры Месопотамии; из районов Волги–Камы купцы могли проникать в Западную Сибирь. А там уже сформировалось несколько крупных центров – минусинская культура (Южная Сибирь), глазковская культура (район восточного Прибайкалья, где обнаруживается связь с раннебронзовой культурой Северного Китая).

рогатому скоту, а затем свиньям, козам, домашней птице. Важную роль играли охота, рыболовство, бортничество и сбор даров леса. Было развито и ремесло: ткачество, гончарное дело, обработка железа, т.е. примитивная металлургия и кузнечное дело. Основным товаром на вывоз и продажу была пушнина. Отсюда и большое количество серебряных изделий и куфических монет, найденных на этой территории.

Регулярная торговля Восточной Европы со странами ислама датируется VII в. или ранее. Нужно было не одно поколение, чтобы с берегов Днепра или Волхова проложить далекие и разносторонние торговые пути.

Уже в конце VIII в. торговля Восточной Европы со странами Халифата получает интенсивное развитие. Выделялся ее *Северный путь* – от Каспийского моря через землю хазар и волжских булгар по Волге, Оке к Балтийскому морю. А это означает, что в международной торговле того времени, во главе которой стоял Халифат, были «задействованы» и другие мощные политические структуры. Прежде всего Хазарский каганат, через который осуществлялись оживленные рыночные связи между арабами и Севером. Хазарское государство контролировало наиболее важные торговые пути западной Евразии, и охрана этих путей была главной целью политики кагана. Вознаграждалась эта деятельность сбором таможенных пошлин с караванов и судов, курсировавших на север, юг, запад и восток.

Большую роль играла Волжская Булгария. Булгарская орда, вытесненная хазарами из Азовского региона, расселившись в районе средней Волги, стала еще одним звеном великого торгового пути с севера на юг. Причем до середины VIII в. поволжские булгары признавали суверенитет хазарского кагана, но затем положение изменилось. Дело в том, что государство поволжских булгар (как и Хазарский каганат) экономически процветало за счет внешней торговли и поэтому зависело от контроля над сетью торговых путей. Верхняя Волга обеспечивала булгарам связь с Прибалтикой, а Кама – с Уралом и Сибирью. Вниз по Волге из булгарского государства товары могли экспортироваться на кораблях или в Каспийское море или, используя волок между Волгой и Доном, к Азовскому морю. Однако оба пути контролировались хазарами. Чтобы освободиться от этой зависимости, булгарам нужны были новые торговые пути на юг. И они нашли такую дорогу через Урал, установив прямую связь с Туркестаном по Яицкому реч-

ному пути. Когда значение торгового пути по Каспию снизилось, возросла значимость караванного пути через степи к низовьям и среднему течению Волги⁷.

Наиболее распространенным в восточной торговле славян оставался, несомненно, обмен на определенных международных рынках-торжищах. В литературе давно уже установилось мнение о существовании двух таких центров на территории Восточной Европы: хазарский Итиль и волжский Булгар. Представления о торговой роли Итиля долго основывались исключительно на письменных источниках, более подробных для Хазарии, чем для волжской Булгарии. Но на протяжении всего периода восточной торговли с конца VIII в. до начала XI в. единственными воротами, через которые шла торговля Руси с Востоком, фактически был Булгар, утверждает В. Янин⁸. К концу IX в. в торговле на Волге возрастает роль волжской Булгарии. «Кроме связи Булгара с Прикамьем существовала его связь с юго-западом, по Окскому пути, который связывал Булгар с Киевом, хотя о важности этого пути в системе торговых связей Древней Руси постоянно забывают. Между тем движение масс монет, направлявшихся из Булгара в Киев, свидетельствует об исключительно *внутрирусском характере* этих товарных связей»⁹.

Речные системы Днепра, Западной Двины и Волги близко сходятся в верховьях, что способствовало раннему соприкосновению славянских племен между собой. Эти реки становились важными торговыми путями, а наиболее выгодно расположенные на них поселения завязывали торговые связи. Последние играли важную роль в развитии экономики восточных славян, активизируя их товарное обращение. «Часть монет из Киева распространялась вверх по Днепру на территорию радимичей, затем монета проникает на территорию Смоленщины и далее, уходя за пределы радимичской земли, вновь распространяется по Днепру. Не менее обильный поток восточной монеты направлялся из Булгара через низовье Оки, по Клязьме и Нерли на верхнюю Волгу, далее на территорию кривичей и новгородских славян, уходя частично за пределы восточнославянских земель, в Западную Европу»¹⁰. В конце VIII —

⁷ Янин В.Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. С. 28.

⁸ Там же. С. 121.

⁹ Там же. С. 122.

¹⁰ Там же. С. 134.

начале IX в. международное торговое движение осуществлялось по волжскому пути, переходящему затем в русла рек Волхова, Великой и Западной Двины. Но следы торговли (о чем свидетельствует большое количество кладов), обнаруженные на Оке и Десне, говорят о том, что эти реки использовались исключительно для внутренней русской торговли. Эти следы дают основания говорить об усилении потребности восточных славян в серебряной монете для обеспечения внутреннего товарного обращения. «Миф об исконности организующего участия скандинавов в европейско-арабской торговле не находит никакого обоснования в источниках»¹¹.

Во второй половине IX в. основной торговой артерией становится Волжский путь, связывавший Хазарию и страны Арабского Халифата с племенами Восточной Европы, а через Балтийское море – со Скандинавией. В конце IX – начале X в. активизируется торговая политика Харуна ар-Рашида, при правлении которого расшился объем чеканки дирхемов.

Уже во второй половине IX в. и ближе к X в. определился новый торговый путь Ока–верхний Днепр–Западная Двина с центром в районе нынешнего Смоленска (с.Гнездовое), который стал одним из крупнейших древнерусских военно-торговых центров. Именно в тот период заметной становится роль Волховско-Днепровского пути «из варяг в греки», ставшего внутренней военно-политической магистралью. Она связывала основные центры древнерусских владений: Ладога (ныне Старая Ладога), на верхней Волге поселения близ Ярославля, Новгород, Смоленск, Киев, оттуда в Черное море, Херсонес (современный Севастополь) и Константинополь¹². Современная норманистская версия дает такую интерпретацию этих событий: «В IX веке волжская торговля хазар остановила на себе внимание варягов... Во время этой первой полосы захватов часть варягов повернула на восток и основала поселения на землях, впоследствии сделавшихся Россией. Первой варяжской колонией на русской земле был Aldeigiuborg, крепость на берегу Ладоги. Это была превосходная база для разведки водных путей, ведущих на юг, в сторону великих центров левантийского богатства и культуры. ...Вокруг них часто вырастали пригороды, населенные туземными ремесленниками и торговцами. Самым большим городом был Konugard (Киев). Городам

---

¹¹ Янин В.Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. С. 104.

¹² Там же. С. 126.

надо было создать какую-то организацию. Процесс начался около 800 года и завершился в 882, когда князь Helgi (Олег) собрал под своим началом два конечных пункта греко-варяжского пути – Holmgard (Новгород) и Konugard. Киев выступал как главный склад для дани, собранной со всех концов Руси, и как порт, из которого дань отсылали к месту продажи – в Царьград»¹³.

На этот политизированный норманистский исторический фарс, имеющий глубокую идеологическую подоплеку, академик Янин отвечает реальными историческими фактами. «Не активизация международной деятельности варяго-норманнов приводит к расширению обмена между Востоком и Западной Европой, а укрепление экономики Восточной Европы, товарное обращение которой усилилось не только в сфере международного обмена с Западом, но и на Востоке, а также внутри славянских земель»¹⁴.

Значит, у истоков пути из варяг в греки стояли не скандинавы, в рассматриваемый период они не были в него включены. Об этом свидетельствует и Вернадский, реконструируя процесс проникновения варягов в речные системы Русской равнины. Он доказывает, что присутствие скандинавов в начале VIII в. имело место в донецко-донском речном пути, а не волжском и не днепровском. Это можно объяснить тем фактом, что волжский путь был перегороден булгарами, а днепровский путь не представлял прямой связи с Востоком, поэтому сначала не привлекал их внимания. Но захват Донецко-Донского речного пути был сравнительно недолгим, скандинавов вытеснили оттуда болгарские ханы. После утраты Донецко-Донского пути скандинавы вынуждены были искать какой-то другой путь на юг, поэтому стали проявлять интерес к Днепру.

«Что касается Днепра, то варяги вряд ли могли спуститься по нему далеко, поскольку литовские и славянские племена в верховьях Днепра были, по всей видимости сильными и хорошо организованными. Их важнейший город на этой территории располагался в районе Гнездовое под Смоленском. С другой стороны, варяги не встретили препятствия на верхней Волге, вплоть до района проживания черемисов, племени, находившегося под властью булгар. Это значит, что они вряд ли могли спускаться по реке ниже современного Ярославля. По Корыстылю, притоку Волги, впадающему в нее около Ярославля, варяжские ладьи могли подняться к озеру Неро, на берегу

¹³ *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993. С. 5.

¹⁴ *Янин В.Л.* Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. С. 137.

которого расположен город Ростов. Оттуда существовал волок к реке Нерль, притоку Клязьмы, которая в свою очередь является притоком Оки. Варяги завоевали Ростовский регион и достигли Оки не позднее 730 г., где они столкнулись с мадьярами на территории верхней Оки, захватили укрепленный город Верхней Салтов и открыли для себя ворота к донецко-донскому речному пути и вниз к Азовскому морю. В продвижении на юг варягам, должно быть, оказывали большую помощь асы, вернее асо-славяне, которые жили в районе верхнего Донца, были покорены мадьярами, должно быть, приветствовали появление варягов в Верхнем Салтове и выступили на стороне варягов против мадьяр»¹⁵.

Значит, и Вернадский, далекий от славянофильства, констатирует, что варяги не стояли у истоков развития пути из «варяг в греки». Его основал Халифат и славянские племена.

Норманистская концепция этой проблемы не выдерживает критики, если учесть значение Русского каганата, абстрагируясь от многочисленных версий его образования и местонахождения, которые сходны в одном – его существовании, а также громадной роли в международной торговле того времени. «Первый Русский каганат отобрал у хазар и волжских булгар часть их международной торговли, которую они вели до сих пор. Занимаясь торговлей, Русский каганат выполнял те же самые социологическую и экономическую функции. Похоже, что главной статьей торговли были дорогие меха из лесных районов северной России. Они поступали из областей вдоль южного берега озера Ильмень, сосредоточивались в городе, который все еще носит название Старый Рус (Старая Русса), ставшем важным торговым пунктом Русского каганата. Устойчивый поток товаров шел вниз по Донцу и Дону, и оживленная экспортная торговля велась не только с Византией, но также с Востоком. В хрониках Халифата IX в. отмечается регулярное посещение русскими купцами такого города, как Багдад»¹⁶.

В заключение этого раздела следует подчеркнуть, что скандинавы в VIII-IX вв., вопреки норманизму, не были лидерами международной торговли в этом анклав Западной Евразии, а славянские племена были не пассивным, а активным участником этих связей, включая формирование пути «из варяг в греки». Это надо иметь в виду при рассмотрении речного пути как важного аспекта международной торговли Киевско-Новгородской Руси в X-XII вв.

¹⁵ Вернадский Г.В. Древняя Русь. С. 153.

¹⁶ Вернадский Г.В. Древняя Русь. С. 230.

Развитие рыночных связей славянских племен и их участие в международной торговле обусловило появление самобытных денежных систем, обслуживающих эти связи, но с использованием серебряной монеты, так как серебро было драгоценным металлом, на котором строились все монетные системы того времени.

2.2. Исторические факторы выделения серебра как основы российской денежной системы (VII–IX вв.)

Для денежного обращения Древней Руси характерна тесная связь внутреннего обмена с внешней торговлей. Эта связь обусловлена тем, что внешняя торговля была единственным источником поступления в Восточную Европу серебра – основного металла для монетарной системы внутреннего товарно-денежного обращения.

Для развития рыночных связей в славянских анклавах Восточной Европы при их включенности в международную торговлю требовался драгоценный металл. Но в восточных землях славян его не было. Обширные области древнего расселения восточных славян были полностью лишены большинства основных видов ископаемого металлического сырья. Добычей и обработкой сырья удовлетворялась лишь потребность в железе¹⁷. Но оно в качестве монет не могло существовать в Древней Руси и в дальнейшем из-за измерения товара при помощи штучного счета – крицами, прутьями и сугребами. Серебро в течение многих столетий для Древней Руси было основным ввозимым металлом, а *иностранная монета – основной формой ввоза серебра*, постоянный спрос на которую поддерживался потребностями как денежного обращения, так и ремесленного производства.

Впервые славянство сталкивается с массовым ввозом серебряных монет уже в первые века Новой эры, в эпоху взаимодействия с римским миром. Проникновение римских монет в Приднепровье и Поднепровье связано с первым этапом завоевания римлянами северных берегов Понта еще в начале I в. н.э., но наибольшее распространение римские монеты получили в конце I в. и во II в. «Стремительность, с которой римская монета распространяется на восточнославянских территориях, не может не свидетельство-

---

¹⁷ Железо в виде болотных руд было распространено на территории Восточной Европы почти повсеместно. Местными рудами эти потребности удовлетворялись полностью вплоть до позднего времени, а простота кричного процесса не требовала узкой специализации металлургов.

вать о том, что экономика восточного славянства к этому времени испытывала сильнейшую потребность в металлических средствах обращения. Эта потребность проявилась не в отдельных районах Восточной Европы, а на всей территории расселения восточных славян»¹⁸. На протяжении двух столетий в Восточную Европу ввозился единообразный римский динарий с постоянным весом 3,41 г, который поглощался ремеслом и накоплением. Римский динарий находят в больших и малых кладах в Приднепровье и Поднепровье.

Прекращение ввоза римского серебра в III в. н.э. надолго лишило Восточную Европу возможности пополнять запас этого металла. Только спустя пять столетий, в конце VIII в., открылся новый источник его поступления, и он сохранялся до самого начала XI в. Этим источником был уже не Запад, а Восток. До X в., т.е. до образования Киевско-Новгородской Руси, пальму первенства занимала восточная монета. Восточная торговля славян обеспечивала ввоз серебра снова в виде монеты – сначала *куфического дирхема*, а в конце VIII – начале IX в. в виде *драхм* сасанидского типа¹⁹.

Целая историческая эпоха в развитии денежных систем многих цивилизаций Ближнего Востока и Европы (Западной и Восточной) связана с монетой Халифата. За исключением Византии, никакая другая цивилизация не могла соперничать с его денежным оружием – золотой и серебряной монетой – динарами и дирхемами, которые служили его могуществу. И не случайно в течение пяти столетий рыночные связи, денежное обращение и ремесленные промыслы славянских племен питало серебро Халифата и его монеты.

В основе чеканки монет Халифата лежал *ратль* весом около 409 г., из него чеканились 144 дирхем. Серебряный дирхем менял свое название при смене династий, поэтому в литературе говорится об аббасидском дирхеме, сасанидском дирхеме, но в целом эта

---

¹⁸ Янин В. Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. С. 100.

¹⁹ Во времена Пророка в Аравии не было своих денег. В обращении находились византийские номисмы (араб. динары) весом около 4,45 г, византийские серебряные и медные монеты и персидские серебряные драхмы (араб. дирхамы) весом около 4 г. Взяв за образец византийские монеты, Халифат стал чеканить собственные деньги (дирхемы). Однако и византийские, и персидские монеты оставались в обращении вплоть до денежной реформы Абдал Малика ибн Марвана (690–692–696 гг.).

денежная единица Халифата в весовом отношении была устойчивой – 2,3 г серебра. Дирхемы династий Омеййядов и Аббасидов были международной валютой.

Монетные дворы, где чеканились дирхемы и откуда они начинали свое движение по Восточной и Западной Европе, находились в Средней Азии, Закавказье, Иране, Малой Азии и Месопотамии. Наибольшее количество монет чеканилось в Северной Африке.

Дирхем (от греч. драхма) был введен в обращение около 692–696 гг. с начальным весом 3,9 г серебра. Эти монеты еще назывались куфическими (куфи – особое письмо, возникшее в иранских городах ал-Куфе и ал-Басре в конце VII в.). Куфические дирхемы – это тонкие серебряные монеты диаметром около 20–25 мм, обе стороны которых покрыты арабскими надписями. Тип куфического дирхема на протяжении четырех веков оставался единственным типом мусульманской серебряной монеты. В центральной части обеих сторон дирхема помещены легенды, содержавшие благочестивые изречения и имена правителей, а также сведения о месте и годе чеканки монет.

Малочисленную, но характерную для определенного периода группу монет составляют Сасанидские драхмы, более толстые серебряные монеты, на одной стороне которых изображены жертвенник и стоящие с двух сторон от него человеческие фигуры, а на другой стороне – портрет Сасанидского царя или других правителей, а также даты чеканки (с V до начала VIII в.). К той же группе относят серебряные монеты арабских наместников Персии середины и второй половины VIII в.

Именно посредством дирхема и драхм осуществлялось «вливание» серебра в экономику славянских племен на протяжении многих столетий, включая периоды «приливов», «отливов» и, наконец, полного затухания. Нумизматика дает достаточно полную картину самого процесса накопления этого драгоценного металла, что способствовало образованию в период Киевско-Новгородской Руси самобытной денежной системы.

В V–VII вв. на территорию средней Волги (от Самарской луки до нижней Камы) (Именьковская культура) проникают денежные знаки из Халифата (чаще из Ирана). Но серебро в этом регионе обращалось в виде не только дирхемов и драхм, но и изделий из него. Основным товаром, за который иностранные торговцы расплачивались серебром, был мех куниц, горностаев, соболей. Самые ранние драхмы, найденные в этом регионе, относятся к началу V в. (420–438 гг.), массовое проникновение относят к середине V в. Этот процесс шел по возрастающей весь VI в., что было связано с расцветом торговли Халифата. В VII в. торговля сокраща-

ется, что было связано с внутренними неурядицами в исламском мире, а также с проникновением новых групп кочевников в степные районы Средней Волги.

Наиболее интенсивное «проникновение дирхема в Европу и становление торговых связей Европы со странами Халифата начинается в 70–80-е гг. VIII в.²⁰, особенно на рубеже VIII–IX вв., в период Хазарского каганата. Огромная территория Хазарского каганата стала транзитной зоной, через которую арабские дирхемы проникали по Дону и Северному Донцу в славяно-русские земли, а по Волге – в земли булгар, мери, мурымы, мешеры и других финно-угорских племен Волго-Окского бассейна, позднее вошедшие в состав Древнерусского государства.

Выделяются четыре периода обращения дирхемов в Восточной Европе, связанные с изменением рыночных связей (международных и внутриславянских).

Первый период – последние десятилетия VIII в. и начало IX в. (820 г.), когда основной торговой артерией стал Волжский путь, связывавший Хазарию и страны Арабского Халифата с племенами Восточной Европы, а через Балтийское море – со Скандинавией. Тогда монеты попадали на Ладогу (ныне Старая Ладога), на славянские земли верхней Волги (поселения вблизи Ярославля). На юге Руси основным путем проникновения куфических монет был Дон, куда дирхемы и предметы восточного экспорта проникали из Хазарии. Часть монет с Дона поступала в бассейн среднего Днепра, а часть – в Поочье, оттуда через Владимиро-Суздальское ополье – на Волгу, в район Ярославля. По кавказско-донскому пути, также проходившему через Хазарский каганат, дирхемы попадали в восточные районы расселения славян (современные Воронежская и Липецкая области)²¹.

Второй период притока монет в Восточную Европу из арабских государств пришелся на 80–90-е годы IX в. Особенность его заключалась в том, что теперь значительное количество дирхемов прибывало из восточных районов халифата. Они обслуживали уже новые торговые пути сначала через Оку–верхний Днепр–Западную Двину (с центром в районе нынешнего Смоленска), а затем начавший складываться волховско-днепровский путь из варяг в греки. Но византийские деньги по нему так и не пошли, наоборот, в Херсонесе находят арабские дирхемы и фельсы (870 г.).

²⁰ Янин В.Л. Указ. соч. С. 20.

²¹ Янин В.Л. Указ. соч. С. 25–28.

Дирхемы обслуживали возросшую к концу IX в. торговлю на Волге на территориях, контролируемых Волжской Булгарией. На различных отрезках волжского пути обнаружено значительное количество кладов, прежде всего в районах городов этого государства – Булгаре, Биляре, Суваре. На Оке, в Верхнем Поволжье, в Белоозере вместе с куфическими монетами и предметами восточного импорта (преимущественно ювелирными украшениями) находят предметы, изготовленные булгарскими мастерами.

Третий период (самый короткий) обращения восточных монет на древнерусской территории датируется первыми тремя десятилетиями X в. На смену монетам африканской и ирано-иракской чеканки приходят дирхемы Сасанидской империи, в состав которой входили Средняя Азия, Восточный Иран, Афганистан. Тогда дирхемы обслуживают центры новообразовавшейся Руси: в районе Киева, Смоленска, Полоцка, Новгорода и Пскова. Маршруты, по которым доставлялись на Север и Скандинавию сасанидские дирхемы, стали путями для дружин Аскольда и Дира, Олега, Игоря, Святослава. Начало X в. – это время наибольшего ввоза в Восточную Европу серебряной монеты и расцвета массового производства серебряных украшений на Руси.

Четвертый период обращения арабских дирхемов в Древней Руси и Восточной Европе датируется 40-ми годами X – началом XI в. Хазарский каганат в тот период был сильно ослаблен нашествием печенегов, а к концу X в. был окончательно разгромлен князем Святославом и практически сошел с исторической арены. Зато наблюдается подъем торговли по волжскому пути, расцвет экономики Волжской Булгарии. После принятия ислама в 922 г. здесь начали чеканку монет по образцу сасанидских дирхемов, но с именами волжско-булгарских эмиров. На этом этапе происходит изменение статуса дирхема. Монеты начинают резать, дробить и принимать на вес. В письменных источниках начинает фигурировать новая денежная единица – «резана», весившая 1,63 г.

Основными поставщиками монет в Булгар были восточные купцы, персы и арабы. В Муроме, на границе Руси и Волжской Булгарии, найден один из крупнейших кладов сасанидских дирхемов – 11 077 шт. весом 45,2 кг. В западные и северо-западные торгово-военные центры их доставляли представители купеческого сословия полиэтничной Хазарии. Далее эстафету товаров и денег принимали русы-варяги и вошедшие в варяжские дружины славяне, балты, угро-финны. С ними деньги, украшения и ткани

уходили в Северную Европу, по пути распределяясь среди вождей и знати транзитных земель. А из Европы (Скандинавии, франко-германских государств) поступало прежде всего оружие, приобретенное на арабские деньги. Большие клады дирхемов в Скандинавии свидетельствуют не о непосредственной торговле норманнов с Востоком, минуя славянские земли (как это трактуют норманисты), а наоборот – о насыщении русского внутреннего товарного обращения восточной монетой, что обусловило ее отлив за западные рубежи славянских земель.

Выделяя проблему серебра как основы денежного обращения Древней Руси в историческом прошлом, а иностранные серебряные монеты – как источник его образования, необходимо подчеркнуть, что они образовывали только базу драгоценного металла, на которой могла возникнуть самобытная монетарная система Руси, способная обслуживать не только ее международную торговлю, но и внутреннее товарное обращение. Прежде чем перейти к ее освещению, и забегая несколько вперед, следует обратить внимание на некоторые важные положения, касающиеся характеристики российской денежной системы в ее историческом развитии. Прежде всего, название «денежная» предполагает ее связь с понятием «деньги», а оно появилось в нынешнем его общем смысле и вошло во всеобщее употребление только в эпоху Ивана Грозного, около середины XVI в. Раньше в этом смысле употреблялись термины скот, куны, серебро.

Серебро с X до XIX в. было основой русской денежной системы, и только в начале XX в. серебряный монометаллизм был заменен золотым стандартом Российской империи. Хотя золотые монеты эпизодически чеканились российскими самодержцами, они выступали скорее в качестве символов власти и формы накопления сокровищ.

Серебро в качестве денег как орудие обмена в рыночных связях прежде всего выступало в весовой форме. В историческом прошлом разнообразные монетарные формы денег всегда отражали то или иное весовое содержание серебра. Впоследствии происходит расчленение весового содержания серебра в монете и ее официального номинала. Вся история денег (до появления бумажных и кредитных) и есть история расхождения весового содержания и номинала.

Монетарная система возникает на достаточно высоком уровне развития рыночных связей (в рамках мир-экономик) в противо-

вес товар-деньгам, обслуживающим малые товарные миры. Монетарная система представлена всегда особой денежно-весовой метрологической системой денежного обращения, имеющей свою специфику, отражающей характер развития рыночных связей (международных и внутренних) на тех или иных этапах исторического развития каждой данной цивилизационной структуры. В любой денежно-весовой системе различаются два обязательных элемента: драгоценный металл, который лежит в ее основе, и система денежного счета (величина денежно-весовых единиц). Соотношение последних между собой и их отношение к основной единице по системе денежного счета и есть то, что кратко называют денежно-весовой системой, или денежной системой этой структуры. А у ее истоков всегда должны быть достаточно развитые связи мир-экономики той или иной цивилизации, которая на Руси возникла в период уже Киевско-Новгородского государства.

* * *

В Русской и западной цивилизациях период XI–XV вв. характеризуется крупными переменами в религиозно-духовной, государственной, геополитической сферах, что оказало большое влияние на формы развития рыночных связей и денежных отношений. Причем именно в эти столетия Русская цивилизация испытала потрясения в связи с нашествием монгольской кочевой цивилизации, угрожавшие ее существованию, но с которыми ей удалось справиться. На религиозно-духовной основе в виде русского православия были восстановлены независимая государственность, экономика и ее основные институты – рыночные связи и денежные отношения, сохранена их цивилизационная специфика.

РАЗДЕЛ II

**Рыночные связи
и денежные отношения
во втором многовековом цикле
Русской цивилизации
(XI–XV вв.)**

Received of the Treasurer of the University of California the sum of \$100.00

for the purchase of the book "The History of the State of California" by H. H. Henshaw

Wm. H. Henshaw

San Francisco, California

1910

Wm. H. Henshaw

РЕЛИГИОЗНО-ДУХОВНЫЕ ОСНОВЫ КИЕВСКО-НОВГОРОДСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ. РОЛЬ ПРАВОСЛАВИЯ И РУССКОЙ ЦЕРКВИ В БОРЬБЕ ПРОТИВ МОНГОЛЬСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА

3.1. От языческой к христианской Руси. Киевско-Новгородская государственность и самобытность политических структур

Государство является живым организмом, но организмом «укорененным в почве»... Почва является основополагающей, неизменной данностью, вокруг которой вращаются интересы народов. Движение истории предопределено почвой и территорией.

Ф. Ратцель

Мощное единое Древнерусское государство складывалось не благодаря, а вопреки географическим условиям. М. Любавский доказывает, что несмотря на близость расположения крупных речных бассейнов, которые в будущем способствовали государственному объединению русских племен, внутри страны имелись мощные естественные преграды (дремучие леса, непроходимые болота), которые затрудняли общение проживающего на русской земле населения, «не содействовали образованию единого и тесносплоченного государства», а, наоборот, предполагали существование русского населения в небольших союзах, с местными привязанностями и интересами¹. Что же стало стимулом к интеграции и преодолению этих региональных тенденций? Ответ однозначный: религиозно-духовный фактор как основной в сочетании с экономическими интересами, которые нашли свое выражение в развитии рыночных связей славянских племен. Сначала этот фактор был представлен славянским язычеством, которое достигло своего апогея накануне образования Киевского государства в первые два столетия его формирования (IX–X вв.)².

¹ Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации. С. 110.

² Византийское христианство, пришедшее на евразийские просторы, испытывало влияние славянского язычества. Дохристианский мир славянства имел многотысячную языческую культуру, в корне отличную от древнегерманского язычества. Она не ушла в прошлое и в христианский период,

Тогда язычество стало государственной религией Киевской Руси (при князе Игоре, Святославе и Владимире). Заметим, что приверженность молодого государства прадедовским языческим временам была формой и средством сохранения государственной политической самостоятельности в борьбе с могущественной и враждебной Руси христианской Византийской империей.

Вопрос об исходе борьбы между христианством и язычеством продиктован сугубо политическими мотивами. Не случайно, в эпоху Святослава (из-за войн с Византией) христианство стало гонимой религией, а язычество было реформировано и противопоставлено проникающему на Русь христианству. «Пантеон Владимира» был, с одной стороны, ответом христианству, а с другой – заявкой княжеской власти на использование религии в политических целях. В этот период язычество укрепляло и возрождало начавшие отмирать обряды, возродилась титулатура великого князя «Владимир – Солнце», уводящая к мифологическому солнцу Кола-Ксаю праславянских времен. Обновленное язычество X в. выражало в более тонкой форме противопоставление славянской языческой теологии и греческой христианской.

Новый русский пантеон был противопоставлен христианскому, но сохранялась сопоставимость с ним (за исключением Перуна)³.

что явствует из многочисленных церковных поучений, направленных против язычества, хотя христианство признавало за язычеством известную силу – ведь именно волхвы пришли по Звезде искать Христа в Вифлееме.

Рыбаков со ссылкой на русского писателя, современника Владимира Мономаха (может быть, паломника) игумена Даниила описывал развитие славянского язычества от дуалистического анимизма, одухотворявшего природу и делившего духов на враждебных и благожелательных, до сложной системы космологических воззрений, с которыми встретилось пришедшее на Русь христианство. «Со времени господства христианства прошло уже 1000 лет – пора уже взглянуть на наше язычество трезвыми глазами и отдать ему должное... Это была сильная, внутренне крепко скроенная религия, высокая, красивая и потому представляющая для христианства страшного противника».

³ В числе тщательно оформленных идолов на центральной площади Киева, у стен великокняжеского двора, не было таких архаических народных божеств, как Род. Род как владыка мира мешал первенству Перуна и был исключен из пантеона. Волос, «скотий бог», был, очевидно, слишком связан с земным началом, с торговлей и, по всей вероятности, был слишком демократичен, общенароден для жреческого окружения княжеской верхушки.

ХРИСТИНСТВО	ЯЗЫЧЕСТВО
Бог-Отец, Творец мира	Стрибог-бог-отец, он же Сварог, Небесный
Бог-Сын, Иисус Христос	Дажьбог-бог – сын небесного бога Сварога (ему придан Хорос, бог светила Солнца)
Бог Дух Святой	Крылатые фантастические животные, птицы (Семаргл, грифон Див)
Богородица Мария	Богиня плодородия Макошь

«Пантеон Владимира» указывает на изменение субординации в божественном синклите. В летописи они указаны в таком порядке: Перун, Хорос, Дажьбог, Стрибог, Семаргл, Макошь. Он содержал значительные изменения с более древним обручем-синклитом, где выделялись также Лада и Велес.

Языческая реформа, проведенная Владимиром, сопровождалась созданием кумиров. В Киеве Владимир поставил основных идолов – кумиров: Перуна с серебряной головой и золотыми усами, Хороса, Велеса, Дажьбога, Стрибога и других богов, которым князь и народ приносили жертвы.

Создание кумиров распространилось и на Новгород. Когда началась языческая реформа в Киеве, новый культ Перуна стал утверждаться и в Новгороде, хотя, как отмечают более поздние летописцы, отношение населения к нему было враждебным. Святилище Перуна было создано в сосновой роще у истоков Волхова из озера Ильмень. В Новгороде существовал также культ Волоса у южной околицы новгородского детинца.

Княживший примерно с 980 г. Владимир Святославович, умный, тонкий и коварный политик, не был похож на тот святочный идеал, который рисуется в христианской литературе⁴. Он придавал большое значение характеру религии, которая больше отвечала его политическим целям. Попытка князя Владимира Святославовича создать общегосударственный языческий пантеон не удалась. И князь решительно заменил язычество христианством, которое принял после захвата греческой колонии Херсонес и женитьбе на сестре византийского императора Анне. Так

⁴ После смерти Святослава в начавшихся раздорах между его сыновьями победу одержал князь Владимир. Он начинал как язычник, пытался ввести в течение десяти лет государственную религию. Сначала он попытался ее создать на основе канонизации ранее существовавших языческих верований.

языческий князь Владимир Красное Солнышко стал Владимиром Святым⁵.

Год 988-й считается началом христианского этапа Киевской Руси⁶. После принятия христианства возникает институт Русской церкви, которая в тот период была организована как церковная епархия константинопольского патриарха с митрополитом в Киеве, подчиненным патриарху⁷. С этого времени Русская церковь в лице митрополитов, епископов, священников, паломников стала влиятельным элементом внутренней и внешней политики государства. Например, новгородский архиепископ, обладая значительным политическим влиянием, зачастую выступал примирителем между вече и князем или между спорящими партиями на вече.

Русская церковь была полностью зависима от константинопольских патриархов, которые сохраняли контроль вплоть до Флорентийской унии. Поскольку статус Русской церкви при Владимире не был ясно определен, уже в начале XI в. Ярослав

⁵ Переосмыслен народом нравственный облик Владимира Красное Солнышко, где в народном сознании слились воедино два исторических деятеля, сыгравших особую роль в Древней Руси. Речь идет собственно о Владимире Святом – крестителе Руси и Владимире Мономахе, долгие годы княжившем в Переславле, а потом в Киеве. «Как хорошо служить князю! Яко птицы небесные уповают на волю Божию, тако и мы, господине, желаем милости твоя», – пишется в «Молении» Даниила Заточника (конец XII – начало XIII в.). «Моление» читалось и переписывалось, постоянно перерабатывалось, дополнялось, из него делались выборки, оно жило, творилось в течение веков. Память сохранила историю двора Владимира Красное Солнышко. Княжеский двор описывается в самых возвышенных тонах как светлый оазис в суетном и грешном мире.

Сказочно-условно возвышенны образы Владимира и его «светлой княгинюшки». Этому служили знаменитые пиры. Князь с боярами и дружиной пировал на высокой галерее дворца – сенях, а на дворе ставились столы для народа. Он кормил и поил всех, а тем, кто по каким-то причинам не в состоянии был явиться на княжеский двор, приказывал развозить блюда и питье. Здесь же гусяры сочиняли и пели, разносили пест по всей Руси.

⁶ Христианство стало официальной религией Киевской Руси только в конце X в. Расцвет христианства на Руси в XI в. можно понять, зная, что часть русских племен (юго-восточных и западных) находилась под влиянием христианской мысли с 860 г. Патриарх Фотий отправил в Крым своих миссионеров, которые добились больших результатов: через несколько лет значительная часть русских была крещена, а в 861 г. в Тмутаракани на Таманском полуострове появился епископ. Нельзя не отметить, что в христианство была обращена княгиня Ольга, она была принята византийским двором.

⁷ В западной цивилизации – это возрастание роли Римской церкви и пап, которые по отношению ко всем верующим применяли такое грозное духовное оружие, как *отлучение*. Они могли его использовать против не только светских и духовных властей, но и императоров.

заклучил соглашение с византийскими властями относительно ее сотрудничества с киевским князем при назначении высших духовных иерархов. Поэтому епископы в десяти епархиях государства должны были назначаться по рекомендации киевского князя, хотя все митрополиты на Руси киевского периода были греками, за исключением Иллариона в XI в. и Клиента в XII в. Роль митрополита Иллариона, русского по происхождению, но хорошо изучившего греческое православие, в организации Русской церкви во времена Ярослава трудно переоценить. Его эрудицию и ораторское искусство отражает одна из сохранившихся проповедей, где он говорит о значении приобщения русских к христианству. Иллариона считают основателем Киево-Печерского монастыря, который расцвел при сыновьях Ярослава и играл большую роль в русской религиозной жизни того периода.

Восточная ветвь христианства как государственная религия была внесена в духовную жизнь Древней Руси Владимиром и представляла собой интерпретацию реальных политических коллизий, изложенных теологическим языком. Принятие Киевской Русью восточного христианства не привело сразу к заимствованию византийской формы государственности, установленной Константином Великим. (Она возникнет позже и в другой исторической среде – при Иване IV.) А сначала в рамках христианства как государственной религии Киевско-Новгородской Руси возникли другие самобытные формы государственности, связанные с традициями Русской цивилизации. Этот исторический феномен объясняет Л.Н. Тихомиров: «Сами по себе вера христианская и христианское учение занимаются воспитанием духа человеческого, а не построением государства или общества. Христианская идея, однако, своими наставлениями отдельным людям вносила в общество и государство то, что впоследствии в нехристианской терминологии получило название естественных прав человека. Естественных прав в христианстве нет, но есть права Божественные, те права, которые вытекают из отношения к Богу и необходимы человеку в его религиозной жизни. Как требуемые свыше, эти права неуничтожимы человеческими законами, а должны лежать в основе государственного закона. Это уничтожает в христианстве идею государственного абсолютизма и дает личности права незыблемые. Этими правами не создается демократический эгалитаризм, но решается известная сумма прав личности и их обеспеченность... Какова бы ни была практика церковной иерархии, это учение

все же слышалось, всюду воспитывало людей в своем духе»⁸. Но «практика общественных отношений создана была совсем не по учению христианскому, а по бытовым и политическим причинам, возникшим при захвате Востока и Запада варварскими ордами, которые упрочивались на захваченных ими местах строго классического мира, да и сам классический мир был глубоко языческим, а в низших слоях населения таким же варварским, как и нахлынувшие на него орды»⁹.

Христианская этика содержит всегда три элемента власти: единоличную, аристократическую и демократическую. Возникновение государственной власти того или иного типа решается народным сознанием (народным менталитетом, связанным с его религиозными началами), какую из них признать верховной, а каким отдать второстепенную роль. В будущем в Великороссии вопрос решался в пользу самодержавия, в Киевско-Новгородской Руси он был отдан скорее демократическим и аристократическим началам, хотя верховная власть во всей земле, в федерации родов, была передана князю. «В князьях явился первый проблеск идеи о верховной власти»¹⁰, хотя понятие «князь» как владелец территории, хозяин какой-либо части Русской земли, имеющий постоянные связи с принадлежащей ему территорией, еще не было обозначено. Князь в Киевской Руси не был самодержавным правителем. «Корм был их политическим правом, оборона земли – их политической обязанностью»¹¹. И здесь обычно выделяется одна особенность характера княжеской власти, исторически возникшая только на Руси. «Любопытную черту призвания князей составляет то, что власть получил целый род... династичность государственной власти являлась сама собой. Но о единоличности не было мысли. Управительная власть каждого князя была единолична. Но верховная власть принадлежала всей совокупности, целому роду»¹². До монгольского нашествия Русью правила не княжеская семья, не старший наследник, а сразу весь род потомков Рюрика. Русь была как бы некоей собственностью семьи Рюриковичей. Именно семье, а не ее отдельных представителей. До 1017 г. права на кня-

⁸ Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории. М., 1997. С. 142.

⁹ Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. СПб., 1992. С. 292–293.

¹⁰ Там же. С. 295.

¹¹ Вернадский Г.В. Древняя Русь. С. 64.

¹² Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. С. 213–214.

жение, разные по значимости и по богатству, определяла лествица (лестница), т.е. список князей по старшинству. Старший по роду должен сидеть в Киеве, «матери городов русских». Этого старшего все остальные должны были почитать «в отца место». Другими городами и землями правили остальные князья по старшинству. «...Нигде более в истории мы не имеем возможности наблюдать столь своеобразный политический порядок»¹³. Суть этого порядка заключалась «в нераздельности княжеского владения Русской землей: Ярославичи владели ею, не разделяясь, а переделяясь по старшинству»¹⁴. Значит, власть принадлежала всему княжескому роду в целом и постоянно перераспределялась между его членами. При этом старший в роду старался захватить эту власть в Киеве, которая считалась высшей. Эту форму организации княжеской, т.е. высшей политической, власти Ключевский назвал *очередным порядком*. Род св. Владимира соединял эту землю в нечто политическое целое¹⁵. Эта форма государственности достигла наибольшего расцвета при Ярославе Мудром (князь Киевский с 1019 г.). Тогда происходит возвышение княжеского как верховного начала государственности и расцвет Русской цивилизации в рамках единого Киевско-Новгородского государства.

Ярослав стоял у истоков демократической формы правления в Новгороде, просуществовавшей в Новгороде столетия. Правда, она отвечала исторически сложившимся в этом анклаве Русской земли демократическим формам правления, поскольку нормой было признание за народом верховной власти.

Юрик, пришедший в Новгород, который до него управлялся народным вече, не стал его отменять (или не смог). Креститель Руси Владимир Святой до Киева княжил в Новгороде и став великим князем, отправил в Новгород одного из своих сыновей – Ярослава. После смерти отца Ярослав хотел занять великокняжеский киевский стол, попросив новгородцев о помощи. Вече согласилось, но за свою помощь попросило плату – не золото или земли, а вольности, свободы. Ярослав дал такую грамоту, которая более 450 лет служила гарантией новгородской вольности¹⁶. Несколько веков князья, которых звал

¹³ Ключевский В.О. Русская история. Кн. первая. М., 1995. С. 154.

¹⁴ Там же. С. 146.

¹⁵ Там же. С. 150.

¹⁶ Согласно грамотам Ярослава, князь становился не господином Новгорода, а его служивым человеком. С 1136 г. служба князя в Новгороде стала выборной. Новгород заключает с ним договор-ряд, в котором прописаны условия службы князя и обязанности города. Власть князя в Новгороде была ограничена, поскольку вече вынесло постановление, лишившее князя и его дружинников (не новгородцев) права иметь земельные владения в пределах

Господин Великий Новгород, клялись не нарушать данных Ярославом вольностей и приносили присягу Новгороду, положив руку на эти грамоты.

Именно во время княжения Ярослава складывается Русь как большое территориальное государство. К концу его правления оно простиралось от Белого моря до Черного и от Балтики и бассейна Вислы (на западе) до Печоры и Камы (на востоке). На эпоху княжения Ярослава приходится значительный политический, экономический и культурный расцвет Киевской Руси, наивысший подъем и укрепление ее внешнего положения¹⁷. Ярослав вел успешную борьбу с Византией, усмирил печенегов, сумел включить многочисленные угро-финские и тюркские племена в древнерусскую государственность.

В период своего княжения Ярослав основал ряд городов, как бы окаймлявших государственное пространство Руси: Ярославль на северной Волге, «Галицкий Ярославль» вблизи Карпат (сейчас принадлежащий Польше), Юрьев в северной Прибалтике (ныне эстонский Тарту) и еще один Юрьев на южном притоке Днепра — реке Рось.

Существует версия, что двуглавый орел, утвержденный, как обычно считают Иваном III и олицетворяющий единство Запада и Востока, был впервые введен Ярославом Мудрым. Эпоха его правления характеризуется налаживанием благоприятных международных отношений со многими государствами, как соседними (Волжской Булгарией, Швецией, Польшей, Чехией, Венгрией, Византией), так и с дальним зарубежьем (Норвегией, Англией, Данией, Германией). Очень высоким был авторитет Руси на «международной арене». Об этом говорит обилие династических бра-

---

Новгородского государства. Каждый вновь избранный князь должен был подписать с городом Новгородом особое соглашение, некий контракт, согласно которому князь принимал обязательство не вмешиваться в выборы официальных лиц и не смещать городских чиновников без решения вече или суда, так как именно вече, а не князь, обладало высшей судебной властью. Если князь нарушал договор, ему можно указать дорогу вон из Новгорода.

¹⁷ Западная цивилизация этого периода характеризуется возрастанием мощи Святого Престола, который сумел создать мощный институт государственности, опирающийся на духовный авторитет Римской церкви. Благодаря им папский Рим создал империю, которая была сильнее, чем империя Антонионов. Владения ее были обширнее владений Карла Великого, она продолжала распространяться в Скандинавии, Польше и Венгрии в течение двух веков после смерти Карла Великого.

ков русских княжон и князей с царствующими династиями европейских государств. «Половина всех браков в роду Рюриковичей между 862 и 1237 годами заключена между русскими княжнами и князьями и иноземными принцами и принцессами»¹⁸. Во время правления Ярослава были составлены первые законы («Русская правда»), которые прежде всего он даровал Новгороду, где раньше княжил. Позже эти законы были распространены и обнаружены в Киеве. «Русская правда» была основана на славянских обычаях, расширенных и модернизированных, так как в ее составлении принимали участие лица, знакомые с византийскими законами.

«Очередной» порядок княжения как самобытная форма организации высшей власти Киевско-Новгородского государства, как показало ее развитие, заключал в себе глубокие противоречия. Негативная сторона этой формы государственности состояла в соперничестве князей за Киевский престол. Из-за этого обычая русская история с 1050 до 1260 г. была историей столкновения между князьями, которые пытались захватить власть с помощью внешних союзников – венгров, поляков, куманов. В начале 1100 г. были приняты меры для достижения согласия между князьями: созывался несколько раз общий совет всего рода. Идею объединения всех князей активно поддержал внук Ярослава – Владимир Мономах, но после его смерти сформировать прочный государственный союз никто не захотел. После смерти Мстислава, сына Мономаха, Киевская Русь стала распадаться на самостоятельные княжества. Вместо одного культурного и национального центра в Киеве в середине XII в. возник ряд центров: Галицкое княжество на западе, Новгород на севере, Владимиро-Суздальское на северо-востоке и Киев на юге. Значение Киева снизилось после его взятия в начале XII в. войсками князя Андрея Боголюбского, к тому же город пострадал от сокращения торговли с Константинополем после разграбления последнего в 1204 г. крестоносцами.

К началу XIII в. единая Русская земля Ярослава и Мономаха перестала существовать. Изменился порядок княжеского владения в Киевской Руси, который долгое время держался на принципе старшинства. Он был заменен удельным порядком владения, который возник сначала на Суздальской земле после смерти Всеволода Большое Гнездо. Рядом со старшей Владимирской землей (составлявшей общее достояние Всеволодовичей) на Суздальской

¹⁸ Мединский В. Мифы о России. М., 2008. С. 118.

земле образовалось несколько младших волостей. Это привело к дроблению княжеств, особенно в восточной части Руси.

Монгольский смерч разрушил всю Русь и часть Восточной Европы¹⁹. Государственность монгольской Золотой Орды (XIII–XV вв. н.э.) можно классифицировать как власть кочевой орды над оседлыми народами. Сначала полная (впоследствии значительная) потеря русскими князьями политической независимости – одна из главных черт этого периода. «Именно в период монгольского нашествия Русь окончательно распалась на ряд самодовлеющих княжеств и стала в течение двухсот лет одной из частей (улуса) монгольской империи. Завоевывая то или иное государство, монголы применяли две формы управления. Там, где были сильные государства (Китай, Персия), монголы низвергали правящие династии и устанавливали прямое правление. На Руси были использованы две формы правления – прямая и вассальная. В русских регионах степного ландшафта (земли Киева и Подолии) монголы убрали князей и взяли территории под свое управление. В большей части Руси они оставили князей дома Рюрика у власти в качестве своих вассалов. Это объяснялось тем, что на Руси не существовало централизованного государства, а никто из удельных русских князей не представлялся хану опасным, тем более что большинство из них признали монгольскую власть. Кроме того, лесные области на севере не соответствовали образу жизни степняков, поэтому завоеватели были заинтересованы только в эксплуатации их людских и финансовых ресурсов.

Признав себя вассалами хана, русские князья должны были получить ханский ярлык. Его давали, если князь лично являлся к хану в Орду. Однако эта поездка была и опасной, и унижительной. Фактическую ликвидацию демократических элементов управления, присущих Киевской Руси, можно считать политической особенностью монгольской эпохи²⁰.

---

¹⁹ В 1239 г. все города Рязанского княжества были сожжены, как и Москва. В том же году сожжен Чернигов. В 1240 г. уничтожен Киев. В 1241 г. было разбито польско-немецкое войско, затем они овладели венгерским Пештом, опустошили Чехию и Хорватию. В 1242 г. вышли на берега Адриатики. Все волыньские города также подверглись разорению. Галич пал, но два города Галицкой Руси – Холм и Кременец – отбились. До Новгорода монголы не пошли, а к Пскову и Полоцку вообще не пошли.

²⁰ Монголы сознательно пытались ликвидировать вече, так как считали, что население городов по-прежнему способно противостоять их власти. Однако и сами князья, как правило, относились к вече с подозрением, солидаризируясь с ханской политикой в этом вопросе. Городские ополчения везде были

Для поддержания на Руси политической раздробленности ханы, когда они чувствовали возрастание силы какого-либо русского князя, всегда старались усилить раздор между ним и его возможными противниками. Если конфликт не удавалось уладить, они предлагали посредничество с целью наказать князя, в отношении которого испытывали недовольство. Важным элементом политической жизни монгольской эпохи были гражданские войны между русскими княжествами, т.е. военное противостояние княжеств и отдельных земель (с разорительными последствиями). Иногда эти акции происходили по поручению монголов, иногда с их участием²¹.

Власть русских князей, которым разрешалось иметь свою свиту, особенно в начале правления монголов, была поставлена под жесткий контроль. «Царь», как русские иногда называли хана, был высшей властью по политическим, юридическим, военным и финансовым вопросам. А это значит, что все русские князья были подвластны высшему суду Золотой Орды (многие из них были осуждены за действительные или мнимые преступления). И, конечно, все судебные вопросы между русскими и монголами разбирались только монгольскими судами. За сбором людей для отправки в армию следили сами монголы. Все русские, зачисленные в монгольские войска, были обязаны подчиняться военным порядкам монголов. За князем оставались его судебная власть

распущены. Вече прекратило свое существование на большей части Руси, за исключением Новгорода и Пскова и спорадического возрождения его в кризисные моменты (например, во время нашествия на Москву Тахтмышы). Аристократический элемент управления, представленный советом бояр, действовал, но в очень ограниченном виде, так как ханский ярлык защищал князей от политических требований и городского населения, и боярства.

²¹ В правление Менгу-Тимура большинство русских князей стали вполне лояльными по отношению к «царю» (так называли хана). После смерти Менгу-Тимура наступил период кровавых испытаний для русских земель. Это было связано с распрями в стане джучидов. Князь Ногай (внук пятого сына Джучи-Беалах) объявил себя самостоятельным правителем западной части Золотой Орды, что привело к противостоянию с ханом Тохтой, находящимся в Сарае. В этих условиях произошло разделение русских князей на две группы: одна часть князей признала себя сюзеренами Нагая (князья московский и владимирский), другие русские князья ориентировались на Тохту. Результатом противостояния были опустошительные войны, в которых участвовали монголы и русские с двух сторон. Однако пострадали в очередной раз русские земли (Владимир, Москва, Тверь и все их округа были полностью разорены). Единство правления в Золотой Орде было восстановлено Ханом Тохтой и упорочено его племянником Узбеком (первая треть XIV в.).

и судебные тяжбы между самими русскими. В первый период монгольского владычества это было единственной обязанностью князей.

Существование Руси в течение 200 лет как части Монгольской империи в качестве ее улуса должно было оказать и оказало громадное влияние на русскую историю. Каковы его масштабы, положительные и отрицательные последствия? Ответить на этот вопрос пытались ведущие историки прошлого и настоящего. Наличие позитивных сторон для дальнейшего развития Руси отмечали Н.М. Карамзин, Н.И. Костомаров, Ф.И. Леонтович; из евразийцев – Н.С. Трубецкой, из неоевразийцев – Л.Н. Гумилев²².

С.М. Соловьев, не отрицая громадного воздействия на русскую историю, обращал внимание главным образом на разрушительные стороны монгольского правления. Такой же точки зрения придерживались В.О. Ключевский, Б.Д. Греков и др.

Наиболее взвешенную позицию по этому вопросу занимает Г.В. Вернадский: «Монгольская экспансия XIII в. была одним из важных и судьбоносных взрывов в истории человечества, которые время от времени меняют судьбы мира. По масштабам своего влияния на всемирную историю она может быть соотнесена с варварскими нашествиями V в., которые опрокинули Римскую империю, положив конец древнему миру, а также с триумфальным маршем ислама в VII столетии. Монгольское вторжение может быть описано поистине как одно из ужасных несчастий, которые когда-либо постигали человечество. И, разумеется, когда мы думаем о

---

²² Известна гипотеза Носовского–Фоменко, популяризируемая Бушковым, о том, что никакого татаро-монгольского нашествия не было, а были лишь внутренние разборки русских князей между собой с привлечением «наемников» из числа полудиких кочевых племен татар, тюрков, монголов. Их теория началась как шутка, а стала серьезным источником прибыли. Книжки «параллельщиков» выходят одна за другой, будто над ними работает целый завод. Первоначально казалось забавным – выдвинуть самое нелепое предположение и доказать его на уровне математической логики. Но неожиданно у такого метода нашлось море поклонников, лишенных чувства юмора. Зачем обременять себя культурным багажом, если можно сказать, что вся мировая история – фикция? Фоменко и Носовского никто не думает опровергать, они существуют по ту сторону не добра и зла, конечно, а истории и фальсификации. «Теория Фоменко–Носовского просто вредна. И русских князей по Фоменко–Носовскому не было, и всей истории Руси IX–XIII веков... зачеркивает огромный кусок русской истории, а остальную историю делает несамостоятельной». *Мединский В.* Особенности национального пиара // *PRавдивая история Руси от Юрия до Петра*. М., 2009. С. 257, 258.

таких «плодах» монгольской победы, как разорение стран с древней культурой, подобных Китаю и Персии, превращение частей процветающего царства Хорезм (Туркестан) в пустыню, разрушение русских городов с их передовой цивилизацией, и прежде всего о тотальной резне в том случае, когда народы пытались организовать сопротивление, то нетрудно понять ужас, наводившийся монголами как на мусульман, так и на христиан... Счет потерь шокирует. Ни одна территория и период истории не знали подобной концентрации массовых убийств».

Д.А. Андреев считает «первой великой катастрофой нашей истории нашествие татар... в результате чего русская метакультура под ударами монгольского чудовища едва сохранила в себе жизнь и способность к будущему восстановлению»²³.

3.2. Симбиоз христианства и славянского язычества. «Земля русская» в мировосприятии древнерусского этноса, его разрушение монгольским смерчем и предпосылки образования трех обособленных этнических ветвей

В течение трех столетий (X–XII вв.) протекал сложный процесс образования *древнерусского социума* – субъекта Киевско-Новгородская Русь, консолидации на религиозно-духовной и многообразной полиэтнической основе. Перешагнув Черное море и широкую приморскую степь, восточное христианство в форме византизма обосновывается на Руси – первом форпосте на пути к необъятным евразийским просторам. Его встреча со славянским язычеством обусловила возникновение самобытных черт этой структуры не только в области государственности, но и мировосприятии древнерусского социума. Восточная ветвь христианства как государственная религия была внесена в духовную жизнь Древней Руси Владимиром. «Акт крещения Руси был почти единовластным деянием князя Владимира, – пишет Д. Андреев, – деянием полностью провиденциальным, сколь примитивны и сторонни не были бы мотивы, активизирующиеся в сознании реформатора... По своему характеру это насаждение христианства было революцией... Бывали моменты, когда князь Владимир не знал, одолеет он язычество или нет»²⁴.

²³ Андреев Д.Л. Роза Мира. С. 237.

²⁴ Андреев Д.Л. Роза Мира. С. 98.

Народ воспринял эти действия правителей далеко не однозначно. С одной стороны, объективное стремление человеческой души к значительному и совершенному чувству в религиозном мироощущении людей того времени выражались в понимании бессилия человека перед высшими силами и принятии общественной иерархии как божественной воли, которой надо только повиноваться. С другой стороны, славянское язычество давало «утоление этому чувству», но вместе с тем какие-то стороны духовных интенций оставались неудовлетворенными. И именно их сумела заполнить новая религия. «В целом жизнь Киевско-Новгородского государства определялась греческим православием, хотя не без сильного влияния славянского язычества. Что из этого произошло? Двоеверие. Но особое, где-то дополняющее, а в некоторых случаях взаимоисключающее друг друга. Однако этот синтез и явился Высшей правдой, образовав духовную основу, стержень Русской цивилизации. Точнее, христианство, быстро добившееся господства в качестве общегосударственного круга идей, вытеснило своего соперника (славянское язычество) из целого ряда областей жизни, и прежде всего из области обобщающей и систематизирующей мысли»²⁵. Славянское язычество не было представлено философскими обобщениями, но, тем не менее, оно завоевало фольклор, низовое и прикладное искусство, народные обряды, быт, проникнув даже в русские православные праздники. Поражает необычная живучесть этого языческого мироощущения. И это обстоятельство говорит о том, что оно отражает некие коренные, органические черты народной психологии. «Если в этом вопросе мы способны удивляться чему-нибудь, так это тому, что славянское язычество (Андреев называет это прароссианством) все-таки не было уничтожено. Больше того, создается впечатление, что враждебному натиску византийского мифа кто-то все время ставил некий предел, кто-то век за веком оберегал слабые грядки прароссианства от вытаптывания поступи воинствующей церкви... В глазах Высшей мудрости обе стороны драгоценны, обе оправданы единой истиной, таящейся в них под покровом двух правд. Искоренится ли на Руси христианство, задохнется ли прароссианское оправдание мира – исчезнет одна из двух основ *грядущей синтетической культуры*. Обе должны быть сохранены до тех отдаленных времен, когда станет возможным не уничтожение их во взаимной борьбе, но переход обеих в общее *гармоническое мироотношение*

²⁵ Там же. С. 105.

и богоотношение, свободное от узости, от эпохальной ограниченности одного из них и от безотчетности, безинтеллектуальности другого»²⁶. Это духовное мироощущение выразилось очень ярко в русском церковном зодчестве, технические основы которого были византийскими, а общий абрис построек — чисто русским. Довольно быстро овладев византийской техникой каменного зодчества, русские мастера начинают вкладывать в него свое мироощущение. Византийские архитектурные заимствования были переосмыслены в соответствии со славянским мировосприятием, прежде всего со стороны внешнего вида, так как внутреннее пространство храма и его декор жестко определялись византийской догматикой. Что касается внешнего вида храмов, все время находящегося на глазах славянского населения, то он должен был отражать мироощущение народа. В противном случае воздействие его было бы отрицательным даже для пропаганды христианства.

Ритмы лесостепи²⁷, в которой, по мнению Б.А. Рыбакова, формировались восточные славяне, предполагал возведение храмов на просторном ландшафте с ясным членением его главных элементов — земля—небо—река, отражающим эстетику «земли русской», порождают эту гармонию, понятную и близкую славянской душе. Эта мысль очень точно выражена Андреевым: «С XI до XVIII века все очаги русской духовной и особенно религиозной жизни с поражающей нас последовательностью стремятся к совершенствованию и повторению одного и того же образа. Это архитектурный ансамбль, осью которого является белый собор с золотыми куполами и столпообразной колокольней, вокруг него сонм часовенок и малых церквей, часто многоцветных, но почти всегда златоглавых; далее — палаты, службы и жилые хоромы и наконец кольцо могучих защитных стен с башнями. У их подножия — излучина реки. Этот мотив возникает над Днестром в начале XI столетия, сейчас же повторяется над Волховом, а затем варианты его начинают множиться: в Пскове, Смоленске, Владимире, Переславле, Чернигове, Ростове, Коломне, Нижнем Новгороде, Устюге, Троице-Сергиеве, в больших и малых городах и совсем без

²⁶ Андреев Д.Л. Роза Мира. С. 107.

²⁷ Лес — это самое надежное убежище от врагов, заменяет человеку горы и замки. Лес — это место обитания жрецов-друидов, волхвов, отшельников, но и место темных таинственных сил, связанных с остатками исчезнувшего прошлого. Степь входила в мироощущение как чувство шири и дали, представление о просторном горизонте, о щедрости земли, безбрежности мира.

городов, во множестве монастырей и кремлей; в следующие эпохи он достигает апофеоза в Кремле Московском»²⁸.

На просторах Евразии встретились две духовные стихии: ясное, широко улыбающееся всему существу славянское языческое мироощущение и суровая, обращенная в глубины и ввысь Вселенной христианская религия. И постепенно христианство стало теснить языческое мироощущение. «Мощно вливался в сознание народа христианский миф, чаруя и привлекая сердца образами Вседержителя, Пречистой Девы и святых, некогда восходивших на высоты праведности из темных недр еврейства и Византии. От святынь Иерусалима и Афона, от куполов Царьграда устремлялись белые лучи, согревающие душу и приобщающие ее к радости православного творчества, иноческому деланию, подражанию житиям угодников, восхищению в области духа, смирению, храмостроительству, посту. И оттуда же доносились неустанные предупреждения, трепет ужаса перед мирами возмездия, тем более устрашающими, что никакими чистилищами тяжесть загробного воздаяния в Византийской цивилизации не была смягчена»²⁹.

Принятие восточной ветви христианства в качестве государственной религии и заимствование властью преобладающими многих элементов византийской культуры оказали благотворное воздействие на развитие интеграционных процессов в древнерусском социуме. В этот период завязывалось единство земское, народное. Нитями, из которых сплеталось это единство, были интересы, нравы и отношения. К этим связям надо отнести взаимное невольное общение областей, вынужденное действием очередного порядка княжеского владения; общеземский характер, усвоенный высшими правящими классами общества – духовенством и княжеской дружиной; одинаковые формы и обстановка жизни бытового порядка.

С введением христианства восточная ветвь славянских племен получила широкий доступ к накопленным человечеством знаниям, поскольку Византия была самой образованной страной того времени. И в этом распространении образования большую роль сыграла Русская церковь. Церкви и монастыри, возникшие во многих районах Киевско-Новгородского государства, где служба велась на церковно-славянском языке, стали религиозными

²⁸ Андреев Д.Л. Роза Мира. С. 112.

²⁹ Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Т. 1. С. 272–273.

центрами культурно-просветительской и духовной жизни. Церковь вела огромную просветительскую работу не только для того, чтобы прихожане читали Священное писание, но и потому, что считала просвещение делом полезным и богоугодным, способствовала распространению грамотности. В Киеве при храме Св. Софии имелась библиотека и церковная школа для детей дружинников. Даже в строптивом Новгороде духовная жизнь сосредоточивалась вокруг собора Св. Софии. Эти сведения живут в летописных сводах. Летописание считалось богоугодным, душеполезным делом. Повести, сказания, слова, моления, обращения, жития обычно просто включались в летописные своды, а до этого жили какой-то своей жизнью. Образование населения входило как элемент демократии в общественный быт общества. В житиях некоторых новгородских святых, написанных еще в средние века, рассказывается, что они учились в школе. Сообщается об этом как вещи совершенно обычной по всей Руси³⁰. Массовая грамотность населения Киевско-Новгородской Руси отличала ее от Европы того же периода³¹. Княгиня Ольга «устроила» в Киеве школы, в том числе и для девочек. Образованием подданных занимались и Владимир, и Ярослав, и другие князья. В летописи 1030 г. среди важнейших государственных дел сообщается, что Ярослав Мудрый, придя в Новгород, собрал «от старост до поповых детей 300 человек, которых учили книгам» (хотя во всем Новгороде жило не больше 10 тыс. человек). В Пскове, Новгороде, Ростове и других городах просветительскую работу вели сами города.

---

³⁰ Особенно широко грамотность была распространена в Великом Новгороде, где берестяные грамоты содержали сведения о налогах, дарственных пожертвованиях, хозяйственных распоряжениях, жалобах. «Невозможно найти группу населения Новгорода, не владевшую грамотой. На Руси грамота была так широко распространена, что использовалась для частной переписки. Прихожане пишут священникам и наоборот. Ростовщики переписывают своих должников. Одни бояре пишут другим. Ремесленники переписываются с заказчиками. Регулярно писали друг другу люди самого простого состояния, в том числе супруги (грамоту знали и женщины), родители и дети».

³¹ Древняя Русь нашла материал, который на Западе не использовался, — бересту. Дело в том, что до массового производства бумаги писали только на папирусах, затем на пергаменте, на черепаках, на покрытых воском дощечках. На Руси в повседневный обиход был введен самый распространенный материал — береста. Писали на ней, процарапывая буквы специальным стержнем. Найдены и длинные стержни-писала, которыми прочерчивали буквы на бересте. Писало было таким же бытовым предметом, как нож или роговой гребень.

Все рассмотренные выше факторы, связанные с особой формой государственности (очередным порядком княжения), рождали особые формы мировосприятия социума Киевско-Новгородской Руси. Отечественные историки считают существенной чертой Русской цивилизации особое отношение к «земле русской». «Историческая эпоха, в делах которой весь народ принимал участие и через это участие почувствовал себя чем-то цельным, общее дело всегда особенно глубоко врезается в народной памяти. В XI–XII вв. у нас таким стереотипом была Русская земля, о которой так часто говорят и князья, и летописцы... Везде Русская земля и нигде, ни в одном памятнике не встретим выражения русский народ. Пробуждающееся чувство народного единства цеплялось еще за территориальные пределы земли, а не национальные особенности народа. Народ – понятие слишком сложное, заключающее в себе духовно-нравственные признаки, еще не давшиеся тогдашнему сознанию или даже еще не успевшие достаточно обнаружиться в самом русском населении»³². Поэтому доминантой в мировосприятии древнерусского этноса было священное отношение к «земле Русьской»³³. Оно нашло свое отражение в величайшем произведении древнерусской литературы, написанном в 1185 г. в Киеве, – «Слове о полку Игореве». «Широта взглядов автора поразительна. Он аргументирует свою позицию, углубляясь в далекую историю («Трояновы века», II–IV вв.), «время Бусово» (375 г.). Он хорошо знает историю, свободно расставляет плюсы и минусы отцам и дедам современных ему политических деятелей. Он аналитик и прекрасно разбирается в текущих событиях, выделяя в них главное... Неудачный поход новгород-северского князя Игоря на половцев он использовал для того, чтобы вложить в уста великого князя киевского призыв к единству в борьбе с внешним

---

³² Ключевский В.О. Курс русской истории. Т.1. М., 1956. С. 204–205.

³³ Мифологизированы народной памятью сбережение, защита Земли Русской и служение ей. Она отражена в былинах о богатырях – Илье Муромце, Алеше Поповиче, Микуле Селяниновиче и др. Богатыри – побратимы и нерушимо преданы друг другу, они отличаются душевной широтой, бесстрашностью, нестяжательством. «Первые богатыри появляются при дворе киевского князя Владимира, то есть на рубеже X и XI веков. Последний из богатырей, Алеша Попович, погибает в битве на Калке в 1224 году – первой битве с монголами». Сражение богатырей с трехглавым драконом, Змеем-Горынычем, сидевшим на дубе Соловьем-Разбойником, иноземными богатырями, «наскакавшими» из степи, выступают как служение не столько князьям, сколько Руси.

врагом»³⁴ А оно стало необходимо для противостояния монгольскому нашествию. Но Русь была растерзана и политически, и экономически, и территориально, что привело к расколу древнерусского социума.

В монгольский период происходит раскол древнерусского этноса и образование трех этносов – великороссов, малороссов и белорусов. Оно было связано с изменением территориального разброса разных ветвей древнерусского этноса³⁵, разрушением цивилизационных связей между ними. Это обусловило разную религиозно-духовную ментальность этих анклавов, определяемую в значительной степени влиянием на них католического Запада.

События XIII в., связанные с татарским смерчем, разметали древнерусское население. Одна его часть из Киевской земли ушла в лесистые предгорья Карпат. Эта часть южнорусского населения осела в Галицком княжестве и слившейся с ним политически Волынской землей³⁶. Именно это государственное образование стало впоследствии называться Малой Русью, а население – *малороссами* (украинцами). Татарское нашествие настолько разорило и обескровило эти земли, а население уменьшилось так, что неко-

---

³⁴ *Мединский В.Р.* Правдивая история Руси от Рюрика до Петра. С. 121.

³⁵ Древнерусский этнос в IX в. занимал территорию от Волго-Окского междуречья до Карпат и от Ильмень-озера до степей за Переславлем, в сотне километров к юго-востоку от Киева. (Киевская Русь занимала западную часть бывшего СССР, да и то не всю, так как средняя и нижняя Волга, а также южные степи принадлежали тюркским племенам.) В XI–XII вв. древнерусский этнос (новгородский) осуществлял колонизацию главным образом территории современной Карелии, а также бассейнов среднего и нижнего течения Северной Двины. Другой поток, сначала менее интенсивный, нежели новгородский, направлялся «снизу», из Ростово-Суздальской Руси. Его переселенцы осваивали преимущественно верхнюю и среднюю Северную Двину, Белозерье, бассейн Сухоны.

В период существования Киевско-Новгородской Руси территория нынешней Украины была центром древнерусского социума, а Владимир (позже Москва) был восточной окраиной, Новгород – северной. Перед нашествием монголов в удельно-вечевой период древнерусский социум в основном концентрировался в Чернигово-Северском, Переяславском, Киевском, Волынском княжествах, Подольской земле, отчасти в Галицком и Турском княжествах.

³⁶ После нашествия Батыя Галицко-Волынское «королевство» пыталось заручиться поддержкой католического Запада, чтобы освободиться от власти монголов. Но помощи от Запада не получила, и Галицко-Волынское «королевство», страдая от периодических татарских вторжений и династических усобиц, перестало существовать в качестве политической единицы. Польша присоединила к себе Галицию, а Литва – Волынь.

торые исследователи (например, Погодин) высказали предположение, что с этой территории чуть ли не все население ушло на север, а вместо него позже пришло новое население из-за Карпат. (Противники этой точки зрения считают, что значительная часть населения все же осталась, хотя частично колонизация новыми пришельцами имела место.)

Западная часть древнерусской народности также попала в особые политические условия. Это были дреговичи, обитавшие в болотистом Полесье, а также кривичи смоленские, жившие в лесистом бассейне верхнего Днепра. В XI–XII вв. в процессе дробления русских земель обособилось Полоцкое, Туровское и Смоленское княжества, которые распались на более мелкие владения (более десяти). Они продолжали сидеть на своем корню и развивать свои этногеографические особенности, выделившие их, в конце концов, в третью разновидность древнерусского этноса – *белорусов*. Подчинение их Литве в XIII–XIV вв. и соединение с другими племенами в одно государство – Великое княжество Литовское – предохранило их в значительной мере от татарского ига. Не случайно старобелорусский язык (древнерусский) в XIV–XV вв. использовался в делопроизводстве, на нем создавались летописи, хроники, юридические памятники, литературные произведения. С созданием в конце XVI в. объединенного польско-литовского государства эту часть земель стали называть Белой Русью, а население – белорусами³⁷.

Иначе развивалась восточная ветвь древнерусского этноса. Татарское нашествие разрушило старую оседлость Ростово-Суздальской земли, а его население сконцентрировалось в лесных областях, колонизируя одновременно Поморье. Оно образовало *великоросский* анклав древнерусского социума, ставший последовательным защитником русского православия. Именно великороссы сыграли наибольшую роль в формировании русской государственности в процессе освобождения от монгольского владычества, противостояли монголам в разрушении своей духовной силы.

---

³⁷ Важным фактором формирования духовного мира малороссов и белорусов было постоянное сближение православного духовенства с католичеством. Этот процесс получил свое окончательное решение с принятием Брестской унии (1596 г.), согласно которой Церковь Белоруссии и Украины приняла католические догматы и перешла в подчинение римского папы, но сохранила в основном православные обряды.

3. 3. Русская церковь и великоросский (русский) этнос в борьбе против монгольского владычества

Только удивляешься духовной и физической мощи наших предков, которые не повторили судеб многих иных народов, что бесследно и бесславно растворились в татарских ордах (как, скажем, половцы), а снова и снова возрождались самобытным народом, не изменившим своему Богу, народом, стойко вынашивающим мечту об избавлении, не мести – а избавлении.

Ю.П. Власов³⁸

«Иго в головах» – это тот удар, который нанесли монголы в процессе покорения Руси. Была задействована концепция **устрашения**, опробованная до этого во многих восточных государствах. Это психологическое оружие – нечеловеческая жестокость – гипнотизировало. Завоевателей отличало полное отсутствие каких-либо норм морали. Воля к сопротивлению подавлялась: нас – тьма, сопротивление бесполезно, с нами воевать невозможно и бессмысленно. Цель монголов: создать систему, чтобы все боялись и платили дань. «Татарское иго было разрушительным не только в смысле множества материальных и человеческих жертв. Главная опасность состояла в посягательстве на смысл жизни. Есть ли смысл пахать и сеять, если урожай отберут хищные баскаки хана. Есть ли смысл рисковать жизнью в освободительной борьбе, если 150 лет подряд такие битвы неизменно кончались поражением и возвращением к рабству, но в еще более ужесточенном виде. *Народ уставал духовно, ибо его существование лишалось главного тонизирующего источника – смысла*»³⁹. Что может противостоять этому кровавому молоху, терзающему не только тело, но и душу? Только религиозно-духовный фактор. Он становится определяющим по влиянию на подъем народного духа, его самые главные политические и экономические процессы. И он получил свое развитие в самый тяжелый период жизни народа, когда русское православие приобрело ряд новых качеств, так как постижение основ Инобытия – постоянный процесс, выступающий как

³⁸ Власов Ю.П. Русь без вояды. Воронеж, 1995. С. 31.

³⁹ Панарин А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XX веке. М., 1998. С. 85.

религиозное творчество не только Церкви, но и самих верующих. Только православие и его духовные вестники в клире и мире спасали эти островки жизни.

Гегель ввел в философский обиход термин «неисторические» народы, причисляя к ним русских, хотя эту точку зрения, по сути, разделял Маркс. Однако эта идея философа содержит в себе рациональное зерно. Оно заключается в следующем: разные этнические группы населения Земли находятся в сложных иерархических отношениях. И эта иерархия определяется тем, сумела ли данная этническая группа стать у истоков той или иной цивилизации или не сумела. Подчеркнем, что речь в данном случае не идет о расовой или этнической неполноценности тех или иных народов. Речь о другом – о пассионарности, т.е. способности разных этнических групп к созданию больших цивилизационных анклавов со своей метаисторической идеей. Любая цивилизация в процессе исторической (точнее, метаисторической) эволюции всегда существует как сообщество, предполагающее наличие большого территориального анклава, а также значительного по численности населения, полиэтнического по своему составу, где всегда существует этнос, образующий цивилизацию.

В Русской цивилизации таким этносом были великороссы (русские), став у истоков образования многонационального государства – России (в современной терминологии – нации), породив формы государственности и демократических институтов, присущие только одному и различающиеся в разных вековых циклах. И в этом смысле русские входят в немногочисленную группу народов. Л. Гумилев относит к цивилизационно-образующим этносам всего 30 народов, в том числе и великороссов. «Русский народ, в отличие от многих других народов, сложился как носитель особой цивилизации, имеющей все отличительные черты самобытного и полноценного планетарно-исторического явления», – пишет Дугин⁴⁰. Исторической жизни русскому народу стыдиться нечего: в условиях беспримерной в истории человечества «географической обездоленности», невиданных в истории иностранных нашествий, при хроническом перенапряжении всех огромных сил этот народ создал самую великую в истории цивилизацию» – утверждает Солоневич⁴¹.

⁴⁰ Дугин А.Г. Основы геополитики. С. 189.

⁴¹ Солоневич И.Л. Народная монархия. С. 53.

Вопрос об образовании великороссов как особого этноса достаточно подробно проанализирован ранее⁴², где основное внимание было уделено ментальности русского народа в сопоставлении с мировосприятием этносов западной цивилизации, феномену «загадочной русской души»⁴³. Здесь основной акцент сделан на выявлении истоков образования этой ментальности, который был связан с ростом пассионарности народа.

Ужасы монгольского нашествия, княжеские усобицы, суровые условия жизни способствовали формированию этого качества народа на основе православия. Гумилев особо подчеркивает роль пассионарности социума в целом в критические минуты его жизни,

---

⁴² Подробнее см.: *Можайскова И.В.* Духовный образ русской цивилизации... Его появление Гумилев связывает с космическим (энергетическим) фактором, охватившим эту часть Евразии в XIII в. В биосоциальном плане это ускорило процесс метизации восточной ветви славянства с аланами, татарами, угро-финнами и некоторыми другими народностями Евразии. Отголоски этой биосоциальной метизации нашли свое отражение в разных антропологических типах великороссов (русского населения), где наиболее четко выделяются следующие типы: онежский, ильменский, валдайский, западный верхневолжский, вологод-вятский, дон-сурский, средневолжский и верхнеокский.

⁴³ Подчиненность своей индивидуальной жизни Высшему мировому выступает у русского человека доминирующим признаком, даже если он не верит в Бога. «Русские всегда хотят действовать во имя Абсолюта или податься на уровень Абсолюта. Существенный момент русского духа есть религиозность, включая и воинствующий атеизм», — утверждал Лосский (*Лосский Н.О.* Характер русского народа. М., 1990. Кн. первая. С. 37).

К корневым основам духовного склада русских относится и изначальная потребность в рамках личностного восприятия различать понятия добра (правды) и зла (неправды). Стержнем правды была жизнь по совести с ориентацией на высшие нравственные ценности. Если деяния человека не соответствовали жизни по совести, то личность теряла свою нравственную ценность и считалась пропащей. «Правда — это не формальный закон, юридическая норма в западном понимании, а некая мера добра и совести, абсолютная для души... Никогда русский человек не верил и не будет верить в возможность жизни на юридических началах», — писал Тихомиров. Исходя из этих основополагающих религиозно-нравственных основ русского православия формируется вся сфера социально-экономических отношений, что особенно заметно в старообрядчестве. И не случайно частная собственность не возводится в ранг «священных принципов». Однако стремление к Абсолюту и творческая одаренность порождают то, что «русские не интересуются средней областью культуры: русские, максималисты, им нужно или все или ничего» (Бердяев Н.). «Любые социальные роли в России требуют сопряжения с высшим смыслом и немедленно теряют в качестве, если эта связь обрывается» (А. Панарин). «Пресловутое «равенство в рабстве», о котором столь часто пишет либеральная историография... на самом деле означает включение всех подданных в систему высшей ответственности».

так как любое достаточно сильное постороннее воздействие может сломать биосоциальную систему, обрекая ее на распад, если не последует немедленная регенерация. Пассионарная доминанта – важный элемент динамичного развития народа, при которой интересы коллектива ставятся выше личных. А она предполагала наличие некоей духовной опоры в сознании широких масс, ею стало православие.

Море страданий, принесенных монголами русскому народу, привило или раскрыло дремавшие дотоле навыки, став горнилом, в котором ковалось русское духовное своеобразие. Страдание в христианстве означает пробуждение благороднейших человеческих сил, возвышение личности, развитие сознания ценности и углубление способности быть счастливым в трудных жизненных обстоятельствах. Христианские общины приучали своих членов думать не только о своих интересах, но и о мистически понятых судьбах России. «Стержень последнего – русское благочестие... В этом разительном противополжении – своей ролью наказания Божия – татары очистили и освятили Русь, своим примером привили ей навык могущества – в этом противополжении явлен двойственный облик России»⁴⁴. В этих условиях у большинства народа формируется простой, ясный взгляд на жизнь. Правило жизни – самоотвержение. Не мир своими благами обязан служить притязаниям человека, а он сам своими делами обязан оправдать свое появление в мире. Страдание признается благодатным призывом к этому оправданию, горечь страдания растворяется отрадной мыслью о подвиге терпения, а житейская радость – напоминанием об ее незаслуженности. Иными словами, христианское благочестие слагается из мысли, что личное существование должно служить целям мирового порядка, следовать путям Провидения, что личное существование должно оправдывать это назначение, слагаясь из идеи долга и чувства смирения. И не случайно «теория хилиастов о наступлении царства Святого Духа, попав на Русь, слилась с приводимой первым летописцем легендой о предсказаниях апостола Андрея о религиозном будущем русской земли... Ее исторические задачи и обязанности в отношении православия и всего христианства... определялись как охранительно-консервативные, а не миссионерско-экспансионные. Более того, новая доктрина возлагала не новые права, а новые обязанности. Эти обязанности были четко определены: сохранение русским народом истинной

---

⁴⁴ Савицкий П.Н. Степь и оседлость. М.; Берлин, 1922. Кн. 2. С. 344–346.

православной веры до грядущего конца мира и сохранение самого русского народа в чистоте и святости православного учения... Постепенно в глазах русских людей их страна становилась Святой Русью, избранным народом новым Израилем»⁴⁵.

В создании этой пассионарной доминанты русского народа большую роль играла Русская церковь, судьба которой в первый период монгольского нашествия была для нее такой же страшной, как и для других слоев общества. Многие священники, включая митрополита, погибли в разрушенных городах. Большинство соборов, монастырей и церквей было сожжено или разграблено, в том числе и знаменитые соборы Киева. Затем положение изменилось. Для Чингисхана характерна была веротерпимость. «Он (Чингисхан) приказал уважать все религии и не высказывать предпочтение какой-либо одной из них»⁴⁶. Не случайно среди его воинов, полководцев и администраторов были как шаманисты, так и буддисты, мусульмане и христиане, хотя исконной верой монголов был бон (иногда называют шаманизмом) – древнее поклонение Космосу. Потомки Чингисхана также придерживались этих принципов. И потому в империи чингизидов длительное время сосуществовали ислам и христианство (последнее в форме несторианства), которое исповедовали многие. Считают, что сын Батыя Сартак был близок к православию или прямо перешел в него.

С начала XIV в. возникла религиозная грань между Золотой Ордой и Русью. Тогда хан Узбек насильственно ввел ислам как государственную религию, и его принятие стало обязательным для всех подданных хана под страхом смерти⁴⁷. Однако приказ

---

⁴⁵ Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. Духовные движения семнадцатого века. С. 32, 33.

⁴⁶ Вернадский Г.В. Монголы и Русь. С. 108.

⁴⁷ Почему был принят именно ислам, а не христианство и не буддизм (ведь многие великие ханы в Китае приняли эту веру), неизвестно. Вероятно, это связано с общей притягательностью ислама, его гибкостью, способностью приспосабливаться к местным обычаям, обрядам, традициям. Причем если обращение в ислам народов Средней Азии (Бухара, Хорезм) происходило насильственно в период арабских завоеваний (VI–VII вв.), то впоследствии оно осуществилось мирным путем. Мусульманские миссионеры распространили ислам в Булгарии – современной Татарии – в конце IX – начале X в., в Башкирии – в X–XII вв., в Кабардино-Балкарии и Черкессии – в XIV в., в Чечено-Ингушетии – в XVI–XVII вв. Мирным путем приняли ислам и монголы. Если бы монгольские ханы, потомки Чингисхана и Джучи, приняли бы православие, то, возможно, не Москва, а Сарай оказался бы духовным и культурным центром Русской Земли. Но история не знает сослагательного наклонения.

не распространялся на русские княжества. Не исключено, что это определялось в значительной степени общеполитическими планами монголов, связанными с их взаимоотношениями с Византией. «Они... вполне отдавали себе отчет в возможности использовать русское духовенство в качестве посредников в их отношениях с Византией. Важный шаг в сторону координации дел Русской церкви с монгольской администрацией был сделан в 1261 году, когда Берке одобрил предложение, выдвинутое Александром Невским и митрополитом Кириллом, об организации русского епископства в Сарае»⁴⁸. Не случайно преемник Берке – Менгу-Тимур – выдал русским церковным властям ярлык (охранную грамоту).

Лояльное отношение ханов к Русской церкви, выдача «ярлыков» и обеспечение прав русских митрополитов и епископов способствовали укреплению ее политического и духовного авторитета. В политическом плане это влияние было связано с тем, что после монгольского погрома (1240 г.) Киев потерял значение центра церковной администрации, митрополиты стали подолгу жить в северо-восточной Руси, сначала во Владимире на Клязьме, а затем в Москве. Были организованы новые епархии, подчинявшиеся митрополиту. Митрополиты в тот период вели активную подвижническую деятельность, много разъезжая по Руси, направляя деятельность епископов и священников, а также князей. Русские митрополиты, посвященные в сан в Византии и защищенные ханской грамотой, были более независимы от княжеской власти, чем в какой-либо другой период русской истории. И поэтому фактически митрополит не раз служил арбитром в разногласиях между князьями. Особенно высока была роль сарайского епископа, который был представителем митрополита всей Руси. Последний же сам был на Руси как бы посланцем Вселенского патриарха Византийского. Поэтому сарайский епископ служил посредником, с одной стороны, между митрополитом и монгольским ханом, с другой – между Вселенским Цареградским императором и митрополитом.

Роль Русской церкви в становлении великорусского этноса и реализации его духовных потенций громадна. Задача состояла не только в оказании моральной поддержки ожесточенным и озлобленным людям (от простого простолюдина до князя), но и в осуществлении более общей миссии – завершении его христианизации. Монгольский период был временем христианизации насе-

---

⁴⁸ Вернадский Г.В. Монголы и Русь. С. 109.

ления, где слились воедино как энергичные усилия русского духовенства, так и возросшее религиозное чувство народной элиты. Не случайно с середины XIV в. сельских жителей стали называть «крестьяне» (или христиане). Этот термин ввела церковь (грамота митрополита Киприана монастырю Св. Константина, 1391 г.). Возникла общая душа русского народа, формирующая его национальное самосознание. «Общая душа столь же подлинна. Едина, целостна и личностна, как и душа отдельного человека. Душа человека, скорее всего, бинарная; одной своей лично-душевой стороной она обращена к своей личности, другой стороной – к личности народа, в Общую душу. Общая душа не между душ и не над ними, она не есть их сложение или совокупность. Общая душа имманентна каждой душе, составляет ее сторону, которая реализует себя иначе. Общая душа живет собственной жизнью»⁴⁹. В этом процессе создания «общей души» и христианизации народа большую роль сыграли монастыри.

Поскольку монастыри владели значительной долей земель. Число монастырей постоянно росло: в первое столетие монгольского владычества было создано 30 монастырей, во второе – в пять раз больше. Более того, в массовом культовом строительстве отразились важные стороны национального самосознания русских переселенцев, которые видели в окружающей их суровой природе часть родины, Руси, пытались сохранить национальные святыни и верования. Характерно, что стремление покинуть мир усилилось не потому, что в мире скоплялись бедствия, а по мере того, как в нем возвышались духовные силы.

Убегая от соблазнов мира, монастыри служили его насущным нуждам, прокладывая путь русскому православию на север и северо-восток – в костромское, ярославское и вологодское Заволжье (путь на запад, юг и юго-восток был закрыт Литвой и татарами). Около монастырей оседало бродячее население. На этих просторах формировался новый русский мир, дышащий русским православием, ускоряя тем самым консолидацию духовных сил великороссов и его избавление от татарской неволи.

Русское национальное самосознание выросло не на почве тяготения к татарщине, а прямо наоборот, на почве возмущения татарским игом и сознательного отталкивания от татарщины как чужеродного тела в русской жизни. Это чувство объединяло всех русских людей – от простой деревенской женщины, пугавшей

⁴⁹ Мардов И.Б. Общая душа. М., 1996. С. 33, 36.

своего ребенка «злым татаринном», до монаха-летописца, именованного татар не иначе как «безбожными агарянами», и до лютого из князей, неизменно заканчивавшего все свои правительственные грамоты пожеланием того, что Бог «переменит Орду»⁵⁰.

В этой среде появились и пассионарии – князья, которые ставили защиту православной веры в основу своего служения Руси. И здесь первое место занимает Александр Невский. «Зашло солнце земли русской», – сказал митрополит Кирилл, услышав во Владимире о смерти Александра. И это отражало особую роль, которую сыграл этот князь в сохранении жизненного потенциала Руси в страшные годы монгольского владычества, одновременно обозначив пути, которые позволили бы освободиться от этой власти. «Кто с мечом к нам придет, тот от меча и погибнет!»; «Не в силе Бог, но в правде» – эти слова народное сознание вложило в уста князя Александра Невского, воспитанного Великим Новгородом, где княжил еще его отец и где в 1236 г., через 100 лет после основания республики, князем стал Александр Ярославович. В современной исторической литературе есть публикации, авторы которых Александра Невского называют чуть ли не коллаборационистом. Мы разделяем мнение Мединского, который дает характеристики князя не только как военачальника, но и как выдающегося государственного деятеля, четко понимающего геополитические реалии того времени и выделяющего главную задачу – сохранение физического и духовного потенциала народа. Для князя Александра греко-православная вера символизировала истину и духовную основу народа, которую пытался отнять у нее католический запад. Исходя из этого мировосприятия, понимая, что Русь не может одновременно противостоять шведам (немцам) и монголам, он принял твердый политический курс на ханское покровительство. Монголы индифферентно относились к русскому православию, но от Орды исходила угроза физическому существованию народа в процессе жестоких карательных экспедиций⁵¹.

⁵⁰ Кизеветтер А.А. Евразийство // Философские науки. 1991. № 12. С. 34.

⁵¹ Акцент на православный аспект деятельности Александра Невского и его борьба с крестоносцами, «гибкая» тактика по отношению к ханской власти важны, так как в это же время Даниил Галицкий пытался организовать сопротивление монголам, опираясь на Запад. Дело в том, что Даниил, восстановив свое княжество после погрома, стал одним из сильнейших государей в Европе. Данником хана он себя не считал. Но в 1250 г. прибыли послы от Батыя с грозными словами: «Дай Галич!». Летопись приводит его ответ Орде: «Не дам отчизны своей, сам поеду к хану». Фактически он ехал сдаваться,

Последующее историческое развитие Руси подтвердило мудрость Александра Невского и политики сохранения жизненного потенциала народа и его религиозно-духовной доминанты. Накопленные за столетия духовные силы великороссов на основе православия позволили Руси открыто выступить против монголов на Куликовом поле. И здесь в прочном союзе выступили православная княжеская власть и Русская церковь. Первую возглавлял князь Дмитрий, прямой потомок Александра Невского, вторую - Сергей Радонежский⁵². Почти через 100 лет после того, как Москва была передана Александром Невским его младшему сыну Даниилу, именно в Москве появился князь, достойный своего великого предка. «В шести поколениях один Дмитрий Донской далеко выдался вперед из строго выровненного ряда своих предшественников и преемников. Молодость (умер в 38 лет), исключительные обстоятельства, с 11 лет посадившие его на боевого коня, четырехсторонняя борьба с Тверью, Литвой, Рязанью и Ордой,

---

но благодаря этой фразе выглядело все так, будто князь готов пожертвовать собой ради своей земли. Даниил пробыл месяц в Орде и был отпущен живым и даже милостиво. Он воспарил духом. И тогда по его приказу из Галича отправился митрополит в крупные города Владимир, Суздаль, Рязань и от его имени ведут тайные переговоры о создании военной коалиции княжеств против Орды. Однако результат был негативный. Все кончилось очередной карательной экспедицией против самого сильного противника антитатарской коалиции – Владимирского княжества, князь которого бежал за границу, но Даниил не пострадал. А слава первого, кто попытался дать отпор Орде после захвата Руси, осталась за ним. Об этом знали не только другие князья на Руси, об этом знали и на Западе. И тогда произошло его сближение с папой римским. Рим, конечно, не собирался воевать с татарами, но ему нужно было закрепить на Руси. В 1255 г. князь Даниил, правитель Галицко-Волынской Руси (червонной Руси), был торжественно коронован и помазан папским легатом. Ни денег, ни легионов, закованных в броню рыцарей-крестоносцев, из Рима не прибыло, но у Даниила остались корона и слава первого русского короля. Хотя в современной Украине имя Даниила Галицкого используют для обоснования исторической древности украинской государственности, необходимо отметить, что «Украиной в его время назывались принадлежащие сейчас Польше земли к западу от Буга. Маленький пятючок на окраине Даниловых земель за Бугом. Окраина – Украина. Другой Украины не существовало» (*Мединский В. Особенности национального пиара. С. 278*).

⁵² Когда в Нижнем Новгороде возникли сепаратистские настроения, Дмитрий отправил туда послом Сергия Радонежского. Сергей затворил все церкви и запретил все церковные службы. А это означало, что новгородцы не могли ни креститься, ни жениться, ни помереть. Нижний Новгород выразил свою лояльность Москве. И этот прецедент имел большой резонанс – он воспринимался как сигнал о том, на чьей стороне церковь.

наполнившая шумом и тревогами его княжение, и более всего великое побоище на Дону положили на него яркий отблеск Александра Невского»⁵³.

Борьба Руси за независимость имела своего духовного лидера – святого отшельника Сергия Радонежского, который в лесах за городком Радонежем построил новую церковь во имя Святой Троицы, будущую Троице-Сергиеву лавру. Именно преподобный Сергий дал новый импульс русскому монашеству в становлении Святой Руси, монашеству, которое «было отречением от мира во имя идеалов, ему непосильных, а не отрицанием мира во имя начал, ему враждебных»⁵⁴. Роль св. Сергия Радонежского в духовной жизни русского народа была огромна, его святость вдохновляла даже тех, кто никогда не встречался с ним, он стал *символом веры* народа. Именно преподобный Сергий Радонежский благословил на подвиг князя Дмитрия Донского, на Куликовскую битву, который попытался освободиться от власти монголов.

Воспользовавшись распрями в монгольском стане, князь Дмитрий перестал платить хану регулярную дань, лишь время от времени отправляя символические суммы. Он первым отказался явиться в Орду к присяге, где утвердился ее новый правитель Мамай, и оспорил решение хана, который дал ярлык на великое княжение тверскому князю Михаилу. «К ярлыку не еду, Михаила на княжение Владимирское не пуцу, а тебе, послу, путь чист!» – ответил он татарскому послу.

Мамай решил наказать князя и пошел на Русь. Казалось, что возвратились ужасные годы начала XIII в., но на дворе был уже конец XIV в. Русские ответили целым рядом актов организованного сопротивления. Впервые со времен Батыев русское войско, собранное по призыву князя Дмитрия, встало на пути татар на берегу Оки, закрывая путь на Москву. Мамай, разорив Рязань, перейти через реку и вступить в бой с основными силами русских не решился. В Нижнем Новгороде убили посла Мамаю и разгромили сопровождавший его татарский отряд. В ответ татары разорили новгородчину, но масштабную карательную экспедицию на Русь не предприняли. Потом были еще два столкновения с монголами – одна на реке Пьяне (неудачная), другая на реке Воже (удачная). А дальше была Куликовская битва.

Благословляемый Сергием, князь Дмитрий Иванович вывел Русь на Куликовскую битву и одержал победу. Однако Куликов-

⁵³ Ключевский В.О. Исторические портреты. М., 1990. С. 69.

⁵⁴ Андреев Д.Л. Роза Мира. С. 314–315.

ская битва не решила проблему татарской угрозы, так как Орда и после нее оставалась сильной. Вернадский уточняет историческую ситуацию тех лет: «В Куликовской битве Восточная Русь сделала максимум возможного, на что была способна в то время. Если бы распри в Золотой Орде продолжились, то это сражение обеспечило бы Руси немедленную независимость. Сильная власть в Орде была восстановлена ханом Тахтамышем, который разбил войска Мамаю, вынужденного бежать в Крым, где он был убит генуэзцами. После овладения улусом Джучи Тохтамыш решил восстановить власть монгол над Русью и это ему удалось». Обманым путем захватив Москву, они сожгли ее, а защитников убили или взяли в плен⁵⁵. Опять все русские князья, включая великого князя Дмитрия, должны были обращаться к хану за ярлыком и вносить регулярную дань без какой-либо отсрочки. И тем не менее Куликовская битва изменила отношение к Московскому князю, который действовал вместе с высшим духовным пастырем и воспринимался как национальный лидер.

После Куликовской битвы было еще 100 лет монгольской неволи и разорения русских земель. Но в метаисторическом отношении, с точки зрения осознания народом своего духовного единства и своих возможностей, это был важный, переломный момент в выработке религиозно-духовного стержня русского народа. «Куликовская битва 1380 г. стала величайшим событием в жизни народа, ибо вырвала его из порочного круга бессмыслицы. В жизнь вернулась цель, заветный финал усилий – возможность на скорое освобождение. Но этот эмпирический смысл, проявляющийся в событиях материального плана, был радикально углублен и интенсифицирован, когда получил сакральное выражение»⁵⁶.

В конце XV – начале XVI в. православная пассионарность великороссов, ведомых светскими и духовными лидерами, начинает

---

⁵⁵ В Москве был сильный гарнизон с пушками, татары не смогли взять штурмом и предложили перемирие, но нарушили его. Дмитрий вместе с дружиной был в отъезде, отправившись в Кострому, чтобы собрать войско против Тахтамыша. Возрождение Золотой Орды под властью Тахтамыша оказалось недолговечным, так как она столкнулась с такой мощной силой, как империя Тамерлана, которому покорились уже Персия, Индия, Закавказье, Багдад и Дамаск. Восьмилетнее противостояние Тамерлана и Тахтамыша закончилось полным поражением последнего. После разгрома Тамерланом в 1390 г. Золотой Орды были уничтожены ее главные города, включая Сарай.

⁵⁶ *Панарин А.С.* Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XX веке. М., 1998. С. 85.

возрождать Русь как самобытную цивилизацию. Но это возрождение, кроме духовного фактора, требовало соответствующей государственности, геополитической «опалубки» для этого процесса, которая начала формироваться в Московском княжестве.

3.4. Роль Русской церкви в образовании национальной государственности. От Великого князя Московского к Государю Всея Руси (XIII–XV вв.)

В России однажды кончалась целая эпоха военно-административного господства Степи над земледельческим Севером. Россия поглотила и в конце концов ассимилировала номадический элемент, создав огромную крестьянскую и христианскую страну. Именно за этот подвиг удостоилась в глазах народов названия Святая Русь⁵⁷

А.С. Панарин

Проблема, которая обозначена в заглавии параграфа, охватывает почти 200 лет развития Москвы⁵⁸ в период ее политической зависимости от ордынских правителей. На создание государственности Московской Руси повлияли многие процессы⁵⁹, но здесь особый акцент мы сделаем на роль религиозно-духовного фактора и Русской церкви в усилении верховной, княжеской власти как предпосылки самодержавной.

Прямую линию развития от Киевской к Московской Руси начал Александр Ярославович Невский – защитник православия. Он усилил княжескую власть, ослабив боярско-аристократическую, и стал у истоков уничтожения вечевого строя в Северо-Восточной Руси⁶⁰. Затем эту эстафету как бы приняла Центральная

⁵⁷ Панарин А. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XX веке. С. 84.

⁵⁸ По мнению некоторых историков, городов с названием Москва существовало несколько, так как в переводе с арабского языка это слово означало «место поклонения», то есть сакральный центр.

⁵⁹ Подробнее см.: Можайскова И.В. Духовный образ русской цивилизации... Т. III. Гл. 2, 4.

⁶⁰ В 1262 г. по всей Руси (в Суздале, Ярославле, Владимире) вспыхнуло восстание против монгольских купцов-бесерменов, которые выкупили у Орды этот выгодный бизнес. Купцов убили и Орда уже готовила акцию наказания. Но Александр Невский, упреждая эти действия, приказал снять вечевые колокола и велел больше не собирать вече.

Русь – суздальские князья Андрей Боголюбский и его брат Всеволод Большое Гнездо. Хотя княжеская власть в Суздале носила не абсолютный характер, так как продолжали действовать и боярский совет, и городское собрание, считается, что Суздальское княжество было основой будущего Московского царства.

Это было очень богатое княжество. Различные ветви рода суздальских князей контролировали огромную область в верховьях Волги и Оки. На севере владения простирались до Белого моря (юго-восточнее Онежского озера) и до верхних притоков Северной Двины, вторгаясь в земли новгородцев. Столицей старшей ветви суздальских князей был Владимир, а крупными городами – Ростов и Ярославль. Позже видное положение заняли Тверь, Нижний Новгород и Москва, которая впервые упоминается в летописи 1147 г. (она в то время представляла обнесенную деревянными стенами крепость, охранявшую южную границу Владимиро-Суздальской земли).

В качестве особого Московского княжества она стала существовать во второй половине XIII в. И тогда же начинается так называемое возвышение Москвы. Оно связано с деятельностью четвертого сына Александра Невского – Даниила. Отец умер в 1263 г., когда Даниилу было два года. Городишко Москва казалось насмешкой судьбы над малолетним сыном великого князя.

Но уже в XIV в., менее чем за 100 лет, маленький городок в Суздальском княжестве поднялся настолько, что бросил вызов могущественной Орде на Куликовом поле, хотя сначала предпосылок для этого не было. И не случайно Ключевский сказал о «таинственных силах», которые вроде бы помогали Москве. Но все же были факторы, обусловившие этот рывок уже в конце XIII в., которыми московские князья умело воспользовались. К этим факторам надо отнести выгодное торговое положение города, находящегося на перекрестке важнейших торговых путей. Через него шел путь от торгового Новгорода к южным и восточным торговым центрам, а также с запада (из Смоленска) на восток. В Москве останавливались купцы с товарами, в ней оседал пошлинный сбор, что способствовало росту богатства московских князей. Большую роль сыграла умело выстроенная политика в отношении Орды, включая задабривание ее владык денежными вливаниями. Эти факторы позволяли решать проблемы, связанные с развитием княжества, – рост его населения при ограниченности природных ресурсов.

Всеми этими дивидендами воспользовался князь Юрий Долгорукий, которому до самой смерти пришлось бороться с тверскими

князьями и который благодаря интригам в 1320 г. возвратился из Орды в Москву с ярлыком на великое княжество. Сменявшиеся в Московском княжестве великие князья усиливали свою власть и укрепляли владения силой, а иногда покупкой, присоединяя земли к своему княжеству. Оно стало исподволь расширяться за счет соседей (Рязани, Смоленска и Переславля), Костромского и Юрьевского княжеств.

Далее история возвышения Москвы связана с именем Ивана I Даниловича (40-е годы XIV в.), который вошел в историю как «калита» (кошелек, пристегнутый к поясу). Москва поднялась и за четверть века стала одним из главнейших городов России. Калита ладил с Ордой. Он больше всех «переводил» денег в Орду, потому что, заняв высокий пост великого князя, выступал как князь-финансист, откупщик по налогам. Поэтому Московское княжество стало самым благоустроенным уделом, в который стекались «деловитые» люди из других уделов. «Бояре оставляли других князей, переходили к московскому князю и получали от него земли с обязанностью службы; за боярами следовали вольные люди, годные к оружию. В Москву переселялись и иноземцы, и даже татары принимали крещение и становились русскими»⁶¹.

Русская церковь дает новый статус этому княжеству – Москва становится местом пребывания митрополита. Это было не просто осуществить. Но Калита поставил целью «заполучить» в Москву главу Русской церкви киевского митрополита Петра, который в конце столетия обосновался во Владимире. Митрополит долго медлил с ответом и уговаривал князя к возведению в Москве Успенского собора – по образцу Владимирского. Калита согласился. Московский Успенский собор должен был продолжить традиции храмов, которые были ранее возведены в Киеве и Великом Новгороде (по образцу Софийского собора в Константинополе). Митрополит Петр, пока строился храм, находился в Москве. Поэтому де-факто она стала митрополией. Собор был освещен в 1327 г., но Петр умер, не дожив до этого торжества, и был похоронен в этом соборе. Затем в Успенский собор была перенесена икона Владимирской Богоматери, которая стала навеки главной святы-

---

⁶¹ В числе татарских выходцев был мурза – родоначальник фамилии Годуновых и предок Бориса, царствовавшего на русском престоле. Из Пруссии (тогда русской территории) происходил Андрей Иванович Кобыла, родоначальник царской династии Романовых. После Кобылы род принял фамилию Кошка, потом Кошкины, а уже потом Романовы.

ней Российского государства. Преемник Петра уж не стал жить во Владимире и поселился в Москве в митрополичьем подворье. В связи с этим событием в жизни Русской церкви в глазах православных возникла символическая цепочка: Киев – Новгород – Владимир – , передающие друг другу эстафету центров православия.

Завет митрополита Петра, пророчески благословившего городок Москву как будущую церковную и государственную столицу Русской земли, нашел свое отражение в деятельности трех выдающихся деятелей Русской церкви. Духовными силами трех наших святых мужей XIV в., воспринявших этот завет святителя Русской земли, и пришлось работать над предвозвещенной судьбой этого города⁶². Ни один из них не был коренным москвичом. Но в их лице сошлись для общего дела три основные части Русской земли: Алексей, сын черниговского боярина-переселенца, представлял старый киевский юг; Стефан – новый финско-русский север; Сергей, сын ростовского боярина-переселенца, – великорусскую середину. Они поставили две цели: преодолеть династическую раздробленность и сосредоточить государственную власть в московском доме; приобщить восточноевропейских и азиатских инородцев к Русской церкви посредством проповеди православной веры⁶³. Ключевский обращает внимание, что они были образованнейшими русскими людьми своего века. В их деятельности «церковная иерархия благословила своим почином две народные цели, достижение которых послужило основанием самостоятельного политического существования народа... Но чтобы сбросить варварское иго, построить прочное независимое государство и ввести инородцев в ограду христианской церкви, для этого самому русскому обществу должно было встать на уровень столь высоких задач, приподнять и укрепить свои нравственные силы, приниженные вековым порабощением и унынием. Этому третьему делу, нравственному воспитанию народа, и посвятил свою жизнь преподобный Сергей»⁶⁴. Эти цели духовного пастыря Русской церкви упали на благодатную почву Московской княжеской ветви.

---

⁶² В это время появились и другие выдающиеся деятели Церкви – св. Кирилл Белозерский и св. Зосима и Савватий, основатели Соловецкого монастыря на Белом море (Ключевский В.О. Исторические портреты. С. 70).

⁶³ Ключевский В.О. Исторические портреты. С. 71.

⁶⁴ Там же. С. 73.

Ключевский, анализируя деятельность московских князей в последующие 50 лет – до Дмитрия Донского, выделяет ряд особых традиций, которые сложились в княжеской семье. «Московское княжество было, может быть, единственным не страдавшим от междоусобиц собственных князей. московские князья очень почтительные сыновья: они свято почитают память и завет родителей. Поэтому среди них рано складывается наследственный запас понятий, привычек и приемов княжения. Отсюда твердость поступи у московских князей, ровность движения, последовательность действий»⁶⁵.

И не случайно почти через 100 лет после того, как Москва была передана Александром Невским его младшему сыну Даниилу, именно в Москве появился князь, предпринявший попытку освобождения от монгольского данничества, – Дмитрий Иванович.

После смерти Дмитрия Донского, в 1395 г., над Русью нависла новая угроза в лице Тамерлана. Нанеся смертельный удар Тохтамышу, в 1395 г. Тамерлан начал поход на Москву. Сын Дмитрия Донского князь Василий I (1389–1425), проводший детство в татарском плену и в отличие от отца не участвовавший ни в одном сражении, собрал и вывел войска ему навстречу, расположил армию вдоль реки Оки. Однако сражения не произошло. Но совершилось чудо: не вступая в бой, Тимур повернул назад, в Среднюю Азию, на Самарканд. Это чудо русские определили заступничеством иконы Владимирской Богоматери. В связи с приближением полчищ Тамерлана икона была перенесена из Владимира в Москву на руках, а на месте ее встречи великим князем Василием I и митрополитом Киприаном был основан Сретенский монастырь (улица поныне называется Сретенкой).

В XV в. Московия за 100 лет распрямилась, как могучая пружина, и подняла Русь высоко вверх. Начало при Василии II (1425–1462 с перерывами) не предвещало этого могучего рывка, учитываемые внутренние противоречия между князьями в самой Москве.

Василий II несколько раз терял престол, потом был ослеплен, за что был прозван Темным. Василий оказался волевым, харизматичным правителем. Князю Василию удалось «погасить» вспыхнувшую в начале 30-х годов XV в. династическую войну между двумя ветвями московского княжеского дома, хотя Василий был арестован и ослеплен давним противником Дмитрием Шемякой. Но через год он снова вошел на трон с помощью своих сторонников, ядро которого составляли мелкие дворяне и деятели Церкви.

---

⁶⁵ Там же.

Победа великого князя Василия Темного способствовала прекращению княжеских усобиц в московской династии. Результатом этой гражданской войны было значительное усиление власти великого князя московского на фоне распада улуса Джучи. После разгрома Золотой Орды Тамерланом и из-за внутренних противоречий она распалась на ряд политических структур (ханств, орд), находящихся друг с другом в далеко не дружественных отношениях. В 1445 г. возникло новое независимое Казанское ханство, в 1449 г. — Крымское ханство. Некоторая часть Золотой Орды ушла за Днепр. Подойдя к русской границе, Орда под предводительством хана Улу-Мухаммеда просила Василия выделить ему город, обещая за это защиту границы от других татарских орд. Василий в просьбе отказал. Началась война, в ходе которой хан взял в плен Василия. Взяв с Василия обещание заплатить огромный выкуп, он предоставил ему свободу.

Улу-Мухаммед решил установить над Русью свою власть, обосновавшись в Казани, за Волгой, и эксплуатировать Русь извне, но при этом наблюдать за сбором выкупа и назначенной регулярной дани. Улу-Мухаммед направил своих сыновей и татарских князей с сильными отрядами войск. Но ханы Бату и Берке не вернулись. В Орде усилились внутренние династические противоречия. Хан Улу-Мухаммед был убит старшим сыном Махмудеком. К середине XV в. Золотая Орда контролировала только регион нижней Волги, а в районе средней Оки в 1452 г. утвердилось вассальное татарское ханство царевича Касыма.

Ослабление Орды позволило Москве решать свои проблемы в рамках русского мира. К ним надо отнести победу Москвы над Тверью, которая окончательно определила судьбы Владимирского княжения: княжество соединилось с вотчинными, родовыми землями московских князей. Это слияние имело огромное не только политическое, но и экономическое значение, так как Владимирское княжество являло собой комплекс крупных и ценных территорий, источник больших военных и финансовых средств. Тем самым Москва получила преобладание в системе княжеств Северо-Восточной Руси.

С рубежа XIV—XV вв. возрастает влияние Москвы и вне границ собственно бывшего Владимирского княжения. Так, усиливается ее влияние в Рязани. К этому времени относится ликвидация первых нижегородско-суздальских княжений, растянувшаяся на несколько десятилетий. Налагается «узда» на боярские переме-

щения. Ранее бояре были вольны менять одного князя на другого с сохранением родовых поместий, но с подъемом Москвы великий князь стал с подозрением смотреть на бояр, которые покинули службу.

Во время княжения Василия Темного произошло еще одно важное событие, инициатором которого был сам князь: освобождение высшей духовной власти Руси от Византии, а точнее, от Рима. Напомним, что византийский император Иоанн Палеолог под угрозой наступления турок, надеясь на поддержку Запада, согласился принять унию о соединении церквей (она была принята на Флорентийско-Ферраском соборе). Но сама идея до этого долгое время внедрялась Римом в сознание христианского мира и византийских императоров.

Ставленник Византии московский митрополит Киприан лоббировал византийскую позицию в отношении православия. А это означало, по сути дела, что Русская церковь переподчиняется и становится под власть Рима. Киприан становился бы тогда кардиналом и политическим деятелем в Москве, не только равновеликим князю, но абсолютно независимым в политике, ориентированной на Рим, он мог влиять на светскую политику от имени епископа Римского – «наместника Бога на земле». Преемник митрополит грек Исидор, чтобы расставить все точки над *i*, отправился в Кремль на богослужение, сразу взяв с собой три булавы – знак кардинальского сана, а также латинский крест, который православные называли крыжом. В храме русский митрополит (!) шокировал собравшихся, провозгласив... многолетие папе римскому (по православным канонам он был злейшим еретиком)... Но Василий тут себя проявил: «Остановись, ерестный переметчик! Ты не пастырь, а хищный волк!» И один своевременный окрик великого князя уберег страну от перспективы религиозных войн, бушевавших в это время на западе Европы. «С точки зрения внутренней политики Руси Василий оказал неоценимую услугу православной церкви, расставив все точки над *i*»⁶⁶.

После этих событий на митрополичий престол русские стали выбирать главу церкви без византийского влияния. Первым стал митрополит Иона. Он в 1448 г. разослал общерусское послание, в котором наказал всем христианам бить челом государю Василию. Если же они этого не сделают и допустят возобновление усобицы,

---

⁶⁶ *Мединский В.* Особенности национального пиара. С. 372–373.

то, как обещал митрополит, «в земле их никто больше не будет зваться христианином, ни один священник не будет священствовать, все церкви будут затворены». Через десять лет, когда греки вновь решили направить на Русь своего человека, Василий ответил жестко: «Выбор митрополита принадлежал нашим прародителям, великим князьям русским, и теперь принадлежит нам. Кто будет нам люб, тот и будет у нас на всей Руси. А от Рима митрополиту у нас не бывать, такой мне не надобен»⁶⁷.

После того как великий князь Василий Темный заключил в монастырь митрополита, подписавшего Флорентийскую унию, и поставил во главе Русской церкви митрополита Московского и всея Руси Иону, Русская церковь стала независимой. Можно считать, что только после этого события началось формирование *русского православия* как особой ветви восточного христианства. Первый вопрос, который здесь возникает: являются ли византийское христианство и русское православие тождественными вероисповеданиями? Вероятно, нет.

И эти отличия тонко чувствовали философы и писатели, изучавшие своеобразие русской духовной стихии. Крупный православный философ И.А. Ильин, говоря об особенностях разных ветвей христианства, писал, что Рим никогда не отвечал нашему духу и нашему характеру. Его самоуверенная, властная и жестокая воля всегда отталкивала русскую совесть и русское сердце.

О русском православии (не только как религиозной системе, но и как духовно-нравственном движении к Богу) много писал О.А. Платонов. В своих работах он развивает идеи о том, что «русские христиане внесли в новую веру глубокие нравственные начала, рожденные еще в дохристианский период, прежде всего мысль о приоритете добра в жизни, о неизбежности победы добра в борьбе со злом. На Руси православное христианство стало добротолубием, вобрав в себя все прежние славянские взгляды на добро и зло и оптимистическую веру в добро. Этим русское православие отличалось от византийского.

Русское православие своими историческими корнями уходит в религиозное творчество православных деятелей клира, возникших в рамках Русской церкви. А оно было связано с противостоянием в самой Русской церкви нескольких течений, которые по-разному трактовали вопрос о связи духовной и светской (государственной) власти, а также отношении к мирским благам – собственности, богатству.

⁶⁷ Там же.

Во второй половине XIV в. заволжские старцы, которых возглавлял Нил Сорский, считали, что главное в вере – молитва, духовные размышления, спасение через возрождение внутренних сил. Поэтому они отвергали владение церковью землями и богатствами. Не желая покровительства государства, они отстаивали идею полной независимости церкви от светских властей.

Им противостояли «иосифляне», названные так по имени их лидера Иосифа, игумена монастыря около Волоколамска. Последние настаивали на значении социальных функций церкви, которые требуют богатства и защиты со стороны государства.

Андреев подчеркивает, что столкновение «нестяжателей» и «иосифлян» имело глубокий исторический смысл. Вождем противников землевладения оказался Нил Сорский, человек с тончайшей душевной организацией, истинный поэт скитского жития, носитель настоящей святости, в полном смысле сосуд духовности. Не волнения исторического чувства, которого Нил Сорский, как и все почти православные подвижники, был лишен, а глубокая трансфизическая тревога вывела его из скитского уединения и подвигла на борьбу с иосифлянами. Но хотя церковь впоследствии и причислила его к лику святых – не сделать этого по отношению к памяти едва ли ни величайшего из русских праведников было просто невозможно, но за иосифлянами осталась победа... Результаты сказались больше чем через столетие, после Смутного времени.

В тот же период появилось еще одно религиозное движение – «ересь жидовствующих». Оно родилось в Новгороде под влиянием иудейского ученого Схария, изучавшего философию и астрономию и включавшего в свои проповеди ряд положений по астрономии и астрологии. Под влиянием его проповедей возникли новые мыслители среди духовенства и служилых людей разных чинов. В целом учение Схария было проникнуто рационалистическим духом, где литературу использовали для критики различных христианских догматов, а также организации и практики Русской церкви (почитание икон, право церкви иметь собственные владения). Иосифляне дали решительный бой этому движению, призывая подавить его строгими мерами и ссылаясь на деятельность испанской инквизиции как лучший способ добиться цели.

С этой поры иосифляне взяли администрацию Русской церкви в свои руки. Влияние заволжских старцев постепенно сошло на нет, хотя ряд бояр симпатизировали их учению⁶⁸. Государственная власть после колебаний (Иван III) приняла сторону иосифлян.

Вся вторая половина XV в. в Московской Руси связана с именем сына Василия Темного Ивана III, занявшего московский престол в 23 года и правившего более 40 лет (1462–1505). Человек крутого нрава, холодный, рассудительный, властолюбивый, непреклонный в достижении поставленной цели, скрытный и ос-

⁶⁸ Вернадский Г.В. Русская история. С. 112.

торожный, он становится первым в истории Государем всей Руси. По мнению многих, он обладал харизмой.

В его княжение формировалась государственность Московской Руси, отвечающая ее цивилизационным особенностям и православной религиозно-духовной доминанте. Можно выделить три основных направления его деятельности: собирание земель внутри русской Ойкумены, освобождение от власти монгол и использование противоречий в монгольском мире в своих интересах, завоевание прочных внешнеполитических позиций, что позволило ему претендовать на право наследовать корону византийских императоров.

Преследуя основную цель – выделение Московии не только как главного, но и как единственного русского государства, Иван III еще в период политической зависимости от Большой Орды проводил политику «собираания земель». Он подчинил себе силой или соглашением окружавшие Московское княжество русские области – Тверское, Ростовское, Ярославское и Рязанское княжества. (Каждое присоединение требовало значительных дипломатических и военных усилий и их конкретно-историческое описание не относится к предмету нашей работы.)

Вопрос о присоединении Великого Новгорода необходимо осветить подробнее, так как здесь задействованы были не только внутрирусские, но и внешние факторы, во многом связанные с противостоянием православной и католической ветвей христианства. Когда русские княжества стали объединяться вокруг Москвы, а над Новгородом нависла тень Великого княжества Литовского, историческое противостояние двух конфессий сыграло свою роль в падении республики.

Историческая судьба Новгорода отличалась от судьбы других русских княжеств. Во-первых, он был не только крупнейшим торговым городом Восточной Европы, но и центром огромной части Русской земли, превосходившей по территории все владения московского князя. Во-вторых, Новгород не испытал всех ужасов монголо-татарского нашествия. В-третьих, значимой была роль аристократического начала в управлении. В-четвертых, Новгород оставался одной из самостоятельных частей Руси. Как известно, Новгородская республика традиционно имела право выбирать каждого нового великого князя как своего князя⁶⁹. Этот статус Новгорода гарантировался монголь-

⁶⁹ Хотя в начале XIV в. Новгород признал верховенство московских князей, многие традиции сохранились. Сами они в Новгороде не жили, а присылали своих наместников, которые тоже клялись на грамотах Ярослава и целовали крест на том, чтобы «держати Новгород по старине, по пошине, без обиды» и соблюдать все установленные древние обычаи.

ским ханом, а позже упрочился в период соперничества между Москвой и Тверью.

Когда хан и Тверь ослабели и не могли препятствовать действиям Москвы, новгородские бояре, возглавляемые Марфой Борецкой (вдовой прежнего главы Новгорода), лидировавшие в Новгородском вече, заключили с Казимиром, королем Польши и великим князем Литвы, договор, который гарантировал Новгороду его прежние права, свободу религии и защиту от Москвы. Для простого народа передаться из подчинения Москве в подчинение Литве значило бы изменить своей вере, так как простые новгородцы видели в московском князе православного и легитимного русского государя, а в литовском — католика и чужака. Наблюдая за происходившими в Новгороде событиями, Иван несколько раз отправлял туда послания такого содержания: «Исправьтесь, отчина моя, имя мое держите честно и грозно по старине». Этот призыв к миру не был услышан, сторонники Москвы на вече побили камнями, отправив послов к королю Казимиру и заключив военный союз с Литвой.

Иван III посчитал эти действия новгородцев противоречащими русским интересам и, опираясь на мнение большого совета с участием высшего духовенства и бояр, ответил на это военным походом на Новгород в 1471 г. Этой вооруженной акции был придан вид похода благоверного князя Ивана против отступников от православия к латинству. Новгородцы выставили большое, но плохо управляемое войско. Его быстро разбили четыре тысячи московских ратников. Большое значение сыграл и «идеологический фактор», так как простые новгородцы не хотели воевать со своими братьями за чужую веру и не желали «на великого князя рук подымать». От Литвы новгородцы никакой помощи не получили и обратились к Москве с просьбой о мире (1471 г.). В соответствии с мирным договором новгородцы заплатили большой штраф, согласившись на увеличение юридической власти великого князя (прежние новгородские свободы подлежали его утверждению), и отказались от каких-либо союзов с Литвой.

В течение восьми лет, опираясь на простой народ, недовольный боярским засильем, Иван III продолжал «покорение» новгородской вольницы. В 1478 г. в Новгороде произошли волнения и многие протодиакны обратились к великому князю за помощью. Он сам прибыл в Новгород для суда над обидчиками (семеро бояр были обвинены в измене и заключены в тюрьму).

Воспользовавшись благоприятной ситуацией, Иван III заявил о полной власти над Новгородом, что встретило сопротивление вече, где были антимосковские настроения. Хотя республика управлялась собранием всего мужского населения, реально на вече задавали тон крупные землевладельцы и купцы, которые использовали демократические институты и общественное мнение в своих личных интересах. Иван, опираясь на «военный контингент», проигнорировал эти настроения вече, тем более что литовцы не считали нужным вмешиваться в этот конфликт. Новгород, не способный бороться с Москвой, сдался без всяких условий, Новгородская республика окончила свое существование в 1478 г. Вольности были отменены, вече уничтожено,

а его символ – колокол свободы – был увезен в Москву, арестованную Марфу Борецкую сослали в женский монастырь в Нижнем Новгороде. Спустя несколько лет был раскрыт заговор против Москвы в пользу Литвы. Была проведена карательная экспедиция, казнили 250 бояр, их собственность конфисковали, а восемь тысяч зажиточных семей получили земельные владения в разных районах Московии.

Присоединение Новгорода завершило начатый московскими князьями еще в XIII в. процесс собирания «русских земель», обусловив постоянный рост политического значения Москвы. К середине 80-х годов XV в. объединение Северо-Восточной Руси под властью Москвы в основном было закончено. Русское государство простиралось от берегов Северного Ледовитого океана до линии Тула–Коломна–Темников на юге и от истоков Волги до Уральско-го хребта. Одновременно с усилением политического влияния возрастала ее роль как центра православного русского мира. Подчинив себе Новгород и Тверь, в качестве потомка Владимира Святого Иван III заявил о своих правах на Западную Русь. Именем Москвы начинает называться вся тогдашняя Русь. Иностранцы называли ее Московией.

Ее роль возрастает после окончательного освобождения от власти монгол.

Хотя на смертном ложе Василий II, не колеблясь, завещал свою вотчину, Великое княжество Московское старшему сыну, Ивану III без всяких ссылок на ханские прерогативы, но Московская Русь оставалась под властью Орды. Ивану III было предоставлено историей формально объявить об освобождении Руси от остатков Золотой Орды в 1489 г.⁷⁰ Однако это был заключительный этап, которому предшествовала продуманная политика великого князя по отношению к разным татарским ордам. Это очень важная сторона отношений Руси с монгольским миром, которая не очень четко отражена в нашей исторической литературе,

---

⁷⁰ Это эпохальное событие в жизни русской цивилизации, знаменующей начало новой жизни, корреспондирует с другими событиями планетарного масштаба, но уже по отношению к западной цивилизации и началу колониальной эры человечества. Весной 1492 г. испанцы взяли Гренаду – последний оплот мавров на Пиренейском полуострове, а 3 августа того же года из испанского порта Палос в далекое плавание через океан отправились три каравеллы Христофора Колумба с целью открыть западный путь в Индию и Восточную Азию. Открытие Америки можно рассматривать как знаковое событие истории, так как в 1492 г. по древнему библейскому календарю исполнялось ровно 7 тысяч лет от сотворения мира.

хотя отношения с татаро-монгольскими политическими структурами – наследниками Золотой Орды – еще столетия будут осложнять жизнь Русского государства.

Прежде всего отметим, что в своей деятельности Иван III использовал не только военную силу и церковь, но и тактику борьбы своего пращура: «великую заметню» в Орде. Так же, как ханы Орды в свое время использовали распри между русскими князьями в своих интересах, он приводил в действие эти рычаги, извлекая пользу из противоречий внутри татарских орд. А среди них были как дружески расположенные к Москве властители, так и недруги, что способствовало внешнеполитическим успехам московского государя в мусульманском мире.

Можно выделить его связи с возникшим ранее в районе средней Оки вассальным татарским ханством царевича Касыма, имевшего тесные связи с ханами Казани и Крыма. Этот царевич всегда был готов помочь великому князю, выступая в роли его благожелательного эмиссара в мусульманском мире. Этим союзом объяснялись успехи в закреплении за Россией территории Великой Перми и югорских князей.

В течение трех десятилетий существовал союз с ханом Крыма Менгли-Гиреем, ставшим вассалом османского султана. Были установлены дружеские связи с сибирским ханом в Тюмени и Ногайской Орде, располагавшейся в степях Яика.

Эти факторы были задействованы в полной мере и в 1480 г., когда Иван III покончил с властью татар над Русью (через 100 лет после битвы на Куликовом поле). Сначала он перестал платить Орде дань, потом малой кровью обратил в бегство войска хана Ахмата. «Великое противостояние» широко освещено в публицистической исторической литературе, и здесь целесообразно отметить только невоенные действия князя, которые способствовали этой победе.

На реке Угре, соответственно на противоположных берегах, два войска заняли позиции, не переходя к решительной битве. Великий князь затягивал переговоры, в ходе которых от него сначала требовали «встать у стремени» хана, а когда он, долго медля с ответом, отказался, наступило ожидание.

Зная, что хан Золотой Орды Ахмат ожидал помощи со стороны поляков, Иван предпринимал ряд упреждающих ударов, используя «татарский фактор» в своих интересах. Речь идет о союзнике великого князя хане Менгли-Гирее, который осуществил набег на украинские провинции Великого княжества Литовского, лишив тем самым Ахмата помощи поляков. Одновременно он отправил находящихся

у него на службе отряд татар вместе с московской конницей в набег на лагерь Ахмата вблизи Сарая, где находились ханские жены, что заставило хана немедленно отступить. Тактика Ивана III оправдала себя – время работало на него, что показало последующее развитие событий. «Стояли друг против друга две армии, вероятно, равные по военной силе, но разные по сложившемуся образу и личной харизме возглавляющих эти армии личностей. За русской армией был образ государства поднимавшегося и крепнущего, на которую налагалась личная харизма Ивана III, у Ахмата такого реноме не было, а имидж воинов монгольского войска – это имидж слабеющего государства. Своей неуступчивостью Иван III на Угре сначала породил в сопернике сомнения, потом неуверенность. В конце концов ордынские войска, потеряв остатки боевого духа, отступили»⁷¹. Через год на Золотую Орду напал союзник Ивана III хан Тюмени, поддержанный ногайскими отрядами. Ахмат был убит в своем шатре.

Золотая Орда окончательно была разрушена через десять лет Менгли-Гиреем. На ее территории образовалось слабое Астраханское ханство, не представлявшее угрозы для Москвы. Это позволило поставить во главе Казанского ханства кандидата Ивана, результатом чего была фактическая зависимость этого ханства от Москвы.

Следует выделить важную особенность княжения Ивана III – к концу своего правления он позиционировал себя как наследника византийской государственности. Еще до победы над татарами власть Ивана III была огромной, но это была его личная власть, он по-прежнему назывался великим князем, а великих князей на Руси было много и до него. Этот титул Ивана не устраивал. Он претендовал на большее. В политическом лексиконе того времени уже существовал термин «царь», что связано с иранским словом «сар» (глава, вождь) и привнесено в лексикон славянскими племенами, имевшими тесные связи с асами. Титул «царь» означал наиболее сильного, независимого правителя. И поэтому в предыдущие столетия в русском лексиконе впервые применили его к византийскому императору, а затем монгольскому хану. Слово «царь» трактуется как производное от «цезарь» или «цесарь» Восточной Римской империи.

Иван III мог претендовать на этот титул в силу двух обстоятельств. Прежде всего, он формально заявил о своей полной независимости от прежнего сюзерена – монгольского хана и стал единственным наследником Древней Руси. Но было и другое

⁷¹ *Мединский В.Р.* Правдивая история Руси от Рюрика до Петра. С. 126.

обстоятельство – религиозно-политическое. Незадолго до начала его правления перестала существовать Восточная Римская империя – Второй Рим. Брак великого князя Ивана III с племянницей последнего византийского императора Константина XI Софьей Палеолог (1472 г.) способствовал провозглашению Московии преемником Византии. Иван III стал рассматриваться как «царь всего православия», а Русская церковь – как преемница греческой. Эти новые политические реалии позволили Ивану III присвоить титул «Государь всея Руси» и принять новый московский герб, на котором изображение св. Георгия Победоносца, поражающего змея, соединялось с двуглавым орлом – древним гербом Византии. Приняв титул царя, великие князья сразу стали выше королей, ближе к императорскому титулу. Московская Русь после падения православной Византии (1453 г.), а ранее Сербского и Болгарского царств, стала единственным православным государством, находившимся на подъеме.

Иван III теперь имел все основания считать себя единственным в мире православным и независимым государем, каким ранее были византийские императоры. «Московская Русь сохранила свой старый образ – собирательницы славянских и православных земель. И приобрела новый – наследницы Римской империи»⁷². «Политические деятели Великого княжества Литовского и Русского, а затем Польши категорически возражали против этого титула. Ведь 90% территории Великого княжества Литовского составляли русские земли, а в Польскую Корону входила территория, которая сейчас образует единую самостоятельную страну, – Украину»⁷³. Однако «Иван III впервые отважился показать европейскому политическому миру титул государя всея Руси и в договоре 1494 г. заставил литовское правительство формально признать этот титул», – отмечал Ключевский, хотя Смоленск, Полоцк, Киев и Минск входили в Великое княжество Литовское. Титул московского государя теперь звучал так: «Иван, Божьей милостью государь всея Руси и великий князь Владимирский, и Московский, и Новгородский, и Псковский, и Тверской, и Пермский, и Югорский, и Болгарский (речь шла о Волжской Булгарии. – *И.М.*), и иных». Список княжеств и стран, которые предполагалось включить в Московию, постоянно расширялся.

⁷² *Мединский В.* Правдивая история РУСИ от Рюрика до Петра. С. 372–373.

⁷³ *Мединский В.* Мифы о России. С. 126.

Хотя этот судьбоносный период истории связан с именем Ивана III, нужно отметить, что все его свершения были подкреплены деяниями его сына Василия III (1505-1533). Он должен был начать многовековую борьбу с внешними силами, дестабилизирующими жизнь возрождающейся Руси на востоке (Крымское ханство) и западе (Польско-Литовское государство)⁷⁴. Гибель Золотой Орды и появление юридически независимого Московского государства (1489 г.) не означало, что Степь не оказывала влияния на Русь. Восточный вектор – защита от набегов ханов, каганатов, орд, которые возникли в процессе распада Монгольской империи, – составлял основу геополитики на первых этапах существования политически независимого Московского государства. И поэтому уже в начале XVI в. Василий III вынужден был прилагать значительные усилия для обеспечения безопасности государства, особенно после того, как ханы Крыма перешли на польско-литовскую сторону, а в Казани и Астрахани возобладала антирусская партия.

Долгое время крымские ханы считали себя в отношении Руси правопреемниками ханов Золотой Орды, которую разгромил Менгли-Гирей, и требовали «ордынского выхода» от московского государя. Но он отказывался платить постоянную дань, предпочитая отделяться от претензий хана «поминками» (подарками). Такое положение не устраивало крымских владык, и они предпринимали попытки вторжения в русские земли.

Крымская орда в экономическом отношении жила не столько своими местными промыслами, сколько грабежами и захватом рабов, которых она продавала в Кафе (Феодосии) чужеземным купцам, поэтому постоянно совершала набеги на Русь.

Для защиты селений от набегов степняков правительство еще в конце XV в. стало строить укрепленные городки, ограждая их валами и рвами, в лесных местах устраивая засеки, в болотистых ставя надолбы, в реках – забои. Но эта угроза продолжала беспокоить Русь в течение последующих столетий. Южноевропейские лесостепи и степи обильно политы потом и кровью русского крестьянства и военно-служилого человека. Оборона их от крымцев вместе с потомками ханов и мурзами, по выводам Любавского, стоила народу и государству столько же, если не больше, сколько

⁷⁴ В русско-литовской войне 1512–1522 гг. Московия при Василии III и Великое княжество Литовское и Русское боролись за Смоленск и Смоленскую землю. По договору 1522 г. они остались за Москвой.

«выход», который некогда платила Русь в Орду. В политические методы борьбы против татар входило не только использование вооруженных сил, но и их нейтрализация путем привлечения на царскую службу, установление вассалитета некоторыми частями орд, так как в большинстве ханств не было автократического правителя и правила могущественные аристократические роды, которые можно было привлечь на свою сторону богатыми подарками. Эта задача не была до конца решена Иваном III и перешла в «наследство» его сыну Ивану IV.

Ключевский говорил, что создавалось впечатление, что какие-то «тайнственные силы» помогали Москве в ее становлении Центра Руси. Московия конца XV–XVI в. – это маленькая часть Евразии, занимающая северо-восток Руси с его суровым климатом, бедными почвами, громадными расстояниями, редким и малочисленным населением. По некоторым данным, население Московии до Ивана III составляло не более 5–7 миллионов человек (в его княжение 8–9 миллионов), в то время как в Польше (Речи Посполитой) проживало около 16 миллионов, во Франции – 20 миллионов, Германии – 25 миллионов человек. Еще в начале XV в. Московское княжество было одной из небольших политических структур, затерявшихся в лесах и болотах верхней Волги и средней Оки. Оно было незаметно рядом с такими государственными структурами, охватывающими громадные территории, как Великое княжество Литовское, Золотая Орда или Новгородская республика (ей принадлежал весь Русский Север и северо-западная часть Финского залива). Москва уже тогда добивалась власти над всей Северо-Восточной Русью, но все же казалось более вероятным, что не Московское княжество, а его соперница – Литовско-Польская держава – объединит под скипетром Гедиминовичей все русские земли. Для этого были основания – ведь вся Западная Русь целиком вошла в Литовское государство. Кроме того, в XV в. даже Рязань и Новгород неоднократно входили в союзные или даже вассальные отношения с этим громадным государственным образованием. Ключевский пишет, что на Европейском Западе одно время было забыто слово Русь и даже самые сведущие дипломаты мало что знали о Москве и ее князьях. Но не прошло и полвека, как изменилось геополитическое положение на границах Европы и Азии, расширилась территория Московии, укрепилась власть великого князя, что сопровождалось почти одновременным подчинением богатой Новгородской республики, освобождением от полной

зависимости от Золотой Орды, а также распадом через несколько лет под влиянием внутренних распрей самого степного монстра. Сын Василия Темного Иван III стал одним из могущественных деятелей Восточной Европы, главой объединенного Русского государства, мужем Софии Палеолог, наследницы византийских императоров. Московские послы стали посещать самые важные столицы Европы, а главы многих государств искали союза с Москвой.

Отметим, что, проложив путь к государственности византийского типа, Иван III и его сын Василий III употребляли титул «царь» не всегда, а от случая к случаю. Должно было пройти время, чтобы оно приобрело форму русского самодержавия с его особой национальной идеей.

Новые политические и геополитические реальности нашли свое отражение в PR-средствах того времени – мифологические подробности происхождения московских государей⁷⁵, утверждение сложного и строгого церемониала, которым теперь управлялась вся придворная жизнь, а также изменение архитектурного облика Москвы.

Символом политической мощи Русского государства стал величественный архитектурный ансамбль Кремля. Рядом с Успенской церковью, с которой началось возвышение Москвы, началось возведение Успенского собора⁷⁶, в котором впоследствии короновались русские цари и императоры. Строительство проходило в 1475–1479 гг.

---

⁷⁵ Тема Московии как прямой наследницы христианства, возникшей в Римской империи, отражена в «Сказании о князьях владимирских». Там содержится версия о происхождении рода Ивана III от римских императоров. В год 51 до Р.Х. Август, кесарь римский, пошел в Египет. И Бог вручил Египет и Клеопатру в руки Августу. Август же начал собирать дань со всей вселенной. Пруса, родича своего, послал на берега Вислы-реки. И жил Прус очень много лет, и с тех пор зовется это место Прусской землей. Мужу новгородские призвали к себе из тамошних родов правителя. Они нашли там некоего князя по имени Рюрик, который был из римского рода Августа». От Пруса, брата кесаря Августа, четырнадцатое колено – Рюрик. А русский царь – прямой его потомок. Эта легенда дополняется легендой об императоре Константине Мономахе, вручившем царские регалии – в частности, шапку Мономаха – внуку, русскому князю Владимиру Мономаху.

⁷⁶ В Успенском соборе хранились главные христианские святыни, которые находились в России: риза Господня и подлинный гвоздь, которым Спаситель был прибит к кресту. Там же была десница апостола Андрея Первозванного, сложенная в троеперстное крестное знамение, хранился нательный крест Константина, присланный с греческого Афона.

В короткий срок были выстроены Благовещенский (1484–1489) и Архангельский (1505–1508) соборы. Почти одновременно строились знаменитые краснокирпичные крепостные стены. К 1495 г. основные работы по возведению стен и башен Кремля были завершены. Кремлевские стены толщиной в основании 4–5 м и высотой от 8 до 17 м сомкнулись, образовав в плане неправильный треугольник протяженностью 2235 м. Кремль имел 20 башен: три угловые и по шесть вдоль его стен. Пять из них имели проездные ворота. Центральными воротами считались выходящие на Красную площадь Флоровские, позже названные Спасскими. Однако на этом работы не закончились. С некоторыми перерывами они продолжались до 1516 г., когда вдоль северо-восточной стены Кремля (со стороны Красной площади) был прорыт ров и возведен второй ряд оборонительных стен. Ров наполнялся водой из реки Неглинки.

С ростом авторитета великокняжеской власти возникла потребность в создании нового Кремлевского дворца. По замыслу архитекторов он должен был состоять из нескольких палат, главной из которых была Грановитая, предназначенная для торжественных приемов. Это сооружение было построено в 1487–1491 гг. под руководством итальянских зодчих Марко Руффо и Пьетро Антонио Солари с учетом московских традиций русскими мастерами. Почти квадратная в плане, с мощным четырехгранным столбом в центре, на который опирались своды, эта палата площадью 485 кв. м была самым большим и самым величественным залом в России того времени. В конце XVI в. ее стены были украшены фресками.

* * *

Религиозно-духовный климат Руси и определяемые им формы государственности в процессе освобождения от монгольского ига были тем политическим и идеологическим каркасом, на котором формировалась социально-экономическая структура общества и развивались рыночные связи – от отсутствия в условиях торгового империализма монголов к полнокровной мир-экономике Московского царства, которая по сравнению с западной тезкой имела ряд отличительных черт, обусловленных ее цивилизационными особенностями.

ОТ МИР-ЭКОНОМИКИ КИЕВСКО-НОВГОРОДСКОЙ РУСИ К ВОЗРОЖДЕНИЮ РЫНОЧНЫХ СВЯЗЕЙ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА МОСКОВСКОГО

4.1. Формационный строй и мир-экономика Киевско-Новгородского государства (X–XII вв.)

Любая цивилизация имеет определенный социально-экономический базис, который в марксизме получил название «формация». Культурно-историческая школа, выдвигая в качестве основных структур эволюции человечества цивилизации, а не формации, не исключает значения разработок марксизма в этой области, оговаривая, что производственные отношения или способ производства (как единство производительных сил и производственных отношений) всегда имеют религиозно-духовную (или идеологическую) окраску. Только облекшись в эту форму, они образуют классовую и стартовую социально-экономическую структуру общества, которая изменяется в процессе развития «идеальных»¹ и «материальных»² факторов цивилизации в их взаимодействии.

Становление формационных отношений в Киевской Руси происходило в X, XI, XII вв. В Западной и Центральной Европе это было время расцвета феодальных институтов. «Вполне естественно стремление поместить Киевскую Русь в ту же категорию и охарактеризовать ее социально-экономический режим как феодальный»³. Но до недавнего времени русские историки не спешили это сделать. Подобное отношение со стороны ведущих представителей русской исторической науки, таких как С.М. Соловьев

---

¹ Это в первую очередь религиозные, а также вся совокупность культурно-исторических форм в жизни общества, включая исторические традиции и мифы.

² Производственные отношения – это отношения людей в сфере непосредственного производства, которые определяются формами собственности, а затем реализуются в способах распределения и обмена материальных благ и услуг, образующих в результате систему материальных интересов и материальных стимулов развития, неодинаковых у разных классов и социальных страт.

³ Эту точку зрения отстаивали советские историки Б.Д. Греков и С.В. Юшков.

и В.О. Ключевский, а также других историков, может быть объяснено историческими особенностями развития, с одной стороны, России и Европы – с другой. Каждый ученый имел собственное объяснение причин, лежащих в основе этого различия. Некоторые отмечали важную роль рода в русской социальной структуре (Соловьев, Кавелин), другие – миры или общины (Аксаков), третьи – чрезмерное разрастание центральной власти (Милюков) или экспансию внешней торговли (Ключевский).

Вернадский, уделявший большое внимание выявлению особенностей социально-экономического развития Киевской Руси, ставил их в связь с политическим строем. Он подчеркивал, что «русские политические институты киевского периода основывались на свободном обществе. Там не было непреодолимых барьеров между различными группами свободных людей, не существовало наследственных каст или классов, и было еще легко выйти из одной группы и оказаться в другой»⁴. Точнее, подавляющая часть общества состояла из свободных людей, классово стратифицированных, но с возможностью перехода из группы в группу, вне зависимости от этнического и социального происхождения⁵.

⁴ Вернадский Г.В. Русская история. С. 54.

⁵ В Киевской Руси была большая группа полусвободных людей (закупов). К ним относились мужчины или женщины, которые в период голода или опустошительных войн отдавались на временное служение господину, а также «церковные люди», которые либо служили в церкви, либо нуждались в ее поддержке, включая изгоев, которые по положению приближались к крепостным, хотя они были под защитой церкви.

Существовал институт рабства, который пополнялся за счет военнопленных. Свидетельство о нем встречается в старославянских церковных текстах, в русско-византийских договорах X в. Военнопленные продавались в случае удачи по самым низким ценам. После победы новгородцев над суздальцами в 1169 г. пленные суздальцы были проданы по 2 ногаты за каждого. Великий князь Всеволод после победы над половцами (см. «Слово о полку Игореве») продавал женщин-пленниц по 1 ногате, а мужчин – по 1 резане.

Раб не имел гражданских прав, если его убивали, то компенсацию выплачивали хозяину; раб не мог выдвигать обвинений в суде и не принимался как полноценный свидетель в тяжбе.

Рабы использовались их владельцами как домашние слуги, на полевых работах, в ремесленном производстве. Рабство было двух типов – временное и постоянное. Временное рабство могло заканчиваться после завершения достаточного объема работ или выкупа раба-военнопленного. Конец полного рабства мог наступить двумя путями: или раб выкупал себя (редкие случаи), или хозяин мог отпустить раба волевым решением. Церковь постоянно побуждала к принятию подобных решений, поэтому многие богатые люди освобождали рабов в своем завещании.

Анализ своеобразия экономического строя, который возник в Киевской Руси, он начинал с выявления сущностного различия понятия феодализма, принятого в западной историографии, и его трактовки в советской литературе, включая степень распространения крупных земельных владений в Киевской Руси, их типы, статус земли с юридической точки зрения, степень феодальной власти над сельским арендатором, социальный статус землевладельца, общий характер экономики. Вернадский пришел к выводу, что никакого всеобщего крепостничества в киевский период не было, что в X и XI вв. существовало значительное различие в отношении социальных и экономических устоев между Киевской Русью, с одной стороны, и Западной и Центральной Европой — с другой. Это различие стало результатом неодинакового развития славянской и германской общин и земельных отношений (земля — основное средство производства) и центральной власти, а также византийского влияния на формирование киевских экономических институтов.

Рассмотрим этот вопрос подробнее. Не анализируя точки зрения на соотношение различных типов общин (кровнородственной, соседской, территориальной), а также их переходных форм (соседско-родовой, соседско-большесемейной и т.д.), выделим типы, которые были характерны для славянских и германских племен. Отличия каждой из этих общин характеризовались дуализмом коллективного и индивидуального земледелия с разными соотношением этих начал и отношениями с государственной властью. Община возникла исторически как первичная форма организации природных и кровнородственных связей, выступая носителем всей системы общественных отношений. Затем возникла *соседская* община, которая отличалась от своей исторической предшественницы появлением социальных страт в ее составе — общинных и родовых старейшин, а также вождей, постепенно сосредоточивших в своих руках распределение территорий, руководство коллективными работами, организацию военного дела и т.д. Развитие в соседской общине обусловлено прежде всего потребностями семейно-индивидуального хозяйства, а коллективная собственность была дополнением к собственности отдельных домохозяйств. Ко времени завоевания германскими племенами Западной Римской империи эта форма общины стала преобладающей. Есть точка зрения, что к этой стадии принадлежала восточнославянская община *вервь* накануне образования Киевской Руси. «Анты, — пишет Вернадский, — селились кланами, большими семьями типа задруги. Это тип общины, приближающийся к соседской, территориальной ее форме»⁶. В дальнейшем под влиянием

⁶ Подробнее см.: *Вернадский Г.В. Древняя Русь. Раздел «Некоторые данные о славянской цивилизации в сарматский период».*

разных исторических условий характер развития германской марки и восточнославянской общины изменялся разным образом, что связано с воздействием на них разных цивилизационных структур – западного и восточного обществ, которые возникли на месте Римской империи.

Верховная власть Запада в лице германских императоров и византийских царей по-разному воздействовала на судьбы этих общин в VIII–IX вв. «Там и здесь решался многозначительный социальный вопрос: быть ли мелкой земельной собственности или предоставить дело естественному процессу и воспользоваться крупным землевладением для государственных целей. В первом смысле вопрос решен на Востоке, во втором – на Западе социальный вопрос совершенно безвозвратно решился в интересах *поместного сословия*. На Востоке, благодаря указанным выше мерам, крестьянская община была предохранена от разрушения. Задержав социальную эволюцию на первой, т.е. экономической, стадии, византийские цари, несомненно, предопределили тем развитие того порядка вещей, который последовал на Западе: в Византии не могли развиваться сеньоратные и вассальные отношения, не могла образоваться феодальная система. Византийская община существовала вплоть до турецкого завоевания. Сельская община служила государству, удовлетворяя его расходы и защищая от врагов. Приведенные факты общественного развития дают для Запада крупное землевладение и сословные притязания поместной и служилой аристократии; для Востока же – господство свободного мелкоземледелия и подчинение государственному принципу интересов поместного и служилого сословия»⁷.

Эта общая тенденция нашла свое отражение в правовых нормах, разных на Западе и Востоке. Правовые нормы Запада (римское право) и Востока (византийское право) по-разному ставили вопрос об отношении верховной власти к крестьянству. Незадолго до падения Западной империи на Востоке был составлен особый законник, в котором римские правовые воззрения согласованы и применены к потребностям восточных провинций империи. В VIII в. составлен другой законодательный памятник, в котором не столько римское право применено к потребностям славянского населения, сколько переделан закон о сельском сословии согласно с новыми началами, внесенными в империю новыми подданными. Так называемый сирийско-римский законник, открытый в 1880 г., имел широкое распространение на Востоке с VI до XIV в. Он составил непреодолимую преграду для распространения Юстинианова кодекса, так как был практичен, а главное, применен к потребностям и интересам восточных народов. В законодательство VIII в. вошли совершенно неожиданные и трудно-

⁷ Успенский Ф.И. Указ. соч. С. 29.

объяснимые новшества из римского права: *свободное крестьянское сословие и свободное мелкое земледелие*. Закон применен к потребностям населения, живущего в общине и владеющего общинной землей. В нем заключены и славянские правовые воззрения, и следы славянского быта⁸.

Византийское право оказало влияние на судьбы мелких землевладельцев в Киевской Руси, что определялось государственным значением Церкви, которая в значительной мере являла собой судебную власть, и оказало решающее воздействие на «Русскую Правду» (важнейший правовой документ того времени). Вопрос о том, кому принадлежит земля — смердам или государству, по мнению Вернадского, долго оставался спорным⁹. Он указывает, что существовало «нечто наподобие совладения князя и смерда на земле последнего»¹⁰. Крепостничество как правовой институт не существовало в Киевской Руси¹¹. «Несмотря на все посягательства со стороны князей, смерды... оставались свободными»¹². «...Смерды лично были свободны, поскольку подчинялись специальной юрисдикции князя... — ясно из «Русской Правды», равно как и из летописей»¹³.

Вернадский полагает, что князь реализовывал свою власть по отношению к смердам в качестве главы государства, которому они платили дань. Этим определялась и важная роль централи-

⁸ Успенский Ф.И. История Византийской империи (6–9 вв.) С. 18.

⁹ Считают, что название «смерды» появилось в сарматский период. Они платили дань, государственные налоги, а также поставляли лошадей верховным правителям: сначала аланским, потом антским вождям, затем хазарским и мадьярским воеводам и, наконец, русским князьям.

¹⁰ Вернадский Г.В. Киевская Русь. С. 159.

¹¹ Там же. Социальная структура новгородского общества не имела в своем составе крепостных форм зависимости. Верхний слой образовывали крупные землевладельцы — бояре; ниже стояли «житьи люди» — землевладельцы поменьше и купцы. «Черные» или «меньшие» люди в городах делились на ремесленников — мастеров и «наймитов», не имевших собственности. Среди крестьян новгородской земли много «земцев» или «своеземцев» — владельцев собственной земли. На государственных землях сидели смерды — они платили дань Господину Новгороду. На землях частных владельцев трудились «изорники» (от слова «орать», то есть пахать). Пахари-изорники отдавали часть урожая владельцу земли, но были лично свободными. Если боярин давал изорнику ссуду-купу, он не становился лично зависимым. Закуп мог уйти к другому боярину, изорник мог отдать купу, переселиться в город и стать ремесленником.

¹² Там же. С. 161.

¹³ Там же. С. 158.

зованной верховной власти в организации экономического базиса общества, в том числе внешней торговли. Особое значение имели сначала род, а затем мир или община в социально-экономической жизни, особенно в сельском хозяйстве. Развитие рыночных отношений в западной и Русской цивилизациях происходило под воздействием различных взаимоотношений между верховной властью и товаропроизводителями, обуславливая на Западе децентрализованные формы, а в Древней Руси (и вообще в странах Востока) централизованные (государственные) начала, что было обусловлено характером собственности на землю.

Рассмотрим особенности возникшей в X–XII вв. мир-экономики – первой полнокровной рыночной структуры. Напомним, что мир-экономика любой цивилизации образует как бы мост между малыми товарными мирами и международной торговлей (в историческом прошлом), это предшественница национальных рынков. Мир-экономика – «это экономически самостоятельная часть планеты, способная в основном быть самодостаточной, такой, которой ее внутренние связи и обмены придают органическое единство... Мир-экономика была суммой индивидуализированных изолированных пространств, экономических и неэкономических, перегруппировываемых таким образом, что она охватывала огромные площади, пренебрегая границами других крупных группирований истории»¹⁴. Бродель выделяет ряд факторов или условий, при которых формируется мир-экономика: неразрывная связь с большим пространственным ареалом; длительная временная протяженность; отделение сельскохозяйственного труда от ремесленно-торговых видов деятельности, особая роль городов; развитие сети институтов для формирования рыночных отношений. Ранее мы проанализировали эту тему применительно к западной цивилизации и основным цивилизационным мирам древности¹⁵. В данной работе на базе этой методологии анализируются особенности мир-экономики Древней Руси.

Русская цивилизация сложилась на базе славянских племен с определенной материальной культурой и экономическими связями, но раскинутыми островами среди степей, лесов, болот. И это создавало преграды не только для их политической интеграции,

---

¹⁴ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. 3. С. 14, 16.

¹⁵ См.: Можайскова И.В. Рыночные связи и денежные отношения... Гл. IV.

о чем говорилось выше, но и для развития экономических связей. Поэтому образование мир-экономики Древней Руси было связано с определенным историческим этапом политической интеграции славянских и неславянских племен. Можно считать, что большую роль в дохристианский период сыграли политические условия, которые создал Святослав, разгромив Хазарский каганат (965 г.) и создав после покорения булгар (в союзе с Византией) огромную по размерам империю, большую, чем у авар или хазар и даже гуннов, включающую не только устья Волги и Дуная, но и южнорусские степи, а также обширные лесные массивы в районе Киева и Новгорода. Эти политические предпосылки, а также развитие международных рыночных связей славянских племен в рамках Хазарского халифата и Волжской Булгарии с исламским миром были предпосылками создания мир-экономики Древней Руси. Но она сформировалась только в условиях Киевско-Новгородской государственности, после принятия христианства и развития тесных экономических связей с Византией в X–XI вв. В период княжения Ярослава мир-экономика Руси могла развиваться на всей территории государства, которое простиралось от Белого моря до Черного и от Балтики и бассейна Вислы (на западе) до Печоры и Камы (на востоке).

Временные границы развития и гибели мир-экономики Древней Руси довольно четко очерчены. Мир-экономика этого периода русской цивилизации отражала формационный строй и социально-экономическую структуру общества. Эти особенности формационного строя Киевско-Новгородской Руси с выделением особой роли государства и социально-экономической структуры общества наложили свой отпечаток на формирование многих сторон мир-экономики, где-то сходной, а где-то отличной от мир-экономики западной цивилизации, главным образом связанной с ролью централизованной государственной власти в развитии рыночных отношений¹⁶.

---

¹⁶ Начиная с XI в. Европа создаст то, что станет ее мир-экономикой. Западная мир-экономика возникла как биполярная структура: одна опиралась на северную ее часть вокруг Северного и Балтийского морей (Нидерланды), другая – вокруг Средиземноморья (Италия). Север будет менее усложненным, чем Юг, более промышленным, а Юг – более торговым, нежели Север, где громадную роль играют города-государства. Средневековые города в Западной Европе возникли в Италии (Венеция, Генуя, Пиза, Неаполь и др.), а также на юге Франции (Марсель, Арль и др.). В городах-государствах, приобретших длительный опыт совершенно самостоятельной жизни (в Италии, Франции, Германии), быстрыми темпами растут рыночные отношения и денежная экономика, хотя фундамент экономики был во власти прямых форм обмена.

Города¹⁷ и городские формы разделения труда были одной из важных черт этой структуры. Нельзя переоценить роль городов (в том числе крупных – Киев, Новгород, Смоленск) и городских поселений в развитии торговли и денежных отношений. На Руси укрепленные города опирались на внутренние стены – кремли. Здесь до монгольского нашествия выделялись города – центры политической и торговой жизни, соперничающие с Западной Европой. В строительстве преобладали дома и строения из дерева, хотя в этот период развивается искусство каменной кладки, которое было завезено из Византии между X и XI вв. Речь идет о Киеве, Чернигове, Рязани, Владимире (конец XII в.) и, конечно, таких важных городах Западной и Северной Руси, как Смоленск, Псков. Мир-экономика Древней Руси, также как и государственность, была связана с двумя центрами ее развития – Киевом и Великим Новгородом¹⁸. Но все же Киев был, скорее, политическим центром, а затем экономическим, а в Новгороде наоборот – его торговое могущество оказывало влияние на политические реалии того времени¹⁹.

Города через созвездия городов и сеть городских перевалочных пунктов вели собственную экономическую политику. Города-государства играли главную роль в развитии международной торговли как на севере, так и на юге Европы. После Крестовых походов на севере внешняя торговля по-прежнему осуществлялась городами Северной Германии, Скандинавии, Дании, Франции через города Северо-Западной Руси (Новгород, Псков, Полоцк) в районах, прилегающих к Балтийскому и Северным морям.

На юге средиземноморские города, достаточно успешно «жившие» в Византийской империи, новый импульс для своего развития получили во время и после крестовых походов, что способствовало росту торгового могущества городов как центров богатства Средиземноморья. Крестоносцы, приходящие с севера, могли попасть на Святую землю, только преодолев Средиземное море. Их перевозят по нему корабли итальянских городов. И это стало стимулом для развития кораблестроения в Пизе, Генуе, Венеции. Крестовые походы пробудили всю итальянскую экономику.

¹⁷ В отличие от Европы, города на Руси не были обособленными, изолированными поселениями. На Руси они воспринимались как центры той или иной земли. Гражданином, субъектом права считался не тот, кто внесен в списки жителей города, а кто живет на территории земли. Основой гражданства, например новгородцев, с XI в. становится преданность не феодалу, не отвлеченной идее, а городской общине – Господину Великому Новгороду.

¹⁸ Например, см.: *Свиридов П.В.* Миф эпохи Водолея. М., 2000. С. 87.

¹⁹ Новгород в 1136–1478 гг. считался столицей Новгородской республики. Обычно Новгород рассматривают как аналог Венецианской или Флорентийской республик. Но это сравнение умаляет значение Великого Новгорода хотя бы потому, что по своим размерам это не просто торговая республика, а огромное государство Северо-Восточной Европы, по своему значению равное

Не случайно существовала поговорка: «Кто может противиться Богу и господину Великому Новгороду?» Ярославово дворище разместилось рядом с Торгом (в переводе на латынь звучит как «форум») – центром экономической и хозяйственной жизни.

Германские летописцы, подчеркивая богатство Руси и ее торговые обороты, восхищались ее городами. По словам летописца Титмар Мерзебургского (975–1018), «он не видел нигде в Европе города больше и красивее Киева. Города, где было бы больше красивых церквей, жители которого были бы богаче и достойнее». Величественный и могущественный Киев превосходил тогда все города Западной Европы. Кроме Константинополя и Кордовы, все они были по сравнению с ним большими деревнями. В скандинавских сагах рисуется красочный образ Руси, а города велики и красивы. Да и много их городов – «больше во много раз, чем во всем остальном мире»²⁰.

Интенсивно развивались ремесленные формы труда в процессе развития рыночных связей. Археологические исследования, особенно последних лет, неопровержимо установили, что в Древней Руси IX–XI вв. существовало не только общинное ремесло, подчиненное замкнутым натуральным миркам, но и ремесло городское, разлагающее эти мирки. В XI в. русское ремесло переживало чрезвычайно важный этап: в связи с ростом спроса городские мастера все больше переходили от работы на заказ к работе на рынок²¹.

Рыбаков приводит список 67 ремесел, известных на Руси в IX–XIII вв., оговариваясь, что этот список неполный.

Из промышленных отраслей была развита металлургия, хотя железо было единственным металлом, добываемым в границах Киевской Руси. Медь и олово привозили с Кавказа, свинец – из Богемии. Искусство металлургии достигло высокого уровня, литейщики

Бургундии или Нормандии, вместе взятым. От Балтийского моря до Урала шла колонизация земель и племен. В его распоряжении были огромные территории от Финского залива до Северного Урала, от Ильмень-озера до Белого моря и Ледовитого океана. Новгородцы успешно отражали нападения со стороны Литвы, Швеции, Тевтонского и Ливонского орденов. С середины XII и до середины XV в. Новгород был вынужден постоянно воевать со Швецией и Ливонским орденом. С 1142 по 1446 г., то есть за 399 лет, Новгород, по исследованиям А. М. Буровского, воевал 26 раз со Швецией, 5 раз с Норвегией, 14 раз с Литвой, 11 раз с Ливонским орденом, 24 раза с Москвой.

²⁰ Исландские саги. М., 1956; *Рыдзевская Е. А.* Древняя Русь и Скандинавия. М., 1978.

²¹ *Аристов Н. Я.* Промышленность Древней Руси. СПб., 1866. С. 218.

и кузнецы упоминаются во многих источниках того времени. Это объясняется историческими традициями: еще анты прославились как искусные оружейники, именно их традиции в IX–X вв. продолжили поляне. В Новгороде жили искусные литейщики, гвоздильщики и мастера, изготовлявшие щиты.

Было развито солеварение. Соль добывали в Карпатских горах Галицкого княжества, на севере новгородцы добывали соль из морской воды путем ее искусственного выпаривания.

В строительстве преобладали дома и строения из дерева. Новгород был известен как колыбель деревянных строительных ремесел, виртуозного владения плотницким делом. Новгородские мостостроители были известны по всей Руси, хотя основными инструментами были топор, долото, сверло, тесло (пила появилась только в XVI в.). Важным направлением древнерусского плотницкого дела было судостроение.

В тот же период развивается искусство каменной кладки, которое было завезено из Византии между X и XI вв. В конце XII в. Владимир в Суздальском княжестве превратился в важный центр русского строительного ремесла²².

Мир-экономика Киевско-Новгородской Руси характеризовалась сетью институтов, а также центральных зон для осуществления обменных и торгово-денежных операций. Рынки играли важную роль в жизни каждого города. Это свидетельствовало о том, что торговля имела не меньшее значение в жизни общества, чем политическая жизнь. Характерно, что все официальные

---

²² Ремесленные и промышленные промыслы сочетались с рядом других важнейших отраслей экономики – земледелием, скотоводством, охотой, бортничеством и рыболовством. Даже для князей охота была не развлечением, а важным промыслом. Поэтому охотничьи угодья охранялись законом. Бортничество было важным промыслом и права владельца на помеченные деревья с ульями тоже охранялись законом. Продукция бортничества – воск и мед – пользовалась большим спросом как внутри страны, так и за ее пределами (в Византии). Рыболовство, включая ловлю моржей на Белом море, также было существенным промыслом.

В лесной и степной зоне Киевской Руси появилась сначала двухпольная, а затем трехпольная система земледелия. Из зерновых на юге выращивали полбу, пшеницу, гречиху; на севере – рожь, овес, ячмень. При трехпольной системе возделывали используемые для ткачества волокнистые культуры – лен, коноплю. Выращивали бобовые – горох, чечевицу, на огородах – капусту, горох, репу, лук, чеснок. Существовали на Украине еще с аланских времен яблоневые и вишневые сады.

В скотоводстве преобладало разведение лошадей (огромные табуны лошадей содержались в княжеских имениях, что частично было связано с военными нуждами). Выращивали крупный рогатый скот, овец, птиц, большое внимание уделялось разведению охотничьих собак.

объявления делались в торговых местах, где продавались и покупались всевозможные товары, а раз в неделю проходила местная ярмарка. «Внутренняя торговля, — пишет Рыбаков, — успехи которой теснейшим образом были связаны с развитием ремесла и отделением его от земледелия, переживала свое цветущее время в XI и начале XII в.»²³.

Анализ письменных и вещественных источников эпохи дал Б. А. Рыбакову возможность установить социальные группы, потребности которых удовлетворялись в значительной степени вне сферы вотчинного хозяйства, в системе спроса и предложения на городском торгу. Сюда относится свободный ремесленный посад, затем свободная дружина и иностранцы (послы, воины-наемники, приглашенные мастера, торговцы и т. д.). Наличие в городе этих социальных групп создавало спрос прежде всего на продукты питания, который не мог иметь иного характера, кроме мелкого, розничного. Спрос рождал предложение, идущее в значительной мере извне, из деревни, вставшей на путь разложения. «Русская Правда» и Киевско-Печерский Петерик очень живо изображают нам киевский торг. Здесь можно было купить мясо, мед, соль, пшеницу, рожь, просо, овес, хмель, овощи, рыбу, молоко, печеный хлеб, сыр, масло. Появление на рынке продуктов питания говорит о том, что пригородные крестьянские (а может быть, и боярские) хозяйства втягивались в товарные отношения. На торгу можно обзавестись скотом и живностью, здесь продают коней, коров, овец, свиней, коз, уток, кур, можно купить и сена для скота, и дров для отопления жилища... В конце X в. было обычным явлением, что, например, житель окрестного села вез в Новгород воз горшков»²⁴.

Развитие торговли обуславливало широкое внедрение денежных отношений в экономическую жизнь общества. Как уже говорилось, древнейшей формой эксплуатации населения покоренных племен была дань. В Киевско-Новгородской Руси она превратилась в постоянную, правда, весьма примитивную государственную подать. О степени развития денежного обращения говорят многие факты: Новгородская область платила при Ярославле 300 гривен дани, в XII в. — 2500 гривен, Смоленск — 3200 гривен. Дружинники в XIII в. получали от князя по 200 гривен.

²³ Рыбаков Б.А. Торговля и торговые пути. М., 1986. С. 363.

²⁴ Там же. С. 361.

Помимо дани центральной великокняжеской власти существовали и другие повинности, в частности оброки. В исторических памятниках термины «оброк» и «дань» употребляются как тождественные понятия.

Согласно летописи, дань бралась с плуга, с «дыма», в некоторых случаях с человека, иногда с «дворища» (объединения нескольких «дымов»). Тот факт, что дань уплачивалась преимущественно от «рала», плуга, а также «дыма», показывает, что главным занятием славянства было сельское хозяйство. Дань взималась в натуре и в деньгах. Размер был неодинаков. Радимичи платили Киеву столько, сколько они платили хазарам, северяне — меньше. Кроме дани имели место и другие виды поборов с населения. В княжескую казну поступали и другие сборы с населения: «тамга», «повоженная куница», «корм» — данный и таможенный.

В структуре мир-экономики Киевской Руси важное место занимала международная торговля, прежде всего путь «из варяг в греки», но не как транзитная магистраль торговли скандинавов с Византией, а как важный фактор развития экономики государства. Это было связано с изменением политической ситуации в этом регионе после Крещения Руси, а также с ослаблением Халифата. Крещение Руси означало усиление влияния Византии не только на религиозную и светскую, но и на экономическую жизнь государства. В этом смысле путь «из варяг в греки» не просто стал метафорическим названием торгового пути, а выразил точную направленность этой водной артерии, которая обслуживала международные связи севера (прежде всего Русского) не просто с югом (исламским), а с Византией. И уже это точно отличало характер международной торговли X—XII вв. от предыдущих столетий.

К этому надо добавить такой важный фактор, как укрепление централизованной княжеской власти, и активно поддерживаемые князьями со своей дружиной торговые экспедиции²⁵. Путь «из варяг в греки» сыграл громадную роль в экономике Киевской Руси, но на определенном этапе ее исторического развития, в период уже окрепшей православной государственности Киевской

---

²⁵ Каждую весну караваны варяжских и славянских купцов, которые везли меха, воск, мед и рабов, отправлялись из Киева в Константинополь вниз по Днепру. Импортировались ткани и краски, фрукты, пряности, вина и благовония.

Руси²⁶. Именно дивиденды от этой торговли стали материальной основой развития градостроения, светской культуры и накопления достаточной массы серебра для чеканки первых русских монет. Значение пути «из варяг в греки» как международной торговой магистрали постепенно снижалось – сначала после взятия Киева в начале XII в. войсками Андрея Боголюбского, затем после падения Византии во время четвертого Крестового похода (1202–1204) против православной Византии. Но не только «путь», но и сама мир-экономика Киевско-Новгородской Руси канула в Лету в связи с монгольским нашествием.

4.2. Обескровленная Русь в рабстве «торгового империализма» монголов и его «русский след». Предпосылки возрождения рыночных связей Великого княжества Московского в период распада Золотой Орды

Создание универсальной империи Чингисхана, основанной на его религиозной доктрине (отражена в Ясе²⁷ как обобщенной мудрости «боговдохновенного Сына Неба»), имеет и экономический аспект. Монгольские завоевания, начиная с первого периода вплоть до распада Орды, имели две основные цели (превалирующие на том или ином этапе): захват богатых трофеев (война как работа) и особая политика в развитии международной торговли. (Последнее Вернадский назвал «конструктивным торговым империализмом монгольских правителей».) Обе эти цели были достигнуты в процессе вторжения монгольской кочевой цивилизации в 1237–1238 гг. на Северо-Восточную Русь и затем в 1240–1241 гг. на Киев и Юго-Западную Русь и ее политического властвования над русскими княжествами вплоть до конца XV в. Властвование Орды обескровило Русь и ее людские и материальные ресурсы²⁸.

Выделяются три периода в этом процессе: первый сопровождался тотальным разрушением материального и людского потен-

---

²⁶ Варяжский путь шел из Балтийского моря в Финский залив, по р. Неве в Ладожское озеро, по р. Волхову в оз. Ильмень, оттуда по р. Ловати, затем волоком до верховья Днепра, далее вниз по Днепру до Черного моря и, наконец, вдоль западного берега Черного моря до Царьграда (Константинополя).

²⁷ Подробнее о содержании этой доктрины (Ясы) см.: *Можайсова И.В.* Духовный образ русской цивилизации...

²⁸ Подробнее о монгольском смерче, который привел к надлому русской цивилизации, см.: *Можайсова И.В.* Духовный образ русской цивилизации... Ч. III. Гл. 16.

циала Киевской Руси, второй характеризовался некоторым ослаблением прямого контроля над русскими землями, третий стал временем распада Монгольской империи, когда расстановка сил позволила русским князьям быть более свободными в своих политических решениях. Великий князь превратился в автономного правителя, получив возможность использовать для своей выгоды административную и военную машину, созданную на Руси монголами.

В первый период (начало XIII в.) была уничтожена городская культура Руси, разрушен сложившийся потенциал ремесленного производства, подорвана торговля русских купцов. Больше всего пострадали старые центры киевской цивилизации – Киев, Чернигов, Рязань, Суздаль, Владимир. Сохранились только немногие города в Западной и Северной Руси – Смоленск, Новгород, Псков. Россия стала сельскохозяйственной страной после монгольского владычества. «Именно в монгольский период Россия превратилась преимущественно в аграрную страну», – подчеркивал Г.В. Вернадский²⁹. Это объясняется тем, что в продукции сельского хозяйства были очень заинтересованы монголы. И поэтому в Южной Руси, которая находилась под их непосредственным контролем, они поощряли возделывание зерновых (просо и пшеница). Так как именно сельское хозяйство выплачивало основную часть дани, монголы не были заинтересованы в снижении продуктивности сельского хозяйства и в других районах. Такое же отношение было к охотничьим промыслам и рыболовству.

В этот период разрываются торговые связи между княжествами, усиливается натурализация хозяйства, в упадок приходит ряд ремесел, обслуживающих богатое население крупных городов. «Трудно точно оценить потери русских, но, вне всяких сомнений, они были колоссальны, и если мы включим в это число огромные толпы людей, и мужчин, и женщин, уведенных монголами в рабство, они вряд ли составляли меньше 10% от общего населения»³⁰. На Руси татары провели несколько поголовных переписей населения, поставив над ними надзирателей, наместников хана с военными отрядами. Сначала татары брали с населения десятину, а затем ввели поголовную дань, от которой позже освободили духовенство. Первое время монголы сами собирали дань,

²⁹ Вернадский Г.В. Русская история. С. 82; Он же. Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1984.

³⁰ Вернадский Г.В. Монголы и Русь. С. 346.

а потом отдали сбор ее откупщикам-баскакам – хивинцам, хазарам, евреям. Сбор дани сопровождался неимоверными жестокостями – несостоятельных плательщиков уводили в рабство. Дать собиралась преимущественно мехами и деньгами. Например, хан Батый требовал, чтобы каждый человек мужского пола, независимо от возраста, отдавал в качестве дани медвежью, бобровую, соболью, хорьковую и лисью шкуры. Кроме дани, народ должен был выполнять другие повинности: «почестье» (сбор корма для ханских чиновников), «ям» (обязанность населения поставлять лошадей). Из страны вытягивались все жизнеспособные людские ресурсы – молодых мужчин, ремесленников в качестве рабов, была воинская повинность. «Ордынские тягости» (их было 14 видов) носили грабительский характер. «Московский выход» составлял 5–7 тыс. серебром, «новгородский выход» – 1,5 тыс. серебром.

Второй период (вторая половина XIII – начало XIV в.) был связан с осознанием правителями Орды, что получение дани с крестьянского и ремесленного населения, налогов с купеческого товара более выгодно, чем грабежи и выбивание денег военными методами, да и содержание чиновничьей службы на местах обходится гораздо дешевле, чем содержание огромной армии. Ситуация изменилась после общего собрания (курултая) правителей разных улусов, прошедшего в 1251 г. С того времени в разных провинциях тогда единой Монгольской империи начала налаживаться налоговая система. Район, способный выставить десять человек, считался объединением десятки. Каждый такой район был единицей для сбора налогов. Соответственно Русь делилась на «десятки», «сотни», «тысячи» и «тмы». В первой половине XIV в. сын Узбека хан Джанибек санкционировал разделение Восточной Руси на четыре великих княжества. Кроме великого князя во Владимире, появились еще три великих князя – в Твери, Нижнем Новгороде и Рязани. К 1290 г. сбор дани на местах был поручен каждому из великих князей и местной княжеской администрации, хотя их деятельность контролировалась монголами. Вся система сборов сопровождалась карательными мерами, так как в стратегических пунктах были расположены монгольские гарнизоны.

Третий период (вторая половина XIV – XV в.) – это медленное возрождение экономики Руси, но в рамках ее новых центров – прежде всего Московского княжества, хотя еще и в условиях политической зависимости от монгол. Но это происходило уже

в рамках второго многовекового цикла русской цивилизации и ее духовного возрождения, с одной стороны, и разрушающейся под влиянием внутренних противоречий Золотой Орды – с другой.

Рассмотрим экономический базис Монгольской империи в XIII–XIV вв. – период ее становления и наибольшего могущества, который был связан с международной торговлей – «торговым империализмом»³¹. Монгольский смерч XIII в., принесший большие разрушения России, а также древним цивилизациям (Китай и Иран), сопровождался впоследствии покровительственной политикой монгольских завоевателей по отношению к международной торговле Запада и Востока. Империя Чингисхана в тот период простиралась до Днепра, включая важнейшие сухопутные торговые пути Восточной Европы и Азии.

После 1240 г. на столетие монголы закрыли прямой торговый путь по суше от Черного моря до Китая и Индии, дававший неограниченное преимущество Западу в торговле с Китаем и Индией в обход исламского мира. Завоевание Ирана, войны в Малой Азии, на границах Сирии и Ирана, где раньше проходила основная магистраль Великого шелкового пути, его разрушили. И поэтому в XIII–XIV вв. главная торговая дорога, связывающая Европу с Индией, Китаем и Центральной Азией, прошла севернее Каспийского моря, вышла на порты Крыма, а по степи дошла до Венгрии и Польши. Был и другой путь. Он шел из Перми, Вятки, Новгородских земель на юг – в Сарай, Азак, Кафу, Аккерман. Контроль над торговыми путями и международная торговля были основой как Монгольской империи, так и Золотой Орды. Она предполагала организацию (ямская служба) и охрану путей сообщения на бескрайних пространствах Евразии.

Этому способствовали грамотная таможенная политика, безопасные дороги³², удачная внешнеполитическая ситуация. Ханы стремились поддерживать развитие торговли. Из исторических хроник известно, например, что хан Берке для привлечения

---

³¹ Эта политика имела прецеденты в прошлом: Хазарское государство контролировало наиболее важные торговые пути Западной Евразии, и охрана этих путей была главной целью политики кагана. Вознаграждалась эта деятельность сбором таможенных пошлин с караванов и судов, курсировавших на север, юг, запад и восток.

³² Многие путешественники (в частности, семейство Поло – отец, дядя, а затем сам Марко) достигали далекого Китая или Индии по бесконечным, но на удивление безопасным дорогам Евразии.

иностранных купцов платил им за товары, доставляемые в Орду, вдвое больше, чем они просили.

Наибольшего могущества Золотая Орда достигла при хане Узбеке, который сделал ислам официальной религией, что сильно подняло его престиж на Ближнем Востоке и в Центральной Азии. Узбек перенес свою столицу из Старого Сарая, основанного ханом Батыем, в Новый Сарай, основанный ханом Берке, располагавшийся на восточном берегу нижней Волги. Именно в правление Узбека международная торговля достигла наибольшего расцвета. Подчеркнем, что обеспеченная землями с разнообразными и богатыми естественными ресурсами Золотая Орда извлекала прежде всего громадную выгоду из контроля над великим сухопутным торговым путем, идущим на Запад и протянувшимся от Китая к Черному морю. Этот путь закрылся около 1350 г. и был связан, по мнению некоторых историков, с упадком торгово-рыночных отношений в середине XIV в. как на Западе, так и в Китае.

О рыночных связях русских княжеств в первый период монгольского нашествия (начало XIII в.), когда была уничтожена мир-экономика Киевской Руси, говорить не приходится. Очень медленное их возрождение, точнее «русский след» в «торговом империализме» Золотой Орды, обнаруживается во второй половине XIII в. и начале XIV в. Он был связан с изменением экономической политики завоевателей после общего собрания (курултая) правителей разных улусов. Тогда были заложены основы налоговой системы, размер «ордынских тягостей» русских княжеств и использования русского купеческого потенциала в рамках «торгового империализма». Хотя развитие торговли и производства в Золотой Орде вело к росту и процветанию ее главных городов, основная масса монголов и тюрок оставались кочевниками. Торговлей и ремеслом занимались другие этнические группы населения, в том числе и русские. Можно считать, что существенный позитивный этап в положении русского анклава Золотой Орды связан с правлением хана Менгу-Тимура (1266–1282), когда большинство русских князей стали лояльными по отношению к «царю» (так называли хана). Он, что очень важно, выдал ярлык, освобождавший Русскую церковь и причастных к ней людей от уплаты налогов, а также от призыва на военную службу. Менгу-Тимур отозвал из Руси мусульманских купцов, которые собирали налоги, вместо них прислал официальных лиц. Только при Менгу-Тимуре русские купцы получили шанс на участие в международной торговле.

В дальнейшем Менгу-Тимур предоставил Новгороду автономию и право на свободную торговлю, что дало новый импульс для торговли на Балтике. Новгород осуществлял оживленную и выгодную торговлю с Ганзой, Москвой, Тверью и Псковом, а также Литвой и Польшей, а через них с Богемией и Германией. Для развития черноморской торговли Менгу-Тимур предоставил особые привилегии генуэзцам при осуществлении коммерческих операций в крымских портах, с которыми имели дело и русские купцы.

При хане Узбеке (1313–1341) – племяннике Менгу-Тимура – русский анклав торгового империализма монгол получил дальнейшее развитие. Известно, что при Узбеке в Сарая существовала значительная русская колония, ядро которой составляли купцы. Вероятно, русские в значительной мере контролировали судоходство на Волге, о чем свидетельствует летописи того периода, где явно чувствуется знание географии Золотой Орды и ее городов, не только Сарая. Они поддерживали связи с итальянскими колониями на Азовском море и в Крыму. В городе Сурож русские купцы того времени вели самые выгодные дела. В XIV в. сурожане играли важную роль в московской торговле, фактически большая часть богатых купцов – «гостей» были сурожанами. Но эти примеры участия русских купцов в обслуживании «торгового империализма» монгол ни в коей мере нельзя считать характеристикой рыночных связей на Руси. Хотя уже в рамках торгового империализма монгол происходит не столько возрождение рыночных отношений русских княжеств, сколько создание материального базиса для их последующего развития. Рыночные отношения – это одна из сторон экономики, предполагающая определенный уровень развития материального производства. Поэтому данная проблема требует прежде всего рассмотрения предпосылок, которые способствовали развитию рыночных отношений, на базе возрождения материального базиса русских княжеств сначала в рамках политической зависимости от Золотой Орды, а затем уже независимой московской государственности. Материальными предпосылками образования мир-экономики являлся процесс территориальной колонизации пространств для удовлетворения своих материальных нужд на цивилизационной стадии эволюции человечества.

После монгольского нашествия население древнерусского этноса начинало колонизацию других пространств Восточной Европы – оно уходило из степей в леса, край холодный, но более

безопасный (Тверь, северо-восточная часть Великого княжества Владимирского, преимущественно район Костромы). Начинается хозяйственное освоение Русского Севера – мест диких, нелюдимых. Природа суровая, земли эти холодные, неплодородные, лесистые. Еще в X–XIII вв. это был край беспредельных «муромских», «мещерских» и других лесов, без дорог, без своего производства хлеба. (Это потом русские создали систему навозного удобрения, и прежде бесплодные и никому не нужные земли стали давать приличные урожаи.)

В этот период (еще в рамках политической зависимости от Орды) начинается возвышение Великого княжества Московского, формирование материальной базы которого и его политического влияния на интеграцию русских княжеств происходило очень быстро по историческим меркам эволюции. В XIV в., особенно в его конце, положение меняется, учитывая первые серьезные потрясения в Золотой Орде, где в политическом и экономическом отношении не последнюю роль сыграло восьмилетнее противостояние Тамерлана и Тохтамыша, закончившееся полным разгромом последнего (1390), когда Тамерлан уничтожил все главные города Золотой Орды, включая Сарай, подорвав ее торговлю и промышленность.

Ослабление Орды позволило Москве решать свои проблемы в рамках русского мира. Именно оно создало предпосылки для возрождения мир-экономики русской цивилизации после обретения политической независимости и образования самодержавной Руси.

Начало Москвы как маленького городка в Суздальском княжестве в начале XIII в. не предвещало такого ее будущего. Ставшая княжеством только во второй половине XIII в., расположенная на перекрестке важнейших торговых путей: севера (Новгорода), юга (черноморская торговля генуэзцев), запада (из Смоленска к восточным торговым центрам), используя умело выстроенную политику с владыками Орды, Москва позволила князю занять не только высокий пост великого князя, но и откупщика по налогам. Поэтому Московское княжество становится и самым благоустроенным, и богатым. Сменявшиеся в Московском княжестве великие князья усиливали свою материальную и политическую власть, расширяли ее территорию, округляли владения силой, а иногда покупкой, присоединяя к своему княжеству земли (Рязани, Смоленска и Переславля). Важной вехой стала победа Москвы над Тверью, которая окончательно определила судьбы Владимирского княжения. Присоединение Новгорода как бы завершило процесс собирания «русских земель», обусло-

вив постоянный рост политического значения Москвы. К середине 80-х годов XV в. объединение Северо-Восточной Руси под властью Москвы в основном было закончено. Подчинив себе Новгород и Тверь, в качестве потомка Владимира Святого Иван III заявил о своих правах на Западную Русь. Но все эти политические акции Ивана III можно рассматривать как общие предпосылки возрождения мир-экономики русской цивилизации в постордынский период, которые найдут свое дальнейшее развитие в политике государей самодержавной Руси.

Монгольский период разорвал формы рыночных отношений, которые сложились в Киевско-Новгородской Руси, с одной стороны, с другой – он способствовал натурализации хозяйства в рамках отдельных княжеств, за исключением южного анклава, который поставлял продукты сельского хозяйства. Но в создаваемом Иваном III государстве не было надлежащей продовольственной базы. И она стала создаваться усилиями не столько государства, сколько населения и Русской церкви. «Пионером» в создании этого материального базиса стало Поморье, оно занимало более половины всей территории складывающегося государства с очень небольшим населением, которое постепенно увеличивалось за счет колонистов и промышленников. Поморье входило в русскую государственность благодаря стихийному народному потоку русских переселенцев, и православных монахов и монастырей, а за ними следовало продвижение княжеской власти и владения бояр.

Монастырская колонизация русского севера и севера-востока – важный этап в становлении материального базиса русской государственности. Этот процесс изначально был обусловлен фактором чисто духовного свойства – стремлением к пустожителству. Но многие не просто следовали за духовными пастырями, отшельниками, а бежали в спокойные места от татарских погромов. При обилии свободных угодий русские переселенцы-земледельцы не сталкивались с аборигенами-промысловиками. Причем монастыри служили одновременно активной формой колонизации новых земель, святые подвижники основывали их глубоко в лесах северо-востока и севера. Православные иноки взяли на себя громадное бремя изменения целей и самого направления монастырской жизни. К основной цели монашества – борьбе с недостатками духовной природы человека – присоединилась борьба с неудобствами материального бытия, суровой природой. Точнее, эта вторая цель в православном иночестве тех лет стала главной.

Монастыри как центры православной культуры, выроставшие из лесных «пустынь», быстро становились местом не только

сосредоточения духовной жизни окрестного населения, но и крупными хозяйствами. Так как церковные земли были ограждены от вмешательства властей (как монгольских, так и русских), они стали центрами сельскохозяйственного производства, «обрастая» благополучными крестьянскими деревнями. Тем самым подчеркивалась духовная зависимость от монастыря. Роль монастырей в создании материальной базы самодержавной государственности трудно переоценить. Достаточно сказать, что Сергей Радонежский создал сетевую систему распространения монастырей еще в конце XIV в. Этот почин был реализован в дальнейшем его учениками. Всего через 100 лет после него появилось 150 новых обителей. Ярчайший пример – Соловки времен игуменства будущего митрополита Московского Филиппа Колычева, замученного потом Иваном IV. Боярский сын, ушедший в 30 лет в дальний северный монастырь в монахи, рядовой монах, благодаря праведности, административным талантам и харизме, стал настоятелем крупнейшего монастыря. Он превратил монастырь, выражаясь современным языком, в центр культурной и хозяйственной жизни всего Севера. При Филиппе в середине XVI в. все Беломорье действовало как единый комплекс с центральным «министерством» на Соловках. Многочисленность монастырей была показателем плотности православного населения. Монастыри выступали как мощная экономическая и социальная сила, форма общественной организации, способствуя равномерному «разрежению» на Руси ее жителей в XV–XVI вв. Все эти предпосылки возрождения и экономики, и рыночных связей найдут свое отражение в деятельности первых русских самодержцев.

* * *

Во времена полного монголо-татарского владычества Русь стала частью улуса Джучи, одной из четырех частей, на которые была поделена империя Чингисхана между его сыновьями, когда из Руси вытягивались все материальные и людские ресурсы, происходил подъем западной мир-экономики. Как от краха Византии (православной цивилизации) выиграли все итальянские города, точно так же выиграли они и от монгольского нашествия, которое дало им возможность торговать с Востоком.

В XIII–XIV вв., когда в западной цивилизации интенсивно развивались рыночные связи – как внутренние (экономика средневекового города), так и международные, включая военно-

монетарные формы колониальной экспансии, Русь своими материальными ресурсами питала Золотую Орду. В экономическом соревновании цивилизаций русская потеряла почти два столетия: западная накапливала материальные ресурсы, русская теряла их. Отсюда широко распространенная догма о «догоняющем развитии», которая связывается с ущербностью русской ментальности, а не с конкретными историческими испытаниями, выпавшими на долю Руси.

БОРЬБА ЗА СОЗДАНИЕ САМОБЫТНОЙ РУССКОЙ ДЕНЕЖНО-МОНЕТАРНОЙ СИСТЕМЫ

5.1. Денежно-кредитные отношения мир-экономики Киевско-Новгородской Руси

Древнерусская денежно-весовая система (монетарная) отражает особенности рыночных связей (товарного обращения), о которых шла речь в предыдущей главе. Эта проблема в целом и отдельные ее аспекты можно считать одной из наименее разработанных, хотя ей посвящена большая литература¹. «Какую роль в русском обращении играла иноземная монета? К какому времени относится начало формирования русских денежно-весовых систем? Каково происхождение русской гривны? Что, наконец, мы должны понимать под кунами, ногатами, резанами и другими денежными единицами, упоминавшимися в русских летописях? Нет не только единого ответа, но все “ответы” находятся в разительном противоречии друг другу», — пишет Янин². И тем не менее попытаемся хотя бы в основных чертах разобраться в этих запутанных проблемах, опираясь не только на разработки историков прошлого, но и на исследования, появившиеся в последние годы³. При этом все историки отмечают, что тема денег нашла отражение уже в самых ранних русских памятниках письменности.

¹ Бекетов И.П. Краткое обозрение древних ходячих монет под названием кун, бывших в употреблении в России // Труды и летописи ОИДР. М., 1883; Шадур С.И. Обозрение русских денег и иностранных монет, употреблявшихся в России с древнейших времен. СПб., 1837; Романов Б.А. Деньги и денежное обращение // История культуры Древней Руси. М.; Л., 1948; Спасский И.Г. Русская монетная система. Л., 1970.

² Янин В.Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М., 2009. С. 101.

³ Сотникова М.П. Древнейшие русские монеты X–XI вв. Каталог и исследование. М., 1995; Мельникова А.С., Уздеников В.В., Шиканова И.С. Деньги в России: История русского денежного хозяйства с древнейших времен до 1917 г. М., 2000. С. 58; Кривцов В.Д. Энциклопедический справочник для вузов. М., 2005; Янин В.Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода; Прохорова Н.В. Монеты и банкноты России. М., 2009; Гайдуков П.Г. Новые материалы о начале русской монетной чеканки в XIV в. М., 2006.

Всякая денежно-весовая система любой цивилизации, в том числе и русской, содержит два элемента – оригинальный и заимствованный. В отношении влияния иностранной валюты на денежную систему Древней Руси есть четыре основные конкурирующие между собой концепции. Первая утверждает, что денежные единицы восточных славян (в частности, фунт) были заимствованы в VIII в. у арабов вместе с дирхемом, учитывая, что русский фунт (409 г.) близок к ратлю – основе чеканки дирхемов Халифата⁴. Вторая пропагандирует чисто норманистскую концепцию происхождения русских весовых единиц, связывая их образование с хорошо известной на Западе в VIII–XI вв. денежной единицей, известной под именем фунта Карла Великого (409,3) и производной от него скандинавской эрой⁵. Третья концепция особый акцент делает на громадном влиянии византийского солида, считая незначительной роль восточных дирхемов и западноевропейских динариев (в частности, скандинавских эр)⁶. Четвертая концепция обосновывает *самобытное* происхождение денежно-весовой системы Руси, которая издревле употреблялась в денежных расчетах восточных славян, но с использованием иностранных серебряных монет (западных и восточных). «Большинству исследований “русского веса”, созданных в прошлом веке, свойственно одно и то же представление, что формы серебряного обращения Древней Руси исчерпывались обращением слитков и в меньшей степени монет собственной чеканки. Русские денежные системы – само понятие, казалось, должно охватывать явления исключительно русского происхождения, – пишет Янин. – Бытование иноземных монет на территории Восточной Европы рядом исследователей XIX в. рассматривалось как свидетельство тех или иных торговых связей Древней Руси, и сами иностранные монеты представлялись чисто международными деньгами, которым во внутреннем русском обращении противостояли деньги иного характера – так называемые куны»⁷. Эта постановка неверна, полагает Янин, потому,

⁴ Кауфман И.И., Никольский П.А. История денег в России. М., 2012.

⁵ Бауэр Н.П. Денежный счет Русской Правды // Вспомогательные исторические дисциплины. М.; Л., 1937.

⁶ Прозоровский Д.И. Монета и вес в России до конца XVIII столетия. СПб., 1865.

⁷ Янин В.Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. Заостровцев также признает чрезвычайно вредными всякие попытки искать происхождение русских весовых единиц за пределами восточнославянских земель. (*Заостровцев П.Г.* Из истории денег и денежного обращения в России до XV в. Л., 1949).

что упрощенно отражает возникновение денежного обращения в годы, когда иностранные монеты обслуживали не только международные, но и внутриславянские рыночные отношения.

По его мнению, общий уровень развития рыночных отношений восточного славянства был достаточно высоким для создания оригинальных весовых единиц задолго до того момента, когда славянство вошло в тесное торговое взаимодействие со своими далекими и близкими соседями. Причем по мере развития рыночных отношений, выходящих за рамки малых товарных миров, возникает потребность в металлических формах денег, но, как мы уже говорили, железо не могло стать основой денежных отношений, а драгоценных металлов в славянских анклавах не было. Поэтому металлы, — рассуждает Янин, — в основном серебряная монета, употреблявшиеся в древнерусской торговле, появились в Восточной Европе в результате ввоза из-за славянских рубежей. Причем иностранная монета всегда приходила с определенным весовым количеством серебра, в ней содержащимся. Этим обстоятельством принципиально решается вопрос о характере происхождения русских весовых мер. «Поскольку металлы (серебро) ввозились, они должны были оцениваться уже на рубежах славянского мира, в тех пунктах, где встречались контрагенты международной торговли. Только те единицы, которые применялись в этих пунктах, могли стать внутренними славянскими единицами измерения ввезенных металлов. До того как металл был ввезен, потребность в весовой единице еще не могла возникнуть; после того как он был ввезен, необходимости в изобретении собственной единицы, отличной от той, которая употреблялась при внешнем обмене, уже не было. Они могли быть только серебряными»⁸. Но далее это ввезенное серебро в виде монет порождает другие формы денежных единиц, которые должны быть приспособлены к особенностям товарного обращения в славянском мире, включая формы товаров, которые вступали в рыночный оборот.

Рождаются мелкие весовые формы серебряной монеты, вполне самобытные, образующие особенности денежно-весовых систем Древней Руси. Первоначальное образование русских денежных единиц с определенным весовым содержанием относят к первым векам н.э. Они связаны с весом динария (3,41 г), на основе которого возникает *гривна* — основная весовая единица древнесла-

⁸ Янин В.Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. С. 132.

вянского денежного обращения (68,22 г серебра) и кратные ей денежные монеты, где одна из фракций носила название «куна». Ими пользовались для обозначения денежных и весовых единиц западные и южные славяне. О них повествуют письменные источники уже Киевско-Новгородской Руси, в частности начальная русская летопись и такой древнейший русский юридический памятник, как «Русская Правда». Но и они не дают четкого представления о точном весовом содержании этих денежных единиц, так как называют не только термины денежных единиц, которые сохранили свое значение в последующие века русской истории, но и отчасти термины, значение которых изменилось. Последнее касается собирательного термина «скот», равнозначного современному «деньги»⁹.

Золото и серебро во времена «Русской Правды», по мнению многих экономистов, еще не имели формы монет, или собственно денег, и служили мерой цены только по своему количественному весу. И поэтому неясно, служили они *только мерой цены*, с полной внутренней соответствующей названию ценностью, а не одним *знаком* цены, или простым *орудием мены и торга*¹⁰. Следовательно, в течение двух с половиной веков термин «куны» применялся не к монетам, а к каким-то иным видам денег. Этого было достаточно, чтобы утверждать, что и в предшествующее время, когда на Руси в большом количестве бытовали сначала дирхемы, а затем динарии, термин «куны» не имел ничего общего с монетой, а сама монета не играла особой роли во внутреннем обращении восточных славян. Монеты заменялись кунами, которые поэтому включались в дискуссию о формах взаимосвязи товарных (меховых) и металлических форм денег.

Существование для Древней Руси всеобщей системы меховых денег было для многих историков и даже нумизматов прошлого века непреложным фактом, тем более что подтверждением ему служили сообщения иностранцев, писавших о России и видевших меховые деньги собственными глазами¹¹. Материальная природа

⁹ В этом смысле слово «скот» четыре раза встречается в первой части краткой редакции «Русской Правды», один раз в летописи, один раз в Мирном договоре Новгорода с Готским Бергом (1189–1199) и несколько раз в памятниках переводной литературы.

¹⁰ Лешков В.Н. Русский народ и государство. История русского общественного права до XVIII века. М., 1858. С. 175.

¹¹ Бекетов И.П. Краткое обозрение древних ходячих монет под названием кун, бывших в употреблении в России; Шадр С.И. Обозрение русских денег и иностранных монет, употреблявшихся в России с древнейших времен; Романов Б.А. Деньги и денежное обращение; Спасский И.Г. Русская монетная

такой куны объяснялась этимологическим путем. Куна, куница – название пушного зверька; еще одна единица системы – веврица, или векша, – называлась именем другого пушного зверька – белки. Установив на этих примерах связь денег с меховыми ценностями, очень легко посчитать резану разрезным мехом, ногату – мехом, сохранившим лапки, а гривну – оплечьем из меха горностаев или белок и признать возможность одновременного обращения разного рода лоскутов, вплоть до ушек¹².

Существование мехового обращения и видимая связь его с кунной системой постоянно заставляла сторонников всеобщих русских меховых денег различать в древнерусском денежном обращении два круга денежных единиц: серебряные единицы (слитки, гривны серебра) и меховые единицы (последние, как уже отмечено, зачастую произвольно заменялись кожаными¹³).

Вполне понятно, что метрологическим источником решения проблемы происхождения и развития русских весовых единиц

система. Удивительно, что термин «куна» связывают не только с меховым происхождением этого товара-денег. Многие нумизматики указывают на то, что этот термин употреблялся не только славянами, но и другими народами, находящимися в ареале пользования римским динарием. Здесь она употреблялась в значении «монета»: старонфризское *srilling conf*, английское *coin*, т.е. монета. Иногда слово «куны» связывают с позднелатинским *cupcus*, означавшим «кованый», «сделанный из металла» и с арабским «нукуд» – монеты, деньги.

Параллельно с развитием теории всеобщих меховых денег ряд исследователей разрабатывали теорию всеобщих металлических денег Древней Руси (Успенский Г. Опыт повествования о древностях русских. Харьков, 1818. С. 664; Казанский П.С. Исследования о древней русской монетной системе в XI, XII и XIII веках. СПб., 1851).

Если для «механистов» не существовало металлических денег вообще (кроме слитков), то для сторонников металлической теории не существовали меховые деньги. При этом «металлисты» стремились соединить обращение монет раннего времени с собственными удельными русскими монетами, заполняя хронологический пробел между ними ссылками на несохранившиеся материалы, или поддельной монетой Ивана Калиты, Даниила Александровича и других князей, которые в действительности еще не чеканили монету. В доказательство своих теорий они преувеличивают роль малозначительных фактов и преуменьшают роль значительной роли памятников. Например, см.: *Прозоровский Д.И.* Монета и вес в России до конца XVIII столетия. СПб., 1865.

¹² Усов С.А. Заметки о древних русских деньгах по Русской Правде // Древности. Т. IX. Вып. 2, 3. М., 1883. С. 96, 99, 100; Каченовский М.Т. Два рассуждения о кожаных деньгах и о Русской Правде. М., 1849; Казанский П.С. Исследование о древней русской монетной системе.

¹³ На Западе короли ввиду недостатка серебра неоднократно вынуждены были прибегать к товару-деньгам, в частности кожаным. Такие деньги выпускал Фридрих II, Иоанн Безземельный, французские короли Людовик IX и Иоанн Добрый, венецианские дожи.

при таком освещении вопроса служили только денежные единицы первого круга – слитки. Серебряный слиток – это очень важная, крупная денежная единица, прожившая в русской стихии несколько столетий. (Это единственная серебряная единица русского денежного обращения, известная в кладах XII – первой половины XIV в.) В русском обращении слиток – явление более позднее, нежели иностранная монета. Он возник как реальная форма древней денежной единицы, первоначально имевшей счетный характер. Под гривной серебра в XII в. понимался серебряный слиток. Вес гривны серебра составлял 96 золотников¹⁴, подразумевая при этом слитки серебра фунтового веса.

В X в. на земли, вошедшие в состав Киевской Руси, поступали дирхемы с весовой нормой 3,41 г (в древнерусских письменных источниках – «Повесть временных лет», «Русская Правда» и др. – они известны под названием «куны» или «ногаты»)¹⁵.

В последней четверти X в. начинается резкое сокращение притока восточных монет на Русь. На Востоке начался серебряный кризис в силу ослабления международных позиций Халифата. Тогда чекан дирхема ухудшился, доля серебра в дирхемах начала быстро уменьшаться и он перестал быть денежно-весовым международным эталоном. В Западной Европе, наоборот, к этому времени в связи с развитием экономики стал укрепляться западноевропейский динарий (в разных монетарных формах)¹⁶. Кроме этого, в Киевско-Новгородском

¹⁴ 1 золотник равен 4,265754 г.

¹⁵ Наряду с дирхемами на территорию России проникали и византийские монеты. В большом количестве попадали в степной регион золотые солиды. Хазары получали из Византийской империи значительную дань, которую та выплачивала за ненападение на пограничные области.

¹⁶ Необходимо отметить, что именно серебряная единица Халифата оказала воздействие на формирование западноевропейского динария. Арабский (или так называемый иракский) ратль весом 409,32 г с VII–VIII вв. лежал в основе чеканки большинства мусульманских городов вплоть до прекращения ее чеканки в X–XI вв. Нельзя не обратить внимание, что в Европе основная весовая единица серебра, хорошо известная в VIII–XI вв. под именем фунта Карла Великого, тоже была равна 409,3 г. Варианты этой единицы, а также ее половинной части (марка) бытуют в Западной Европе до настоящего времени. Этот фунт, как доказано рядом исследователей, и лег в основу системы чеканки западноевропейского динария. Некоторые исследователи считают, что в основе чеканки дирхема, обращавшегося на Руси, лежал не иракский ратль, а антиохский ратль – 545,28 г. При этом отмечают, что ни иракский, ни антиохский ратль не был арабским по своему происхождению. На среднем востоке иракский ратль точно повторяет вес золотой вавилонской мины (409,32 г), а антиохский ратль – вес серебряной вавилонской мины (545,75 г). Единицы ассиро-вавилонской системы, возникнув в глубокой древности, в дальнейшем получили распространение не только на Востоке, но и в Европе.

государстве политические и социально-культурные процессы начали разворачивать экономику Руси на Запад. Последние 25 лет XI в. дирхемы сосуществуют с начавшими поступать на Русь монетами западноевропейских государств. Добавим, что в отличие от торгового взаимодействия с Востоком, которое осуществлялось через посредников, связи восточных славян с Западом были, несомненно, конкретнее и выражались во взаимных посещениях, создающих обстановку для непосредственного знакомства с употреблявшимися на Западе мерами веса и содержанием серебра в монетах.

Хотя никаких внутренних причин для отказа от ввоза восточных монет на Русь не было, они полностью исчезают из русского денежного обращения к середине XI в. На смену *восточному дирхему* приходит *западноевропейский динарий*.

Время начала массового изготовления серебряных гривен и простых слитков разного веса совпало со временем наиболее активного обращения на территории Руси западноевропейских динариев (30–50-е годы XI в.).

В течение всего русского средневековья гривна была самой крупной платежной единицей и служила основным средством накопления.

Поскольку на Руси основной первоначальной формой серебряного сырья были иностранные монеты, определенное число одинаковых по весу монет вполне могло служить мерой веса слитка – гривны. Затем, видимо, установилась обратная связь: серебряный слиток служил мерой количества монет. Товарное обращение обслуживали и меховые деньги, но они могли иметь только теоретический «вес» – как отношение к цене, имеющей вес слитков. И не случайно до конца первой трети XII в. название «куна» на Руси применялось к серебряной монете. При этом гривна кун ставилась в соотношение с гривной серебра. Скорее всего, именно в результате этой связи монет и слитков выработались такие денежно-весовые понятия, как гривна серебра – слиток (весовая единица) и «гривна кун» (счетная единица). Письменные источники позволяют установить весовое равенство: одна гривна серебра равна четырем гривнам кун.

На территории Древнерусского государства обращались слитки различного веса и вида, но преобладали так называемые киевские и новгородские гривны. Их названия условны и связаны с местами первых находок этих интересных памятников русского денежного обращения.

Киевские гривны появились, скорее всего, в середине XI в. и бытовали вплоть до монголо-татарского нашествия (XI–XII вв.).

Их ареал охватывал почти всю территорию Киевской Руси, но большинство находок концентрируется в южных районах. Киевские гривны XI–XIII вв. представляют собой литые слитки шестиугольной формы. На протяжении всего периода своего бытования они сохраняли устойчивый вес – около 160 г. Это позволяет связывать их весовую норму с весом византийской либры – 327,45 г.

Новгородские гривны – слитки имели совершенно другой вид и вес. Это длинные палочки-бруски весом около 200 г.¹⁷ Весовая норма новгородских денежных слитков определялась исследователями по-разному. Одни считали ее равной приблизительно 197 г и связывали с западноевропейской метрологией, другие утверждали постепенное падение весовой нормы с 204,756 до 195 г.

Черниговские гривны – разновидность северорусских гривен – получили название по месту первой их находки на острове Готланд в Балтийском море. Установлено, что изготовление и обращение «черниговских гривен» связано с северными территориями Руси, включая Псковскую, Тверскую, Вятскую и Пермские земли. Вес этого типа гривен колеблется в пределах 194–200 г (серебро высокой пробы), что близко к весу марки (198 г), распространенной в X–XIII вв. в Швеции.

Слитки-плюшки – особая форма слитков, обнаруженных на территории современного Татарстана, Пермской и Вятской земель, т.е. исторической Волжской Булгарии. Это серебро высокой пробы, т.е. совершенно не обработанные простые отливки на плоской поверхности, которые изготавливались без соблюдения каких-либо весовых норм. Отсутствие весовых и метрических стандартов позволяет видеть в них слитки-сокровища, принимались они на вес.

Эти разрозненные сведения об особенностях денежных единиц Древней Руси еще не дают связного представления об ее денежно-весовой характеристике как системе в историческом развитии.

В настоящее время наиболее аргументированная гипотеза происхождения русской денежно-весовой системы предложена В.Л. Яниным. Ее основное отличие от существовавших ранее теорий заключается в том, что она не только построена на основе тщательного анализа обширного нумизматического материала, но и находится в неразрывной связи с характером развития рыночных связей славянских племен в противовес норманизму,

---

¹⁷ Различают два вида новгородских слитков: более длинные (14–20 см) и прямые короткие (10–14 см) со слегка выгнутой спинкой. Первые датируются XI–XIII вв., вторые – XIV–XV вв. В отличие от киевских слитков новгородские гривны дают сравнительно большой материал – на них нередко процарапаны имена лиц, для которых они были отлиты. Из одной такой надписи стало известно русское название самого слитка – «изрой».

прослеживая их исторические корни, связанные с денежным обращением Римской империи. Рассмотрим основные положения этой концепции, которые обобщают сведения о формах денежных отношений.

В начале новой эры на территории Восточной Европы обращаются значительные массы римских серебряных монет – динариев. Как уже отмечалось, средний вес римского динария был равен 3,41 г. Он лег в основу древнеславянской гривны 68,22 г в соответствии с традиционным славянским счетом на 20, 40, 80. Гривна весом 68,22 г, бытовавшая в первой половине X в., была более древним элементом системы, чем гривна серебра. В конце VIII в. начинается массовый приток восточного серебра в виде дирхемов, которые в IX в. весили 2,73 г, т.е. относились к гривне как 1:25, что составляло 68,22 г. В начале X в. наряду с дирхемами в обращение начинают поступать более тяжелые монеты. Таких дирхемов в гривне заключалось 20, и эта монета на Руси стала называться *куной*.

В конце 30-х годов X в., во время «кризиса восточного серебра», обусловившего чрезвычайную пестроту веса монет, ее начинают рубить и резать с целью получения более мелких платежных единиц. Монеты на Руси начинают принимать не на счет, а на вес, о чем убедительно свидетельствуют весы и гирьки-разновесы, которые находят вкладах и при археологических раскопках. Во времена «Русской Правды» обращались *куны, ногаты, мордки* и т.д., которые были знаками цены известного количества золота и серебра, удобным средством передачи и передвижения ценностей, обще орудием мены и торгова.

Таким образом, расчет соотношения денежных единиц в Краткой редакции Русской Правды позволяет реконструировать систему денежного счета XI в. Гривна серебра 204,7 г; гривна кун = = гривне серебра: 4 = 51,9 г серебра = 20 ногатам (по 2,56 г) = = 50 резанам (1,02 г)¹⁸. Что касается самой мелкой единицы этой системы – веверицы (векши), то она предположительно равна 1/3 резаны, т.е. в гривне содержится 150 вевериц¹⁹.

¹⁸ Военнопленные продавались в случае удачи по самым низким ценам. После победы новгородцев над суздальцами в 1169 г. пленные суздальцы были проданы по 2 ногаты за каждого. Великий князь Всеволод после победы над половцами («Слово о полку Игореве») продавал женщин-пленниц по 1 ногате, а мужчин – по 1 резане.

¹⁹ Янин В.Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. С. 49.

Система кун и ее фракций, засвидетельствованная «Русской Правдой», летописями и рядом актов, просуществовала на Руси вплоть до введения в XIV–XV вв. монетной чеканки в Новгороде и Пскове, а в виде пережитков сохранилась и в более позднее время.

До середины X в. эта система денежно-весовых единиц существует как общерусская, а затем разделяется на две местные системы: северную и южную. Обе они образуются на основе единого русского денежного счета, но весовая основа и той и другой отличается от прежней древней гривны 68,22 г. В основе северной системы лежит гривна весом 51,19 г, составляющая 1/4 позднейшего фунта. Гривна южной системы весом 140–160 г связана, скорее всего, с византийской либрой.

Северная денежно-весовая система. Единицы северной денежно-весовой системы Древней Руси возникают за полвека до проникновения в Восточную Европу первых западноевропейских монет. Северная Русь заимствует в середине X в. западноевропейскую единицу не на основе употребления динария, а на основе употребления западных весовых единиц при сбыте на Запад ухудшавшегося в весовом отношении дирхема.

Заимствуя одну из употреблявшихся на Западе единиц, Русь не переносит на свою почву западную систему. На основе заимствования мелкой единицы и употребления древнего русского денежного счета в Северной Руси строится оригинальная система новых денежно-весовых единиц во главе со своеобразной гривной весом 51,19 г. Эта система укрепляется в XI в., когда на место сбыта восточной монеты приходит потребление западноевропейского денария, нормы которого совпадают с нормами русской денежной системы. Не без влияния западных весовых единиц происходит, по-видимому, и укрепление гривны кун в гривну серебра, вес которой повторяет вес западной марки.

Южная денежно-весовая система складывалась иначе, так как была оторвана от западных международных рынков серебра и от остальных русских земель. В середине X в. она вышла из системы распространения восточного дирхема. В этот период укрепляются ее связи с Византией. В основу южной денежно-весовой системы ложится производная от византийской либры единица — *киевская либра*.

Система русского денежного счета сохраняется и порождает целый ряд мелких единиц, обусловивших появление русских

монет собственной чеканки киевского периода – сребреников и златников²⁰. Они появляются в период правления князя Владимира Святославовича (978–1015). Это связано с Крещением Руси и утверждением положения киевского князя в качестве одного из крупных христианских монархов. Источником серебра тогда служили восточные монеты. Размер сребреников точно соответствовал большинству разновидностей восточных дирхемов. Но в отличие от последних сребреники чеканились не на специально вырезанных кружках, а на литых двухсторонних формах. Подавляющее число монет содержит в легенде имя князя Владимира Святославовича, реже – имена Святополка и Ярослава. Известны и медные монеты, чеканенные по типу сребреников.

Златники были отчеканены в княжение Владимира Святославовича. Прототипом златников служили византийские солиды императоров Василия II и Константина VIII. Высокая проба златников соответствует золоту византийских солидов конца X – начала XI в. (4,0–4,4 г золота). Со временем вес златника стал русской мерой веса – золотника, который точно соответствовал 1/96 более позднего русского фунта.

«Ярославле серебро» образует совершенно оригинальную группу древнерусских монет. География находок «Ярославля серебра» и отсутствие в надписи обычной формулы «на столе» позволяют предположить, что Ярослав Мудрый чеканил эти монеты в Новгороде, до занятия великокняжеского престола в 1019 г.²¹ На общем

---

²⁰ Названия монет заимствованы исследователями из письменных источников, не соотношенных по датам с периодом эмиссии древнерусских монет. «Сребреник» – так записано в Ипатьевской летописи начала XV в., а «златник» – в договоре Руси с Византией в 945 г. В первом случае употребление термина «сребреник» относится к началу XII в., когда эти монеты уже не чеканились, во втором – ко времени, когда златники еще не чеканились.

²¹ Другую оригинальную группу монет представляют так называемые скандинавские подражания «Ярославлю серебру» или «Ярославле серебро» малого веса. Все доступные сейчас экземпляры монет этой группы найдены в кладах XI в. на территориях Скандинавии и Прибалтики. Вопрос, где и кем чеканились сребреники Ярослава малого веса, остается открытым, и русскими эти монеты можно признать лишь условно. Вес малых монет Ярославля составляет 1,18–1,57 г, что свидетельствует о другой денежно-весовой норме и может служить дополнительным аргументом в пользу их скандинавского происхождения. Отмечается их сходство с монетами англосаксонского чекана.

Совершенно особую группу составляют монеты Тмутараканского княжества (X–XII вв.). Княжество, располагавшееся на берегах Черного и Азовского морей, археологами еще слабо изучено. В настоящее время известны

фоне истории русского денежного обращения чеканка древнерусских монет в X–XI вв. выглядит эпизодическим, кратковременным явлением.

Формирование денежно-весовой системы Древней Руси было связано и с развитием кредитных отношений. Впервые термин «займы» встречается в наших летописях в 996 г., далее – 1015 г. и т.д. В памятнике древнерусского права «Русской Правде» достаточно подробно регламентирован договор займа. В качестве предмета займа могли выступать не только деньги, но и продукты питания – мед, хлеб. Процентная ставка зависела от срока предоставления займа: по краткосрочным она была выше. В «Русской Правде», где кредитные отношения закреплены определенными юридическими актами, свыше 20 статей посвящено кредиту; эти статьи регулируют кредитные сделки купцов, штрафы за неплату денег, размер месячных процентов и т.д. Киевской Руси был широко известен ростовщический капитал. В ст. 50 «Русской Правды» указывается, что «куны» отдаются в «рост», в проценты (в «рез»). Из документов несколько более позднего времени видно, что хлеб отдавался часто из расчета «на четыре пятое зерно»; встречаются и другие: «...давати мне в дом Николы Чудотворца из прироста треть за семена» и т.д. В Киевской Руси существовала большая группа полусвободных людей – закупов. Эта категория возникла вследствие чисто экономических причин, так как это были отношения между кредиторами и должниками. Свой долг кредитору этот человек мог выплатить или определенной суммой, или работой. Должник мог быть крестьянином, торговцем или ремесленником, который, взяв деньги для улучшения своего дела, не сумел выплатить свой долг деньгами и поэтому вынужден работать на кредитора. Эта группа была, вероятно, достаточно

пять-шесть типов монет. Все они в большей или меньшей степени являются подражаниями византийским денежным знакам. Территориальная близость к Византийской империи, большая доля греческого населения, проживающего в княжестве, безусловно, оказали свое влияние на особенности монетной чеканки.

Самые ранние монеты рубежа X–XI вв. выпущены в годы правления первого тмутараканского князя Мстислава Владимировича (988–1036). Другим типом монет являются многочисленные подражания византийским серебряным милирисиам Василия II и Константина VIII. Судя по количеству монет этого типа и степени деградации изображений и надписей на них, подражания чеканились в течение нескольких десятилетий XI в. После смерти Олега Михаила в 1115 г. жизнь в княжестве прекращается, а славянское население уходит в центральные русские княжества. Монеты Тмутараканского княжества не имели общерусского значения.

многочисленной, поскольку по инициативе Владимира Мономаха в «Русскую Правду» внесли законы с целью улучшить положение закупов.

Существовал не только ростовщический кредит, но и коммерческий: купцы продавали друг другу товар в кредит на определенных условиях. По вопросу о размере коммерческого кредита есть разные точки зрения: одни считают его высоким, другие утверждают, что «процент в Древней Руси был вовсе невелик»²². В ст. 51 «Русской Правды» написано: «Месячный рост при краткосрочном займе брать заимодавцу по уговору; если же долг не будет уплачен в течение целого года, то считать рост с него на два третий (50%), а месячный рост отвергнуть»²³. Таким образом, до XI в. русское древнее право ограничивало размер процента, вероятно, нормой 50% годовых.²⁴ На практике ростовщический процент, особенно по натуральным ссудам, был намного больше.

В условиях значительно риска, которому подвергался ссужавший деньги ростовщик (другие предпочитали держать их в форме сокровищ), в условиях господства натурального хозяйства ростовщический кредит не мог быть дешевым. Ростовщичество вызывало огромную ненависть населения. Она выражена в народных преданиях, например в сказании о посаднике Изиле, который будто бы провалился в землю за взимание большого «роста». В летописи есть сведения о разграблении «киянками» дворов ростовщиков. В свете этого понятна попытка Владимира Мономаха ограничить в 1113 г. действие «Устава о резах». Примечательно, что поводом для упорядочения норм, регулирующих взимание ссудного процента, послужило кровавое восстание против ростовщиков, произошедшее в Киеве в 1113 г.

5.2. Монетная регалия и деньги Золотой Орды.

Рождение русского рубля

«Монетная регалия – это исключительное право государства на чеканку монеты и выпуск ее в обращение. Из числа всех регалий она в большей мере носит характер чисто государственной

²² Довнар-Запольский М.В. История русского народного хозяйства. Киев; Петербург, 1911. С. 199.

²³ Правда Русская. Т. 2. С. 419.

²⁴ По К.Марксу, при Карле Великом ростовщиком считался тот, кто взимал 100% и выше. В Италии в XI–XIV вв. обычная ставка процента не превышала 20%, а в немецких землях колебалась в пределах 10%.

функции, не допускающей конкуренции частных лиц или учреждений. Такой исключительно государственный характер монетой регалии обусловлен самой ее сущностью, т.е. государственным и общественным значением ее объекта – монеты. Монетная регалия, как и вообще регалии, в противоположность монополиям должна представлять собой такую правительственную функцию, которая существует не ради целей финансовых, т.е. извлечения дохода, а ради оказания в наилучшей форме известной услуги народу. Это не исключает возможности использовать монетную регалию как источник дохода, но такое пользование должно играть второстепенную роль. Экономическая политика монгол, принятая на общем собрании (курултае) в 1251 г., наряду с выработкой основ налоговой системы включала организацию денежной системы. Монголы с конца XIII в. хорошо знали, что монетная регалия составляет выражение верховной власти, и воспользовались этим знанием в Китае и Персии.

Денежная система Золотой Орды (улуса Джучи) изначально была основана на сборе дани в виде серебра в любых его формах при преобладании монетарной. Поэтому их выпуск восстановили там, где он был, и организовали там, где ранее монеты не чеканились. Началась чеканка золотоордынских монет – данга. Золотоордынский данг долгое время весил 1,47-1,55 г²⁵. Чеканка монет производилась в главных городах улуса Джучи. И по мере перемещения менялось место чеканки. В XIII в. главные монетные дворы Золотой Орды располагались в Крыму, в XIV в. переместились в Поволжье. Монеты свидетельствуют, что столица улуса Джучи в 1330 г. была перенесена в другое место и получила название Сарай ал-Джедида («Новый дворец»), где чеканились данги. Начиная с 1360-х годов в обращении появились данги Абдаллаха и Мухаммеда, чеканенные в Азаке и Орде. В эпоху Тохтамыша приток дангов также шел преимущественно из монетных дворов Азово-Черноморского региона. Денежные отношения охватили всю европейскую часть Золотой Орды, которая включала территорию Северной Булгарии, Крыма, черноморско-прикаспийские степи, Нижнее и Среднее Поволжье, район расселения мордовских племен и земли русских княжеств.

²⁵ На лицевой стороне данга в XIV в. писали имя хана, почетные прибавки к имени и благопожелания. На оборотной – преимущественно название улуса, где была отчеканена монета, дата выпуска. Дизайн пул был более разнообразен: помимо выходных сведений монеты украшались рисунками и орнаментами.

Дань, возложенная Золотой Ордой на русские земли, выплачивалась в денежной форме. Русские княжества были вовлечены в сферу ордынской денежной системы. Деньги циркулировали сначала в виде разных слитков, а с конца 1260-х годов (когда в городах сложились торгово-ремесленные слои населения) – в виде монет, чеканенных ханами тех или иных улусов Чингизидов. В конце XIV – начале XV в. монеты стали чеканить русские княжества.

Количество найденных монет (и других артефактов восточного происхождения) свидетельствует о полноценном участии жителей пограничных русских земель в товарно-денежных отношениях с Золотой Ордой. Хотя для русских княжеств, за исключением Новгорода, в конце первой трети XII в. наступает так называемый безмонетный период, который длится до XV в. Это не значит, что деньги вовсе ушли из натурализованной экономики русских княжеств, речь идет только о монетах. Знакомство с терминологией русских письменных памятников даже сравнительно позднего времени (XIV–XV вв.) показывает, что мелкие весовые единицы в Древней Руси употреблялись исключительно для взвешивания ценных металлов и лишь в редких случаях – особо дорогих товаров («гривенка перцю», «гривенка зелья»). При оценке других предметов потребления, измеряемых теперь весовым масштабом, пользовались иными приемами, продавая и покупая мясо полтями, лопатками, сено – возами, зерно – осминками, четвертями, калями, хлеб и птицу – штуками. Крупное взвешивание в известной мере применялось в хлебной торговле. На его существование указывают находки безменов и больших гирь и упоминания крупных единиц взвешивания в источниках, и здесь мера сыпучих тел употреблялась гораздо чаще и была привычнее. Мелкими весами пользовались только для взвешивания ценностей.

Крупные серебряные номиналы были по-прежнему необходимы при совершении больших торговых сделок или как средство накопления богатства, а вот разменная монета оказалась ненужной. В результате крупные номиналы обретают форму серебряных слитков-гривен, мелкие почти исчезают из обращения, заменяются товарными типами денежных знаков.

Растрезанность русской земли при сохранении отдельных островков жизни породила малые товарные миры, из которых выделились специфические для каждого из этих анклавов потребительские стоимости, выступая в форме товара-денег. В этом качестве использовались разные потребительские стоимости. На протяжении всего безмонетного периода XIII–XIV вв. в Новгороде

роль разменной монеты выполняли шиферные пряслица, а крупных единиц – слитки серебра.

Именно в Новгороде появляется денежная единица, которая станет основой формирования ряда денежных систем политически независимой русской государственности и сохранится на столетия. Новгород и новгородская земля на протяжении длительных периодов были заметно обособлены от центральных территорий Руси. В Новгороде на протяжении веков сменилось несколько систем денежного обращения. Здесь имели место восточные дирхемы, замененные в XI в. западноевропейскими динариями. Именно в Новгороде на рубеже XIII–XIV вв. появляется горбатый слиток двойного литья, содержащего 170,1 г серебра, длиной до 20 см, получивший название «рубль»²⁶. «Домонгольская гривна была лишь киевско-новгородским видом общеславянской гривны: древнерусской, древнепольской и древнечешской. Рубль является первой специфически русской весовой и денежной единицей, присущей только русскому населению, в отличие от всякого иного населения, славянского или другого»²⁷.

Впервые это название встречается в новгородской берестяной грамоте конца XIII в. и постепенно вытесняет слово «гривна». С появлением рубля возникло понятие «полтина» (разрубленный на две части рубль). В качестве платежной единицы Новгород использовал чаще полтину, чем рубль.

В этот период сохраняется и кунная система, но уже связанная с рублем. Кунная система, как она засвидетельствована записью 1399 г. в торговых книгах Тевтонского ордена, приобрела следующие соотношения единиц: Рубль = 13 гривнам = 91 беле (векшей) = 364 кунам = 170,1 г серебра. Наряду с рублем существовали производные от него счетные единицы – «полтина» и «четверть». Об использовании полтины как реального платежного средства есть упоминание в новгородских летописях. Разрубленный на две части рубль давал две полтины. Четверть оставалась счетным понятием.

Наибольшие масштабы рубка слитков приняла в позднейший период их существования, вероятно в XV в. Для литья рублей в Новгороде использовалось серебро, привозимое из Западной Европы. После новгородские рубли уходили в другие княжества. Кроме того, сами слитки в значительной степени послужили материалом для чеканки монет восточноевропейских городов Золотой

²⁶ Кауфман И.И., Никольский П.А. История денег в России. С. 109.

²⁷ Там же. С. 29.

Орды, куда они в большом количестве попадали в качестве «ордынского выхода».

В других русских землях (Москва, Тверь и т. д.) рубль как платежная единица появился не раньше начала XIV в. В этих землях он представлял собой серебряный слиток, составлявший половину часть денежных серебряных гривен весом 195 г. С начала XIV в. в хождении появились половинные части гривен, а затем слитки с половинным весом. Эта новая денежная единица также получила название «рубль», о чем свидетельствует первое упоминание в Тверской летописи 1316 г. Впоследствии этот вариант стал называться «московским рублем». Московский рубль – серебряный слиток – был самостоятельной денежной единицей, причем специфичность веса московского рубля по сравнению с новгородским отмечалась в летописи начала XIV в.

Рубль как крупная денежная единица, возникшая в экономике Новгородского анклава русских земель в период наиболее полного могущества Золотой Орды в XIII в., приобретает совершенно особое значение в XIV в., когда начался распад этого степного монстра. В этот период начинается формирование денежных систем русских княжеств, хотя еще в рамках монетарной регалии монгол. И в этот период именно рубль стал основой формирования денежных отношений, образуя связь между древнерусской гривной, монгольским дангом и новыми монетарными формами, которые образовали впоследствии денежную систему политически независимой московской государственности. Эти процессы будут рассмотрены в рамках второго многовекового цикла русской цивилизации.

Хотя серебро было основным драгоценным металлом, на котором держалось денежное могущество Монгольской империи, в XIII – начале XV в. в малом количестве обращались золотые монеты. Их привозили из восточных стран.

Небольшую долю составляли динары египетских султанов-мамлюков, марокканских шерифов, персидских ильханов. Но больше всего было индийских динаров Туглукидов. Вес их около 11 г. Всего за 200 лет во всех улусах Золотой Орды найдено не менее 230 таких динаров (их называли «танка», или «мухры»). Динары, которые попадали в Орду, не уходили в итальянскую Кафу, а шли на изготовление украшений, крестиков, окладов для книг, золотое шитье и ювелирно-ремесленные нужды. Попадали они и на территорию русских княжеств. В некоторых источниках имеются сведения о выплате дани золотом (в 1384 г.), о закладах и дарениях. Золото не имело активного обращения, оно ценилось как сокровище.

* * *

Анализ рыночных связей и денежных отношений Древней Руси на фоне становления и общих закономерностей развития русской цивилизации в первом многовековом цикле с критическим осмыслением многих положений, касающихся ее месторазвития, форм государственности, мировосприятия древнерусского социума, имеет два аспекта. С одной стороны, выявляется их самобытный характер, не исключающий взаимодействия с другими структурами Запада и Востока, но выделяющий разрушительный характер монгольского завоевания и властвования. Оно не только разрушило политические, культурные и экономические институты Руси, но и привело к глубокому духовному надлому древнерусского социума.

С другой стороны, этот анализ показал обратное воздействие рыночных связей и денежных отношений на государственно-политические институты Древней Руси. Русская цивилизация не погибла, а медленно выбиралась из небытия во втором многовековом цикле ее развития. А. Тойнби в рамках своего видения метафизической составляющей исторического процесса («Божественный Вызов») рассматривал духовный взрыв (пассионарность) русского народа как «ответ» на «стимул давления» со стороны монголов. «Неожиданное давление, начавшись в 1237 г. знаменитым походом на Русь монгольского хана Батыя, оказалось сильным и продолжительным. Этот случай еще раз доказывает, что чем сильнее Вызов, тем оригинальнее и содержательнее Ответ. В России Ответ представлял эволюцию нового образа жизни и новой социальной организации»²⁸.

5.3. Денежные отношения и монетарные системы русских княжеств: ордынские корни и самобытные начала

Возрождение монетарной формы денежного обращения в русских княжествах можно отнести к самому концу XIV – началу XV в., когда несколько ослабла власть монголов. Общий экономический подъем, охвативший русские земли в последние десятилетия XIV в., привел к тому, что великие князья стали чеканить монету. Монетный чекан появляется в 1380-1420 гг. во всех великих русских княжествах (Нижегородско-Суздальском, Рязанском, Тверском), Псковской и Новгородской республиках, а также в Великом княжестве Московском, стремительно утверждавшем свое лидерство в Северо-Восточной Руси. Хотя монетная регалия

²⁸ Тойнби А. Дж. Постигание истории. С. 117.

принадлежала хану, и от его имени ею пользовались в Москве, Новгороде и других княжествах. Можно выделить две характерные черты в формировании монетарных систем русских княжеств: сохранение монетной регалии за властителями Золотой Орды и переход от подражания ордынской монете к собственной чеканке; возникновение новой системы денежного счета на основе рубля в двух его видах – новгородском и московском.

Все историки признают, что до Дмитрия Донского великие и удельные князья монету не чеканили, употреблялись только слитки, без всякого изображения и штемпеля²⁹. Дмитрий Донской попытался свергнуть татарское владычество. Но Куликовская битва не дала полного освобождения. Тогда еще не настало время ни в политическом, ни в экономическом отношении. Тохтамыш доказал это...

После нашествия Тохтамыша на Москву в 1382 г. «повереша телеса мертвых хоронть и даяста от 40 мертвец, а от 80 по рублю, всего дано бысть от погребения 300 рублей», т.е. похоронить этим порядком пришлось 24 человека. «И тако отыде царь (Тохтамыш) с бесчисленным богатством и с бесчисленным полоном», потребовав и огромного откупа: «Бысть дань тяжала по княжению, всякому без отдатка со всякие деревне по полтине, тогда же и златом даваше в орду»³⁰.

Чеканка русской деньги началась Дмитрием Донским около 1385 г. не потому, что этого хотела Москва, а потому, что этого потребовал Тохтамыш, пожелавший, чтобы была русская деньги с его знаменем на ней, т.е. с именем хана и татарской надписью на монете, как знаком покорности, т.е. имела характер скорее службы хану, чем монетной регалии.

Кроме того, необходимо отметить связь монет русских княжеств с татарской денежной системой. В безмонетный период в XIII в. и в течение большей части XIV в. русские княжества собственную монету не чеканили, а использовали серебряную татарскую монету. Когда Дмитрий Донской начал чеканить русскую монету, она получила название деньги³¹, т.е. татарской монеты

²⁹ Дмитрий Донской выкупил в 1371 г. из татарского плена сына тверского князя за 10 тыс. рублей серебром.

³⁰ Кауфман И.И., Никольский П.А. История денег в России. С. 53.

³¹ Именные деньги Дмитрия Донского подразделялись на пять основных типов, различающихся между собой оформлением лицевой и обратной сторон монеты. Однако изображения на всех типах монет окружает полная или сокращенная надпись между двух линейных ободков: «Печать князя Великого Дмитрия».

как наиболее употребительной и понятной населению³². В 1395–1396 гг. Орда была разгромлена Тамерланом. Запасы драгоценных металлов вывезены победителями в Среднюю Азию и чеканка дангов в Орде сократилась. И не случайно к тому времени относятся подражания выпускавшихся в русских монет во всех княжествах, имевших границу с улусами Золотой Орды. В то время, когда Дмитрий Донской начал чеканить новую русскую монету, на Руси обращался серебряный татарский данг, весом $1/3$ золотника, это и был татарский денежный счет. Есть прямые указания дошедших до нас грамот о счете на алтыны и татарский данг³³. К нему примкнул и новый русский денежный счет. Поэтому с началом чеканки русской деньги потребовалось определить, сколько ее будет идти на рубль. Рублем Москвы и всех прочих русских земель была рублевая гривенка в 48 золотников (золотник – 4,26 г), а состоял этот рубль из 216 денег. «С начала чеканки русской деньги до начала второй трети XV века... русское население привыкло к денежному счету по 216 денег на рубль. Тем более что этот счет опирался на предшествующий ему и почти одинаковый татарский денежный счет, к которому население должно было привыкнуть еще до начала чеканки русской деньги. Понятия рубля и 216 денег слились»³⁴.

Можно отметить, что, несмотря на происхождение русской чеканки от денежного хозяйства улуса Джучи, весовые нормы русских монет были другими, сложившимися в другой экономической среде. Если золотоордынский данг весил 1,47–1,55 г, то вес московской деньги сначала колебался от 0,98 до 1,03 г, а после понижения веса дангов до 1,37–1,43 г серебра. Василий I Дмитриевич (1389–1425), проводивший две реформы в 1389–1390 гг. и 1410 г., понизил вес монет³⁵, но в значительно большей мере –

³² В употреблении были особые серебряные слитки, саумы, весом 36 золотников, служившие для уплаты ордынской дани. На каждый такой слиток шло $366 \frac{1}{3} = 108$ татарских денег.

³³ Тогда же появились медные монеты – пуло. Первые русские пуло имитировали ордынские образцы, поэтому самоназваний у них не было. Но с началом чеканки пуло как разменных денежных знаков русских городов (в начале XV в.) на них появились обозначения: «Пуло Тверское», «Пуло Новгородское», «Пуло Городецкое».

³⁴ Кауфман И.И., Никольский П.А. История денег в России. С. 109.

³⁵ В производстве гривен также произошли изменения: они стали двухслойными, причем содержание серебра в нижней половине было меньше. Их клеймили так же, как и монолитные, и их обращение носило официальный характер.

сначала до 0,91-0,95 г, а затем до 0,75 г³⁶. Снижение весового содержания русской деньги достигает своего пика к середине XV в.³⁷ Монеты, относимые к княжению Василия Темного (1415–1462), великого князя московского с 1425 г., характеризуются необыкновенным обилием типов. Но главное отличие монет, относимых к его княжению, от монет его предшественников состоит в понижении веса деньги³⁸.

Хотя именно при Василии Темном произошло это эпохальное событие в монетарной сфере, Кауфман утверждает, что в летописи и других документах ничего не сообщалось о намерении портить монету для выгод казначейской казны. Если бы он умел и мог пользоваться чеканкой монеты как обильным источником денежных средств, он, вероятно, воспользовался бы этим источником, потому что в деньгах он нуждался больше, чем его предшественники и преемники. Вспомним, что за один только выкуп из плена Василий Темный заплатил 200 000 рублей – сумма для того времени огромная. И тем не менее мы думаем, что объяснение сильного снижения веса деньги во вторую треть XV в. фискальной эксплуатацией монетной регалии недопустимо. Против этого объяснения имеются серьезные возражения, с которыми нельзя не считаться³⁹. Действительно, когда началась чеканка монеты, изменение веса монеты всегда находилось в тесной связи с фискальной эксплуатацией монетной регалии верховными правителями. Вот почему понижение веса монет и фискальная эксплуатация монетной регалии слились как средство и цель⁴⁰.

---

³⁶ Федоров Г.Б. Деньги Московского княжества времен Дмитрия Донского и Василия I. М., Л., 1949. С. 148.

³⁷ Наиболее значительное понижение веса монеты произведено во Франции королями Филиппом II Августом (1180–1223), Филиппом VI Валуа (1328–1350), Иоанном II Добрым (1350–1364) и Карлом VII (1422–1461), современником Василия Темного.

³⁸ Вопрос о резком понижении стоимости деньги в эпоху Василия Темного широко отражен в исторической и нумизматической литературе скорее как констатация фактов. Пожалуй, только Кауфман попытался вскрыть причины этого денежного катаклизма.

³⁹ Кауфман И.И., Никольский П.А. История денег в России. С. 52.

⁴⁰ Монетная регалия существовала в классической Греции, в императорском Риме, особенно последних трех веков, в Византии первых веков. Сосредоточение монетной регалии у императоров не предполагало ее использования в фискальных целях. Хотя впоследствии одной из многих причин распада и разложения каролингской империи было раздробление монетной регалии и ее пожалование множеству духовных и светских владетелей.

Однако именно ханская монетная регалия обусловила одну существенную особенность чеканки монет русских княжеств в отличие от феодальных княжеств Западной Европы. «Русские княжества лишены были государственной самостоятельности, пока продолжалось иго. Монетной регалии как выражения этой самостоятельности у них не было. Существовало не право, а обязанность бить монету, и эта обязанность имела значение лишь в той мере, в какой она отражала полученное право (пожалование) на княжение в большей или меньшей области»⁴¹.

Однако понижение веса монет в этот период чеканки их русскими княжествами имело место и в больших масштабах. «Во вторую треть XV века одно из самых значительных понижений веса монет, которое вообще знает сравнительная история монет в различных странах и в различные века, произошло в северо-восточных русских землях, во всех, но главным образом в Москве и в Новгороде. В Москве оно было сильнее, чем в Новгороде. И в Москве оно повлекло за собой гораздо более глубокие последствия»⁴².

Если не монетная регалия, то какой фактор обусловил этот денежный катаклизм? Оказывается, им стал «частный или вольный промысел» чеканки монет. За право заниматься им серебряных дел мастера должны были платить в княжескую казну и этим платежом откупать «себе право заниматься промыслом делания денег». (Потому этот доход князя впоследствии, при Иване III, называют «откупом».) Денежники, видимо, начали использовать этот промысел в корыстных целях, постепенно уменьшая весовое содержание деньги, которое особенно ярко проявилось в Москве при Василии Темном. Однако пусковой механизм в падении стоимости деньги был, как ни странно, заложен десятилетиями раньше в Новгороде. Дело в том, что «рубль в виде рублевой гривенки в 216 денег – древнейший рубль русский, московский и всех прочих русских земель, которые ранее Новгорода начали чеканить деньги. И только потому, что рубль в 48 золотников и 216 денег был рублем всех русских земель, и Новгород должен был принять этот рубль, сделав его своим новгородским рублем»⁴³. «Дело

---

⁴¹ «Русские монеты, которые начали чеканиться после нашествия Тохтамыша на Москву в 1382 г. охватывают самые тяжелые экземпляры деньги, более тяжелых не было». *Кауфман И.И., Никольский П.А. История денег в России. С. 39, 55.*

⁴² *Там же. С. 59.*

⁴³ *Кауфман И.И., Никольский П.А. История денег в России. С. 40.*

чеканки монеты попало всецело и бесконтрольно в руки денежников и ливцов. Чеканка монеты стала совсем вольным промыслом... Мы не знаем, конечно, сколько на это потребовалось времени, может быть 10–15 лет. По всей вероятности, не позже тридцатых годов XV века уже началось понижение веса деньги»⁴⁴.

Первое время денежники еще действовали медленно и осторожно. По всей вероятности, так было до середины сороковых годов XV в., а затем смело и беззастенчиво. Прибыли первых денежников увеличивают число привлеченных жаждой корысти и скорого обогащения и влияют на ту часть новгородского населения, которая была богаче. Она располагала серебром и могла нажиться, отдавая его денежникам для перечеканки в монету уменьшенного веса. Чеканкой 240 денег из гривенки не удовлетворились, пошли дальше. Увеличение числа денег из гривенки достигло 265 и 270 и, возможно, продолжалось бы и далее, если бы не произошел народный бунт. «Этот своеобразный бунт произошел в Новгороде в 1447 г. и как сам по себе, так и по его последствиям не может не возбуждать внимание к себе, потому что примеров, когда население большого города бунтовало против беспорядков в денежной чеканке, и бунтовало с успехом, чтобы население восстало против злоупотреблений чеканкой монеты и их приостановило бы, экономическая история знает очень мало»⁴⁵. Толпа рассчиталась с виновниками расстройтва денежного беспорядка по-своему: бросала их с моста в Волхов и грабила их имущество, разыскивая его по церквям, в которые оно отдавалось на хранение и до этого случая оставалось неприкосновенным. Ярость толпы, видимо, была при этом особенная, если она вызвала замечания летописца: прежде того по церквям не искали⁴⁶. Конец этой истории знаменательный: «В это дело, наконец, вмешались власти: посадник и тысяцкий – и весь Великий Новгород... Это означало коренной переворот в постановке чеканки монеты в Новгороде. Она перестала быть вольным промыслом и даже вообще промыслом... В Новгороде с 1447 г. уже не все серебряных дел мастера занимались этим делом. Оставалось только 5 денежников, да и те были «установленные», назначенные для общего дела»⁴⁷. Не случайно с 1447 г. в Новгороде уже существовал монетный двор, на

⁴⁴ Там же. С. 56.

⁴⁵ Там же. С. 58.

⁴⁶ Там же. С. 59.

⁴⁷ Кауфман И.И., Никольский П.А. История денег в России.

котором установленные пять денежников «ковали деньги», когда в том была надобность. «Это позволило новгородцам остаться при первоначальном, заимствованном у Москвы счете по 216 денег на рубль»⁴⁸.

Монеты Великого Новгорода отличались от других русских монет того времени. Для них характерна исключительная устойчивость оформления, что роднит их с монетами европейского чекана. Несмотря на большое количество разновидностей, позволяющих делить весь массив монет на хронологические группы, основной, базовый тип новгородских монет «новгородок» не изменялся⁴⁹.

Если в Новгороде народный бунт положил конец операциям денежников, был восстановлен рубль в 216 денег, а чеканка монет стала правительственным делом, в Москве ничего подобного не произошло. В Москве в сороковых годах XV в. чеканкой монет занималось большое число денежников. Стало выгодно заниматься этим промыслом, отсюда большое разнообразие штемпелей, которыми они чеканили монету. В Москве была другая политическая ситуация (борьба за княжеский престол), поэтому алчные денежники не были остановлены ни народными волнениями, ни княжеской властью. В эпоху борьбы за великокняжеский престол вес московских денег начал снижаться, появилось много поддельных и обрезных монет. К концу правления Василия II деньги весили

⁴⁸ Там же. С. 60.

⁴⁹ На одной стороне они содержали надпись Великого Новгорода, а на другой – изображение двух фигур: левая, снабженная атрибутами власти и достоинства, стоит или сидит на престоле; правая, лишенная каких-либо атрибутов и даже, по-видимому, одежды, противостоит ей в коленопреклоненной позе. Между этими фигурами иногда помещен крест, звездочка, но чаще всего – небольшая миндалевидная фигура или ряд точек, расположенных вертикально.

Небесной патронессой Новгорода была св. София Премудрость Божия. Историки полагают, что в новгородках небесная покровительница вручала бразды правления главе боярской республики. Разросшийся корпус посадников и тысяцких (в которых избирались только бояре) образовали некое подобие Большого совета, противостоящего общегородскому вечу. На место вечевоего строя пришла боярская олигархия. Композиция аверса «новгородки» навеяна, вероятно, изображением св. Марка и коленопреклоненного дожа с крестом в руках на золотых венецианских дукатах, в то время международной валюте. На венецианских монетах св. Марк, небесный патрон Венеции, вручает коленопреклоненному дожу символы власти со словами, чеканенными вокруг этой композиции: SIT TIBI DATUS ISTE DUCATUS (Да будет дано это правление).

0,39 г. (Эта уставная норма продержалась в Москве до реформы Елены Глинской в 1533 г.)

Именно при Василии II произошли большие изменения в истории как рубля, так и деньги, но она не была связана с его фискальными устремлениями, а определялась стихийными процессами в денежной сфере. Большая группа денежников «прямо чеканили маловесную деньгу, рассчитанную на сбыт в качестве полновесной... они превращали в прямой обман весь денежный счет и пользование деньгами как орудием обмена. Эти маловесные монеты не были рассчитаны на то, чтобы служить как половинки полновесных, а, напротив, заведомо выпускались для того, чтобы их не отличали от полновесных... Населению это, конечно, было убыточно, когда его заставляли за рубль 216 денег полновесных брать 216 маловесных»⁵⁰. Постепенно возник новый денежный счет. Московскими «ходячими деньгами» стали считать только маловесную деньгу. «На почве маловесной деньги в Москве создан новый специфически московский счет, отличный от прежнего, сохранившегося в Новгороде и ставшего от этого отличительным новгородским. Особенность московского счета состояла в том, что он строился снизу вверх. На маловесной деньге построилась новая московская гривна; на ней создалась новая московская полтина, а на этой полтине построился новый московский рубль»⁵¹. Рядом со старым рублем, который отныне сохраняется лишь в виде весовой единицы – гривенки, появляется чисто денежная единица – рубль. Тем самым впервые произошло отделение денежной единицы от весовой. В 1447–1448 гг. производство денежных слитков прекращается. Содержание примесей в них выросло до 40%, что дискредитировало их как деньги, а это значит, что серебряный рубль-слиток прекратил свое существование.

Эпоха Василия Темного дала герб Москве. Традиция помещать на монетах портреты правителей пришла на Русь из Византии. Святой Георгий появился впервые в XI в. на монетах и печатях Ярослава Мудрого. В XV в. образ воина-змееборца, своего святого, поместил на монетах соперник Василия в борьбе за великокняжеский престол Юрий Галицкий, который пробыл на нем всего два месяца. Василий не отменил символику, введенную его соперником, и Георгий Победоносец, поражающий змея копьем,

⁵⁰ Кауфман И.И., Никольский П.А. История денег в России. С. 60.

⁵¹ Там же. С. 67.

окончательно утвердился на московских монетах и печатях как герб Москвы.

«Рубль», получивший как денежная единица быстрое распространение и всеобщее признание, стал основой двух крупнейших различных денежных единиц — московской и новгородской, обусловил появление более мелких его фракций. Единство древнерусского рубля от этого разрушилось. В Новгороде продолжали считать на рубль по 216 денег крупного веса, а в Москве считали на рубль 200 денег «ходячих» московских маловесных.

Отмеченные выше тенденции, выделяющие сороковые годы XV в. как некий рубеж в становлении монетарно-денежной системы Руси периода распада Золотой Орды, прослеживаются не только в Московском, но и в других великих княжествах.

Великое княжество Нижегородско-Суздальское. В период своего расцвета (1380–1420) нижегородская чеканка отличается значительной интенсивностью. Монет, отчеканенных здесь, известно в несколько раз больше, чем монет Московского княжества. Чеканку в Нижнем Новгороде начал великий князь Дмитрий Константинович (1365–1383). Они представляли собой подражание золотоордынским дангам (весили монеты 1,1–1,2 г)⁵². Князья, занимавшие великокняжеский престол в 1391–1410 гг., периодически изменяли вес местных денег, но в среднем он колебался в пределах 0,95–0,84 г. Однако затем начинается резкое падение стоимости монет. После реформы 1423 г. и до 1429 г. были введены новые деньги, их средний вес составлял 0,53 г. После 1431 г. и до полного перехода под власть Москвы в 1451 г. монеты здесь больше не чеканились

Великое княжество Рязанское. Первыми нумизматическими памятниками Рязанского княжества являются начеканенные золотоордынские данги. Надчеканка производилась специальными пунонами с вырезанными буквами. Позже на монетах появилась надчеканка княжеской тамги. Из-за своей формы эти монеты получили название «рязанские мордки». Начиная с князя Ивана Федоровича (1427–1456), на рязанских монетах впервые появилось имя князя. После его смерти, пока наследник престола находился под опекой в Москве, контроль над местной чеканкой осуществляла администрация Василия Темного. Чеканка прекратилась задолго до полного присоединения к Москве, вероятно, еще в 1460 г.

⁵² Монетная чеканка в княжестве производилась в трех центрах: Нижнем Новгороде, Суздале и Городец, монетные выпуски которых отличались между собой лишь обратной стороной. Каждый центр по-своему подражал золотоордынским монетам. Кроме серебряных монет монетный двор Нижнего Новгорода выпускал и медные пулы, которые чеканились на вырезанных медных пластинках (известно шесть видов, их средний вес равен 1,55 г меди), местом чеканки принято считать Городец.

Великое княжество Тверское. Начало тверской чеканки относится к правлению князя Ивана Михайловича (1389–1425), который в 1413 г. вернулся из Орды с ярлыком на великое княжение. Расцвет монетного дела пришелся на годы правления великого князя Бориса Александровича (1425–1461), когда было отчеканено 30 типов денег средним весом 0,53–0,59 г серебра. Чеканились и медные пулы, вес которых колебался от 1,8 до 3,5 г меди. (Они изготавливались в технике литья, в то время в других княжествах монеты чеканились.) В эпоху князя Михаила Борисовича (1461–1485) происходит смена техники чеканки. В Твери, как и во всех других княжествах, денежные знаки начали чеканить из заготовок из расплюсченной проволоки. Всего в его правление было выпущено около 20 типов донгов и 12 типов пулов. Вес донгов был понижен и составлял 0,47–0,56 г. Сюжеты в монетном чекане использовались те же, что и раньше, но с 1480 г. на них появилось изображение двуглавого орла – знак, обозначающий зависимость Твери от московского князя. В 1485 г. Михаил Борисович бежал в Литву, а монетный двор сохранился, и деньги здесь чеканились еще при Иване Грозном.

В Псковской боярской республике начало чеканки монеты, как записано в летописях, относят к 1425 г., причем денежный мастер, организовавший чеканку монет, был приглашен из Москвы, имевшей тогда самое передовое монетное производство среди русских княжеств. На Псковском монетном дворе чеканились два номинала – деньги весом 0,75 и четверенцы весом 0,19 г. После присоединения в 1510 г. Псковской республики к Москве монетный двор продолжал работать, выпуская деньги Василия III.

Отделение от некогда единого улуса Джучи (Золотой Орды) Крымского ханства, а затем образование независимого Казанского ханства внесли кардинальные изменения в характер монетарно-денежного обращения в Среднем Поволжье. Чеканка в монетных дворах Орды полностью прекратилась уже к 20-м годам XV в.

Клады этого периода исчисляются тысячами монет. Население отбирало и хранило в качестве сокровищ полноценные денежные знаки, а денежные сурrogаты, имевшие только номинальную стоимость, обращались на рынке. Количество монет нижегородской и московской чеканки в тот период увеличивается. Они часто встречаются среди находок в татарских городах. Отдельные клады, найденные на этой территории, порой целиком состоят из русских монет.

В Казанском ханстве чеканки монет не было, так как вся экономика Казанского ханства строилась на транзитной торговле. Из Персии, Средней Азии и Китая сюда поступали ткани, специи, посуда, ювелирные украшения, дорогое оружие и другие товары,

которые на базарах и торжищах продавались на русскую монету или менялись на товары, привезенные из христианских земель. В мордовских, мещерских и чувашских землях денежное обращение проходило те же стадии, что и по всему периметру граничащих с Золотой Ордой разноэтнических уделов. Сначала здесь обращаются данги и пулы Джучидов, затем их подражание.

Анализ развития монетарно-денежных отношений русских княжеств в периоды монгольского владычества и особенно разложения Золотой Орды свидетельствует о том, что именно тогда были заложены основы для перехода в дальнейшем монетной регалии в ведение московских государей.

РАЗДЕЛ III

**Рыночные связи
и денежные отношения
в третьем многовековом цикле
Русской цивилизации
(XVI–XIX вв.)**

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
DIVISION OF THE PHYSICAL SCIENCES
DEPARTMENT OF CHEMISTRY
5708 SOUTH CAMPUS DRIVE
CHICAGO, ILLINOIS 60637

1981-1982

RESEARCH ASSISTANT
JAMES R. HARRIS
1981-1982

Глава 6

В ПОИСКАХ СОЮЗА СВЕТСКОЙ И ДУХОВНОЙ ВЛАСТИ: РЕФОРМЫ РУССКОЙ ЦЕРКВИ И ИХ НЕГАТИВНОЕ ВЛИЯНИЕ НА РЕЛИГИОЗНО-ДУХОВНЫЙ КЛИМАТ ОБЩЕСТВА

6.1. «Москва – Третий Рим» как национальная идея самодержавной Руси: ее сущность и практическое воплощение в деятельности Ивана IV

Проблема национальной идеи как основы государственности и ее связи с метафизической идеей достаточно обстоятельно проанализирована в предыдущей работе¹. Здесь мы исследуем эту тему применительно к определенному этапу становления русского самодержавия. Национальная идея – это неотъемлемая идеологическая константа большого государства любой цивилизации, определяющая духовный климат общества в строго определенный период. Это не идея моноэтнической государственности, поскольку в историческом процессе территориальные границы всех цивилизационных структур, как правило, не совпадают с границами проживания этнокультурных сообществ. Она связана с религиозно-духовной идеей (метафизической основой каждой данной цивилизации), но опосредованно, так как охватывает всю совокупность конкретно-исторических обстоятельств. В процессе развития каждой цивилизации могут возникать национальные идеи, отвечающие тем или иным формам государственности.

Появление национальной идеи связано с попыткой духовной элиты общества сформулировать более или менее ясные для большинства народа цели развития государственности. Такая идеологическая установка обычно возникает в периоды кризисных состояний той или иной государственности, когда намечается подъем активности народа, рост его пассионарности, с одной стороны, и появляется новая духовная элита, которая обладает способностью уловить основные цели государственности в рамках общего развития каждой данной цивилизации, – с другой. Она должна дать этим целям лаконичную формулировку, воздейству-

¹ Можайскова И.В. Духовный образ русской цивилизации... Ч. 4. Разд. III.

ющую не только на сознание, но и на подсознание людей. На Руси национальная идея возникла в период становления самодержавной государственности, поэтому необходимо остановиться на его содержании.

Вопрос о характере русской самодержавной государственности чрезвычайно предвзято освещается в отечественной литературе. Одна точка зрения, которая была сформулирована еще в начале XX в. евразийцами (в частности, Н. Трубецким), утверждает, что Москва наследовала империю Чингисхана, но негативные стороны этой политической преемственности они не раскрывали. Современные неоевразийцы, в частности Л.Н. Гумилев, рассматривали этот вопрос в подчеркнуто-позитивном плане, обращая внимание на военно-государственные начала Монгольской империи. «Военная традиция Чингисхана, бывшая до XV в. наиболее совершенной от Атлантики и до Тихого океана и перенятая Москвой, обеспечивала независимость России», – пишет Гумилев². Л.А. Тихомиров, революционер, ставший православным историком, как бы упреждая такие постановки, писал еще в самом начале XX в.: «Обыкновенно у нас в развитии монархии приписывают большое влияние временам татарского ига. Говорят, будто московские великие князья явились просто наследниками ханской власти... при сокрушении ига стали самодержавными царями. Дело, однако, в том, что татары сами вовсе не имели той власти, которая явилась в виде царей на Руси. У татар ханская власть была родовая, из которой внешними успехами выдвигались великие ханы, с самым неопределенным содержанием власти со стороны идеократической. Это были типичные образцы самовластительства основанного на чистой силе... В смысле же законности власти – татарская идея понимала то же самое удельное начало, от которого Русь освободилась именно во времена татарского ига... Влияние татар состояло, таким образом не в том, что Русь усвоила идею власти, а наоборот, что Русь, пораженная бедствием и позором, глубже вдумалась в свою национальную идею и осуществила ее. Этим Русь оказалась сильнее татар»³. Хань показали русским необходимость сильной власти самой по себе. Но покоряясь силе, «Русь не признавала права хана давать ей владык и повелителей...

² Гумилев Л.Н. Предисловие к работе Н.С. Трубецкого «История, культура, язык». М., 1995. С. 41.

³ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб., 1992. С. 221–222.

В этом хаосе произвола русские не почерпнули и не могли почерпнуть для себя никакой идеи власти. Эпоха порабощения и борьбы с татарами хотя и произвела огромное влияние на развитие Московского царства, но совершенно особыми путями, не имеющими ничего общего с подражанием или заимствованием идеи власти у победителей»⁴. Эта власть по своему содержанию не имела ничего общего с ханской властью, так как сама «монархия родилась из византийского влияния, шедшего рядом с проповедью христианских идеалов жизни»⁵. В начале IV в. при Константине Великом церковь вступила в союз с сильным государством, базирующимся на обширном территориальном анклав. Такое государство стало формироваться в этот период вокруг Москвы. Единое государство при Иване III, именовавшееся европейцами Московией, включало как Великое княжество Московское, так и присоединенные к нему Великое княжество Тверское (в 1475 г.), Новгородскую боярскую республику (1478 г.), Северские княжества (1500–1503 гг.). При сыне Ивана III, Великом князе Московском Василии III Ивановиче, происходит завершение собирания центральных русских земель – присоединены Псков, Смоленск, Рязанское княжество. Но это были не пустые пространства, а социально-экономические анклавы, населенные в основном великороссами, со своими интересами. Что могло их объединять в этой государственности? Ответ на этот вопрос нужно искать только в одном – в сплочении на основе православия.

Очень четко ставит вопрос о русском самодержавии Солоневич: «Банальная интеллигентская терминология определяет “самодержавие” или как абсолютизм или как тиранию. По существу, самодержавие не может быть определено терминологически, оно должно быть описано исторически. Русское самодержавие есть совершенно индивидуальное явление, явление исключительное и типично русское: “диктатура совести”, как несколько афористично определил его Владимир Соловьев. Это не диктатура аристократии, подаваемой под вывеской “просвещенного абсолютизма”, это не диктатура капитала, сервируемая под соусом “демократии”, не диктатура бюрократии, реализуемая в форме социализма, – это “диктатура совести”, в данном случае православной совести. Русское самодержавие было организовано русской низовой массой, оно всегда опиралось на Церковь, оно концентрирова-

⁴ Там же. С. 222.

⁵ Там же. С. 223.

ло в себе религиозную совесть народа, на низах было самоуправление, как политической же организацией народа в его целом было самодержавие»⁶.

Русское самодержавие формировалось как бы с двух сторон: со стороны высшей власти и со стороны народных масс, их ментальности, о которой мы говорили выше. «Выросшая в одном процессе с русской нацией, царская власть представляет две ярко типичные черты: 1. Полное единство в идеалах с нацией как власть верховная. 2. Единение своего государственного управления с национальными силами», — пишет Тихомиров⁷. По мнению Андреева, «годы эти стали рубежом в развитии русского сознания»⁸. «Для Руси и русского народа выпала единственная в своем роде задача всемирно-исторического масштаба», — утверждает Панарин⁹.

Завоевание Руси татарами породило осознание необходимости сплочения, объединения сил, единства всех русских людей. «Повсюду мечтали о твердом объединении вокруг сильной, единоличной власти. Борьба вооруженная, как и секретнейшая дипломатия, одинаково требовали единого правящего лица, — пишет Тихомиров. — Это не создало единоличной верховной власти. Но христианская идея, воскресшая во всех душах с потребностью Божьей помощи, подсказывала облегчение единоличной власти значением Божьего служителя. Пусть действует Божий служитель, как знает, на свою совесть и ответственность. Народ жаждал отдать свою волю царю, Божьему служителю, не рассуждая, делать все, что он прикажет, под тем одним условием, чтобы не человеку подчиняться, а самому Богу»¹⁰.

Становление русского самодержавия связано с судьбой восточной ветви православия. Первые 150 лет после освобождения русских княжеств от монголов были временем религиозного и интеллектуального брожения и зарождения идеи особой миссии Москвы, нового понимания роли правителя и московской церкви в христианском мире. Она стала русским вариантом византийской доктрины гармонии Церкви и государства в новой исторической обстановке. До XV в. Русь воспринимала себя покорной дочерью константинопольского патриарха. Во второй половине

⁶ Солоневич И.Л. Народная монархия. С. 54.

⁷ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность С. 242.

⁸ Андреев Д.Л. Роза Мира. С. 305.

⁹ Панарин А. Реванш истории. С. 60–61.

¹⁰ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. С. 228.

XV в., после принятия Византией Флорентийской унии, положение изменилось. Авторитет греческой церкви как хранительницы заветов православия в глазах русских пошатнулся, а с ним и право на политическое господство. Византийская империя, уничтоженная войнами Полумесяца, оставила православный мир без земного защитника. «Почему после гибели Византии существование России обрело особый смысл? Потому что в целом ощущение бытия чрезвычайно усиливается, когда мы не просто соучаствуем в достижении большой цели, но ощущаем уникальность своей миссии. Священное одиночество России в мире после гибели Византии – это поистине эпохальное событие, обретение высшего смысла бытия», – пишет Панарин¹¹. Чувство священного одиночества, которое легло в основание зародившегося самосознания России, обещало обретение смысла. Не случайно проблеме смысла посвящено одно из значительных произведений русского религиозного ренессанса – «Смысл жизни» князя Евгения Трубецкого¹².

«Второй Рим погиб подобно первому, но не погибло православное царство, потому что оно никогда не может погибнуть... Бог мог допустить неверных покорить греков, но он никогда не допустит стереть с лица истинную веру и дать над ней торжествовать латинянам или израильтянам. Но мир пока еще существует, и потому разбитый сосуд должен быть заменен новым, чтобы воплотить вечную истину и снова дать ей внешние формы существования. Таким новым сосудом, новым Третьим Римом и является Москва»¹³.

В силу этого великий князь московский как единственный независимый православный правитель был обязан принять титул царя, если не хотел оставить православный мир без защитника. Эта версия получила литературную обработку писателя XVI в. Филофея – игумена Трехсвятительского Псковского Елеазарова монастыря. Он впервые сформулировал знаменитую теорию о Москве как Третьем Риме, хранителе подлинной христианской традиции. В «Послании о крестном знамени» Филофей выводит классическую формулу: «Два Рима пали, третий же стоит, а четвертому не бывать»¹⁴.

¹¹ Панарин А. Реванш истории... С. 85.

¹² Там же.

¹³ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. С. 58.

¹⁴ Гольдберг А.Л. Три послания Филофея (опыт текстологического анализа) // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом). Т. XXIX. 1974. С. 250.

Первый Рим в рамках западной ветви христианства решал две задачи и предполагал наличие двух государей – светского и духовного. В западной цивилизации им считалась «Священная Римская империя немецкой нации» с папой и императором во главе. Однако восточная православная ветвь христианства полностью отвергла притязания Западной церкви и считала таковой Византийскую империю с византийским императором и патриархом константинопольским во главе, поскольку утверждалось, что только греческое православие является истинной христианской верой. В глазах русских, принявших православие от Византии, Константинополь был вторым Римом, т.е. подлинной цитаделью христианства, в отличие от первого Рима, который заражен неправой верой (римско-католической).

После падения Византии других самостоятельных православных царств не осталось. Московское государство, объединившее русские земли, оказалось единственным защитником православия и, следовательно, земная судьба православия стала зависеть от Москвы, от ее мессианской роли¹⁵. При этом необходимо отметить, что мессианские настроения на Русской земле «развивались уже в десятом веке по принятию христианства. Уже тогда начало складываться религиозное сознание, которое связывало приход на русскую землю православия с тем, что Господь будет требовать за это от ее народа больше, чем от других, и будет строже наказывать его за грехи. И поэтому народное восприятие парадигмы Третьего Рима нужно отнести не к Российскому государству, а к русскому народу или России как к миру», – писал Солоневич¹⁶. Эту мысль поддерживает Панарин: «Если Российское государство после гибели Византии осознает себя как православная теократия, то русский народ – как держатель Святой земли, на которой это государство стоит»¹⁷.

В идее Москвы – Третьего Рима не было стремления к агрессивной политике руководства религиозным миром, как это иногда трактуют¹⁸. Ее направленность была в другом: те, кто ее фор-

¹⁵ Там же. С. 259.

¹⁶ Солоневич И.Л. Народная монархия. С. 56–57.

¹⁷ Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2003. С. 57.

¹⁸ Правда, в имперский период, во время царствования Екатерины II, эта идея приобрела политический оттенок, когда началась борьба за черноморские проливы, и во время освободительных войн с Турцией на Балканском полуострове.

мировал, верили в конец мира и приближение Страшного суда. Поэтому старались сохранить православное христианство как последнее убежище. Хотя последователи этой идеи (хилиасты) были менее пессимистичны и надеялись на христианское тысячелетие, т.е. верили в тысячелетнее царство Христа на земле, но они тоже интересовались только чистотой православия, не замышляя никаких походов против внешнего мира.

Новая национальная идея обусловила и новые обязательства для русского самодержавия: оно должно хранить православную веру и бороться с ее врагами. С этой идеей была связана и корона русских самодержцев¹⁹.

Новый этап в развитии Московского государства с этими христианскими новыми целями и задачами начинается примерно с середины XVI в., в царствование Ивана IV. «Иоанн IV был первым царем не потому только, что принял царский титул, но первый создал все значение царской власти, первый составил сам, так сказать, ее теорию, тогда как отец и дед его усиливали свою власть только практически»²⁰. Иван IV первым почувствовал в себе царя в настоящем библейском смысле — «по Божию изволению, а не по многмятежному человеческому хотению». Высшая власть воплотила в жизнь идею сакральной роли царя — помазанника Божьего. В этом его самопознании сказалась немалая роль главы Русской церкви митрополита Макария, который был наставником Ивана IV в богословских и исторических вопросах и воодушевил его идеей высокого достоинства и ответственности христианского правителя.

Иван IV был официально коронован царем в 1547 г. Его короновали на царство в 16 лет, что означало окончание боярской опеки. После того как Московское государство одержало победу над иноверцами на Востоке, предсказание о превращении России

---

¹⁹ Возникли три легенды оформления русского самодержавия. Во-первых, это версия о том, что бармы и царский венец были получены якобы Владимиром Мономахом от византийского императора Константина Мономаха. Во-вторых, утверждалось происхождение Рюрика от Прусса, брата римского кесаря Августа. В-третьих, доказывалось, что белый клобук (символ церковной независимости) император Константин Великий вручил римскому папе Сильвестру, преемники последнего в сознании своей греховности передали его константинопольскому патриарху, а от него он перешел к новгородским владыкам, а затем к московским митрополитам.

²⁰ Соловьев С.М. История России. Т. 5. С. 35.

в новое «Ромейское царство» – оплот христианской веры – начало сбываться. Иван IV счел необходимым подкрепить принятие царского титула письменным благословением вселенского Патриарха Константинопольского, и в 1561 г. патриарх известил Ивана, что Вселенский собор признает законность титула.

Царствование Ивана IV продолжалось почти полвека и наложило громадный отпечаток на всю последующую историю. Этот период мы рассматриваем с позиций выявления в этом царствовании позитивного начала, которые потом в трансформированном виде способствовали укреплению российской государственности. Здесь не анализируются причины перерождения его самодержавной власти в тиранию. Констатируются только общеизвестные исторические реалии, которые привели к династическому кризису.

Прежде всего необходимо выделить роль Ивана IV в развитии русского православия в союзе с Русской церковью, в рамках того направления, которое было провозглашено иосифлянами. Первым таким действием была реорганизация Русской церкви по решению Церковного собора. Он был назван Стоглавым, так как был выпущен сборник решений, разделенных на сто глав. Одновременно собор решил улучшить обучение, рекомендовав использовать в богослужении только исправленные экземпляры церковных книг, причем напечатанные типографским способом во избежание ошибок при переписывании. Митрополит Макарий основал в 1553 г. в Москве типографию для этих целей. Этот собор пытался подчеркнуть особенности русского православия, искаженного Римской церковью, которая оказала влияние и на греческие трактаты нового времени.

Деятельность митрополита Макария (пастыря юного Ивана IV) в тот период надо особенно выделить, так как под его руководством составлены великие «Четьи-Минеи», осуществлялось церковное строительство, регулировались многие стороны идеологической жизни народа в соответствии с идеей «Святой Руси». «Чувство национальной религиозной гордости, уверенности, что русское православие самое чистое и самое святое, проявилось с особой силой во время так называемого Стоглавого собора 1551 г.», – подчеркивает С.А. Зиньковский. Национальные особенности и заслуги Русской церкви постоянно подчеркиваются в речах Ивана IV, открывшего собор, и в постановлениях собора. Решения, связанные с каноническим правом, более основываются на грамотах московских митрополитов и на уставе Иосифа Волоцкого, чем на своих

греческих первоисточниках. Греческие святые в речи царя почти не упоминаются. Зато подчеркивают роль великих святых русской земли: Бориса и Глеба, Антония и Феодосия, епископа Леонтия и митрополитов Петра, Алексия и Ионы.

Когда собору приходилось выбирать между новогреческим и русским обрядами, а русский отражал более ранние, древневизантийские черты, введенные на Руси еще в X в., то предпочтение без колебаний отдавалось русскому, освященному веками его употребления на Руси. Например, собор решительно настоял, чтобы Русская церковь пользовалась двуперстным знаменем, и запретил пользоваться «новым» трехперстным знаменем, введенным в греческой церкви только в XIII–XIV вв., которое начало в то время распространяться и в России.

Стоглавый собор, утвердивший двуперстие, не содержал каких-либо зародышей церковного раскола. Наоборот, он стал показателем расцвета русской церковной жизни на протяжении нескольких столетий, содействуя ее подъему, очищению от многих пороков и недостатков. И поэтому считают, что это был тот момент, когда Русская церковь сияла наибольшим блеском, духовной мощью и красотой. Стоглавый собор, утвердивший двуперстие, основывался на всей предшествующей многовековой истории церкви, так как двуперстие было господствующим во все столетия до него на Русской земле. Этот собор, по сути дела, утвердил то, что «уже века до него было господствующим, непререкаемым, святым, что казалось и на самом деле было цветом церковной жизни, без чего невозможно было самое прикосновение к церкви, что способствовало иногда удивительно высокому развитию духа человеческого. Не крест ли восьмиконечный охранил Русскую церковь от католичества? Не двуперстным ли сложением осеняли себя в своих великих подвигах все святые Земли русской?»²¹.

В первый период своего царствования Иван IV, опираясь на группу талантливых и честных советников (священника Сильвестра, дворцового чиновника Алексея Адашева, князя Андрея Курбского и др., называемых «избранной Радой»), проводит ряд важных реформ, сочетающих демократические и аристократические начала управления под эгидой верховной царской власти. Активное наступление на боярское своеволие прежде всего в Москве в сочетании с развитием демократии на местах было основным

²¹ Сенатов В.И. *Философия истории старообрядчества*. М., 1995. С. 63.

направлением его деятельности в этот период. К позитивным сторонам деятельности Ивана IV надо отнести его реформы в области верховной власти (создание Земских соборов) и местного управления (губная реформа), что можно рассматривать как некое продолжение или модифицированный вариант вотчинно-демократических начал домонгольской Руси.

В качестве противодействия боярскому влиянию создается Земский собор (собрание всей земли) – демократический институт управления. Он был создан впервые в 1550 г. и состоял из двух палат. Верхняя палата представляла аристократическую часть общества. Она образовалась из Боярской думы, епископов, а также высших чиновников. Нижняя палата формировалась из представителей дворянства, купечества, служилого и посадского населения и черносошных крестьян. Не выбирали своих представителей владельческие крестьяне, холопы и «вольница». Социальная опора Земских соборов была шире социальной базы такого рода учреждений в европейских государствах (британского парламента, Генеральных штатов во Франции). В Московии на Земский собор выбирали своих представителей примерно 15–16% населения. Земские соборы играли важную роль в законотворчестве и решении важных государственных решений, их полномочия были не меньше, а больше, чем Генеральных штатов во Франции, и они меньше зависели от монарха, нежели английский парламент. Первый Земский собор, созданный Иваном IV в 1549 г., наметил ход судебных и финансовых реформ, «приговаривал» налоги. На Соборе был принят Судебник 1550 г. Стоглавый собор 1551 г. провел важнейшие церковные и административные реформы. Первые соборы решали проблемы установления зависимости между службой в армии и земельными владениями²². Земельные пожалования носили персональный характер и давались на определенных условиях, а не наследственно. (Окончательно поместная реформа была завершена Земским собором 1566 г.)

Реорганизация местного самоуправления и его демократизация стали важным направлением деятельности Ивана IV в первые годы его царствования. В 1550–1555 гг. проводятся губные ре-

---

²² В соответствии с решениями соборов тысячи человек, находящихся на военной службе, получили поместья и земельные владения вокруг Москвы, став привилегированной (гвардейской) группой войск. Началось формирование пехотных частей – стрельцов, большая часть которых была расположена в Москве (около 5 тыс.) и в пограничных городах (примерно 7 тыс.).

формы, касающиеся не только территориального «обустройства» страны, но и демократизации местного управления. Страна поделена на уезды (неодинаковые по размеру и населению), а уезды — на волости (они назывались губами). Земский собор 1556 г. отменяет систему «кормлений». Ее сущность заключалась в характере образования доходов наместников, назначаемых царем, которые собирали налоги, вершили правосудие в тех или иных территориальных анклавах государства, а их доходы образовывались за счет «корма» местного населения, взимаемого натурой или деньгами.

Система «кормлений» имела давние исторические корни. Она была известна еще в Киевской Руси. «Русская Правда» определяла размер «корма» «вирнику» количеством кур, хлеба, солода и др. Доходы наместников и волостелов образовывались из «въезжего корма», торговых, судебных и других сборов. В некоторых княжествах наместники получали лишь часть доходов с «кормлений»: брали часть «корма» для себя, а остальную часть перечисляли в великокняжескую казну.

С отменой кормлений население получило право избирать своих представителей для сбора налогов и обрело формально зафиксированные демократические права самоуправления. В ведении губных учреждений оказались почти все уголовные дела, составление кабальных книг, надзор за общественным порядком, полицейские функции. Эта система местного самоуправления просуществовала до середины XVII в., до появления во всех крупных городах воевод. Эти изменения в политической структуре самодержавной государственности сопровождались многими начинаниями в экономической сфере, в развитии рыночных отношений, прежде всего международной торговли, а также денежной системе.

Геополитический аспект деятельности Ивана IV также следует отнести к позитивным сторонам его царствования, где явно обозначились его восточный и западный векторы. На Востоке эта политика была представлена принуждением к мирному сосуществованию ханств и орд, учитывая, что те и другие татарские орды совершали постоянные набеги на территорию Московского государства. Это касалось в первую очередь отношений Москвы с Казанью и Крымом, после победы там антирусских партий.

Сначала были отвоеваны выходы к средней Волге (октябрь 1552 г.), взята штурмом Казань (хан захвачен в плен). Затем русская власть распространилась на все Казанское ханство, где основную массу

населения составляли разные народы финно-угорского происхождения, а татары – меньшинство (правящий класс)²³. Сразу после падения Казани все подданные ханства добровольно присягнули на верность «белому царю». Это обстоятельство, а также политика веротерпимости, проводимая царем по совету и с одобрения митрополита Макария, облегчало процесс колонизации. Образование русских гарнизонов в стратегических пунктах империи и строительство православных церквей не сопровождалось насильственной христианизацией населения и вмешательством в традиционные формы жизни.

Затем было «принуждение к миру» Астраханского ханства. В 1554 г. астраханский хан Дервиш-Али признал себя вассалом Москвы при сохранении своей автономии, подписал договор о мирном и добровольном вхождении в состав Московского государства. При этом он должен был уплачивать дань Москве и согласился на размещение в Астрахани «ограниченного контингента» московских стрельцов, разрешив русским рыбную ловлю в устье Волги. Но вскоре хан не только нарушил эти договорные обязательства, но и призвал турецкие войска. В ответ Иван Грозный в 1556 г. отправил на Астрахань русское войско, где было немало «служилых» татар, и ханство было присоединено к Московскому царству без всякой автономии.

«Замирение» границ на Востоке было связано с подписанием Москвой в 1557 г. мирных договоров с башкирами и ногайцами. Военные и дипломатические акции защиты от степняков сопровождался строительством укреплений на южной лесостепной полосе (Засечной, Белгородской, Изюмской, Симбирской и др.), а также строительством в последней четверти XVI в. между Казанью и Астраханью укрепленных городов Самары, Царицына и Саратова.

Нельзя не отметить позитивно и внешнюю политику Ивана IV на Западе, его борьбу за выход на Балтику²⁴. Начав наступление на Ливонский орден в 1558 г., Иван IV считал, что он не завоевывает чужие земли, а возвращает исторические территории, земли Древнего Новгорода, которыми тогда владел Ливонский орден. Однако после быстрого распада Ливонского ордена на эти земли стали претендовать Швеция, Польша, а также Великие княжест-

---

²³ В современной неоевразийской литературе указывается, что русские необоснованно позарились на исконно «татарские земли». Однако это утверждение неверное. Ведь татары обосновались на этой земле в качестве этнически доминантного народа (после волжских булгар), господствуя над местными финскими (мордвой, черемисами и вотяками) и тюркскими племенами (башкирами).

²⁴ Ливонская война имела объективные основания. Ливонские рыцари, Польша и Швеция закрыли доступ России на Запад.

во Литовское. Этой своей военной акцией Иван IV вступил в конфликт с рядом сильных государств Запада²⁵.

Все эти позитивные результаты самодержавной власти, реализующие национальную идею «Москвы – Третьего Рима» зачеркиваются ее перерождением в тиранию. Вторая половина царствования Ивана IV привела к страшным последствиям для русской государственности и духовной жизни народа в целом – начался период террора и опричнины, который продолжался семь лет. Русская церковь в лице митрополита Филиппа выступила против кровавых акций царя. Став митрополитом Московским, Филипп пытался остановить опричный террор, публично осуждая государя за нехристианские деяния. По приказу Грозного Филипп был схвачен опричниками в Успенском соборе Кремля во время богослужения и лишен сана. Год провел в заточении, не отрекся от своих взглядов, демонстративно отказавшись благословить Новгородский поход Грозного.

Между Иваном IV и святителем Филиппом не было ни спора о власти, ни каких-либо личных счетов, так как святитель исполнял свой долг как представитель высшего нравственного принципа, обличая царя, изменившего этому принципу, и как носитель духовной силы не побоялся физического насилия и смерти. Вл. Соловьев подчеркивает, что «беззаконие царя было торжеством святителя, так как в царствование Ивана IV государственная власть отошла от своих нравственных основ, но народ получил при этом высший идеал святости, который приобрел особый блеск в глазах народа от крови святителя, умершего за святое дело. Вместо укрепления государственного начала опричнина внесла в общенародную жизнь только смуту и ужас... Уже никакими деяниями, даже отменой опричнины, поправить это дело Грозный не мог... Неудивительно, что в последние годы царствование Грозного являет собой цепь неудач»²⁶.

---

²⁵ В 1577 г., когда ливонские рыцари отдали себя под защиту Литве, Курляндия стала вассалом польского короля, Эстония отдалась Швеции, остров Эзель признал власть Дании. Московии предстояла война с несколькими сильными государствами. Во время Ливонской войны немецкий авантюрист Штаден предложил владетельным князьям Германии завоевать Россию, пленить и вывезти в Европу Ивана Грозного.

²⁶ Андреев Д.Л. Роза Мира. С. 299.

6.2. Реформы Никона и раскол

«Россия, в отличие от Европы, не знала религиозных войн. По сравнению с тем, что творилось в Германии, Нидерландах, Франции в XVI–XVII вв., раздоры между никонианами и староверами, а также гонения на стригольников, нестяжателей и против сектантов кажутся несущественными» – пишут современные социологи²⁷. Действительно, религиозных войн европейского типа в России не было, но религиозные потрясения, влияющие на ход исторического развития, были и корни их уходят в XVII в., так что об их «несущественности» для русской истории вряд ли можно говорить. При этом следует отметить, что эта тема очень трудна в рамках ее социологического (а не богословского) анализа, который содержится в этой работе.

В 1550 г. Русская церковь, определившись в идеологическом и организационном отношении, заложила основы «Святой Руси». Однако произвол опричнины, катастрофы Смутного времени, которые поставили Россию на край гибели, поколебали прежнюю уверенность в церкви. Назревал кризис в духовных делах, впоследствии выразившийся в никоновских реформах и расколе. Хотя сущность никоновской реформы была внешне вполне религиозной, однако за ней стояли и политические факторы. Во-первых, некоторые духовные лидеры понимали, что в известной степени Смута была связана с пассивностью церкви и других институтов в периоды кризиса, а потому церковь должна активнее руководить нацией, а титул патриарха Филарета – «великий государь» – важный шаг в этом направлении (хотя двух последующих патриархов так не величали). Наложился и украинский кризис. Полагали, что его можно преодолеть средствами церкви, приспособив русскую литургию к украинской, это должно сделать для большинства украинцев менее болезненным принятие московского протектората. При этом надеялись, что киевское духовенство признает московского патриарха вместо константинопольского.

Наряду с этим были и чисто религиозные мотивы, связанные с необходимостью повышения уровня богословской образованности русских священников. Еще до реформы Никона, вскоре после Стоглавого собора, в Москву был приглашен выдающийся греческий ученый гуманист Михаил Триволис, более известный под своим монашеским именем Максим Грек, который был другом и

²⁷ *Мединский В. Р.* Особенности национального пиара. С. 238.

последователем заволжских старцев, в свою очередь одобрявших его ученость и деятельность. Максим Грек перевел на славянский язык ряд богословских книг и выправил работы, ранее переведенные, также рекомендовав московской церкви вернуться в лоно константинопольского патриарха, на что сильно негодовали иосифляне. Работа по исправлению церковных ритуалов и молитвенных книг, начатая Максимом Греком, была продолжена Дионисием, архимандритом Троицкого монастыря и почитателем трудов Максима. Здесь возникли трудности. Они были связаны с тем, что мало московских духовных лиц в то время знали греческий и латинский языки. Поэтому Дионисий обратился за помощью к греческим и украинским ученым, и тем самым выявилось превосходство украинцев и греков в богословской области.

До середины XVII в. церковная реформа развивалась медленно и приняла революционные темпы при новом патриархе Никоне. Выходец из крестьянской семьи, уроженец Нижнего Новгорода, он был последовательно сельским священником, монахом, новгородским митрополитом. Никон был личностью динамической, с диктаторскими наклонностями, переполненный ощущением смысла своей службы и исторической важности задачи. Следуя византийской доктрине IX в., Никон верил, что патриарх и царь должны править православным обществом совместно и что патриарх есть «живое воплощение Христа».

Место патриарха он согласился принять на условии, что царь и епископы обещают повиновение ему во всем, как «их пастуху и отцу». (Ссылаясь на исторический прецедент, когда патриарх Филарет получил титул «великий государь».)

В отечественной религиозно-философской литературе большое внимание уделяется месту духовной власти по отношению к светской, выявлению заблуждения патриарха Никона как главы раскола. Никон выдвинул духовную власть как принцип и цель, хотя духовная власть в христианском мире имеет другой смысл. Принцип есть Христос, а цель – Царство Божие и Правда Его, духовная же власть – это только необходимое в земном состоянии Церкви оружие для водворения Правды Божьей. Древние иерархи православия Русской земли и Русской церкви чувствовали это и потому не выставляли своей власти как особого принципа и не заботились о правах своих. Только патриарх Никон обособил духовную власть в России, выставив ее как что-то отдельное, вне народа и государства. Именно поэтому распалось нравственное единство России и возникло то духовное безначалие, в котором оказались православные христиане... Иногда говорят, что патриарх Никон возвеличивал духовную

власть в России. Но возвеличить духовную власть нельзя, ибо она по существу есть высшая в мире... но можно унизить и исказить ее, отделяя ее от того, чему она служит, ради чего существует и чем освещается – от Любви и Правды Божьей. Отделенная от своего божественного содержания духовная власть становится случайной исторической силой наряду с другими такими же силами, с которыми ей приходится неизбежно тягаться. Понимаемая как верховная власть в юридическом смысле, она прежде всего сталкивается с существующей верховной властью государства. Соперничество и тяжба с царем составляли главную задачу жизни патриарха Никона. Патриарх стал писаться «великим государем» наряду с царем, вмешиваться в военные и дипломатические дела и во все потребности управления. Соловьев сравнивает деятельность Никона с деятельностью римских пап: «На Руси святые православные никогда ранее не боролись с мирской властью, в отличие от римских пап. Но как только Русская церковь начала эту борьбу, она впервые уклонилась от своего истинного призвания, потеряв нравственный авторитет в глазах народа, внутреннюю духовную связь с ним. Остался только внешний принудительный авторитет»²⁸.

Никон был убежден в необходимости исправления текста церковных книг и изменения русских церковных ритуалов по греческим и украинским образцам. Он попытался завоевать верховное главенство церкви путем исправления ошибок в богослужебных книгах, накопленных там в течение столетий, которые, по его мнению, бесчестили Русскую православную церковь перед лицом других церквей.

Пригласив в Москву для помощи в работе греческих и украинских ученых и постоянно советуясь с восточными патриархами, он за четыре года (1653–1656) изменил русские молитвенные книги и литургии. Множество изменений Никон внес в религиозную обрядность.

Теократические притязания Никона через некоторое время начали тяготить царя, и он постарался стать более независимым от него. Никон посчитал это отходом от предварительных условий, оговоренных с царем и боярами при избрании его патриархом. В силу этого Никон сложил свое патриаршее облачение и уехал в монастырь, который построил для себя в 40 км от Москвы, – Новый Иерусалим. И хотя он прекратил выполнять обязанности патриарха, звание свое он не сложил, что вызвало в церковном управлении глубокий кризис, который частично был преодолен тем,

---

²⁸ Соловьев В.С. Собр. соч. в 10 т. СПб., 1911. Т. 3. С. 228.

что царь с помощью верховных иерархов установил временный контроль над церковью²⁹.

И хотя царь Алексей устранил Никона как опасного соперника, разрыв с патриархом не отразился на принципиальном отношении царя к церковной реформе. Через несколько лет был собран Великий церковный собор 1666–1667 гг. с присутствием восточных патриархов, который имел две задачи: осудить Никона за оставление места патриарха и принять решение по церковной реформе. Собор поддержал церковную реформу, предал анафеме раскольников и тем самым завершил раскол. Защитники старообрядчества как истинно русского православия считают, что Собор 1666–1667 гг. окончательно выдвинул господствующую Русскую церковь в русло обрядов и обычаев церкви греческой. Возникает трещина в ранее едином религиозно-духовном мироощущении общества. Верующие сначала были ошеломлены нововведениями (хотя несколько церковных деятелей подали голоса протеста), но вскоре антениконовское движение набрало силу, причем репрессивные меры подавления усилили сопротивление. Поднялись священники, монахи, бояре, купцы, крестьяне, готовые принять мученическую смерть за истинную веру.

«По русскому чувству еще можно было жить при Иване Грозном. Отчего же через сто лет при тишайшем Алексее Михайловиче значительная часть народа вдруг почувствовала, что жить нельзя, и в отчаянии бросилась в леса и пустыни и полезла в горящие срубы? Что же случилось? Этим людям показалось, что случилась величайшая на земле беда, что архиереи уклонились в латинство, не стало духовной власти в православном мире, наступило царство антихристов»³⁰. «От папистских притязаний Никона повеяло знакомым духом: чем-то напоминали они ту тираническую тенденцию, которая так страшно обожгла русское общество при Грозном и уже опять успела дохнуть на него в конце царствования Бориса»³¹. Раскол весь пронизан ужасом перед «князем мира сего», уже будто бы он пришел в мир и сумел свить гнездо в самом святом – в церкви. «Отсюда надклассовость и внеклассовость

---

²⁹ В результате Никон как простой монах был сослан в отдаленный монастырь в Северной России и на его место был назначен новый патриарх. Только через 15 лет Никон получил свободу, разрешение вернуться в Новый Иерусалим, но умер по дороге.

³⁰ Соловьев В.С. О духовной власти в России. Т. 3. С. 228–230.

³¹ Андреев Д.Л. Роза Мира. С. 314–315.

раскола, к которому примыкали люди любого состояния илисловия, если только в сердце зарождался этот inferнальный страх»³².

В действительности никто не переходил в латинство. Однако ясно, что со времен Никона и по его почину иерархия Русской церкви, оставаясь по вере и учению православной, усвоила в своей внешней деятельности чуждый православной вере дух.

Сила веры старообрядцев – одна из самых ярких страниц духовного сопротивления, на которое способен русский человек. Самым выдающимся среди руководителей староверов был протопоп Аввакум – человек огромной энергии, неимоверной духовной силы, непреклонный, непокорный, который за истинную веру готов был идти на все (его мучили, истязали, наконец, сожгли на костре). Именно потому, что многие верующие почувствовали наступление конца света, приход Антихриста, у них возникали духовные силы. «Отсюда неистовая нетерпимость Аввакума, яростное отрицание им возможности малейшего компромисса и страстная жажда мученического конца... Отсюда же та жгучая, нетерпеливая жажда избавления, окончательного спасения, взыскуемого окончания мира, которую так трудно понять людям других эпох. И отсюда же, наконец, тот беспримерный героизм телесного самоуничтожения, который ставит нас в тупик при внесении в историю массовых самоуничтожений»³³. «На пытки и мучения, которым подвергались Аввакум и его сподвижники, они смотрели как на один обширный замысел против народа. Правы или не правы – вопрос совершенно другой, но несомненно, что они жили с убеждением, что то, чему подвергаются они сами, грозит и всему народу»³⁴.

³² Там же. С. 316.

³³ Там же.

³⁴ Сенатов В.И. Философия и история старообрядчества. С. 83. Значение старообрядчества трудно оценить, если не понять, какую волю и убеждения надо иметь, чтобы отстоять гонимые и осужденные на окончательное истребление «старые книги», где содержались догматические, церковно-исторические, канонические, археологические и другие знания, которые давало православие апостольских времен. Без этих книг и без помощи высшего начальства старообрядцев нельзя было сохранить прежние церковные традиции во всей полноте, так как верные старине люди духовного и иноческого чина ушли из жизни в течение нескольких десятилетий. Уже через 20–30 лет после начала «раскола» старообрядцы имели множество книг, особенно поучительного и религиозно-бытового характера. Был найден выход из положения: в знаменитом Выговском монастыре на севере, около Онежского залива Белого моря,

Изучавшие судьбы старообрядчества на протяжении столетий борьбы между господствующей церковью и старообрядчеством (в некоторые моменты кровавой, огненной, жестокой) почти не встречали фактов столкновения между народными массами, исповедующими господствующую религию и старообрядчество. Историки убеждены, что народ не усматривал никакой разницы между собой и приверженцами старины. Разница была в том, что одни прямо и открыто шли за лидерами движения, другие сочувствовали тайно, глядя на старую веру как на чистое и благодетельное житие, а на новую – как «на немощь греховную».

Дальнейшая история старообрядчества – это история религиозного творчества народа, а также влияния православия на формирование не только духовного облика, но и всего образа жизни русских людей. Удивительно, что старообрядчество, оставшись только со старыми книгами в обстановке гонения на него, приобрело особое, глубоко культурное значение.

При общей низкой грамотности, типичной для XVII в., при весьма ограниченном количестве книг церковная книга была редкой гостью в частных домах. Однако применительно к старым книгам старообрядцев это положение оказалось неверным, так как они из храмов переселились в частные дома приверженцев старины, которые всякими способами, «не щадя ни сил, ни умения, ни средств, старались приобрести гонимые книги, припрятать их и сохранить. И почти вся русская старопечатная и древнеписьменная литература чрезвычайно быстро распространилась среди русского народа, преимущественно среди низших его классов – купечества и крестьянства. Это явление очень важно и может считаться почти единственным в истории. Оно означает, что почти все монастырские и церковные библиотеки поступали в свободное обращение среди народных масс»³⁵.

Попад в частные дома, книги способствовали росту грамотности старообрядцев (хотя школьного образования не было). Произошло чисто народное, стихийное распространение грамотности, о котором свидетельствуют старообрядческие акты конца XVII в.

«Эта грамотность при почти сплошной безграмотности низших православных классов, – пишет Сенатов, – провела в то время яркую разделительную черту между православием и старообрядчеством. В то время, когда господствующее церковное правительство вынуждено было издавать законы, запрещающие венчаться не знающим мо-

---

возникла огромная школа специальных переписчиков поморского письма. Эта «переписная мастерская» изготовляла книги чрезвычайно быстро и в большом количестве, заменила настоящую, хорошо обставленную типографию, выпускающая книги больше, чем Московская патриаршая типография.

³⁵ Там же. С. 31.

литву «Отче наш», старообрядцы знали все употребительные молитвы и даже Часовник, Псалтырь и весь основной круг богослужения... черпая свои знания исключительно из старых книг, не содержащих ни невежества, ни грубых языческих суеверий. Старообрядцы давно-давно покончили с народными суевериями: колдуны, заговорщики среди них явление исключительное. Эта же самая грамота дала старообрядцам и экономический достаток: лучшие плательщики господского оброка, откупившиеся на волю, были в большинстве своем старообрядцы. И в московском районе, на Волге, Дону, Урале, на Севере между господствующими и старообрядцами главное бытовое различие состояло в том, что у православных избушки на курьих ножках, а у старообрядцев – избы с мезонинами, промыслы местные и отхожие и фабрично-заводская промышленность»³⁶.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод: самый важный аспект раскола, значение которого для Русской церкви едва ли можно переоценить, состоял в том, что церковь стала зависеть в выполнении своих реформ от принудительно навязанной ей поддержки со стороны государства. Таким образом, был расчищен путь для Петра I, который в начале XVIII в. упразднил патриаршество, символ церковной независимости, и заменил его так называемым Святейшим Синодом, фактически государственным учреждением.

6.3. Русская церковь (синодальная форма) в светском управлении. Петр I в великих деяниях

*Великий Петр был большевик, замысливший
Россию перебросить склонениям и нравам вопреки
за сотни лет, к ее грядущим далям.*

М. Волошин

Возникшая синодальная форма организации Русской церкви внесла серьезные качественные изменения в религиозную жизнь общества, хотя «господство синодальной церкви признавалось как старинная традиционная декоративная часть, придающая особый блеск императорскому двору»³⁷. Синод был признан восточными патриархами, и сакраментально-иерархическая структура не была повреждена. Поэтому суть этих преобразований не в формально-канонической ее стороне, а в реальном положении,

³⁶ Сенатов В.И. Указ. соч. С. 60.

³⁷ Там же. С. 36.

в которое церковь была поставлена как один из государственных департаментов. Именно это реальное положение церкви и ее влияние на религиозно-духовную жизнь российского социума нашли свое отражение в работах представителей русской философской мысли. Кроме синодальной церкви, все остальные ветви православия, особенно старообрядцы³⁸, подвергались преследованию, хотя отношение к западным христианским концессиям (в частности протестантской) было лояльным. Этот сложный вопрос в социологическом (не в богословском) аспекте в очень сжатой форме мы рассматриваем на основании мнений выдающихся русских религиозных философов и мыслителей: Соловьева, Зеньковского, Г.В. Флоровского, Розанова, Бердяева и др. В их работах звучат три основные темы: протестантские корни и использование российскими императорами синодальной церкви в политических целях; омертвление и формализация жизни внутри самого клира; оторванность от паствы, — приведшие к кризису синодальной церкви в конце XIX в.

Главный теоретик церкви при Петре I Феофан Прокопович считал, что государство должно быть основано на нераздельной и неоспоримой верховной власти на земле, иметь все права, включая право толковать божественные законы. Любую другую государственность он отвергал, поскольку в этом случае у народа,

---

³⁸ Еще при Алексее Михайловиче старообрядцы были названы невеждами, причислены к преступникам против церкви и государства и были обречены на церковное и царское наказание. При Петре I этот взгляд укрепился, так как в его глазах старообрядцы были противниками всего нового, что ломало вековые устои русской жизни. Карательные экспедиции против старообрядцев были постоянным явлением. Отсюда их бегство на берега Белого моря, в дремучие (брянские) леса, на запад — в Польшу, на юго-запад — в Галицию, Румынию, Австрию, Турцию, на восток — в Сибирь и на юг — на Кавказ. Это бегство повсеместно сопровождалось освоением ранее безжизненных мест, т.е. способствовало расширению государства. Но и эта их деятельность была только поводом к обвинениям. Старообрядческий вопрос был решен положительно только императором Павлом I, который разрешил старообрядцам иметь священников для совершения богослужения и треб по старым обрядам. Во времена Николая I положение меняется в худшую сторону: возникает идеология, которая предполагала, что полнейшее уничтожение старообрядчества предопределено Богом. Такое отношение к старообрядчеству было освящено митрополитом Филаретом. Именно тогда старообрядчество стало признаваться преступлением как с церковной, так и государственной точки зрения. Староверы составляли в некоторых районах Северной России половину населения, а общее число староверов и сектантов в 1840 г. оценивалось на уровне 9 млн человек.

«простых и доверчивых людей», могло бы возникнуть заблуждение, что существует «надежда на церковную поддержку их бунтам и антигосударственному поведению». В «Духовный Регламент» Феофан Прокопович перенес все основные принципы протестантизма, вручив земному государю «духовную регалию». «В ней основанная двусмысленность отношений между Церковью и государством, отравившая одинаково и государственное и церковное сознание», – пишет Соловьев³⁹. Устранение патриаршества и учреждение Синода подорвали роль церкви, соединявшей общины и районы страны не по административно-государственной горизонтали, а по сакральной вертикали.

Церковная реформа Петра I подчинила церковь государственному управлению, патриаршество было упразднено, управление церковью стало одной из функций специального правительственного департамента (духовной коллегии) – Святейшего Правительственного Синода (сначала его возглавлял президент, затем обер-прокурор). Петр сделал это, руководствуясь теми же целями, что и Генрих VIII в. в Англии: поставив церковь под строгий государственный контроль, дисциплинировать ее и сделать пригодной для выполнения государственных задач. Такой светский подход к проблеме отношений между церковью и государством, постоянный страх перед массовыми беспорядками были близки к идеям многих европейских протестантских мыслителей того времени, особенно Томаса Гоббса. Как же реализовали в дальнейшем российские монархи «эту духовную регалию» с точки зрения русского православия, особой ветви восточного христианства, на которой сложилась и сохранила свою самобытность эта цивилизационная структура?

Екатерина II завершила подчинение церкви государству, отняв громадные церковные владения. Служителей церкви, которые протестовали против этих мер, отстраняли от должностей и подвергали репрессиям. В последней трети XVIII в. «было уничтожено четыре пятых русских монастырей... Из 732 мужских монастырей (не считая юго-западного края) оставлено 161, из 222 женских – всего 39... Это был сокрушительный удар по всей исторической системе религиозно-нравственного воспитания русского народа»⁴⁰. Постановления Екатерины II лишили церковный приход автономии, так как священник

³⁹ Соловьев В.С. О духовной власти в России. Т. 3. С. 233–234.

⁴⁰ Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины // Записки историко-филологического факультета Петербургского университета. Петроград, 1917. С. 10.

перестал выбираться приходом, а назначался епархией с одобрения помещика. Тем самым община утратила свой сакральный характер как община православных христиан, все больше выступая как фискально-податный институт. В этот период был принят указ, запрещающий церковным служителям оформлять челобитные жалобы на помещиков. Этим был нанесен непоправимый ущерб и моральному статусу священников, что привело к сочинению хулительных сказов, а во время революции – к физической расправе над ними. При этом Екатерина II использовала православные идеи «Москва – Третий Рим – наследница Византии» в политических целях.

Павел I, хотя и признавал моральное значение церкви, рассматривал ее как подчиненную ему структуру, заявив в 1797 г.: «Царь является главой церкви». Но какой Церкви? На этот вопрос не смог бы ответить самый сведущий богослов. Для Павла I, бывшего приором Мальтийского ордена святого Иоанна Иерусалимского, идеи великого предназначения России и представления Ордена о братстве народов и религии сливались в единый причудливый клубок, далекий от русского православия.

При Николае I положение о том, что царь является главой церкви, вошло в свод законов Российской империи. Церковная жизнь в его царствование приобрела новые качества. Этому способствовало совпадение жизненного кредо двух личностей, определявших жизнь страны: Николая I, введившего строго систематический порядок во все жизненные явления, и митрополита Филарета, человека гениального ума и железной воли, монаха-аскета и государственного деятеля, подчинявшего церковную жизнь строгому порядку. О формальном характере синодальной Русской церкви тех времен ярко пишет Сенатов: «Совершенством жизни казался именно логический распорядок, математическое распределение людей по отдельным клеткам, составляющим в своей совокупности необыкновенно замысловатую и чрезвычайно красивую фигуру. Душой и живым свидетелем этого великого дела является знаменитый катехизис митрополита Филарета. Эта всем известная книга удивительна по сочетанию религиозных истин с правилами государственной бюрократической мудрости... Высочайшие богословские истины и глубочайшие нравственные правила в катехизисе Филарета излагаются так, что непосредственно из них вытекает и честь мундира, и маршрутка по стройной команде, и святость рабства⁴¹... Государство и церковь иначе и не мыслились, как только необычайно стройным и бесконечно великим взводом. Взвод этот представлялся словно роскошная картина, обрамленная с обеих флангов начальниками в живописных костюмах: с одной стороны в гражданских и военных мундирах, с другой – в церковных облачениях»⁴².

⁴¹ Митрополит Филарет даже на закате своих дней считал крепостное право произошедшим от Бога, выражающим высший разум. Филарет благословил идею рассматривать старообрядчество как преступность не только с религиозной, но и государственной точки зрения.

⁴² Сенатов В.И. *Философия и история старообрядчества*. С. 36.

Даже Александр III, которого выделяют как истинно «русского императора»⁴³, не обратил внимания на состояние православной Церкви. Он не усмотрел тревожного омертвления, не дал импульс к оживлению церковного организма, не протянул руку помощи униженным сельским священникам и их бедственному положению, оставив церковь, а с ней и народное православие, в тяжелом положении и кризисе, хотя еще не всем ясном тогда⁴⁴.

Царствование Николая II, при всей его религиозности и парадных церковных действиях, характеризуется почти полным параличом Синодальной церкви и мрачной фигурой обер-прокурора Победоносцева и зловещей Распутина. (Об этом подробнее ниже.)

Синодальная форма Русской церкви и ее подчинение светской власти внесли существенные изменения во внутреннюю жизнь самого клира, на что обращают особое внимание почти все русские религиозные философы.

Петр I не только ликвидировал патриаршество, но и прекратил созывать священные соборы, т.е. «заморозил» внутреннюю жизнь церкви. «Она должна искать его у того же светского правительства, обладающего материальным могуществом, но для этого нужно отказаться от своей независимости, пойти в услужение светской власти. ...Вместо того, чтобы поучать и руководить мирским правительством в истинном служении Богу и Земле, она сама как бы пошла в услужение этому правительству... и, наконец, принуждена была надеть государственный мундир»⁴⁵.

Это относилось прежде всего к высшим иерархам церкви, выходцам из Могилянской академии, которая стала общерусским центром подготовки высшего духовного образования, большинство иерархов долгое время были питомцами этой академии. Образованные высшие церковные деятели свободно владели латинским и греческим языками, в богословских вопросах мыслили западными католическими и протестантскими категориями, но плохо говорили по-русски. «Ученые архиереи высшего ранга, выходцы из Могилянской академии не были знакомы с бытом, умственными

⁴³ Царствование Александра III сопровождалось практикой преследования религиозного инакомыслия (староверов и сектантов). Им был фактически отказано в легальном статусе, и они вынуждены были уйти в подполье, хотя в отношении католиков и лютеран (наиболее многочисленных протестантов) в России такого репрессивного режима не наблюдалось (они имели законные религиозные формы организации – церковь, собственность и т.д.).

⁴⁴ *Зеньковский С.А.* Русское старообрядчество. Духовное движение семнадцатого века. С. 56.

⁴⁵ *Сенатов В.* Указ. соч. С. 65.

и государственными воззрениями своей паствы, поэтому не могли оказывать на них живительно-просветительского воздействия... Кроме того, связанные бюрократическими началами с верховной имперской властью, они постоянно отвлекались ради этих дел от народных запросов. Их ученость проявлялась в официальных бумагах и официальных речах, не отражая интересов не только народа, но даже подчиненного духовенства»⁴⁶. Отсюда формализация религиозной жизни, нежелание вступать в живое общение с верующими. «Принуждали ходить в церковь, но без всякого участия живой мысли; допускали строить храмы, но по мысли начальствующих. Церковь созидалась не как живое общество, чувствующих и думающих, а как красивый мертвый механизм. Она выкристаллизовывалась как драгоценный, но бездушный камень. Всякая живая мысль, всякое живое верование рассматривалось как нарушение этого искусственного строительства»⁴⁷.

Церковь рассматривалась только как духовенство, правительственное сословие, не подлежащее никакому воздействию со стороны верующей массы. «Взгляд этот укрепился, вошел в жизнь, сделался духом и плотью правящих сфер, включительно до последнего чиновника, с одной стороны, и сельского дьячка – с другой. Он как нельзя более соответствовал общему бюрократическому строю, даже больше – являлся душой этого строя и его высшим освящением»⁴⁸. Этот взгляд в литературе 50-х годов XIX в. назвали византийской формой мышления и характеризовали как охранительство официального вероисповедания от всего, что могло дать какой-либо намек на участие народной мысли в церковной жизни.

Возник громадный разрыв между элитарным положением высших иерархов церкви и подавляющей массой духовенства. Более того, оно стало подчиненным сословием, не имея ни образования, ни финансовой самостоятельности, чтобы сохранять особое положение в духовном отношении. Оно стало замкнутой социальной группой, поскольку у сыновей священников практически не было иного выбора, кроме продолжения образования в духовной семинарии и следования по стопам отцов. Высокая культура и политика того времени были в значительной степени секуляризованы, интеллектуальная элита считала священников людьми

⁴⁶ Там же. С. 85.

⁴⁷ Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. С. 86.

⁴⁸ Сенатов В. Указ. соч. С. 94.

менее образованными и занимающими более низкое положение, распространяющими предрассудки на потребу плебеям. Низшее духовенство было удручено бедностью, а в селах выполняло тяжелые полевые работы. Бедность не давала священнику возможности выделиться из паствы своими учительскими способностями, что было одновременно причиной формального отношения к религии.

Однако, несмотря на падение морального авторитета церкви, и в XVIII в. она была жива. Доказательством этого было житие ее праведников. Не случайно в наиболее тяжелые годы появился такой выдающийся человек, как Тихон Задонский, который одним из первых поднял голос против крепостного права. В XIX в. преподобный Серафим Саровский, Феофан Затворник, Амвросий и Макарий Оптинские уподобляются святым, которыми так богата была Русская земля в предыдущие столетия⁴⁹. Выдающиеся старцы Русской церкви чистотой своей моральной жизни оказывали большое влияние на прихожан из высших и низших слоев общества. Старцев монастыря Оптиная пустынь посещали Н.В. Гоголь, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский.

К концу XIX в. в Русской православной церкви некоторые верующие поставили вопрос о созыве общецерковного собрания (собора) для освобождения церкви от руководства государства и проведения внутренних реформ. Они добивались права собраний для самоуправления, которое имела церковь до петровских преобразований, выступали за восстановление института патриаршества. Однако собор до революции 1917 г. так и не был созван, и Русская церковь продолжала оставаться под официальным контролем правительства. Это значило, что «Святой Русью, до сих пор видящей себя единственной хранительницей правильной веры, управляли абсолютно светским образом, превосходя в этом большинство протестантских церквей, в результате чего возникла почти агрессивная светская культура». К духовному кризису общества в конце XIX в. мы вернемся в конце этого раздела, предварительно рассмотрим влияние Синодальной церкви на основные страты российского социума в XVIII и XIX вв.

Дадим общую характеристику Петра I как императора, который взял на себя ответственность за разрушение традиционных форм Русской церкви и изменение в связи с этим глубинных рели-

⁴⁹ Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 3. М., 1995. С. 36.

гиозно-духовных основ русской цивилизации. «Вестернизация» страны – как основная цель петровских преобразований для укрепления «российского величия», т.е. великодержавного, чисто военного могущества – заслоняла метаисторическую идею московской государственности, а привычные слова о «православном» царе выродились в мертвую риторическую фигуру⁵⁰.

Историки сходятся во мнении, что из числа правителей России за 300 лет крупнейшей фигурой был Петр I, и по значению и масштабу личности никого нельзя сопоставить с ним.

Синодальная церковь причислила Петра I к лику святых, староверы считали его Антихристом. Все отмечают величие и громадность его деяний и личное служение России в тех формах деятельности и поступков, которые он считал благом для России. Петр работал во имя будущего России, движимый чувством долга и решимостью, всем сердцем служил отчизне в меру своего понимания ее нужд «живота своего не жалеть для Отечества». Суть векового спора историков и социологов состоит в том, что перевешивает в деяниях Петра I – созидание или разрушение, рассматриваемые в аспекте интересов России в долгосрочном плане.

Созидательную сторону деятельности отмечают почти все ведущие русские историки. Ключевский, Соловьев, Вернадский указывали, что Петр преуспел в совершении великих дел, создав первоклассную армию, военно-морской флот, лучшую государственную канцелярию, Академию наук. На Петра Европа воздействовала превосходством своей денежной системы, привлекательностью и соблазнами своей техники, своих товаров, самой своей силой. Вместе с тем им владело чувство отрицания внутреннего потенциала саморазвития России на базе сложившегося в XVI–XVII вв. экономического строя – эта догма впоследствии довлела над русской общественной мыслью в течение столетий с ее основным тезисом «догоняющего развития». «У Петра I всегда были наготове две основы его образа мыслей и действий, прочно заложенные еще в ранние годы под неуловимым для нас влиянием: это неослабное чувство долга и вечно напряженная мысль об общем благе отечества, в служении которого состоит этот долг... Никогда не покидала Петра мысль об отечестве; в радостные и скорбные минуты она ободряла его и направляла его же действия, и о своей обязанности служить отечеству чем только можно он говорил просто, без пафоса, как о деле серьезном, но естественном и

⁵⁰ Андреев Д.Л. Роза Мира. С. 334.

необходимом»⁵¹. И он служил своей миссией так, как понимал, взяв за образец «пригожую Европу» (Блок). Петр I в силу целого ряда обстоятельств личного характера (детство, первые годы соцарствования со слабоумным братом и властной Софьей) полностью отвергал весь российский опыт, взяв за основу модель общественного развития Запада. А.С. Хомяков писал: «Много ошибок помрачают славу преобразователя России, но ему остается честь пробуждения ее к силе и к сознанию силы»⁵². Вероятно, великий философ не совсем прав, так как сила сама по себе не является созидательным фактором истории. И не случайно, что впоследствии Россия своей силой обслуживала не столько интересы своего народа, сколько династические интересы европейских государств. (К этому вопросу следует вернуться в контексте геополитических угроз для стабильности России со стороны Запада.)

На *разрушительную* сторону деятельности Петра I обращают внимание многие историки, социологи и философы, подчеркивая, что он последовательно уничтожал, разрушал русское общество, которое сложилось после Смутного времени и развивалось почти весь XVII в. Старая московская, национальная, демократическая Русь, политически стоявшая безмерно выше современных ей государств мира, петровскими реформами была разгромлена. Были упразднены и самостоятельность Церкви, и народное представительство, и суд присяжных, и гарантии неприкосновенности личности, и русское искусство, и даже русская техника: до Петра Москва поставляла всей Европе наиболее дорогое оружие», — пишет Солоневич⁵³. «За 36 лет его правления, с 1689 по 1725 год, будет уничтожено многое, что поднималось весь долгий XVII век, — ростки рыночной экономики, начатки личной свободы человека, разработанный свод законов, проекты освобождения крепостного крестьянства... Дума, существовавшая с X века, упразднена. Личная свобода уничтожена во всех

⁵¹ Ключевский В.О. Исторические портреты. С. 196–197.

⁵² Хомяков А.С. Работы по историсофии. Т. 2. М., 1994. С. 460.

⁵³ Солоневич И. Народная монархия. С. 351. После смерти Петра обнаружился большой беспорядок и рутина в военном и морском деле. Артиллерия потеряла свою прежнюю маневренность, в пехоте принижали значение штыкового боя и прививалось слепое подражание господствующей в Европе линейной тактике. Строительство флота почти прекратилось, много кораблей не было укомплектовано личным составом и гнило на приколе в гаванях. Характерно, что большинство русских товаров из балтийских портов вывозилось на английских и голландских судах.

слоях, в обоих оставшихся общественных классах», — отмечают современные политологи⁵⁴.

Реформы Петра были обусловлены его борьбой с традициями народа, отсюда восприятие Петра как антихриста, самозванца. Действительно, преобразования Петра трудно назвать реформами, а Петра — реформатором. Реформатор считается с прошлым и в подготовке будущего смягчает переходы. Петра справедливо называют революционером. Его преобразования шли в глухой и упорной внутренней борьбе, не раз шумно прорывавшейся (четыре страшных мятежа и несколько заговоров) — все выступали против нововведений. Отсюда враждебное отношение Петра к отечественной старине и народному быту. Выдающийся русский мыслитель К. Леонтьев указывал, что в деятельности Петра необходимо различать две стороны: государственную деятельность и деятельность, направленную на изменение в быте, нравах, обычаях и понятиях русского народа. И если первая деятельность заслуживает вечной признательной памяти и благословения потомства, то деятельностью второго рода Петр принес величайший вред будущности России, вред, который так глубоко пустил свои корни, что до сих пор разъедает русское народное тело.

«По этой причине и его почитатели, и его противники считали его человеком, лишенным русской души, — пишет Вернадский. — Но со всем его ярко выраженным неприятием русских традиций и привычек Петр был истинно *русским* — той самой динамической вариацией национального типа, к которой принадлежали купец Кузьма Минин, патриарх Никон и казак Степан Разин»⁵⁵. Стремление к правде, к истине выделил Л.А. Тихомиров, давая характеристику Петру как русскому человеку. «Он растерялся в понятиях о правде. Но он не потерял любви к истине, он хотел жить не «своим», а тем, в чем «правда», настоящая правда. Он готов был откинуть все свое, если оно не есть истина... И вот в этом-то и был верен себе, своему величайшему достоинству, которым русский обязан православию. Петр был величайшим выразителем русского человека в этой решимости жить только истиной, хотя бы была «алюторская», голландская, какая угодно. Он готов был отречься от всего, в чем не видел истины, и прилепиться к чему угодно, если усматривал в нем истину»⁵⁶.

⁵⁴ Мединский В. Мифы о России. С. 471–472.

⁵⁵ Вернадский Г.В. Русская история. С. 154.

⁵⁶ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб., 1992. С. 292–293.

Очень интересно рассматривает личность Петра I Андреев в метаисторическом аспекте как деятеля, который руководствовался в своей деятельности инспирацией сил Инобытия, задачами или Божественными Вызовами. «Насколько можно отслоить в личности и деяниях Петра эту задачу... насколько она вообще выразима в человеческих понятиях, задача эта обрисовывается в следующем виде: России суждена всемирная миссия, смысла которой императору знать не дано. Он должен быть уверен лишь в одном – в ее мировом характере. Его персональная задача сводится к тому, чтобы повернуть сверхнарод на путь, ведущий из прозябания и национальной замкнутости на простор человеческого общения. При этом народ русский надлежит ввести в круг передовых народов не в качестве сателлита или младшего исторического партнера, а в качестве великой державы, которую другие народы вынуждены будут принимать всерьез с самого начала. Такой поворот возможен только при условии, если Россией будут восприняты объективные начала соседней старшей культуры, ибо эта культура – одна из двух, сумевшая расторгнуть аристократически сословную ограниченность внутри себя и локальную ограниченность по отношению к остальному миру. Для того же, чтобы такой поворот был осуществлен и результаты были прочны, требуется полное преобразование внутри: оно упразднит боярство как правящую группу, показавшую свою неспособность быть на уровне задач, и передаст ведущую роль дворянству и среднему классу»⁵⁷. Андреев убежден, что на личность Петра оказали воздействие темные силы, которые частично закрепились в российской государственности как «монгольский след», обуславливая в его деятельности тираническую тенденцию. Им «удалось переразвить суровую твердость, необходимую и неизбежную в положении Петра, в неумолимость; внутреннюю свободу от авторитета – в свирепую лютость ко всяким авторитетам прошлого; прямолинейную преданность своей идее – в ненависть ко всему, что ему казалось бесполезным, т.е. чего нельзя было обратить на пользу его идее, а стихийный размах – в бесконтрольную чувственность и непомерную грубость. Ирония переросла в склонность к глумлению. Утилитарность мышления выхолостила эстетические начала натуры, введя его в два русла: русло артистического отношения к ремеслам и русло ремесленного отношения к искусствам. А в проявлениях жестокости стал порой различаться явно садистский оттенок»⁵⁸.

⁵⁷ Андреев Д. Л. Роза Мира. С. 326.

⁵⁸ Там же. С. 327.

Верный своей основной мысли, что тирания – признак слабости государства, приводящий только к отрицательным последствиям для развития цивилизации (кстати, эту мысль разделял и Тойнби), Андреев делает вывод: «Из этих качеств проистекали те промахи государственной мысли, которые привели Петра к деяниям, с точки зрения метаистории, также и истории ошибочным и вредным: к не оправданной ничем жестокости в отношении бояр, стрельцов, раскольников, собственного сына. А главное – собственного народа, приносившего замыслам своего царя жертвы, мало сказать огромные, но даже иногда не вызывавшиеся необходимостью, к слепому непониманию исторической потребности обеспечить рост, а позднее и ведущую роль среднего класса... ошибка, имевшая для будущего воистину роковое значение; к насилию над Церковью, в результате которых она после Петра оказалась, по выражению позднейших мыслителей, в параличе; к пренебрежению интересами крестьянства, что повлекло за собой упрочение крепостного строя и на века затормозило культурное развитие основного по численности класса российского общества; и, наконец, к воцарению в стране той атмосферы террора, обесценивания личности, которая надолго пережила Петра и сделалась атрибутом самодержавия в ряде последующих эпох»⁵⁹.

Но самое главное в негативной деятельности Петра: его преобразования, начавшиеся с реформирования исторически сложившихся форм Русской церкви, вызвали разрушение религиозно-духовной основы русской цивилизации и крепостное право, приведшее к невиданной растрате жизненного потенциала народа. Так начался особый период в развитии русской цивилизации, когда духовные устои России начали ослабевать, что медленно вело к надлому. Именно в этом ключе мы будем анализировать все процессы и особенности русской цивилизации в третьем многовековом цикле ее развития, охватывающем XVIII и XIX вв.

6.4. Религиозно-духовный и культурный раскол общества в условиях синодальной Русской церкви, его обострение к концу XIX века

Прорубая «окно в Европу» и используя православные традиции прошлого в геополитических целях, Петр I менял тысячелетнюю религиозно-духовную ориентацию, превращая Московское

⁵⁹ Там же. С. 234.

царство в «Российскую Европию», но не российскую Евразию. По официальной легенде, происхождение Санкт-Петербурга Петр вел не только от Рима, но и от Новгорода. Этой трактовкой он поддерживал исконное право на невскую землю и объявил покровителем Петербурга канонизированного Русской церковью новгородского князя Александра Ярославовича, за победу над шведами прозванного Невским. Перенесение его мощей и создание Александроневской лавры, второй после Петропавловского собора святыни, означали для новой столицы связь и преемственность с Русской землей, существовавшей в древности. При Екатерине II мысль о России как преемнице Византии оживает, она имеет грандиозные замыслы в отношении Константинополя, который должен стать русским⁶⁰. В Новороссии основан город Екатеринослав (теперь Днепропетровск) «по образцу Афин».

Надо согласиться с тем, что в начале XVIII в. Петром I был запущен процесс политической и культурной модернизации страны, если использовать его узкую трактовку, сводя процесс к курсу «европеизации общества», включая насильственные меры по внедрению европейской моды и одежды⁶¹. В новой столице Санкт-Петербурге он потребовал от своего дворянства следовать европейской моде во всем: от образования до одежды. Чрезвычайно дорогой подарок, который принесло в Россию «открытое окно в Европу», был связан с изменением образа жизни верхних слоев русского общества. Александр Воронцов в памятной записке русскому правительству пишет о «европейском вторжении, о некоей аккумуляции, которая изменила образ жизни и образ мысли не только аристократии, но и определенного слоя русской буржуазии и всей интеллигенции, которая тоже строила новую Россию»⁶².

---

⁶⁰ Ивану II женитьба на Софье Палеолог давала исключительное право претендовать на всю территорию православной Восточной Римской (Византийской) империи «временно», как тогда полагали, захваченную нехристианами.

⁶¹ В этом отношении наиболее характерны внедрение в российский быт европейской моды и борьба Петра против «бородачей». В каком-то отношении это напоминает действия маньчжур в Китае. Маньчжуры как завоеватели требовали от китайского населения в знак покорности выбривать часть головы и носить косу. Китайцы боролись против этого унижительного требования. Маньчжурские власти приказывали на месте рубить голову всякому сохранившему волосы. В России к таким методам прибегал сам православный царь.

⁶² *Воронцов А.П.* Судьбы капитализма в России. СПб., 1882. С. 214.

Начиная с петровского периода, надлом в религиозной сфере отразился на характере культурного развития страны, где на протяжении значительной части XVIII в. царили хаос и смятение, так как основные страты и политические силы исповедовали разные духовные ценности.

В рамках синодальной церкви происходит обособление духовного мира властвующей элиты. Дворянство и другие правящие слои общества, остававшиеся в рамках официального православия, стали постепенно проникаться равнодушием к тем религиозно-духовным ценностям прошлого, на которых и образовалась русская цивилизационная структура. Это создало почву для восприятия иноземного влияния. Причем в России дворянство (творческое меньшинство) было не только носителем функций государственного управления⁶³ (как это имело место в любых государственных структурах), но и посредником в цивилизационных контактах с Западом. Это «посредничество» обернулось сначала прямым подражанием Европе. «Через ставшее нарицательным “окно”, прорубленное в стене, разъединявшей Россию и западноевропейскую культуру, в страну нарастающим потоком хлынули различные зарубежные новшества – немецкие, шведские, голландские, французские, английские. Первые результаты этого воздействия были ошеломляющими. В малом кругу образованных русских многие потеряли душевное равновесие. Результатом была либо рабская имитация заграничных стереотипов, доведенных до крайности, либо чрезвычайная смесь новых идей и старых привычек. За исключением немногих, в интеллектуальном и моральном облике людей этого периода не было ни стабильности, ни оригинальности.

Кажется, что вместе с европейской одеждой русский дворянин впервые родился на свет и были забыты века, в течение кото-

---

⁶³ При этом повышался уровень образования дворян. Еще со времен Петра I потребность в офицерах для армии и флота вызвала создание в 1700 г. Морской академии. В 1730 г. для подготовки офицеров возник кадетский корпус для детей дворян. В 1755 г. в Москве был основан первый университет (профессора в нем были преимущественно немцами), который имел при себе две гимназии: одну для детей дворян, другую – для всех остальных. В 1811 г. в Царском Селе открыт императорский лицей для детей дворян. В 1835 г. в Санкт-Петербурге открылась Императорская школа юриспруденции (многие из тех, кто готовил судебную реформу 1864 г., были выпускниками этого института). В 1828 г. был создан Технологический институт в Санкт-Петербурге, а затем Институт в Москве (1844 г.).

рых этот класс складывался и воспитывался в старой Москве на деле Государевом», – пишет Ключевский⁶⁴.

Восприняв начала западного Просвещения, образованная дворянская элита все дальше отходила от русского православия и, находясь под западным влиянием, постепенно меняла свои духовные ориентиры. Сначала при Петре I это были протестантские формы христианства, затем – идеи эпохи Просвещения (конституционного правления, гражданского равенства и личной свободы). Екатерина II сама некоторое время поддерживала распространение в России сочинений Монтескье, Вольтера, Дидро и других энциклопедистов. И хотя у нее первоначальный энтузиазм по отношению к идеям просветителей с годами уменьшился, а после Французской революции совсем исчез, тем не менее «вольтерьянство» во второй половине XVIII в. стало важной чертой интеллектуальной жизни значительной части высших кругов общества. Не случайно даже в середине XIX в. культурная жизнь России все еще была отмечена преобладанием вольтерьянствующего дворянства. Поэтому ее называют культурой дворян-землевладельцев, которая расцвела при дворе в Санкт-Петербурге, в литературных салонах Москвы и в деревенских «дворянских гнездах»⁶⁵.

---

⁶⁴ Ключевский В.О. Курс русской истории. Соч. в 8 т. Т. 1. М., 1956. С. 201–202.

⁶⁵ В этой среде рождается тип дворянина – ненужного, «лишнего» человека, о чем писал В.О. Ключевский, пытаясь выявить исторический прототип Евгения Онегина – героя романа А.С. Пушкина.

«С детства, как только он стал себя помнить, он дышал атмосферой, пропитанной развлечениями, из которой обаяниями забавы и приличия был выкурен самый запах труда и долга. Всю жизнь помышляя о «европейском обычае», о просвещенном обществе, он старался стать своим между чужими и только становился чужим между своими. В Европе видели в нем переодетого по-европейски татарина, а в глазах своих он казался родившимся в России французом. В этой среде рождался особый психологический тип дворянина XIX в. Из смешения столь разнородных вливаний и составилось сложное настроение, которое звали разочарованием... Поэзия часто рисовала его байроновскими чертами, а сами разочарованные любили кутаться в Гарольдов плащ. Но в состав этого настроения входило гораздо больше туземных ингредиентов. Здесь был и запас схваченных на лету идей с приправой мысли об их ненужности, и унаследованные от вольнодумных отцов брюзжания с примесью скуки жизни, преждевременно и бестолково отведанной, и презрение к большому свету с неумением обойтись без него, и стыд безделья с непривычкой к труду и недостатком подготовки к делу, и скорби о родине, и досада на себя, и лень, и уныние... Эта была полная нравственная растерянность, выражающаяся в одном правиле: ничего сделать нельзя и не нужно делать... В этом

Однако наиболее сильное влияние на духовную жизнь дворянства и отчасти купечества в XVIII в. оказало масонство, которое стало суррогатом Церкви. Русское масонство с идеалами Просвещения сближают неприятие религиозного фанатизма, национальной ограниченности и сословных предрассудков, неразрывность этики и философии, вера в разум и нравственный закон⁶⁶. Но по своему мировосприятию русское масонство просветительской идеологии. Русские масоны искали истинного христианства и думали, что масонство и есть истинное христианство. Большая часть русских масонов были монархистами и противниками Французской революции, но их мучила социальная несправедливость русского общества. Через масонство прошли почти все декабристы.

Во второй половине XVIII в. многие выдающиеся люди России, в том числе руководители Московского университета, входили в масонские ложи.

Приверженность русских масонов идеям справедливости, их социальная активность подводит многих исследователей к выводу, что для просвещения России в екатерининскую эпоху писатель, общественный деятель и издатель Н.И. Новиков и его сподвижники масоны сделали не меньше, чем создатели «Энциклопедии» для Франции. Масоны были первыми представителями политической оппозиции. И поэтому Новикова и его группу московских масонов, а также и Радищева с его знаменитой книгой «Путешествие из Петербурга в Москву», рассматривали как предшественников русской революционной интеллигенции более позднего периода.

Вместе с масонством и протестантством (заменившим в духовном плане правящей элите православие – оно приняло во многом официально-декларативный характер) европейское влияние одновременно с распространением моды способствовало широкому проникновению всей той роскоши, которую предлагала Европа. Он был связан с неумеренной потребностью в роскоши, на которую тратилось национальное богатство России. Роскошь стала об-

---

положении культурного межеумка, исторической ненужности было много трагизма... Заурядный екатерининский вольнодумец оставался добр и весел, не скучал и не тосковал. Тосковать будет его сын при Александре I в лице Чацкого, а скучать – его внук в лице Печорина при Николае I». *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Соч. в 8 т. Т. 2. С. 211-212.

⁶⁶ *Вернадский Г.В.* Русское масонство в царствование Екатерины // Записки историко-филологического факультета Петербургского университета. Петроград, 1917. С. 16.

разом жизни привилегированных сословий, где тон задавал императорский двор. Императорский указ строго фиксировал права каждого на пышность.

Только генерал-аншефы или особы соответствующего ранга могли запрягать свою карету шестерней при двух форейторах помимо кучера. Ступенька за ступенькой вниз – мы доходим до лейтенанта или купца, имевших право на парную упряжку, и до ремесленника или торговца, которые должны были удовлетворяться одной лошастью. Серия предписаний регламентировала также и ливреи слуг в зависимости от ранга хозяина.

Быт богатого столичного жителя формировался по образу и подобию вкусов двора, который задавал тон своими празднествами, великолепной иллюминацией на зданиях Адмиралтейства, официальных зданиях, в богатых домах.

Ход русской истории с петровских времен породил в качестве национальной сначала «имперскую идею», а затем идею «просвещенного абсолютизма», в которой будет звучать (правда, в светском варианте) тема России как преемницы византийской государственности. Но, тем не менее, за этим проглядывала многовековая идея о Третьем Риме. Это подтверждается семантикой главного политического, культурного и архитектурного памятника петровского царствования – новой столицы, получившей название святого Петра, а также возведением в столице Петропавловского собора. Можно считать, что они стали своеобразной светской модификацией идеи Третьего Рима. Но претендентом выступает теперь не Москва, а город святого Петра со столично-государственным аспектом «римской символики»: античным Римом – столицей Римской античной империи, Римом Священной Римской империи.

Национальной (государственной) идеей в имперский период ее наибольшего могущества можно считать «просвещенный абсолютизм» в противоположность «народной монархии». Его провозгласила Екатерина II, которая проводила его в жизнь, оказывая покровительство искусствам и наукам.

На смену «просвещенному абсолютизму» приходит идея «непросвещенного абсолютизма» (так называют царствование Павла I), которая привела к знаменитой триаде – «православие, самодержавие, народность»⁶⁷. «Проводимая политика дополнялась

---

⁶⁷ Автором этой идеи считают последователя Карамзина графа С.С. Уварова (его крестной матерью была Екатерина II), президента Российской академии наук, министра просвещения, одного из главных идеологов царствования

сознательно культивируемым противопоставлением России и Запада как двух противоположных культурно-исторических миров, коренным образом отличающихся по своему политическому устройству и национальным традициям, – пишет Рязанов. – Такое противопоставление было эффектно выражено министром народного просвещения С.С. Уваровым в виде формулы самобытности русской жизни, в основе которой лежат три принципа: православие, самодержавие, народность. Собственно, она не была изобретена, а была выражением рожденного во время Отечественной войны 1812 г. лозунга: За Веру, Царя и Отечество. Такая триединая формула несла в себе отголоски продолжавшейся борьбы идей. Ее символический смысл призван стать содержательной альтернативой другой знаменитой триаде – «свобода, равенство, братство», возникшей во времена Французской революции»⁶⁸.

Этой триаде, которую иногда называют официальной формулой русской культуры или русской национальной идеей, суждена была долгая жизнь. Она в той или иной интерпретации существует и в наше время. И поэтому важно понять смысловую наполненность каждого из ее составляющих и их интерпретацию рьяными защитниками и противниками этой формулы.

Православие как особая религия восточного христианства, сложившаяся в допетровский период, и его историческая форма в условиях синодальной церкви – это не одно и то же. Более того, оно содержит в себе глубокие внутренние противоречия для клира и мира, о которых говорилось выше. Абсолютистская имперская государственность, возникшая при Петре I, очень далека от тех форм самодержавия, которые породила русская цивилизация в прошлом. Ее противоречивая сущность более подробно будет рассмотрена в следующей главе, хотя здесь необходимо обратить внимание на одну ее особенность. Действительно, система государственной власти, образования и формы социального быта Рос-

---

Николая I. В современной литературе его деятельность всячески превозносят, говорят, что по его инициативе создана Пулковская обсерватория, приглашен в Россию Александр Гумбольдт, совершивший свое знаменитое путешествие в Центральную Азию, положено начало реальному образованию и восстановлена практика командирования ученых за границу. Но нельзя забывать, что именно Уваров стремился затруднить доступ к получению образования лицам недворянского происхождения, призывая усилить правительственный контроль за университетами и гимназиями.

⁶⁸ Рязанов В.Т. Экономическое развитие России XIX–XX вв. СПб., 1998. С. 31–32.

сии того времени были скопированы с европейских, в основном немецких, образцов, а правящая элита имела евроцентрический характер мышления. Но, тем не менее, некоторое отторжение Запада было, его называют *русофильством западнического* характера. У представителей царствующей династии никогда не было сомнений, что Российская империя является европейской державой, хотя и отличается от других стран континента. Главное отличие, по их мнению, состояло в том, что сочетание самодержавной формы правления с воспитанным православной церковью отношением народа к царю позволяло сохранять единство власти и общества и противостоять пагубным влияниям Запада. В этом, собственно, и проявлялся элемент антизападничества, которое проступало лишь при обострении государственной конфронтации с западными странами, например с Англией и Францией, в период очередного польского восстания, с Австрией и Пруссией по поводу Османской империи и положения славян в ее владениях.

Провозглашение известной формулы «православие, самодержавие, народность», по сути дела, ничего не меняло в этой системе взглядов. В рамках этого мировосприятия родилось понятие «народность». Сразу обратим внимание, что этим термином обозначалась определенная часть российского социума – низшая. Когда и почему она появилась, распространившись на эту страту общества? Попытаемся ответить на этот вопрос в контексте с важными историческими событиями начала XIX в. Многие историки полагают, что громадную роль в этом переломе сознания сыграла Отечественная война 1812 г. Патриотический подъем всех классов и социальных групп страны, признание определяющей роли народа в этой победе породили такое сугубо русское явление, как декабризм. Для XVIII в. общечеловеческое и национальное соотносилось как главное и второстепенное, в XIX в. – это ключевые понятия общественного сознания. А.И. Герцен отмечал, что царствование Александра I и 14 декабря 1825 г., по сути, завершили петровский период русской истории, с которым ушло в прошлое представление о просвещенном абсолютизме как идеальной форме правления. Восстание декабристов примечательно не только проявлением исчерпанности союза просвещения и власти. Оно стало первым общественным движением, означавшим появление новой этики, связывающим понятие гражданского долга со служением народу.

С ним окончилось единство государственного самосознания просвещенной части общества, что стало причиной разрыва сою-

за самодержавия и некоторой части интеллигенции. «Мы стали гражданами мира, но перестали быть в некоторых случаях гражданами России. Виною Петр», – писал А.С. Пушкин. В этих условиях самым острым и требующим немедленного решения стал вопрос об отношении к народу, к народной жизни, народной истории. Оно затронуло, но по-разному, все страты правящего слоя. «Оба крыла нашего правящего слоя, и правое, и левое, искали идейных опорных точек где угодно, но только не у себя дома. Правое крыло базировалось на немцах-министрах и немцах-управляющих, оно нуждалось в дисциплине, которая держала бы массы в беспрекословном подчинении. Левое крыло обращало свои взоры к Французской революции и черпало оттуда свое вдохновение. Центр пытался копировать Англию, забывая о том, что для английского государственного строя нужно и английское островное положение. Так шла история, «русская общественная мысль», русская история, но без России», – делает вывод Солоневич. Народ рассматривался как объект, а не субъект истории, так как начиная с петровских времен народ был «отлучен» от возможности приобретать знания и образование, которые были привилегией только правящих классов⁶⁹. Только образованное меньшинство⁷⁰ закрепило за собой монопольное право выступать ретранслятором традиций и право отбирать их. Сам же народ оказывается лишенным такой способности, ему остаются лишь «быт» и «этнография».

Широкие слои крепостных не имели возможности получить образование, хотя распространение образования в России было жизненной необходимостью. Но при этом ощущалось сильное опасение власть предержащих за конечный результат образовательного процесса. Оно стала особенно сильным при Николае I, когда был взят курс на исключение представителей низших сословий из университетов и вообще верхних подразделений образовательной

⁶⁹ Необходимо вспомнить традиции русского общества. Грамотность в Киевской Руси была сравнительно широко распространена. В Древней Руси было много грамотных не только среди знатных людей и духовенства, но и в низших слоях, много грамот написано женщинами. В монгольский период эти традиции сохранились в Поморье. В постмонгольский период эти традиции медленно восстанавливались в Московском царстве – в конце XVII в. существовали только начальные школы, где обучение вели дьяки и пономари, лишь в некоторых случаях – светские учителя. Основами обучения было чтение и письмо. Эти школы готовили будущих дьяков и священников, а также мелких правительственных служащих.

⁷⁰ Эти идеи доминируют в работе Милюкова П.Н. «Интеллигенция и историческая традиция». М., 1991. С. 358–360.

системы. Имперской бюрократии казалось, что необходимо принять особые меры предосторожности, чтобы новые идеи, которые могут прийти с просвещением, не подорвали бы лояльность народа к имперским институтам.

Поэтому рожденная в начале XIX в. идея «православие, самодержавие, народность» переживала ренессанс во второй половине XIX в. Ее возрождение в большей мере было связано с политикой, которую определял и вдохновлял К.П. Победоносцев, ставший символом реакции⁷¹.

Историки пишут, что Победоносцев был более чем реакционным государственным деятелем – он был философом реакции. Поэтому его личность, начиная с психологической характеристики, оставила след в произведениях многих философов и писателей, полагавших, что все его действия определялись глубоко ущербными мотивами. «Он веровал не от исполнения сердца, а от испуга», – писал Г.В. Флоровский. Розанов укорял Победоносцева в одном из смертных грехов – унынии. «Победоносцев верил в Бога, – замечал Бердяев, – но эту свою веру не мог перенести на свое отношение к человеку и миру. Этот призрачный, мертвенный старик жил под гипнозом силы зла, верил в зло, а в добро не верил. Добро считал бессильным, жалким в своей беспомощности». Блок в своей поэме «Возмездие» дает злоедейский образ обер-прокурора как всемогущего колдуна, гипнотизирующего Россию, навевающего на нее сон и мглу. Однако даже враги Победоносцева признавали, что в своей деятельности он был лишен корыстных целей, руководствовался благими намерениями – как он их понимал. «Каким образом человек столь замечательного ума и образования, – восклицал Розанов, – который поровну разделит свое сердце и отдал его без остатка, без скупости высочайшим интересам религии, поэзии, философии... на деле был средним между герцогом Альбой и тем придворным, который заколот Гамлета, приняв его за мышшь; это останется всегда необъяснимым. Так сознавать нужду в движении – и так все остановить; так быть просвещенным – и так теснить, вообще не любить и не уважать просвещения»⁷².

---

⁷¹ Профессор гражданского права, учитель и наставник Александра III, Победоносцев в значительной мере повлиял на формирование своего царственного ученика. Будучи затем прокурором Священного Синода и одним из самых влиятельных членов правительства, Победоносцев оставался в этой должности в течение всего царствования Александра III и начала правления Николая II.

⁷² *Розанов В.В.* Из восточных мотивов // В мире неясного и нерешенного. М., 1995. С. 344.

Анализируя опыт Запада, Победоносцев обличал всеобщее образование, парламентскую демократию, свободу прессы, разделение церкви и государства, считая их величайшими ошибками, которые ведут к разрушению всего сильного и здорового, что присутствует в любой нации. Старая формула «православие, самодержавие, народность» была не только возрождена, она получила новую силу, будучи дополнена рядом мер явно консервативного характера. Подавлялось не только революционное движение, но порицались даже умеренные либералы, обреченные на молчание. Была усилена цензура, даже свобода преподавания урезана. Были ужесточены законы местного самоуправления, а земства попали под жесткий контроль правительства. При значительном увеличении представителей дворянства в Земских соборах за счет других классов вновь делалась ставка на дворянство как естественную опору самодержавия. Была создана должность «земельного капитана» – чиновника, назначаемого правительством из местного дворянства для осуществления не только административной, но и судебной власти над крестьянами в сельских районах.

Главная идея Победоносцева состояла в том, чтобы установить строгую опеку над духовной жизнью общества, внутренним миром людей, поскольку здесь, так он считал, решались судьбы общества. Победоносцев контролировал выставки, состав библиотечных фондов, литературную и периодическую печать, сферу общественного быта и нравов. Как обер-прокурор он принимал меры к повышению роли церкви, несущей, по его мнению, дух смирения и верности режиму, укрепляющей духовное единство страны. Пожалуй, именно в церковной сфере Победоносцеву удалось достичь самых значительных успехов: оживилась деятельность православной миссии, церковных братств, союзов клириков и мирян, увеличилось число и тиражи церковных изданий и духовной литературы. Были организованы грандиозные празднества в честь 900-летия Крещения Руси (1888), 500-летия со дня кончины Сергия Радонежского (1892) и др.

Началась реставрация древнерусских святынь – Успенских соборов во Владимире и в Москве, Софийского собора в Новгороде, Ростовского кремля. В этот период началось строительство новых храмов в древнерусском стиле – храма Спаса на Крови в Петербурге, Владимирского собора в Киеве, который был украшен росписями В.М. Васнецова, М.А. Врубеля и М.В. Нестерова. В 80-е годы XIX в. открывалось ежегодно в среднем по 10 монастырей и 250 церквей, быстро росло число церковных школ для народа.

Однако, взяв на себя роль духовного наставника общества, обер-прокурор стал преследовать таких крупнейших деятелей русской культуры, как Лев Толстой, Владимир Соловьев, Николай Лесков. Неумолимая логика «охранителя» заставила взять под подозрение даже книги Достоевского, его личного друга. Главными методами, которыми Победоносцев хотел обеспечить духовное единство России, были меры государственного принуждения. Однако эти методы оказались бессильными даже в церковной сфере. Победоносцев стремился к возрождению церковности в русском обществе, но свободная, неподконтрольная деятельность высших иерархов пугала его. Яркие, крупные личности церковной иерархии – Иоанн Кронштадтский, епископ Антоний (Храповицкий) – вызывали у него подозрение. Главными достоинствами пастыря провозглашались послушание и смирение. Так воспитывались и будущие духовные пастыри народа. Воспитанники духовных академий и семинаров, по сути, были заперты в своих общежитиях. Из учебных библиотек изымалась вся современная периодика, а также книги Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Шевченко и многих других.

Идеологический постулат российской империи XIX в., возникший в рамках Синодальной формы Русской церкви и русофильства западного толка, содержал глубокие противоречия: православие мыслилось только как официальное, регулируемое синодальной церковью; самодержавие рассматривалось в виде имперского абсолютизма, опирающегося на олигархическую бюрократию и дворянство. Народность как выражение интуитивного отношения к власти непросвещенных масс простого народа, отрицающего любые перемены в государственном строе и считающего традиционно сложившийся порядок вещей незыблемым.

Значит, этот идеологический постулат не мог способствовать объединению нации. «Вот уже более двух столетий как Русская церковь, вместо того, чтобы служить основой истинного единения для всей России, сама служит предметом разделения и вражды. Значительная часть русского народа, разделившись на множество сект, враждебно спорит между собой о вере и сходится лишь в отрицании господствующей церкви», – утверждает Соловьев⁷³. Он беспощаден в критике синодальной церкви: «Явное бессилие духовной власти, отсутствие у нее общепризнанного нравственного

⁷³ Соловьев В.С. Соч. В 2 т. Т. 1. М., 1989. С. 30.

авторитета и общественного значения, безмолвное подчинение ее светским властям, отчуждение духовенства от остального народа и в самом духовенстве разделение между белым, начальствующим, и черным, починным, деспотизм высшего над низшим, вызывающим скрытое недоброжелательство и глухой протест, религиозное невежество и беспомощность православного народа, дающие простор бесчисленным сектантам, равнодушие или же вражда к христианству в образованном обществе – вот всем известное современное положение Русской церкви»⁷⁴.

* * *

Введение синодальной формы Русской церкви, возникшей в петровский период, своим следствием имело не только формализацию православия и раскол религиозно-духовного единства российского социума. «Западное образование, равнодушие к вере отцов и официальный характер синодальной церкви на столетия определили духовный климат общества, подготовив почву для атеизма, материалистической идеологии, которые питали революции начала XX века... Взгляд этот укрепился, вошел в жизнь, сделался духом и плотью правящих сфер, включительно до последнего чиновника, с одной стороны, и сельского дьячка – с другой»⁷⁵. Это расчистило путь атеизму и социальным религиям XX в. (толстовству, социальному христианству и др.), оказав большое влияние на характер государственности, обусловив разрыв с традициями русского самодержавия и переход к имперской абсолютистской государственности западного толка.

⁷⁴ Там же. С. 31.

⁷⁵ Сенатов В.И. Философия и история старообрядчества. С. 85.

САМОДЕРЖАВНАЯ И ИМПЕРСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ РОССИИ. ДИНАСТИЧЕСКИЕ, ЭТНИЧЕСКИЕ, ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ И ЗАПАДНОЕ ВЛИЯНИЕ

7.1. Первые противоречия русского самодержавия: династический кризис.

Смута и роль Русской церкви в ее преодолении (XVI в. – начало XVII в.)

Тираническая форма самодержавия Ивана IV прервала династию – на его сыне Федоре закончилась рюриковская ветвь Московской династии¹. В царствование Федора произошло важное событие для Русской церкви – в 1589 г., когда московский митрополит архиепископ Иов принял сан патриарха, став первым русским патриархом. Наступил династический кризис, который выражался в отсутствии легитимной верховной власти.

Его выражением можно считать и семь лет правления Бориса Годунова. Затем кризис проявляется в раздроблении верховной власти на множество центров, ни один из которых не был легитимным. На троне появляется Лжедмитрий первый (один год), которого смениет Василий Шуйский, один год правивший сам и три года деливший власть с Лжедмитрием вторым, за ним следует выбранный боярами Владислав Польский (три года). Претендентам на престол нет числа².

Кризис государственности и самодержавия привел к Великой Смуте, которая означала завершение цикла российской истории. Метаисторическую сущность Смуты очень точно характеризует Андреев: «Вплоть до второй половины XVI столетия исторический опыт не сталкивал русское сознание с неразрешимыми противоречиями мысли духа, не давая повода заглянуть в пропасть эти-

---

¹ Государями московской династии дома Рюрика были: Александр Невский (потомок Владимира Святого), Даниил (1238–1304), Георгий (1304–325), Иван I (1325–1341), Симеон (1341–1353), Иван II (1353–1359), Дмитрий Донской (1359–1389), Василий I (1389–1425), Василий II (1425–1462), Иван III (1462–1505), Василий III (1505–1533), Иван IV (1533–1584), Федор (1584–1598).

² *Мединский В.* Мифы о России. С. 464.

ческого и религиозного дуализма. Борьба с татарами была борьбой с конкретным, открытым, ясно очерченным врагом... Первой исторической фигурой, возвещавшей переход на другую ступень, был Грозный; понятно, что такая фигура, будучи вознесенной на предельную высоту государственной власти, так сказать, напоказ всему народу, не могла не произвести на современников впечатления ошеломляющего, ужасающего и даже, пожалуй, обескураживающего. Но за Грозным последовала Великая Смута со всей обнаженностью столкновения метаисторических сил – Смута, втянувшая в свой апокалипсис все пласты сверхнарода. Годы эти стали рубежом в развитии русского самосознания»³. Создается впечатление, что российско-евразийский социум, испытывающий постоянные вызовы крайне жестокой природной и геополитической среды, требует, с одной стороны, сверхвысоких энергий, служащих ему внутренней «топкой», а с другой – сверхпрочной государственной оболочки, способной выдержать такое давление⁴. А когда эти два компонента ушли из жизни России, возникла реальная угроза небытия для русской цивилизации. Смута означала крайнюю форму надлома русской цивилизации, когда все духовные, материальные, социальные и политические ориентиры были утрачены.

Отсутствие легитимной высшей верховной власти и существовавшие ранее формы земского самоуправления нации открыли путь к польской интервенции, с одной стороны, и разрушению всех форм нормальной жизнедеятельности народа – с другой. Все связи в обществе и в стране разрушались. К этому надо добавить погодные условия, усугубившие экономическую обстановку: три года подряд были неурожайными, смертность чрезвычайно возросла. По стране свободно разгуливали вооруженные банды, грабившие поместья, города и церкви. Эти события настолько ухудшили жизнь населения, что зрел народный бунт.

При общем шатании власти не хватало лишь вождя, и он явился в лице Ивана Болотникова⁵, который сделал Лжедмитрия первого своим знаменем. Войско, состоящее из бедных посадских,

³ Андреев Д.Л. Роза Мира. С. 305.

⁴ Панарин А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XX веке. С. 60.

⁵ И. Болотников был яркой личностью с необыкновенной судьбой. Еще в детстве, сбежав от своего хозяина, он попал в плен к татарам, продавшим его туркам, где был гребцом на галерах. Но затем сбежал в Венецию, а из Венеции – в Германию, Польшу и в 1606 г. оказался на родине. Болотников был разбит, попал в плен, подвергся пыткам и был казнен.

казаков, беглых крестьян и холопов, тронулось на Москву. «Выступление этих классов и продлило Смуту, и дало ей другой характер, — подчеркивал Ключевский. — Смута превратилась в социальную борьбу, в истребление высших классов»⁶. В ситуации беспредела, казалось, ничто не сможет остановить кровавую анархию Смуты, когда старая форма государственности, содержавшая тиранические тенденции, себя изжила. Выявилось, что за многие столетия, прошедшие от основания Киевско-Новгородской Руси, ее разрушение в период господства Монгольской империи до Смуты, возник единый народный организм, связанный православной духовной связью, хотя не успевший образовать сильную государственность, отвечающую цивилизационным особенностям страны. Россия оказалась перед угрозой подчинения иностранному правителю и господству другой религии.

Нужна была новая форма государственности, и она возникла при совместных усилиях Русской церкви и народа как особая форма монархической государственности — народная монархия. Общеизвестно, что митрополитам и епископам подчас приходилось мирить князей во время их междоусобиц еще в монгольские времена. В XVII в. во времена Смуты именно Русская церковь стала духовной опорой нового государственного строительства, став во главе противостояния иноземному вторжению и на защиту православия.

Став патриархом в период смены династий, Гермоген получил исключительное влияние на ход событий и приложил все усилия для претворения в жизнь своих убеждений, полагая, что государственность Руси связана с сильной монархической властью и православием. Можно считать, что его представления об интересах страны отражали настроения большей части народа. Свои убеждения он неуклонно проводил в жизнь. Характерно, что он был согласен даже на восхождение на престол польского королевича Владислава, если он примет православие и выведет поляков из Москвы, и отверг предложение бояр, которые считали возможным его коронацию без этих условий, положившись на королевскую волю. Этот антагонистический «саммит» духовной и светской власти проходил 5 декабря 1610 г. На следующий день Гермоген приказал народу собраться в церкви, где люди услышали проповедь-призыв стоять за православную веру против поляков. Не ог-

---

⁶ Ключевский В.О. Курс русской истории. Соч. в 8 т. Т. 3. М., 1956. С. 214.

раничившись Москвой, на Рождество патриарх разослал в города грамоты, в которых призывал русских людей объединиться и идти против поляков. Поляки предали его «злой смерти»: заперли в Чудовом монастыре, не позволяя переступить через порог своей кельи, где он умер от голода.

Грамоты Гермогена читали в каждом городе на соборной площади, переписывали и отправляли с гонцами в другие города, разносили по деревням и монастырям, прочитывали и пересказывали повсеместно. Под звон колокола выносился приговор: стоять за землю русскую и православную веру, организовывалось сопротивление полякам. В результате в стране образовалось ополчение: сначала первое (ополчение Ляпунова), неудачное, затем второе, удачное нижегородское ополчение Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского. Это ополчение получило церковное благословение и в конце 1612 г. выбило поляков из Москвы⁷.

После разгрома поляков образовалось временное правительство во главе с Дмитрием Пожарским. В январе созывается торжественное заседание всесословного Земского собора, которому предстояло избрать нового царя. Инициатива созыва Собора исходила от епископа Русской православной церкви⁸. «До того времени Русь была как бы личным уделом Государя. Теперь Русская Земля должна сама выбрать себе царя. Получалась, Земля – первична. Царь – вторичен»⁹. Это был политический прецедент, который ранее не имел места ни в одной стране, включая британский парламент или Генеральные штаты Франции. Нигде народ не принимал участия в выборе нового короля.

Платонов подчеркивает, что мучительный и душеразпадающий период Смуты принес и благодетельный переворот в политические понятия русских людей: в обстановке бедствия, когда Русь перестала быть «вотчиной» государя, а люди его «слугами» «и «холопами», государство не должно пропасть без государя, надо

---

⁷ В хронологическом порядке действия этого ополчения таковы. Из Ярославля ополчение Пожарского выступило в феврале 1612 г. 14 августа оно было встречено воеводами и духовенством в Троице-Сергиевом монастыре. 18 августа оно уже было у Арбатских ворот Москвы. 21–24 августа происходит сражение Пожарского с польско-литовским войском, пытавшимся прорваться в Кремль на помощь находившимся там полякам. 22–26 октября – капитуляция польского гарнизона в Китай-городе и Кремле.

⁸ В 1612 г. Земский собор, находясь при ополчении Пожарского, составлял правительство государства.

⁹ *Мединский В.* Особенности национального пиара. С. 515.

спасать и строить его самим¹⁰. Солженицын, развивая эту мысль Платонова, пишет, что «этот Собор, где были представлены все сословия Русской земли, стал самобытной формой народного представительства, неизвестной в Европе. Повсюду усилилась местная власть, выносились постановления местных миров, происходила отсылка послов и вестей из города в город, создавались всесословные советы, они соединялись в совет всей земли... Так рядом с привычным государевым делом стало великое земское дело...»¹¹.

В историю Руси 1613 г. вошел как год настоящей избирательной кампании, так как на престол претендовали в общей сложности до 30 кандидатов¹². Выбор пал на 16-летнего отрока Михаила Романова, которого избрали голосами более 600 представителей, в том числе от посадских людей и черносошных крестьян. Земля выдвинула в цари того, кто сам не стремился. Но он был сыном митрополита Филарета, особенно популярного среди городских жителей и служилых казаков, так как был активным участником борьбы против поляков.

Так появилась новая династия русских царей с другими основаниями на престол, нежели у Рюриковичей. Сам порядок избрания означал, что государь не мог смотреть на вверенное ему царство как свою вотчину. «Избирательное происхождение новой династии не допускало такого удельного взгляда на государство, составлявшего основу политического сознания государей Калинина племени. Соборное избрание дало царям нового дома новое основание и новый характер власти. Земский собор просил Михаила на царство, а не Михаил просил царство у Земского собора. Следовательно, царь необходим для государства, и хотя государство существует не для государя, но без него оно существовать не

¹⁰ Платонов О.В. Русская цивилизация. М., 1995. С. 64.

¹¹ Солженицын А. Русский вопрос к концу XX века // Новый мир. 1994. № 7. С. 135–136.

¹² Было широко распространено мнение, что царский венец должен принадлежать только «природному государю». Здесь одним из первых претендентов был польский королевич Владислав, которого во время Смуты возвели на московский престол вполне законным образом (хотя и заочно). Шведский принц Карл Филипп был другим «природным царевичем, которому Боярская дума предложила царский венец, если перейдет в православие и будет чтить традиции страны, но он отказался. Многие русские князья, бывшие в дальнем родстве с Рюриковичами и имевшие заслуги в борьбе с поляками в Смутное время, также выступали в качестве претендентов на престол. Царем хотели стать Д.М. Пожарский, князья Д.М. Черкасский, П.И. Пронский, И.В. Голицын, казачий вождь Д. Т. Трубецкой.

может»¹³. «И вся эта русская государственность создавалась никак не под западным влиянием и никого не копируя»¹⁴. Московские цари силой власти реализовывали «мнения земли». Выборы царя были первым шагом в реализации народной монархии как формы государственности. В этот период все духовные основы, которые были заложены еще в первый период царствования Ивана IV, вновь ожили в народе в сакральной триаде: Русь как Святая земля; богоизбранный русский народ как поборник высшей правды на земле; служилое государство как политическая форма объединения и существования общества.

Уже ближайшие годы показали, что появление на русском престоле всенародно избранного царя было исторической необходимостью. Молодой царь под руководством Земского собора стал решать сложные проблемы. Учитывая, что правительство нуждалось в большом количестве денежных средств, пришлось восстановить старые налоги и ввести ряд новых. Были предприняты шаги по решению внешнеполитических проблем. Донские казаки были вынуждены признать протекторат царя над ними (1614 г.), через три года был заключен мир со Швецией (шведы согласились вернуть Новгород, хотя удерживали Ингрию и Карелию, поэтому Россия оказалась отрезанной от Балтики).

Трудно, но все же решался польский вопрос. В августе 1618 г. он со значительным отрядом шел из Смоленска к Москве, привлекая народ своей грамотой, где говорилось, что никогда не будет разорять православные церкви, раздавать вотчины и поместья польским панам, а все прежние права и обычаи русских людей будут сохранены. В грамоте содержалась критика первых шагов управления Михаила, его налоговой политики и притеснения населения, что отвечало реальному положению дел, так как казна была пуста.

В этих сложных обстоятельствах царь вновь решил опереться на общественное мнение. В сентябре 1618 г. был собран Земский собор, представлявший все сословия Московского государства. Решение собора было единогласным: стоять за православную веру и своего государя против иноземного. Дальнейшие события показали, что собор действительно отражал политическую волю русского народа. В декабре 1618 г. с Польшей был подписан мир-

¹³ Ключевский В.О. Исторические портреты. М., 1990. С. 194.

¹⁴ Солженицын А.И. Русский вопрос к концу XX века // Новый мир. 1993. № 7. С. 135–136.

ный договор. Затем с Польшей было заключено перемирие, был оговорен обмен пленными. Тогда возвратился из Польши Филарет, занявший место патриарха. Оно намеренно было оставлено вакантным после смерти патриарха Гермогена. Филарет получил титул «великий государь», который ранее применялся только к царю. Этот титул был выражением не только семейной связи между патриархом и царем, но и огромного уважения к его посту и лично Филарету.

Договор с Польшей не был выгодным для Москвы, но само подписание было свидетельством политической независимости Руси от иноземного государства. Поэтому декабрь 1618 г. можно считать временем окончания Смуты, хотя ее последствия будут еще долго сказываться на развитии Московского царства.

7.2. Православное Московское царство как народная монархия. Позитивные тенденции и социально-религиозные потрясения

Развитие Московского государства после Смуты и восхождение на престол династии Романовых и особенно период длительного царствования Алексея Михайловича (Тишайшего) у многих историков освещается в подчеркнуто позитивном плане. Поэтому целесообразно именно с этого начать анализ государственности Московского царства, имея в виду, что в этот период возникли многие противоречия, которые будут иметь долговременные негативные последствия.

К позитивным тенденциям необходимо отнести развитие демократических институтов и правовой базы государственности народной монархии, расширение территориального анклава русской цивилизации (в единстве государственного и народного его начал), динамическое развитие Московского царства в 70–80-е годы VII в.

После преодоления непосредственных последствий Смуты в первые три десятилетия царствования Михаила Романова формируется государство Нового времени (на Западе оно было названо территориальным государством)¹⁵. На Руси образование этого

---

¹⁵ Главным процессом в развитии государства с XV в. стала концентрация власти на расширяющейся социальной и экономической базе. Государство Нового времени, формирующееся в рамках русской цивилизации, – это пространственная организация общества с институциональной, а не личностной дисциплиной. Интересно, что понятие «государство» в Западной Европе появляется как выражение нового политического состояния общества в то же время. Московское княжество с XVI в. начинает процесс объединения

типа государства связано с царствованием сына Михаила Романова – Алексея Михайловича, занявшего престол в 1645 г. В таком государстве жизнь общества основана на правовых нормах и законах, а не только на традициях и религиозных предписаниях¹⁶. Складывается система централизованного государственного управления во главе с самодержавным царем, находящимся в тесном контакте с высшими иерархами Русской церкви. Эта структура включала Боярскую думу, состоящую из представителей знатных родов¹⁷, Земские соборы¹⁸, приказы (особые учреждения для решения административных задач). Система приказов подчинялась непосредственно Боярской думе и лично царю, самыми важными приказами командовали думные бояре и окольничие, менее важными – думные бояре и дьяки¹⁹.

народов, ранее существовавших в Евразии под разными названиями, в новую полиэтническую государственность – Россию. Термин «Русь» – понятие, скорее, религиозно-духовное, присущее русским как национальности. Россия же – это название государства Нового времени, которое складывалось сначала под властью князя московского, затем – московской монархии.

¹⁶ Если на Западе они были связаны с религиозными постулатами римско-католической или протестантской церкви, то на Руси эти функции выполняла Русская православная церковь. Поэтому в монархической юрисдикции долгое время церковные правила нередко восполняли недостающие государственные нормы.

Этот вопрос применительно к западному обществу был рассмотрен в работе «Рыночные связи и деньги в многовековых циклах цивилизаций и их развитие в Западном обществе (ретроспектива)».

¹⁷ Хотя из 60 членов Думы 14 не имели аристократического происхождения: 5 бояр не принадлежали к знатным родам, 5 думных дворян и 4 думных дьяка. Эта тенденция к демократизации состава Государственной думы усилилась при сыне Алексея Михайловича, Федоре Алексеевиче, в 1688 г., когда уже 35 из 57 членов Думы происходили из других сословий.

Сохранились собственноручные записи царя о его подготовке к заседаниям Боярской думы. Выделялся круг вопросов, которые надо просто утвердить, по которым у царя не было сформировано своего мнения, по которым он уже сформировал мнение, но требуется дополнительное обсуждение.

¹⁸ В период царствования Алексея Михайловича Земские соборы были неотъемлемой частью его управления: первые пять лет до 1653 г. они собирались регулярно. Причина нерегулярности созыва Земских соборов объясняется тем, что начиная с 1654 г. в течение тринадцати лет, т.е. до 1667 г., все внимание и все силы общества и правительства были поглощены войной с Польшей, которая началась после того, как Земский собор принял решение о включении Малороссии в состав Московского царства.

¹⁹ Приказы как особые учреждения государства, а не отдельных лиц, возникли при Василии III. Раньше приказом называли канцелярию, которую организовывал боярин для выполнения какого-либо царского поручения. Эти

Через три года после вступления Алексея Михайловича на престол, осенью 1648 г., выборные от всех земель собрались в Москве для «вершения» важного «государева и земского дела» – создания нового законодательства. Привезли указы от обществ, которые избирали своих представителей на Собор. В исторической литературе отмечалось, что все 60 новых статей или пунктов, т.е. наказов, внесенных «соборными людьми», были включены в текст Уложения и не известно ни одного случая игнорирования того или иного предложения. Уложение было подписано представителями высшего духовенства, начиная с патриарха, боярами и выборными людьми – всего 315 подписей, чтобы Уложение впредь было прочно и недвижно. Этот Земский собор назван «Соборным» потому, что он принял Соборное уложение 1649 г.²⁰ Оно было напечатано в отличие от прежней практики. Ранее тексты законов в Московии не печатали, население их могло и не знать, а приказные «крючки» использовали это незнание в своих корыстных интересах.

На Боярской думе было решено законы «написать и изложить», по его государеву указу, общим советом, чтобы Московского государства всяких чинов людям, от большего до меньшего чину, суд и расправа была во всяких делах всем равна». Текст Соборного уложения напечатали в количестве 2400 экземпляров, т.е. огромным для того времени тиражом, и разослали по всему государству.

Смута и крестьянские восстания расшатали взаимоотношения землевладельцев и крестьян. Правительство приняло меры к восстановлению прежде всего помещичьего хозяйства. С этой целью проводится ряд переписей. Дозорщики (лица, переписыва-

---

учреждения возникали постепенно в связи с усложнением административных задач. В деятельности приказов смешивались судебные и административные функции, ведомственный принцип с территориальным. Первые известные приказы: Ловчий (1509), Казенный (1512), Большого дворца (1534), Ямской (1550), Большого прихода (1554), Земский (1564), Стрелецкий (1571). Во время правления Ивана IV существовало более 80 приказов, но среди них много было временных, для управления недавно вошедшими в состав Московии или отдаленными землями (например, Сибирский).

²⁰ Год 1649-й стал некоей вершиной в работе парламента Англии и Земских соборов Московии: для Земского собора – это вершина законодательной деятельности, для английского парламента – казнь законного монарха по окончании гражданской войны. Тогда Англия разделилась на два лагеря: сторонников Карла I и сторонников парламента (вождь – Оливер Кромвель). В 1645 г. королевская армия была уничтожена, Карл I бежал в Шотландию, но шотландцы выдали его парламенту. В 1648 г. были роялистский мятеж, затем его подавление, суд над Карлом I, его казнь в январе и провозглашение Англии республикой.

вавшие земли), составлявшие дозорную книгу, свидетельствовали о разорении важнейших районов страны. Поэтому после Смуты первые представители новой династии Романовых в условиях народной монархии вновь попытались внести законодательные нормы в эти взаимоотношения. Земский собор принял Соборное уложение – кодекс законов Русского государства. Оно состояло из 25 глав и 967 статей (по разделам «Суд о крестьянех», «О посадских людех», «О поместных землях», «О суде», «О разбойных и о татиних делех» и др.). В нем важное место занимали положения, которые снимали все ограничения для помещиков в их отношениях с крестьянами по свободе перехода или ухода из данного поместья. Согласно этому уложению, «раз и навсегда утверждалась незаконность любого крестьянского перехода без согласия барина, отменялись прежние предписания, допускавшие за беглым крестьянином право на невозвращение к его господину по истечении срока, установленного сначала в 5 лет, а затем доведенного до 15. На сей раз всякие временные ограничения были сняты: сколько бы беглый ни отсутствовал, его можно было принудительно вернуть прежнему господину вместе с женой, детьми и нажитым добром.

Считается, что это Уложение окончательно закрепостило крестьян. Однако государство и после Уложения не отказывается видеть во владельческих крестьянах своих подданных: они платят государевы подати, они не лишены личных прав; помещикам запрещается «пустошить» свои поместья; правительство не отказывалось от своего права наказывать за злоупотребления помещичьей властью²¹. Характерно, что и после принятия в 1649 г. Соборного уложения в южных городах практически игнорировались положение об обязательном возвращении беглых крестьян помещикам, а также украинского населения, бежавшего на земли Руси после жесткого подавления восстания 1630 г. в Речи Посполитой.

В Западной Руси, Польше и Великом княжестве Литовском закрепощение крестьян произошло в начале XV в. – 1447 г., т.е. почти на 100 лет раньше, и в более жестких формах. С конца XVI в. в Восточной Европе происходит так называемое «вторичное закрепощение» крестьян. При внешне одинаковых процессах, их глубинные причины были противоположными. Восточная Европа представляла окраинные области европейской мир-экономики и полностью обслу-

²¹ Пушкарев С.Г. Обзор русской истории. СПб., 1999. С. 78.

живала ее нужды, ее спрос. Социальной группой, которая выступала передаточным механизмом от потребностей европейской экономики, были крупные землевладельцы, личной собственностью которых крестьяне стали задолго до закрепощения крестьянства в России. По мере развития европейской мир-экономики крупные земледельцы Восточной Европы «напрямую» переориентировали на нужды рынка Западной Европы все их хозяйство. «Повсюду крестьянин, прикрепленный к земле, юридически и фактически, утратил свободу передвижения, возможность пользоваться льготами формарьяжа, освободиться за деньги от натуральных повинностей и отработок... Барщина выросла сверх меры... К 1600 г. она была доведена до шести дней в неделю. В Венгрии барщина зависела только от произвола барина, в Ливонии в 1589–1590 гг. любой барщинник работает с упряжкой быков или конной упряжкой каждый день. Двумя столетиями позднее крестьянские барщинные работы не ограничиваются»²².

Согласно Уложению 1649 г. определялся статус городского населения, которое по отношению к несению государственных повинностей делилось на «черное» и «белое». «Черное» городское население составляли посадские люди, обязанные тянуть в пользу государства посадское тягло. К «белому» относились городские жители, освобожденные от несения повинностей со своих дворов: бояре, дворянство, духовенство, служилые люди по «прибор», т.е. вербовке – воротники, пушкари. На городской территории существовали частновладельческие слободки, жители которых несли повинности не в пользу государства, а в пользу владельца земель. За горожанами были закреплены места их постоянного пребывания, и согласно Уложению 1649 г. каждый из них не мог покидать своего места жительства без разрешения правительства (за нарушение грозила ссылка в Сибирь).

В этот период происходит развитие более действенных форм сотрудничества центральной власти и ранее сложившихся форм самоуправления. Появляется институт городских воевод, назначаемых государем, которые концентрировали в своих руках всю полноту власти на местах. У них был свой аппарат и воинские отряды для поддержания порядка, но они не вмешивались в дела общины, а сотрудничали с ней как с коллективным собственником и управленцем, опираясь на «деловитых людей» из среды крестьянства²³.

²² Бродель Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 259–260.

²³ Правительство для каждого округа назначало только общую сумму оброка или податей, а затем мир с выборными «деловитыми людьми» должен был сам «верстися» и «разводити» оброк сообразно имуществу каждого хозяина: «по животам», по промыслам, по пашням, по угодыям.

Воеводы старались ставить на выборные должности людей деловитых, кому можно доверять. «В результате самые активные и наиболее уважаемые крестьяне становились прямыми помощниками царской администрации. Это уже не жизнь самодостаточной общины, существующей в себе и для себя. Это сотрудничество с государством»²⁴. Примерно так же обстояло дело и с посадскими людьми, которые не только платили государевы подати. Из их среды также выделялись «деловитые люди», т.е. кадры бесплатных и достаточно квалифицированных, умеющих писать и считать работников. Они на общественных началах занимались сбором таможенных и проездных пошлин на мостах и перевозках, разных платежей, заведовали казенными промыслами. Если для правительства это был способ получения квалифицированных услуг, то для городского населения – своего рода кооперацией с правительством.

Расширение территориального ареала Московского царства на базе союза государства и народной инициативы – вторая существенная особенность этого периода русской истории. «Собирание земель» в течение столетий было стратегической целью русских монархов, но в каждый данный исторический период имело свои особенности. В царствование Алексея Михайловича оно включало три аспекта: защиту русской оседлости в сочетании с укреплением экономической базы государства, колонизацию Сибири и включение в состав Московского государства Малороссии (под воздействием религиозного фактора – помощи единоверцам).

В 1636 г. царь и Боярская дума приняли решение о восстановлении старой Засечной черты XVI в., которая пришла в упадок в годы Смуты, и создании больших новых оборонительных линий. Их строительство продолжалось весь XVII и первые десятилетия XVIII в. Принципиально изменилась технология обороны. Вместо связанных сторожевой службой отдельных укрепленных городов и узлов полевой обороны на речных переправах создавалась система сплошных укреплений в сотни верст. Крепости были опорными пунктами и сосредоточением воинских соединений. К 90-м годам XVII в. «была полностью решена задача, которую поставило себе московское правительство со времен царя Михаила, – выстроена непрерывная укрепленная линия, начинавшаяся у верховьев Ворсклы и оканчивающаяся у Волги. Выполнение ее потребовало от

---

²⁴ *Мединский В.* Мифы о России. С. 440.

русского народа больших средств и усилий, но зато и вознаграждено было с лихвой. Русский народ получил возможность развивать свое земледельческое хозяйство на тучном черноземе при благоприятных климатических условиях. К черте хлынуло земледельческое население, и черноземные степи наполнились новыми селами и деревнями»²⁵.

В этот период происходит интенсивная колонизация Сибири. (К этому вопросу мы вернемся позже в более развернутом плане.) Здесь обозначим эту проблему, выделив одну ее важную сторону, на которую обращалось внимание в исторической и социологической литературе. «Какие причины заставляли русский народ, обладавший просторной сравнительно со своей численностью территорией, занимать все новые и новые земли, места, расширяя эту территорию, раскидываясь на ней редкими и большей частью малолюдными поселками?»²⁶ Напомним, что в западной цивилизации такой причиной была «жажда золота». А каковы стимулы этого процесса в Русской цивилизации в тот же период? Преобладающие ответы на него многих выдающихся историков и социологов прагматического плана: гнет государства, крепостное право. Но более глубокое понимание этого процесса основано на метаисторических началах, глубоко укоренившихся в духовном сознании великороссов.

Андреев писал:

«XVII век вообще задал исторической мысли немало загадок, и одна из самых глубоких заключается в следующем: почему и ради чего, какими именно социально-экономическими причинами побуждаемый русский народ, и без того донельзя разреженный на громадной, не обжитой еще Восточно-Европейской равнине, в какие-нибудь сто лет усилиями отнюдь не государства, а исключительно частных лиц залил пространство, в три раза превышающее территорию его родины, пространство суровое, холодное, неуютное, почти необитаемое, богатое только пушниной да рыбой, а в следующем столетии перешагнув через Берингово море и дотянувшись до Калифорнии? Народ бежал от гнета помещиков. Так. Бежал. Но почему же нельзя было остановиться и прочно обосноваться на Оби, на Иртыше, на Ангаре, где никаких помещиков никогда не было, а требовалось бежать не от погоны, которой не было, а неизвестно куда, в непробудную глухомань, через исполинские реки и непролазную тайгу... и, добежав

²⁵ Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996. С. 305.

²⁶ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 3. СПб., 1903. С. 263.

наконец до Тихого океана, не успокоиться даже и там, а перепрыгнуть в Америку»²⁷. И далее Андреев говорит о созидательных импульсах «человека массы», у которого метаисторическое сознание «поднимается из глубин души бессловесным, грозным и непрекаемым зовом Бессознательного, требованиями ментальности народа, проявляющейся в характере пробуждаемых ею чувств и внушаемых ею деяний. А деяния, внушавшиеся землепроходцам, сводились только к «одному, но великому: силами нескольких сотен богатырей захватить за сверхнародом российским грандиозные пространственные резервы – всю пустующую территорию между массивами существующих на земле культур»²⁸.

Территориальное расширение Московского царства на юго-запад и юг обусловлено другими факторами, связанными с положением малороссов в этом регионе Приднепровья. Правобережная Украина вместе с Волынью не раз подвергалась опустошениям и разорениям со стороны крымчан, а также была ареной борьбы украинских казаков с польскими магнатами. Результатом был прилив населения из Правобережной Украины на земли Московского государства. Относительная безопасность привлекала сюда значительное количество малороссийских казаков и другие жителей Речи Посполитой, уходящих с Днепровской Украины, особенно после усмирения там «холопских» восстаний. Московское государство их охотно принимало на льготных условиях, построило для них несколько городов и организовало несколько подразделений наподобие малороссийских казацких. Так возникла Слободская Украина Московского государства.

Однако политически оформленное присоединение Малороссии к Московскому царству носило явно выраженный религиозный характер и уходило своими корнями в этническое расчленение древнерусского этноса, судьбы православия в его противостоянии католицизму. Православные малороссы сами попросились под державную руку Москвы, т.е. инициатором этого акта была украинская сторона, которая не хотела мириться с польским господством не только в социальном, но главным образом в религиозном плане. Обратимся к истории.

Надо начать именно с наступления Римско-католической церкви на православие, поддерживаемое властями Польши и Литвы. В Польско-Литовском государстве этот вопрос вытекал из условий

²⁷ Андреев Д.Л. Роза Мира. С. 320.

²⁸ Там же.

Люблинской унии между Польшей и Литвой (1569 г.), когда Украина была включена в состав Польши. Тогда образование колоссальных имений польских магнатов, к которым прикреплялись украинские крестьяне как крепостные, хотя это было нарушением исторических традиций, сопровождалось религиозным давлением. На церковном соборе в Брест-Литовске в 1596 г. произошло объединение западнорусской церкви с Римской. Тогда «верхушка» западнорусской церкви – большинство епископов – признала власть папы, а польское правительство подтвердило законность униатской церкви. К этому надо добавить, что большинство западнорусских князей, которые ранее твердо придерживались греческого православия, приняли католичество. Защитниками православия тогда выступили запорожские казаки. И не случайно на состоявшемся в 1620 г. в Киеве Соборе православной церкви казаки приняли активное участие, опираясь на защитников греческого православия, прибывших из-за рубежа. Иерархия западнорусского православия была восстановлена, но Греческая православная церковь была ограничена в правах.

Православное население жестоко притесняли поляки-католики. С 1600 по 1640 г. на Украине вспыхнуло до 100 восстаний со стороны православного населения, а в 1648 г. сопротивление полякам приобрело размах национальной революции. Именно тогда появился лидер – Богдан Хмельницкий: из украинских дворян, хорошо образованный и властолюбивый человек. Его военной опорой было нереестровое казачество в отличие от реестровых казаков, которые считались служащими «польской короны» и получали от нее вооружение и жалованье. Он хотел создать то ли Княжество Русское в составе Речи Посполитой, то ли независимое от всех Герцогство Чигиринское. Именно личные амбиции с мотивом мести польским магнатам и нереальность их осуществления заставили его обратиться к Москве и «привести Украину под державную руку Царя Московского».

Москва не сразу откликнулась на просьбу Хмельницкого, но все же в октябре 1653 г. Земский собор после длительного обсуждения согласился считать православных русинов Речи Посполитой подданными Москвы и выступить на защиту единоверцев. После этого в январе 1654 г. в Переславле провозглашен «вечный союз» между Украиной и Великороссией. Присяга была принесена «всем русским народом Малой Руси». Этот союз означал автономию Украины (под защитой Москвы).

Следствием стала очередная война с Польшей, которая сначала проходила успешно для русских и украинцев. Тогда казаки освободили от поляков всю Украину, «москвиты» – большую часть Белоруссии. Алексей взял себе титул царь Великой, Белой и Малой Руси. Но это «воссоединение» стоило Тишайшему много крови, так как параллельно русские войска вынуждены были

воевать с крымскими татарами: неразборчивый в средствах Богдан Хмельницкий не раз наводил на московских покровителей татар, которые в свою очередь апеллировали за помощью к Турции. В итоге в войну с Османской империей было втянуто Московское царство. Так началась жестокая, кровопролитная война России с Оттоманской империей 1676–1681 гг., в которой русская армия показала свою боеспособность²⁹.

Большинство историков считают 70–80-е годы XVII в. высшей точкой в развитии Московского царства. Доводы убедительные: Москва устранила угрозу со стороны Польши, приняла в свой состав на правах широкой автономии Левобережную Украину, продолжала освоение Сибири. «Государство, на долю которого приходилось столько труда, не падало, а росло и крепло, и в 1676 г. оно было иным, чем в 1645 г.: оно стало крепче как в отношении политического строя, так и в отношении благосостояния... Это был здоровый организм, имевший традиции и упорно преследовавший сотни лет свои цели»³⁰. «По основным объемным и душевым показателям российская экономика в то время в целом соответствовала средневропейскому уровню»³¹. Необходимо отметить, что в XVII в. Россия играла важную роль в международных отношениях. Особенно оживленными были отношения со Швецией, Речью Посполитой, Францией, Испанией, а также с австрийским императором. Большое значение имели связи с Италией – с Римской курией и Венецией. Постоянные связи поддерживались с Турцией, Ираном, среднеазиатскими ханскими структурами и Китаем. Отношения с Китаем, Ираном и ханствами Средней Азии, как правило, были мирными.

На Руси быстро развивалось образование: грамотность считалась обычным делом и была широко распространена среди монахов, землевладельцев, купцов. Даже в маленьких городах Московской Руси существовали библиотеки. Высоко ценилась ученость. Количество книжных рукописей, дошедших до нас, составляет

---

²⁹ В конце июля 1677 г. 100-тысячная армия Ибрагим-паши выступила к Чигирину – военно-стратегическому центру всей Южной Украины. Здесь русско-украинская армия наголову разбила турок, и хотя вскоре турецкая армия повторила штурм и русские оставили дымящиеся развалины города, русская армия не потеряла боеспособности. Поэтому турецкая армия прекратила преследование русских.

³⁰ Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. Ч. 2. М., 1994. С. 382.

³¹ Рязанов В.Т. Экономическое развитие России в XIX–XX вв. СПб., 1998. С. 126.

130 тысяч, азбука и учебный псалтырь систематически переиздавались. Важным моментом в этом развитии было сочетание великоросского начала русской цивилизации с ее западными ветвями – малорусскими и белорусскими. Многие историки отмечают, что на рубеже XVII и XVIII вв. произошла украинизация великорусской духовной культуры и ущемление ее московской линии.

«Сам царь Алексей Михайлович был важнейшим стабилизатором русской жизни XVII столетия. Он оставался ориентиром, который не позволял стране ни при каких обстоятельствах свалиться в пучину кровавой смуты... Его имидж спасал государство... Лучше слезами, усердием и смирением перед Богом промысел чинить, чем силой и славой, – писал он одному из своих воевод»³². В его имидже «тишайший», что означало «обладатель тишины», «устроитель порядка и государственного благополучия», есть и народная любовь, и добродушная ирония, и добрая память³³. Алексей Михайлович был поборником православной старины и при этом не избегал иноземных новшеств³⁴. Иностранцы поражались величию двора «тишайшего государя», даже те, кто видел Версаль. «Двор московского государя, – писал англичанин Карлейл, – так красив и держится в таком порядке, что между всеми христианскими монархами едва ли есть один, который бы превосходил в этом московский. Все сосредоточивается около двора. Подданные, ослепленные его блеском, приучаются тем более благоговеть пред царем и чтят его почти наравне с Богом». Особое место в дворцовом этикете занимал царский обед, напоминая знаменитые пиры Владимира Красное Солнышко в Киеве.

³² *Мединский В.Р.* Мифы о России. С. 454.

³³ *Там же.* С. 440.

³⁴ Как чрезвычайно религиозный человек в церкви он выстаивал подчас по пять-шесть часов, клал по тысяче, а иногда и полторы земных поклонов. После церкви он занимался государственными делами до обеда, затем спал до вечера. После вечера он проводил время в своем семейном или дружеском кругу, играл в шахматы или слушал рассказы бывалых стариков, которых держали при дворце для царского развлечения. В конце царствования он имел свой дворцовый театр и по вечерам любовался «комедийными действиями» с музыкой и танцами. Его детей (царевичей) учили латинскому и польскому языку. Царь ездил в немецкой карете, брал с собой жену на охоту, водил ее и детей на «иноземную комедийную» потеху. Сам Алексей Михайлович чрезвычайно не страдал, соблюдал все посты и питался почти по-монашески. Но за этими обедами подавалось до 70 блюд, и царь часто отсылал их с царского стола тем, кому хотел сделать приятное.

Все эти положительные характеристики Московского царства XVII в. получают иное звучание, если поставить их в связь с трещинами, зародившимися тогда в российском социуме, которые приобретут разрушительные последствия для русской цивилизации в дальнейшем. Это в первую очередь религиозные противоречия.

Социально-экономические отношения в XVI–XVII вв. складывались тяжело, вызывая рост социального недовольства. В середине XVII в. произошли выступления против денежной политики правительства Алексея Михайловича и разрушительной инфляции. Через восемь лет донские казаки под руководством Разина возглавили восстание, которое потрясло основы Московского царства, а в конце XVII в. в Москве произошел стрелецкий мятеж, ставший прологом уже к петровским преобразованиям.

Во всех этих мятежах и антиправительственных выступлениях и «бродильным» началом, и организатором выступало казачество. Выделение казачества как особой социальной группы великорусского и в меньшей мере малорусского народа обусловлено его ролью в возрождении русской цивилизации в постордынский период. Казачий (демократический) элемент играл на всем протяжении московской государственности большую роль в антиправительственных выступлениях. «Казачий след» отмечался во время Великой смуты, когда казаки хотели устроить в Кремле демократическую форму правления; они были на стороне старообрядцев во времена Великого раскола, приняв деятельное участие в Смуте, влившись в состав войск самозванцев. Затем было восстание казаков под предводительством Булавина, а потом Разина.

«Казак» — по-татарски «свободный человек», «свободный искатель приключений», «человек с границы». Казачество родилось как особая ветвь формирования постмонгольского социума на землях расселения древнерусского народа (принадлежащих Московскому царству и Речи Посполитой). Так было и в бассейне Днепра, и в бассейне Дона. Казаки — не остатки каких-то древнеславянских вольных обществ, а вооруженные артели промышленников. Казачество как социальная группа появилось в середине XV в. на окраинах Московии, Литвы, а также в сменяющих друг друга татарских ханствах.

Ранняя славянская колонизация, как уже говорилось, захватила бассейн Дона не только в верхнем, но и в среднем и нижнем течении. Однако следовавшие одно за другим вторжения разных

кочевников смели отсюда оседлое население. Некоторые его остатки уцелели только на верхнем Дону и его притоках. Однако после нашествия Тамерлана (1395 г.) исчезли и они. Любавский повествует о том, что проезжавший Доном в конце XIV в. митрополит Пимен и его спутники не встретили на своем пути человеческого жилья. Это была пустыня с развалинами городов и селений, множеством диких животных. Но степь не была совсем необитаема – множество рыбы на Дону и его притоках и всяких зверей в лесных зарослях речных прибрежий привлекали сюда «удалых молодцев». Они, пренебрегая опасностями, проводили здесь весну, лето и часть осени в ловле рыбы и охоте, возвращаясь на зиму домой. Они не чуждались наживы за счет татарских стад и проезжавших купцов.

Тойнби выделял особую роль русского казачества как военизированной созидательной силы, которые были пограничниками русского православия, противостояли степнякам. «Казачьи обесоружили кочевников весьма оригинальным способом. Они обосновывались на реках, представляющих собой естественное препятствие для кочевых племен. Реки были серьезной преградой для кочевников, не имевших навыков использования их как транспортных артерий, тогда как русский крестьянин и дровосек, издавна знакомый с традициями мореплавания, был мастером речной навигации. Следовательно, казаки, когда они выходили из русских лесов, чтобы оспорить у кочевников право на естественное обладание степью, имели все возможности с успехом применить свое древнее искусство»³⁵. Победил в конце концов оседлый человек, при каждом шаге вперед создававший себе опору, новую твердыню, загоразивая все новыми и новыми преградами степные шляхи и в конце концов притеснивший татарина к самому морю. Казацкие общины располагались в долинах больших рек, что объяснялось экономическими и стратегическими причинами. Река для казаков была прежде всего источником материального существования, местом рыбной ловли и охоты, так как в этот период казаки не занимались земледелием. Вторым источником была военная добыча или грабеж купеческих караванов. В стратегическом отношении поселения создавались на укрепленных речных берегах, в дельте или на островах, защищающих от татарской конницы, которая обычно избегала речных долин, проходя открытыми безводными местами.

---

³⁵ Тойнби А. Дж. Постигание истории. С. 117.

Первое упоминание о донских казаках относится к середине XVI в., когда ногайский князь принес жалобу Ивану IV на казаков, разграбивших татарский купеческий караван. Как в Великороссии, так и в Малороссии казак был сначала отхожим промышленником, ищущим заработка на стороне, чаще на степном приволье. Это степное приволье притягивало к себе выходцев из разных местностей Руси, чаще всего окраинных. Выходцы для самозащиты группируются в вооруженные товарищества вокруг отдельных вожаков-атаманов.

Можно считать, что сначала родилось русское казачество. Оно впервые названо в летописи 1444 г. и связано территориально с южной частью Рязанского княжества. Позже казацкие общины как форма организации части населения Руси быстро увеличиваются и становятся объектом международных отношений. Со временем казаки начинают колонизироваться в степи, устраивают постоянное жительство, сохраняя свою военную и общинную организацию. В степи появляются казацкие хутора, казацкие слободы, домовитые казаки. Казаки переходят к земледелию³⁶.

К началу XVII в. выделяются четыре главные общины казаков. Три в Великороссии были довольно многочисленными. Они обосновались в речных долинах Дона, Яика (Урала), Терека, т.е. в восточной части Северного Кавказа. Четвертая община была украинского происхождения. Эти казаки назывались запорожцами, так как жили на Днепре, ниже его порогов.

Казачество стало защитником границ государства в различных частях Руси. Со временем оно начинает играть важную роль в политической жизни Восточной и Западной Руси. Московские и литовские правители попытались использовать казаков в своих интересах. Уже в конце XV – начале XVI в. казацкие отряды были приняты на службу великого князя московского и великого князя Литвы, получив при этом оружие и снаряжение и став под

---

³⁶ Казацкие общины организовывались на схожих принципах. Все казаки имели одинаковые права и один голос на общем собрании, которые у запорожцев называлось советом, у донских казаков – кругом. Именно там выбирались все официальные лица, включая высшие должностные. Высшее должностное лицо у запорожцев называли гетманом, у русских казаков – атаманом. Гетман и атаман в военное время имели абсолютную власть; в мирное время они возглавляли общее собрание, на котором обсуждались и решались все дела. Кроме того, собрание было и высшим судом. На начальных этапах казак мог быть любой, соблюдавший православную веру и дававший клятву не нарушать казацкие обычаи.

команду начальника ближайшей части регулярной армии (хотя им было разрешено внутреннее самоуправление).

Но и великоросские, и украинские казаки сохраняли свою политическую независимость. Например, донские войска оставались отдельным государством, и московское правительство имело с ним дела через ведомство внешних отношений³⁷.

И великоросские, и украинские казаки сыграли большую роль в образовании территории русской государственности, на свой страх и риск прорываясь к новым землям, оставаясь при этом независимой политической силой. Казаки активно участвовали в политической жизни Московского царства. В 1614 г. царь Михаил после Смуты, в подавлении которой казаки принимали активное участие, подарил донским казакам новое знамя, символизирующее его протекторат над ними. Однако казаки не стали прямыми подданными царя и его послушными слугами, следуя своим планам. В частности, Москва всеми силами старалась удержать донских казаков от походов на Крым и в турецкие владения, боясь, что их действия вовлекут Москву в войну с Турцией, которой Москва не хотела. Пришлось прибегнуть к прямым ультиматумам. Так, патриарх Филарет в 1629 г. грозил расстроить их коммуникации. На следующий год царский посланник вновь приехал с угрозами от царя, требуя повиновения. На эти акции казаки ответили казнью посла по приговору казацкого круга. Конфликты между московским правительством и казаками усугублялись тем, что казаки не выдавали царю бежавших от него подданных, руководствуясь принципом: «С Дона выдачи нет». Для Москвы это было малоприемлемо, поскольку после утверждения крепостного права судебником 1649 г. все больше крестьян, которых оно коснулось, бросали свои дома, а в некоторых случаях и свои семьи, и уходили в «дикое поле».

Московское правительство, запрещавшее хождение на Дон «в молодечество», фактически было бессильно прекратить эту миграцию. Тем более что вскоре многие из молодцев перестали уходить на родину зимой, а оставались на месте, устроив себе там примитивные жилища. А вскоре в низовьях Дона возник казацкий городок Раздоры, ставший резиденцией казацкой вольницы,

---

³⁷ Независимым было казачество западных земель. По инициативе поляков в 1576 г. община свободных казаков была преобразована в территориальные войска, подчиненные польским воеводам, образовав так называемое «реестровое казачество», получавшее хорошие денежные выплаты и припасы. И хотя территориальные войска были учреждены, но свободные казаки отказались распустить свои силы и уничтожить свои укрепления в Запорожье.

которая позже была перенесена в Черкасский городок – место пребывания атамана и старшин. Кроме того, увеличившееся казачество перешло к чисто военным промыслам, начав громить крымских и кубанских татар и даже предпринимать на своих чайках морские походы на турецкие берега.

Казаки первыми стали защищать Московию с юга. Еще в 1631 г. казаки захватили турецкую крепость Азов, которая мешала их выходу к Азовскому морю. Это позволило казацким флотилиям, которые состояли из легких лодок, нападать на поселения на побережье Азовского и Черного морей. Более трех лет продержали казаки эту крепость, для ее возвращения турки снарядили войска. Однако казаки отбили атаку (1641 г.). Одновременно они просили царя Михаила принять Азов в свои владения и поддержать их. Однако Земский собор не поддержал просьбу казаков, мотивируя это тем, что Москва не может начинать войну против Турции (государственные финансы были расстроены войной с Польшей). Казаки оставили Азов. (Спустя 50 лет именно на Азове юный Петр I испытал свои «потешные войска».)

Правительство в конце концов «прибрало к рукам» казачество. Казаки были переписаны и составили особое служивое сословие в государстве. При этом казацкое самоуправление было ограничено, а территория Войска Донского вошла в состав Московского царства.

Начиная с XVII в. московское правительство вербовало казаков на службу в украинских степных городах, в Приуралье и Сибири. Затем правительство создало из донских казаков Волжское, Астраханское, часть Терского и Оренбургского войск, а сами казаки еще в XVI в. образовали особую колонию на реке Яике – войско Яицкое, которое после Пугачевского восстания получило название Уральского. Казачество сохранило свое значение и при имперской форме государственности в последующие века.

7.3. Исторические особенности Российской империи, петровское наследие в династических противоречиях и их влияние на формы государственного управления

В 1801 г. Петр I официально провозгласил принцип неограниченности царской власти, став императором, равным императору Священной Римской империи. «Русское самодержавие было всесторонне вестернезировано, т.е. ориентировано на Запад. Теперь оно было великой монархией того же типа, что возникли в

Западной Европе на протяжении Нового времени. Оно находилось в тесных связях с германскими монархиями Габсбургов и Гогенцоллернов. Его психология была практически той же, что в Берлине и Вене», – пишет М. Карпович, специально исследовавший особенности Российской империи, начиная с момента создания до ее гибели³⁸.

Государственность, возникшая в результате реформ Петра I, разрушила традиционные формы, которые ранее сложились в русской цивилизации. Они касаются трех основных вопросов: нелегитимного порядка восшествия на престол, роли аристократии в управлении империей в условиях «вольности дворянской» и разрушения демократических форм местного самоуправления.

Легитимность восшествия на престол – одно из основных условий русского самодержавия. «Русское самодержавие было организовано русской низовой массой, оно всегда опиралось на Церковь, оно концентрировало в себе религиозную совесть народа, на низах было самоуправление, политической организацией народа в его целом было самодержавие»³⁹.

Именно династический кризис, связанный с уходом в небытие Рюриковичей, стал прологом к Смуте, из которой Русь выбралась с большими потерями, но породив при этом народную монархию и династию Романовых. Можно считать, что в конце XVII в. царский дом Романовых также испытал «малый династический кризис», который был связан с борьбой двух боярских родов (Милославских и Нарышкиных) за престол. Мы не будем здесь касаться всех конкретных перипетий этого противостояния. Отметим только, что восхождение Петра I из рода Нарышкиных на престол было связано с реками крови. Но при всех этих кровавых издержках он был легитимно выбранным царем. А затем, после его смерти, в течение многих десятилетий нелегитимность становится чуть ли не главной чертой восхождения на престол российских императоров. Эта «нелегитимная» власть переходила к претендентам на престол, даже по своему происхождению и ментальности далеких от русских традиций. Уже воцарение Екатерины I трудно назвать легитимным, учитывая ее далеко не «аристократическое происхождение» и занятие престола в результате дворцовых интриг верховников – членов совета, которые после смерти Петра I стали чем-то вроде членов прежней Боярской думы. После смерти

³⁸ Карпович М.М. Имперская Россия (1801–1917). С. 130.

³⁹ Солоневич И.Л. Народная монархия. С. 54.

Петра II появляется в качестве императрицы Анна Иоанновна, а затем Анна Леопольдовна, которую свергает с престола Елизавета Петровна. После ее кончины на короткое время императором становится германофил Петр III. В результате переворота его жена захватывает корону и становится императрицей Екатериной II (Великой). Ее сына Павла I лишает жизни и короны внук Екатерины II – Александр I.

Эти нелегитимно появившиеся на престоле цари могли позволить себе любые тиранические безумства в отношении подданных, включая и высшую аристократию. Они не раз пытались ограничить самовластие очередного монарха. Наиболее показательна в этом отношении история с Кондициями, подписанными призванной на престол императрицей Анной Иоанновной.

После внезапной смерти Петра II, внука Петра I и сына казненного царевича Алексея, Верховный тайный совет решил ограничить царскую власть. После смерти царя «верховники» решили звать на престол царицу Анну Иоанновну, племянницу Петра I, дочь его сводного брата Ивана, хотя «верховники» понимали, что Анна Иоанновна имеет меньше прав на престол, чем дочери Петра от Екатерины. Они решили поставить на престол лицо, которое будет им обязано восшествием на престол, ограничив его самовластие, заранее взяв с нее обязательства, ограничивающие ее полномочия⁴⁰.

Но планам «верховников» не удалось осуществиться в силу противодействия дворянства, которое также хотело участвовать в управлении государством. Оно, особенно петербургское, активно включилось в эту кампанию. (Дворянство в Российской империи тогда было представлено стратой 100 тыс. человек, из них

---

⁴⁰ Князь Дмитрий Голицын написал пункты, или кондиции, которые обязывали царицу без согласия Верховного тайного совета не предпринимать:

1. Ни с кем войны не вчинять; 2. Мира не заключать; 3. Верных наших подданных никакими новыми податями не отягощать; 4. В знатные чины, как в статские, так и военные, сухопутные и морские, выше полковничья ранга не жаловать, ниже знатым делам не определять и гвардии и прочим полкам быть под ведением Верховного тайного совета; 5. У шляхетства живота и имени, и чести без суда не отнимать; 6. Вотчины и деревни не жаловать; 7. В придворные чины, как русских, так и иноземцев, без Верховного тайного совета не производить; 8. Государственные доходы в расход не употреблять.

И всех верных подданных в неотменной своей милости содержать. А буде чего по сему обещанию не исполню, и не додержу, то буду лишена короны российской. АННА // *Корсаков Д.А.* Восцарение императрицы Анны Ивановны. Казань, 1880.

15 тыс. офицеров, включая два гвардейских полка – Преображенский и Семеновский – в Петербурге, которые вместе насчитывали около 3 тыс. человек.) Известно десять записок, поданных или подготовленных к подаче в Верховный тайный совет от разных кружков. Иностранные послы доносили, что в Москве одни стояли за конституцию, как в Голландии, другие – за парламент, как в Англии, третьи – за шляхетскую республику, как в Польше, четвертые за образец брали Швецию⁴¹. Но особенно четко выразили свое несогласие с предложениями «верховников» офицеры гвардейских полков, расквартированных в Петербурге. Это позволило Анне публично порвать ранее подписанный ею текст Кондиции, поставив крест на конституционно-аристократической монархии, которая просуществовала в России всего десять дней.

1 марта 1730 г. во всех соборах и церквях шла присяга Анне Иоанновне как самодержице российской, которая сразу же подкупила дворян, ограничив срок службы 25 годами и окончательно отменив указ Петра о единонаследии. На практике возник террористический режим, установившийся именно в царствование Анны, названный по имени ее любовника бироновщиной⁴². Диктатура последнего не проводила в жизнь интересы дворянских кругов, а была направлена в пользу небольшой кучки придворной знати, главным образом иностранцев. Казна истощалась роскошью двора, подарками любимцам, недоимки выколачивались вооруженной силой, царили сыск и шпионаж. Дворянство, возведшее на престол Анну Ивановну, было возмущено «засильем иноземцев» и поведением «курляндца», а многим пришлось закончить жизнь на плахе или в ссылке.

При Елизавете гвардия стала играть еще большую роль, возведя ее на престол. Дворянская гвардия сажала на престол и свергала императоров, дворяне возглавляли самые важные ведомства и управления.

Вошедшая нелегитимным путем на российский престол Екатерина II в начале своего царствования в рамках «просвещенного абсолютизма» и вольтерьянства пыталась в своей деятельности

⁴¹ Буровский А.М. Несостоявшаяся Россия. М., 2003.

⁴² Эрнст Иоганн Бирон – мелкий курляндский дворянин, любимец императрицы Анны Ивановны, всевластный временщик. После смерти Анны Ивановны недолгое время был регентом государства, будучи свергнут в 1740 г. Анной Леопольдовной при участии Миниха.

сочетать принципы самодержавия и *аристократической корпоративной демократии*. Екатерина понимала, что Уложение 1649 г. Алексея Михайловича и указы Петра I устарели. 14 декабря 1766 г. она издала Манифест о созыве депутатов в «Комиссию для сочинения проекта нового уложения»⁴³. 564 депутата привезли больше полутора тысяч наказов. Но быстро выяснив, что комиссия не может создать никакого свода законов, обусловив только «дополнительные бюджетные расходы», Екатерина оставила этот проект. Ею был создан вместо почти бездействующего Сената Имперский совет, который формально не существовал. Однако фактически он действовал с начала первой турецкой войны. (Официально Государственный совет открыл только Александр I по плану М.М. Сперанского 1 января 1810 г.) Дворянская гвардия возводила на престол и свергала императоров, дворяне возглавляли самые важные ведомства и управления. После Манифеста о вольности дворянской дворяне окончательно могли не служить, но править не переставали, а после губернской реформы 1775 г. властвовали не только в Петербурге, но и в большинстве российских провинций.

Имперский абсолютизм обусловил многие негативные явления в управлении страной как в центре, так и на местах. План преобразований в управлении целиком скопирован Петром I с Запада так, как если бы до него не существовало никакого общественного порядка, административного устройства и аппарата управления. Он формировал систему управления под влиянием идей, которые

---

⁴³ Комиссия составлялась из представителей правительственных учреждений (Сената, Синода, главных канцелярий центрального управления) и из депутатов от различных разрядов или классов населения. Система выборов в Комиссию была сложной. Одного депутата выбирал каждый город от домовладельцев, каждый уезд — от дворян-землевладельцев и каждая провинция — по депутату от однодворцев, от пахотных солдат, от государственных черносошных крестьян и оседлых инородцев от каждого народа, крещеного или некрещеного. Таким образом, в Комиссии были представлены центральные правительственные учреждения, некоторые сословия, инородческие племена.

Депутатам было назначено жалованье, они получили большие привилегии. Все они находились под «собственным охранением» императрицы, на всю жизнь. В «какие бы прегрешения» не впали бы депутаты, они освобождались от смертной казни, пытки и телесного наказания. Их имущество подвергалось конфискации только за долги. За преступление против депутата полагалось наказание в двойном размере — так охранялась их личная безопасность. Кроме того, депутатам были даны для ношения особые значки. Дворянским депутатам по окончании дела дозволялось вносить в их гербы, «дабы потомки знать могли, какому великому делу они участниками были».

развивал Франк Лейбниц в своей теории «идеального государства». «Регулярный государственный строй можно представить в виде простых механических схем, где все министерства, ведомства, службы и люди должны соединяться друг с другом как колесики в швейцарских часах. Система приказов, Боярская дума, разделение страны на уезды были отменены. Двадцать тысяч указов обрушились на страну, парализовав ее систему управления. В результате, как пишет Тихомиров, «исключительный бюрократизм разных видов и полное отстранение нации от всякого присутствия в государственных делах сделали из якобы совершенных учреждений Петра нечто в высшей степени регрессивное, стоящее и по идее и по вредным последствиям бесконечно ниже московских правительственных учреждений»⁴⁴.

По новому административному делению (20-е годы XVIII в.) страна была поделена на восемь губерний (Архангелогородская, Петербургская, Московская, Смоленская, Киевская, Казанская, Азовская и Сибирская) во главе с губернаторами, обладающими широкими военными, финансовыми и полицейскими полномочиями. В подчинении губернаторов находились должностные лица, ведавшие определенными отраслями управления (обер-комендант, отвечающий за состояние военного дела, обер-комиссар, ведавший сбором денежных и натуральных налогов, и т.д.).

«Даже в Петербурге в системе управления царя полная неразбериха, а во многих губерниях вообще не было суда, способного отправлять правосудие. ...Если называть вещи своими именами, то получается, что несколько десятилетий правительство Российской империи контролировало только часть своей территории, а те, кто подчинялся Петербургу, делали это очень относительно»⁴⁵.

Усиление вертикали самодержавия происходило при Екатерине II, когда в 1775 г. она начала губернскую реформу. Вся империя была разделена на 50 губерний (с населением 300–400 тыс. жителей), которые подразделялись на уезды (20–30 тыс.). Главным учреждением в системе администрации стало губернское правление (исполнительное и полицейское) с губернатором или наместником во главе. К концу своего царствования, 21 апреля 1785 г., Екатерина II даровала Жалованную грамоту городам, которые жили в режиме самоуправления и корпоративной демокра-

⁴⁴ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. Т. 2. С. 162–163.

⁴⁵ Мединский В. Мифы о России. С. 494–495.

тии. Города получали право иметь свои гербы и составлять свои уставы. Устав уездного города утверждался на уровне губернии, устав губернского – на уровне правительства империи.

Николай I был еще более одержим строительством своей «вертикали власти», резко усилив принцип бюрократии в ущерб остальным формам управления. Бюрократизация аппарата при Николае I достигла своего апогея. Не получил права действовать класс людей самостоятельных, убежденных, активных. На смену им пришли чиновники послушные, но равнодушные и ни за что не отвечающие.

Можно отметить позитивную роль дворянства в конце XIX в., когда происходит возрождение внесословной земской демократии. Из многих реформ, проведенных Александром II (судебная реформа ввела суд присяжных, реформа армии заменила рекрутов системой призыва), самой значительной стала Земская реформа. В соответствии с «Положением о губернских и уездных земских учреждениях» от 1 января 1864 г. в уездах и губерниях вводились выборные органы местного самоуправления – земства. Созданные земские учреждения состояли из представителей всех сословий, но избирательное право обуславливалось имущественным цензом. Члены земских собраний (гласные) избирались по трем куриям: землевладельцев, городских избирателей и выборных от сельских обществ. Последняя курия была многостепенной. Председателем собраний был предводитель дворянства. Создавались также исполнительные органы – губернские и уездные земские управы. Земские учреждения имели собственные земские капиталы.

Вводились земства постепенно и не во всех районах империи. Министерство внутренних дел и губернаторы имели право отменять постановления земств. Сфера деятельности и права земских собраний постоянно урезались правительством. Но несмотря на это, земства сыграли исключительную роль в хозяйственном подъеме России начала XX в., а также в культурном развитии. В ведении земств находились просвещение, медицина, частично – общественная безопасность, пожарные и т.д. Статус земского врача и учителя был так высок, что память об этом дожила до нашего времени. Из местных налогов, которыми распоряжались земства, создавались страховые капиталы от огня, наводнений и других несчастий, кредитные учреждения для поддержки мелких предпринимателей.

* * *

Исследование характерных черт Российской империи, проведенное в религиозно-духовном плане (Синодальная Церковь), идеологическом («просвещенного и непросвещенного» абсолютизма), классово-стратифицированном с выделением особой роли дворянства, следует дополнить еще одним аспектом – геополитическим. Одной из главных черт любой империи является ее геополитическая составляющая, которая в разные периоды у разных структур имела определенные целевые установки и их реализацию в конкретных действиях (включая военные) по приобретению (или желанию приобретения) тех или иных территорий.

7.4. Имперская государственность, создание геополитического каркаса русской цивилизации и антироссийские военно-политические акции западных держав

Вынесенная в заглавие этого параграфа проблема не может быть достаточно содержательно раскрыта, исходя из тех временных параметров, в рамках которых возникла Российская империя в начале XIX в. Точнее, геополитика этого периода безусловно отражает абсолютистские особенности государственности, созданной Петром I. Однако по своим корням она (может быть, в трансформированном виде) связана с месторазвитием русской цивилизации на евразийском континенте. Поэтому данную проблему нужно анализировать в долгосрочном аспекте, причем как в историческом, так и метаисторическом плане.

Известный немецкий геополитик Макиндер назвал Россию «геополитической осью истории»⁴⁶. И это утверждение справедливо. Континент Евразия – самый древний и устойчивый континент планеты. Россия занимает основное пространство земель Евразии, поэтому ее территория не распадается между двумя материками, а образует самостоятельный материк – Русскую Евразию. Земли России в комплексе сакральной географии занимают центральное место в согласии с древнейшей логикой астрономических и астрологических соответствий⁴⁷. Благодаря своему особому территориальному положению – отсутствию естественных границ (гор, морей) – она сложилась и развивалась как совершенно особая цивилизация. «Прежде всего следует помнить о равнинных

⁴⁶ Дугин А. Основы геополитики. С. 190.

⁴⁷ Дугин А. Континент Россия. М., 1999. С. 64.

открытых границах России, которые были и ее силой и ее слабостью. Силой потому, что давали народу России возможности распространяться на Восток, в результате чего Россия колонизировала фактически всю северную Азию, оккупировав в конце концов одну шестую земной поверхности. Слабостью потому, что благодаря им Россия была более уязвимой для нападения с востока, с юга и особенно в последние столетия с запада», — пишет далекий от русофильских настроений английский историк Хоскинг⁴⁸. Поэтому при анализе геополитической российской истории нужно согласиться с мнением обществоведов, которые полагают, что Россия может существовать в качестве структуры имперского типа. «Для русских империя была прежде всего средством выживания: крушение империи означало бы не просто потерю выгодных и отдаленных владений, но смертельную угрозу существованию самого ядра государства»⁴⁹. «Российская империя создавалась на совершенно иных принципах, чем европейские колониальные империи... Современные ученые пытаются иногда придать значение научного термина «держава» или «общность», чтобы на уровне слов отделить разные по сути государственные образования, но пока никакой другой термин не прижился, не стал общепринятым. Однако будем иметь в виду, что по сути — это разные политические структуры» — отмечают современные отечественные политологи⁵⁰. Империи западной цивилизации вели к разрушению древних цивилизаций на всех континентах. Русская государственность сначала в самодержавной, а потом в имперской форме предполагала их абсорбирование, во многом определяемое континентальными особенностями государственных структур, возникших в Евразии.

Говоря о Российской империи как особой евразийской сверхдержаве, возникшей в XIX в. на громадном континенте-океане, Вернадский создал схему государствообразующего интеграционного процесса на этом пространстве. Он выделил четыре этапа в его геополитической интеграции. Первый этап: Скифская держава (с V по II в. до н.э.), которую сменила держава сарматов и готов. Второй этап: Гуннская империя, которую сменила система государств, включая Древнюю Русь, Хазарский каганат, Волжскую Булгарию, а также политические объединения печенегов и половцев. Третий этап: Монгольская империя — после ее распада сначала образовалась Золотая

⁴⁸ Хоскинг Д. История Советского Союза 1917–1991. М., 1995. С. 12.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Мединский В. Мифы о России. С. 128.

Орда, Джагатай, Ильханский Иран, Юньский Китай, а позднее возникло Московское царство, Литовско-Русское государство, Казанское, Сибирское, Крымское ханства и другие «осколки» монгольского мира. Четвертый этап связан с возникновением Российской империи, а затем СССР, который, потеряв ряд коренных русских земель на западе бывшей Российской империи, удержал русские владения на востоке⁵¹.

Все имперские интеграции прошлого, о которых говорит Вернадский, действительно сыграли важную роль в истории России, но самодержавная государственность на Руси, а тем более народная монархия, как уже говорилось, складывалась как самобытная форма государственности только русской цивилизации. Точно так же долгосрочные геополитические константы имперской российской государственности должны были носить самобытный характер. Но что должно было определять это своеобразие? Вопрос о характерных чертах геополитики Российской империи в современной отечественной социологии и политологии приобрел новое осмысление по сравнению с ее трактовкой у большинства историков дореволюционного и советского прошлого.

Эта тема была поднята Солженицыным. Характеризуя Петра I как разрушителя государства и негативное правление плеяды дальнейших российских императоров, он отмечает множество неудачных войн, внешнюю политику, определяемую мелкими династическими интересами лиц немецкого происхождения, волею случая попадавших на русский престол, войны в царствование Елизаветы. О Екатерине II он говорит, что, начав свое царствование с позорного мира Петра III с Пруссией, затем она вошла в союз, подчинившись политике Фридриха. Будучи одержима «греческим проектом» восстановления Византийской империи, она использовала российский флот для ненужных России целей. Проведя шесть войн (одно из наиболее кровопролитных царствований), перед смертью готовилась к седьмой против революционной Франции. В материальном плане она обескровила страну⁵². Далее, анализируя деятельность Александра I, Николая I, Александра II, Солженицын считает, что все их европейские игры были антинациональными и антинародными, включая защиту балканских славян. Солженицын выделяет деятельность Александра III: «В долгой веренице наших императоров Александр III, без недуга нерешительности своего отца, может, первым за полтора столе-

⁵¹ Вернадский Г.В. Русская история. С. 433.

⁵² Солженицын А. Русский вопрос к концу XX века. С. 157.

тия, хорошо понимал гибельность российского служения чужим интересам и новых захватов, понимал, что главное внимание должно быть обращено на внутреннее здоровье нации...»⁵³. Что касается Николая II, то, солидаризируясь с Тихомировым, Солженицын утверждал, что «Николай II просто с первого дня начал, не имея подозрений об этом, полный развал всего, всех основ дела отца своего»⁵⁴.

Отмечая правомерность самой постановки проблемы, все же необходимо отметить ее достаточно упрощенную трактовку, включая созидательные основы Александра III. Император мог сосредоточиться на внутренних проблемах страны только потому, что к его времени геополитическая мощь России возникла в результате и тех военных акций, которые негативно оценивает Солженицын. А это означает, что геополитика российских императоров должна быть поставлена в связь с *долговременными* тенденциями формирования пространственного ареала русской цивилизации в доимперский период и перешла в имперский период в трансформированном виде. Собрание земель, покровительство православным народам и защита от внешнего вторжения были главными геополитическими ориентирами русских государей в прошлом⁵⁵. Но в целом этот тренд сохранился и в имперский период, только в более сложных новых мировых геополитических реалиях. В XVIII–XIX вв. происходил территориальный раздел мира между крупнейшими державами западной цивилизации⁵⁶.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. С. 158.

⁵⁵ Собрание земель – долгосрочный аспект внешней политики, консолидации всех сил для возрождения русской цивилизации после разрушительного смерча, который обрушился на нее со стороны Монгольской империи, в сочетании с постоянными западными угрозами. Политика «собрания земель» становится главной уже в царствование Ивана III. Она опиралась на соответствующую идеологию, согласно которой Московия становится единственной наследницей Древней Руси и ее территорий. Эти земли были расположены в северо-западной, западной и южной частях Евразии. В дальнейшем московские монархи неоднократно ставили себе задачи возвращения русских земель на Западе, которые были в составе Великого княжества Литовского, а затем Речи Посполитой. В русско-литовской войне 1512–1522 гг. Московия и Великое княжество Литовское и Русское боролись за Смоленск и Смоленскую землю (по договору 1522 г. остались за Москвой). Впервые вернуть свои прибалтийские земли и пробиться к Балтийскому морю попытался Иван Грозный в ходе Ливонской войны.

⁵⁶ Можайскова И.В. Рыночные связи и деньги в многовековых циклах цивилизаций и их развитие в Западном обществе (ретроспектива). Гл. IX.

В этих условиях цели собирания русских земель, защиты от внешнего вторжения и покровительства православным народам сливались в единый процесс, который определял характер геополитических акций российских императоров, включая ее военную составляющую. Эту глубинную основу геополитики Русской империи и рассматривает Андреев. Он говорит «об эпохальной задаче, поставленной перед российской государственностью: заполнение пространства между всеми культурами, ныне существующими. Заполнение значит теснейшее соприкосновение со всеми ими, совместный обмен духовных излучений и, следовательно, не только внешнее сближение, но и взаимное духовное обогащение»⁵⁷. В конце XVIII в. в сознании русских возникло «властное ощущение мировых пространств», по выражению Андреева.

«Эпоха Петра I спасительно перевернула представление русских о человечестве. Теперь оно начало складываться не из двух, а уж из трех величин: во-первых, великая западная культура... та единая, как казалось, западная культура была волшебным притягивающей, глубокой, зрелой, многосторонней... Приходилось во многом идти к ней на выучку. Во-вторых, неопределенное туманище «диких» и «языческих» народов, с включением в эту категорию, по причине невежества, народов буддийских, индусских и даже мусульманских, считалось, что у этих учиться нечему и по отношению к ним можно, в свою очередь, усвоить аристократический взгляд сверху вниз... Он понимал, что Россия лишена средств внешнего могущества и внутреннего благосостояния, открывших просвещенной Европе знание и искусство. Он понимал, что шведы и турки лишали Россию возможности перенять этот опыт, отрезав ее от морей. Устранение этой преграды было первой целью Петра. Отсюда его стремление к покорению Азова, через который можно выйти в Черное море, битва за Балтику (Кронштадт, Петербург, Ригу, Ревель). Петру хотелось соединить свою континентальную родину со всем миром. Вспомним, что Древняя Русь имела выходы и к акваториям северных морей (Новгородская республика), и к акваториям юга (Тмутараканское княжество)⁵⁸.

Нельзя не отметить, что именно эту сторону деятельности Петра выделял и Ключевский, который писал: «Он мечтал, пользуясь сетью России, соединить все моря, примыкающие к Русской равнине, и таким образом сделать Россию торговой и культурной посредницей между двумя мирами, Западом и Востоком, Европой и Азией. Вышневолоцкая система, замечательная по остро-

⁵⁷ Андреев Д.Л. Роза Мира. С. 341.

⁵⁸ Там же. С. 333.

умному подбору вошедших в нее рек и озер, осталась единственным законченным при Петре опытом осуществления задуманного грандиозного плана. Он смотрел еще дальше, за пределы Русской равнины, за Каспий, куда посылал экспедиции князя Бековича-Черкасского, между прочим, с целью разведать и описать сухой и водный, особенно водный, путь в Индию. За несколько дней до смерти вспомнил он давнюю свою мысль об отыскании дороги в Китай и Индию Ледовитым океаном. Уже страдая предсмертными припадками, он спешил написать инструкцию Камчатской экспедиции Беринга, которая должна была расследовать, не соединяется ли Азия на северо-востоке с Америкой»⁵⁹.

Петр I смог решить только одну фундаментальную проблему, достигнув берегов Балтики и закрепившись на них. Но прибалтийские земли были оплачены Россией сполна. Берега Черного моря для России были закрыты. Все еще за границами империи были западные территории, бывшие предметом соперничества между Россией и Польшей. И эти задачи стояли перед императорами постпетровской России, которые не всегда осознавали эти задачи, находясь в плену мелких своекорыстных интересов и испытывая подчас чужеземное влияние.

«Сколь пустыми не кажутся нашему взгляду войны Анны, Елизаветы, Екатерины, но некоторыми из них преследовалась цель, не ясная самим исполнителям, но имеющая метаисторическое оправдание. Благодаря им к XIX столетию государство приобрело те географические контуры, которые совпадали в общих чертах с границами цивилизации... Этим была устранена опасность, так грозно осуществившаяся в истории большинства культур: опасность дробления на несколько устойчивых государственных единиц, веками раздиравших тело и душу своего сверхнарода»⁶⁰. Слова Андреева звучат особенно контрастно по отношению к постановкам Солженицына, о которых говорилось выше.

Андреев критиковал властителей Российской империи за их включенность в «игры» европейских государств за «провинциальное сознание», за то, что не сумели установить контакта с Ираном, выйти в Индийский океан, потеряли Русскую Америку, а в целом за утрату метаисторической цели. «Любая извилина исторического пути, в конце которой маячит такая опасность, должна быть избегнута любой ценой. И когда подобная опасность давит на одну из чаш весов, никакая сумма личных страданий не может ее перевесить»⁶¹. Андреев сетует,

⁵⁹ Ключевский В.О. Исторические портреты. С. 212.

⁶⁰ Андреев Д.Л. Роза Мира. С. 367.

⁶¹ Там же. С. 337, 334–335; Дугин А. Основы геополитики. С. 193, 191.

что «Петр так и не передал своим преемникам, ни ближним, ни дальним, океанического размаха своей мечты, позднее лишь в сознании Александра I брезжила, по-видимому, мечта его прадеда, когда он снаряжал одну экспедицию за другой в кругосветное плавание»⁶².

Анализируя уже конкретный исторический процесс образования геополитических границ Российской империи, необходимо отметить, что она по этим параметрам сложилась не по национальному признаку, а по цивилизационному. Ведь южная ее граница была ареной многовековых войн, а затем здесь появилась империя Тимуридов. Кавказ также был границей многих враждующих цивилизаций – арабской, персидской, турецкой. Западные рубежи империи, включая Украину и Белоруссию, образовались в результате борьбы с государствами западной цивилизации. В итоге российская государственность, включая и ее имперскую форму, образовывала политическую структуру для Русской цивилизации, с собственным Западом, не похожим на латинский вариант, и собственным Востоком, совершенно не отвечающим традициям мусульманских стран.

Эти общесоциологические выводы в отношении сущности долговременного тренда российской государственности необходимо дополнить конкретным историческим материалом о формировании геополитического каркаса на юге, западе и востоке империи. Естественно, что этот аспект анализа требует привлечения конкретного исторического материала, но он представлен лапидарно, выделяя только основные факты, которые характеризуют эти тенденции, начав с долговременной основы геополитики прошлого – собирания земель.

В этот период геополитика имела три вектора – северо-западный, западный и южный, с превашированием южного его направления, связанного с конфронтацией с исламским миром, прежде всего с Османской Турцией.

Северо-западный вектор в собирании русских земель в XVIII в. нашел свое выражение в Северной войне Петра I (1700–1721 гг.) в борьбе за Прибалтийские земли, которые ей исторически принадлежали, но которые шведы не собирались отдавать России. Эта многолетняя и тяжелая война с сильным противником потребовала мобилизации всех ресурсов, обусловила интенсивное строительство флота и оборонительных укреплений (Петербург сначала закладывался как крепость). Она вызвала необходимость формирования новой армии.

---

⁶² Андреев Д. Роза Мира. С. 334–335.

В течение войны были сражения, которые оканчивались поражениями (Нарва), штурмы укрепленных западных городов (Ниеншанца, Мариенбурга, Риги, Ревеля, Выборга). Победив Швецию в изнурительной Северной войне, Петр предложил побежденным огромную сумму (2 млн ефимков) в обмен на территориальные уступки. Согласно Ништадтскому мирному договору, подписанному 30 августа 1721 г., к России переходили в «вечные владения и собственность» Ингрия, часть Карелии, Эстляндия, Лифляндия с морским побережьем от Выборга до Риги и островами Эзелем, Даго и Моном. Россия обязалась возвратить шведам Финляндию, уплатить 2 млн ефимков и отказывалась от поддержки на шведский престол голштинского герцога, жениха дочери Петра I Анны.

Западный и юго-западный вектор был представлен наступлением на земли Киевской Руси, которые были в составе Речи Посполитой – извечной соперницы Руси. Возвращению этих земель способствовали события, связанные с Французской революцией и ее последствиями, из которых извлекли выгоду европейские державы и Россия. В 1772 г. в Петербурге Австрия, Пруссия и Россия заключают конвенцию о частичном разделе Речи Посполитой, что потом было названо первым разделом Польши. На встрече в 1723 г. была подписана конвенция о втором разделе Речи Посполитой. В результате этих дипломатических переговоров Россия получила Волынь, Подолию, западную часть Белоруссии. По словам Ключевского, она не присвоила ничего исконно польского, отобрав свои старинные земли, да часть Литвы⁶³. В скором времени как реакция на восстание (1775 г.) произошел третий раздел Польши. К Российской империи отошли все земли, которые называются сегодня Западной Украиной и Западной Белоруссией, а также Литва, Курляндия, латышские земли⁶⁴.

Южный вектор собирания русских земель был представлен внешнеполитическими и военными акциями за старинные славянские земли, которые были в составе Древней Руси (Тмутараканское княжество). Они были отторгнуты от русской цивилизации более чем на пять столетий. Южные земли Руси долгое время были под властью

⁶³ Ответом стало польское восстание под руководством Тадеуша Костюшко под лозунгом национальной единой Польши, воссоединения земель, отторгнутых Австрией, Пруссией и Российской империей, имея в виду и все земли, населенные православными украинцами и белорусами. Сначала действия восставших были успешными. Но затем Пруссия и Россия бросили против восставших свои регулярные войска. (С российской стороны войсками командовал Суворов.) Через полгода восстание было подавлено. В январе 1797 г. Екатерина II утвердила раздел Польши, ликвидацию польской государственности, упразднение польского гражданства, упоминание Польши в дворянских титулах.

⁶⁴ Австрия получила закарпатские земли со Львовом и Галичем, коренные польские земли с Краковом, историческим сердцем страны. (Эти территории принадлежали Австрии вплоть до 1918 г., т.е. до распада Австро-Венгерской империи.) Пруссия получила весь запад и север этнической Польши.

крымских татар, сюзереном которых была Османская Турция. Крымское ханство закрывало на юге Черное море и держало южные окраины государства под постоянной угрозой набегов. Не случайно в первой трети XVIII в. была проведена линия укреплений на окраине России, южнее созданной в конце 70–80-х годов XVII в. Но она не спасала от этих нашествий и угрозы со стороны Османской Турции. Еще в начале царствования Екатерины в сентябре 1768 г. Турция (при задулиской поддержке Англии и Франции) объявила России войну, застав страну к ней не готовой. В 1769 г. крымский хан Гирей с 70-тысячным войском ограбил и сжег Елизаветградскую область (это было последнее татарское нашествие в русской истории). Русская империя начала борьбу и против турецкой угрозы, и за южные земли, которые обеспечивали ей выход к Черному морю. В XVIII–XIX вв. было восемь войн с Турцией за Крым и Причерноморье, которые нельзя рассматривать только в негативном плане. Именно Екатерине II (при всей справедливой критике в ее адрес в области византийского проекта)⁶⁵ удалось уничтожить последние очаги степной угрозы нападения на русские земли, покорив Крым и остановив движение Османской империи на православные земли⁶⁶. В 70-х годах XVIII в. Россия получила выход

⁶⁵ При Екатерине II мысль о России как преемнице Византии оживает, она имеет грандиозные замыслы в отношении Константинополя, который должен стать русским. Не случайно в Новороссии основан город Екатеринослав (теперь Днепропетровск) «по образцу Афин».

⁶⁶ Необходимо отметить, что военное противостояние России и Османской Турции началось после вторжения крымского хана Гирея и разграбления Елизаветградской губернии, когда русская армия показала свою дееспособность. Летом следующего года русские войска были в Крыму, взяли Керчь.

Крымские ханы были не в состоянии оказать им сопротивление. Могучий покровитель крымских татар Османская империя также не могла этому противодействовать. По Кючук-Кайнарджийскому договору Крымское ханство перестало быть вассалом Турции. Россия вынудила Турцию оставить Крым без своего покровительства, прекратить поддержку оружием, хлебом. Но крымские татары сохраняли независимость.

Россия получила степь – сначала до Днепра, потом лишь до Буга. По этому договору Предкавказье тоже отходило к России. Предкавказье с его субтропическим климатом – это не только горные области, но и почти 200 тыс. квадратных километров степей и лесов. Оно славилось богатым животным миром, богатými черноземами. Кубань разделяла территорию Крымского ханства и земли адыгов и группы родственных к ним племен. Эти народы имели свои языки, свою территорию. Они не считали себя подданными ни турецкого султана, ни крымского хана. Крымские татары постоянно грабили эти племена, угоняли у них скот и людей, отнимали имущество. Поэтому еще к Ивану Грозному присылали посольства от адыгов, кабардинцев и черкесов с просьбой «оборонить» мирных людей от набегов «крымского царя». Известно, что Иван Грозный, стремясь сблизиться с адыгами и помочь им, даже послал на юг отряд стрельцов. Судьба их неизвестна, так как ни один не вернулся домой.

к Черному морю на участке между Днестром и Южным Бугом, в 80-х – Крым и Западное Предкавказье (к северу от реки Кубань), в начале 90-х – побережье Черного моря между Южным Бугом и Днестром, и, наконец, уже в начале XIX в. – Бессарабию.

В XIX в. произошло формирование *кавказского* ареала Российской империи, когда шла почти непрерывная война с враждебно настроенными горскими народами, за которыми опять-таки стоял исламский мир. Северокавказские племена в течение веков совершали бесконечные набеги на русские земли. Как считают современные историки, специально исследовавшие эту проблему, Кавказская война выросла из набеговой системы⁶⁷. На набеги горцев Россия должна была ответить, не желая допустить, чтобы ее подданные на собственной территории грабили и превращали в рабов. Отношения между Россией и горскими племенами обострились после 1875 г., когда местные имамы и шейхи стали призывать кавказские племена к «газавату» (священной войне против неверных). Тогда началась длительная, затянувшаяся на полстолетия война России с горскими племенами Кавказа. «Это была одна из самых кровопролитных, долгих и тяжелых войн, какие только вела Россия за всю свою историю. В этой войне погибнет 70 тысяч русских солдат, примерно столько же грузинских ополченцев и несколько сотен тысяч горцев разных племен, не считая огромных материальных ресурсов»⁶⁸. Только после поражения Турции в очередной войне (1812 г.) был положен конец набеговой системе и краже людей, что дало возможность русским расселиться на юго-восток, в сторону Каспийского моря. В 1818 г. основана крепость Грозная, которая через 50 лет становится городом Грозным, а в 1838 г. на месте турецкой крепости основан город Новороссийск.

Расширение южных границ Российской империи и ее военные акции против Турции и Персии были связаны еще с религиозным фактором – политикой державного покровительства единоверцам. В прошлом именно этот фактор (защита православных малороссов от католической Польши) сыграл решающую роль в принятии Украины в подданство Московского царства. Другие православные народы обращались к русским государям с такими же просьбами. В период существования уже Российской империи они приобрели наиболее настоятельный характер и со стороны православных грузин и армян, учитывая геноцидный характер политики исламизации, проводи-

---

Турция вскоре нарушила Кючук-Кайнарджийский договор и в 1787 г. снова объявила войну Российской империи. Русские одержали крупные победы под Очаковым, Бендерами, Аккерманом, но решающее значение имело взятие Измаила Суворовым. После штурма Измаила (1790 г.) последовал разгром турецкого флота при Тендрах (1790 г.) и Калиакри (1791 г.). Французская революция, изменившая расстановку сил, позволила России заключить победоносный мир с турками в Яссах.

⁶⁷ Гордин Я. Кавказ: земля и кровь. СПб., 1999. С. 16.

⁶⁸ Мединский В. Особенности национального пиара. С. 410.

мой Турцией и Персией⁶⁹. Россия не сразу откликнулась на эти обращения, так как отлично понимала, что ее присутствие в Закавказье будет означать необходимость войны не только с Турцией, но и с Персией. Александр I удовлетворил двенадцатую по счету просьбу грузин, издав 12 сентября 1801 г. Манифест о протекторате над Восточно-Грузинским царством, после чего присягу русскому императору принесла Мингрелия, а чуть позже Гурия и Абхазия. В начале XIX в. после русско-турецкой войны 1811–1813 гг. и русско-персидской войны 1812–1829 гг. Восточная Армения с населением более 100 тыс. человек вошла в состав Российской империи.

Защита балканских славян и война с Турцией стали знаковыми событиями в жизни Российской империи конца XIX в. Она была обусловлена желанием поддержать православных южных славян в их стремлении к независимости от Турецкой империи. Не случайно эта война была очень популярна в широких слоях русского общества, но она привела к жесткой конфронтации с Англией и Францией, что будет подробнее освещено ниже.

Восточный вектор геополитики Русской империи был обусловлен расширением месторазвития русской цивилизации в процессе колонизации Сибири, начатой еще в XVI–XVII вв. На востоке непосредственно к русским границам примыкали степи, пустыни и полупустыни, где казахи, киргизы и туркмены жили родовым строем. Башкиры и казахи совершали набеги на русские поселения с теми же целями, что и крымские татары – захват людей для продажи их в государство Средней Азии. Продвижение в первой половине XVIII в. русского земледельческого населения в черноземные степи Западной Сибири требовало защиты его поселений от калмыков и киргизов. Поэтому по Иртышу и Ишиму был выстроен целый ряд городов, а затем проведены линии укреплений – Ишимская, Пресногорьковс-

---

⁶⁹ В конце XVIII в. грузины не имели единого государства: существовали независимые Имеретинское, Кахетинское, Мингрельское царства, которые под угрозой набегов и нашествий платили дань Турции и ориентировались на нее во внешней политике. Но достаточно явные прорусские настроения стали возникать в Кахетии во время правления царя Вахтанга VI, когда турки, предотвращая возможность более тесного сближения, в 1773 г. пошли на прямую оккупацию Кахетии и Картли, которая продолжалась десять лет. Спустя нескольких десятилетий Ираклий II, основавший Восточно-Грузинское царство, объединил Картли и Кахетию, остановил набеги лезгин, нанес несколько поражений туркам. В этот период он несколько раз обращался к России за помощью, находя поддержку у других грузинских царей и князей, которые искали российского покровительства, боясь мусульманского геноцида. Они подписали «внутригрузинский» договор 1790 г. о политическом объединении и совместной просьбе к России о подданстве. Ответом на «внутригрузинский» договор стало вторжение в Грузию персидского шаха, начавшего планомерную политику исламизации и физического истребления грузин. В этой ситуации последний царь Восточно-Грузинского царства Георгий XII (1798–1800) вновь повторил просьбу взять Грузию под свой протекторат, чтобы спасти грузин от геноцида.

кая, Иртышская и Колывано-Кузнецкая. Они сооружались по той же технологии, что и подобные сооружения в Поволжье и степной «украине» Московского государства. Для несения военной службы на этих линиях было сформировано Сибирское казацкое войско.

Необходимо было «замирить» эти рубежи империи, этот процесс замирения начался с такого большого народа, как казахи, политической организацией которых были три жуса (орды). Добровольно стали принимать русское подданство ханы и султаны Младшего и Среднего жусов уже в первой трети XVIII в. (1731–1740). Эти их действия определялись факторами экономического и политического порядка. Россия к этому времени стала, с одной стороны, основным потребителем скота и продуктов скотоводства, с другой – поставщиком хлеба. Политическая, а точнее военно-политическая, их ориентация на Россию определялась тем, что над казахами нависла угроза не просто завоевания Джунгарским ханством, а тотального уничтожения⁷⁰. Однако переход этих жусов под эгиду русских властей не был бесконфликтным, поскольку в Младшем и Среднем жусах запретили работу торговлю, не позволяли творить произвол при сборе налогов, сначала ограничили права ханов и родовых вождей, а затем ликвидировали власть ханов (в 1822 г. – Среднего, а в 1824 г. – Младшего жуса). Эти действия вызвали недовольство ханов, которые подняли восстание против России, но оно не было поддержано народом, и поражение восставших было неизбежно. В середине XVIII в. казахский хан Абулхайр обратился к России с просьбой принять казахов Младшего жуса в русское подданство и защитить их от «зюнгорских калмыков» (джунгар). Решено было казахов в подданство принять.

Протекторат над казахскими жусами и казахской степью, которая, как Русская равнина и равнины Сибири, проходима во все стороны, поставил новые геополитические проблемы. Они были связаны прежде всего с необходимостью обеспечить безопасность своих новых рубежей и создать укрепленные пункты. Поэтому в 1854 г. там возникает небольшой укрепленный форпост Верное, который получил впоследствии название Алма-Ата, а на границе с казахской степью – Оренбург. Главная цель строительства Оренбурга состояла в том, чтобы «отворить путь на всю полуденную Азию». А он вывел Россию к новым соседям – ханствам Средней Азии, столкнув ее с имперскими структурами Запада, в частности с Британией, которая уже направляла туда свои воинские подразделения.

В 1865 г. после взятия Ташкента Кокандское ханство стало вассалом Российской империи⁷¹. В 1868 г. Бухарский эмират и Хивин-

⁷⁰ Завоеватели придерживались старой степной традиции – полного истребления врага, где врагом считался даже младенец в люльке, потому что из него может вырасти мститель.

⁷¹ После разгрома войска хана часть его подданных продолжили воевать как мусульмане против неверных. Это сопротивление на религиозной почве получило название «газават», т.е. война до победного конца. Тогда появилось слово басмачи (от слова «басмач» – атаковать).

ское ханство признали свою вассальную зависимость от России⁷². В 1880–1881 гг. Скобелев присоединил Туркмению. К 1885 г. в результате военных действий и мирных добровольных вхождений киргизов, туркмен Мервского оазиса и других почти вся территория Средней Азии вошла в состав Российской империи или признала от нее вассальную зависимость, т.е. оказалась в сфере ее влияния.

Тогда же происходит столкновение русской армии с английскими войсками, назревал военный конфликт. Он был частично разрешен соглашением 1873 г. между Российской и Британской империями «о буферном поясе в Средней Азии», которое устанавливало северную границу Афганского эмирата. В 1885 г. между Российской и Британской империями едва не начинаются военные действия. Русские и англо-афганские войска столкнулись около Купши, северной границы Афганистана, которую британцы считали своей «зоной влияния»⁷³.

Геополитические интересы Англии и России столкнулись в Центральной Азии, в Тибете, который нависает над «жемчужиной в короне» Британской империи – Индией. Было очевидно, что тот, кто владеет Тибетом, легко может ввести войска и в Непал, и в Северную Индию. Россия не была безучастна к этой геополитической игре. Не случайно в середине XIX в. Николай Пржевальский (1839–1888) провел четыре центрально-азиатские экспедиции⁷⁴. Российская и Британская империи боролись за влияние в Китае. В конце XIX в. российское правительство направило русский корпус в Пекин для участия в подавлении китайского восстания; вынудило Китай сдать в аренду Порт-Артур и Далявань, взяло концессию на железную дорогу через Маньчжурию.

⁷² Кокандское, Бухарское и Хивинское ханства – типичные среднеазиатские деспотии восточного типа с произволом правителей, средневековой жестокостью, ужасной нищетой крестьянства (95% населения), работорговлей как неперемнным и обычным элементом деловой жизни.

⁷³ Россия согласилась с притязаниями Англии только в 1907 г. при Николае II. Россия официально признала Афганистан «лежащим за пределами сферы ее интересов». Тогда же Российская и Британская империи разделили Персию на три зоны: южная была обозначена как зона влияния Британии, северная – России. Средняя зона признана «областью столкновения интересов».

⁷⁴ Н. Пржевальский окончил Академию генерального штаба. По поручению Русского географического общества совершил ряд смелых экспедиций в Уссурийский край, Монголию. В Тибет смог пройти русский подданный, бурят по этническому происхождению и европейский ученый, Цэбэкович, Цибиков. Ученый и разведчик, он под видом буддиста-монаха успешно собирал для России стратегическую информацию. В 1904 г. британские войска вошли на юг Тибета. Россия, предоставляя англичанам взаимоисключающую информацию по дипломатическим и разведывательным каналам и используя свое влияние в Средней Азии, смогла убедить Англию, что Тибет ей совершенно не нужен, пусть и дальше он остается в Китае.

По соглашению 1907 г. о территориальной неприкосновенности Тибета, Британия вывела войска, вышедшие в Тибет в 1904 г., а буряты-ламаисты, русские подданные, получили право на паломничество.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод, что в имперский период происходил интенсивный процесс создания геополитического каркаса русской цивилизации как особой структуры евразийского континента, призванной интегрировать духовные и материальные завоевания Запада, Востока и Юга. Сочетание этой долгосрочной геополитической константы государственности русской цивилизации с ее конкретной реализацией в Российской империи точно охарактеризовал Вернадский: «Западная Евразия (ее южная часть) может рассматриваться как первая, единая, древняя и средневековая стадия русской экспансии, а Евразия — как целое в качестве ее второй и завершающей стадии в результате освоения русским социумом евразийских пространств»⁷⁵. Ведь южная часть Западной Евразии под влиянием наступления других цивилизаций была отодвинута в самую глухую часть Евразии и открыта всем нашествиям с севера (шведы), запада (поляки), востока и юга (татары и турки). Эти нашествия происходили систематически, уничтожая все на своем пути. Великорусский социум не имел никаких сырьевых ресурсов, кроме леса и мехов, владел истоками рек, которые никуда не вели, не имел доступа ни к одному морю, если не считать Белого. И вот в течение четырех столетий это «ядро» расширило свою территорию приблизительно в 400 раз, вышло к четырем морям, охватив шестую часть земного шара.

В XVIII и XIX вв. Русская империя создавала геополитический каркас русской цивилизации. На западе Польша на время была устранена. На севере Швеция смирилась с потерей своего превосходства на Балтике. На юге с Турцией Россия вела себя как наступающая, а не отступающая сторона. Россия стала крупнейшим государством не только в Европе, но и в Евразии. Дальнейшее расширение Российской империи в течение XIX в., в результате чего ее территория составила 1/6 части суши, было связано с приобретением Финляндии, центрального района Польши (в дополнение к ранее присоединенным пограничным провинциям в ходе трех ее переделов), Бессарабии, Закавказья, закаспийских и центральноазиатских территорий, а также приамурских и приморских провинций Дальнего Востока. При этом в этот период России не требовалось таких усилий и жертв, какие она несла в предыдущие периоды.

---

⁷⁵ Вернадский Г. В. Древняя Русь. С. 25.

Но этот основной тренд в геополитике российских императоров не исключал военных и дипломатических акций, которые не отвечали интересам России, будучи обусловлены мелкими династическими интересами этих правителей. Сюда надо отнести и Семилетнюю войну середины XVIII в. Елизаветы Петровны с ее бесславным окончанием Петром III, и геополитические амбиции Екатерины II о возрождении Византийской империи, и использование русской армии Павлом I на территории Европы в борьбе против Наполеона, и участие Николая I в подавлении венгерской революции, и др. Эти не отвечающие интересам России геополитические акции разных русских императоров были обусловлены заложенным еще Петром I преклонением перед «Европою пригожей» и непониманием цивилизационного противостояния Запада и России.

Укрепление мощи русской цивилизации породило жесткие геополитические акции западных держав против Российской империи. В XVII–XIX вв. происходил территориальный раздел мира между крупнейшими державами западной цивилизации. Но их интересы не исключали и территориальных притязаний по отношению к России, что наглядно проявилось в XIX в., когда Российская империя достигла своего могущества, что испугало Англию и Францию. Ранее не Россия, а в течение многих столетий исламский мир был основным противником западной цивилизации, начиная с крестовых походов, освобождения от мавров испанского полуострова (реконквисты) и т.д. В Новое время над ней довлела мощная Османская империя. Тогда Европа принимала Россию как важного партнера в борьбе против исламского мира, тем более что длительное противостояние России и Турции в значительной мере поглощало агрессивность Османской империи по отношению к Западу. Русско-польские и русско-шведские военные конфликты в целом были не главными в обеспечении интересов Англии и Франции, учитывая, что в этот период они были заняты колониальными захватами. Можно считать, что они оставались в стороне от прусско-российского военного противостояния, в котором Россия опиралась на Австрию. Семилетняя война была очень важным этапом участия России в политической жизни Европы. Россия в этой войне впервые участвовала на равных как одна из великих держав, став субъектом большой европейской политики и одновременно продемонстрировав, насколько российский импе-

ратор в лице Петра III чужд интересам государства, которое он возглавляет⁷⁶.

Положение изменилось к концу XVIII – началу XIX в. в связи Великой французской революцией. Тогда возникла коалиция европейских государств, борющихся против революционной Франции, где самую активную роль играла Англия, но в которой принимали участие и другие европейские государства (Пруссия, Австрия и др.). Россия не оставалась безучастной, получая определенные дивиденды от этого эпохального события. Более того, Россия становится важным фактором всемирных планов Наполеона и наполеоновских войн. К началу XIX в. Россия на некоторое время стала гарантом стабильности в Европе, что было связано с планами Наполеона, провозгласившего себя императором в 1804 г. и заявившего о своих планах создать всемирную Империю. Русская империя становится важнейшим фактором, мешающим осуществлению наполеоновских амбиций, учитывая, что австрийские и прусские армии постоянно терпели поражения от французов⁷⁷.

---

⁷⁶ Тогда столкнулись геополитические интересы Австрии, Пруссии и России (Англия и Франция занимались выяснением отношений в Канаде). Пруссия хотела округлить свою территорию за счет Саксонии, герцогства Курляндского и польского Поморья. Россия также имела виды на восточные земли Польши, а также герцогство Курляндское. Австрия была заинтересована в закарпатских территориях, принадлежащих Польше. Военные действия в 1757 г. начал Фридрих Прусский против Австрии. На фоне этих событий русская армия, вторгнувшись в Восточную Пруссию и выиграв сражение при Гросс-Егерсдорфе, включила значительную часть Пруссии в состав Российской империи. Но затем Россия на пике победы вдруг выходит из войны в связи с возникшей неопределенностью на русском троне, связанной с болезнью Елизаветы Петровны. Военные действия русской армии возобновляются только в начале 1758 г., когда русские вошли в Кенигсберг. Только через год новый русский главнокомандующий П.С. Салтыков начал наступление, угрожая непосредственно Берлину. При Куннерсдорфе Фридрих потерпел крупное поражение. Путь на Берлин был открыт. Завершить войну решительным ударом помешали союзники-австрийцы, так как испугались мощи России. В 1761 г. русские войска взяли Берлин и находились там две недели. Они оставляют Берлин, так как после смерти императрицы Елизаветы Петровны на престол вошел ярый германofil Петр Федорович. Новый император прекращает военные действия и возвращает Фридриху все захваченные прусские территории.

⁷⁷ Англия активно сопротивлялась Наполеону на море. Она уничтожила, рассеяла и сожгла французский флот, предназначенный для высадки в Англии. Поэтому Наполеону пришлось отказаться от быстрого захвата Британских островов после сражения у мыса Трафальгар (1806 г.).

На континенте именно русская армия была самым важным фактором, сдерживающим Наполеона⁷⁸.

Россия сыграла главную роль в разгроме Наполеона, включая зарубежные походы русской армии 1813–1814 гг. Это стало свидетельством государственной мощи Российской империи и ее влияния на геополитическое будущее Европы. На Венском конгрессе 1814–1815 гг. Российская империя играла ведущую роль, выступая гарантом выполнения принятых решений, учитывая, что до 1818 г. во Франции стоял русский оккупационный корпус численностью 30 тыс. человек. Это влияние негативно воспринималось ведущими государствами Европы.

В последующие десятилетия в Европе происходила сначала неявная, а затем ускоренная консолидация крупных государств Европы против России. Результатом стала Крымская война, которой предшествовали некоторые события во взаимоотношениях России и Османской Турции. Ранее в двусторонний русско-турецкий конфликт государства Запада не вмешивались⁷⁹.

---

⁷⁸ Когда в начале 1799 г. Франция оккупировала Северную Италию, «верный союзническому долгу» Павел I послал русский экспедиционный корпус на помощь австрийцам. Он вызвал по настоянию союзников из ссылки Суворова и назначил его главнокомандующим этим корпусом. К осени 1799 г. Суворов полностью очистил Северную Италию от французов и был готов идти на Париж. Но эти намерения Суворова не устраивали австрийцев и они, по сути дела, предали его, выведя свои войска из Швейцарии, оставив там небольшой по численности корпус Римского-Корсакова один на один с превышающим его в два раза корпусом наполеоновского генерала Массены. Суворов решил двинуться на соединение с Римским-Корсаковым, заручившись договоренностью с австрийцами, которые обещали предоставить выючных мулов и обеспечить русскую армию продовольствием. Не выполнив ни одного обещания, австрийцы к тому же дали неверную информацию о наличии «хорошей дороги» среди Альпийских гор. Но дороги там вообще не было, русская армия оказалась как бы в тупике перед непроходимыми горами. Поэтому австрийцы были уверены, что у Суворова нет другого выхода, кроме плена. Но Суворов принял решение перейти через Альпы и прошел по горным тропам, где местные жители боялись ходить, всей армией с артиллерией и конницей.

⁷⁹ Николай I, не верно оценивая отношение европейских государств к России, выдвигает идею «первого раздела Турции». (Историческим прецедентом были конвенции Екатерины II с Пруссией и Австрией о разделе Польше.) Он полагает, что при этом разделе Британию удовлетворит присоединение Египта и Кипра (необходимого ей для размещения военно-морской базы), Франция усилит свои позиции в Северной Африке, а Россия получит выход в Средиземное море через Босфор и Дарданеллы, чтобы опекать православных христиан – подданных Турецкой империи.

Вопреки интересам России, Франция и Англия в начале 1853 г. заключают секретный договор о том, что в случае войны с Турцией они совместно будут поддерживать ее. При этом английский посланник передает турецкому султану, что Англия поддерживает желание Турции вернуть Крым. Когда в июне 1853 г. русские войска для освобождения своих единоверцев вошли в «дунайские княжества» – Молдавию и Валахию (современную Румынию), Турция, чувствуя поддержку Англии и Франции, объявила войну. Первые месяцы были победными для русского оружия⁸⁰, что не устраивало Запад. Поэтому в ноябре 1853 г. премьер-министр Англии лорд Эбердин сделал заявление о готовности Англии вступить за «независимость Турции». Военный министр Британии Г. Дж. Палмерстона подготовил доктрину войны, которая предусматривала введение небольшого контингента войск на юг Российской империи (в Одессу или в Крым), нападение флота с севера на Петербург⁸¹, а также отторжение от России Дальнего Востока (Аляски и Камчатки). После войны предполагалось отнять у России Бессарабию, Финляндию, Польшу, Кавказ, Крым, Прибалтику, т.е. вернуть Российскую империю в границы Великого княжества Московского.

В последующие два десятилетия западные государства использовали Турцию для ослабления России, не допустив ее выхода к Средиземному морю через Босфор и Дарданеллы. Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. справедливо рассматривают как «второе издание» Крымской войны. Кроме геополитических факторов (решение вопроса о проливах и свободном выходе в Средиземное море через Дарданеллы и Босфор, а также укрепление своего влияния на Балканах), важную роль играло желание поддержать православных южных славян в их стремлении к независимости от Турецкой империи. Не случайно эта война была очень популярна в широких слоях русского общества. Тогда русская армия, совершив беспрецедентный зимний переход через Балканские горы и пленив группировку турецких войск Вессель-паши (1888 г.), овладела Софией и Адрианополем,

---

⁸⁰ Адмирал Н.С. Нахимов фактически уничтожил весь турецкий флот, генерал В.О. Бебутов разгромил турецкую армию, вторгшуюся в Закавказье. Разгромив турок, угрожавших Бухаресту на Дунае, русские вступили в Болгарию, восторженно приветствуемые болгарами. В Греции вспыхнуло восстание христиан.

⁸¹ В Прибалтике британско-французская эскадра (30 вымпелов с 12-тысячным десантом на борту) пыталась приблизиться к Петербургу. Но обстреляв остров Котлин, на котором находился Кронштадт, и захватив Аланские острова, эскадра удалась.

В августе 1854 г. объединенная англо-французская эскадра подошла к главному опорному пункту России на Тихом океане – Петропавловску, очень слабо укрепленной крепости. Обстреляв порт и подавив огонь двух береговых батарей, англо-французы высадили два десанта с целью захватить город. Но русские отбили нападение с большими потерями для союзников (погиб главнокомандующий Прайс).

вышла на ближние подступы к Константинополю (Стамбулу). Боеспособных войск у Турции не оставалось. Весь православный мир, все славянские народы готовы были приветствовать занятие Константинополя русскими войсками. И тут британская эскадра входит в Мраморное море. Британская дипломатия настоятельно «не советует» Александру II занимать Константинополь. «Царю дают понять, что Британия готова немедленно объявить нам полномасштабную войну, если Российская империя не прислушается к их совету»⁸².

В условиях противостояния Запада и России существовала, существует и будет существовать Русская цивилизация при любых формах государственности. Причем это касается не только внешнеполитических и военно-политических акций, но и идеологической составляющей.

Имперская государственность имеет национально-этнографический аспект, связанный с многонациональным составом Российской империи. По этому аспекту имеется широкий спектр мнений.

7.5. «Великодержавный шовинизм» как идеологический штамп, его реальное содержание и отражение в национальной политике Российской империи

К концу XIX в. в Российском государстве проживало более 100 больших и малых народов. В этот период Российская империя, с ее административным, губернским, областным и уездным делением и провозглашением для всех подданных (кроме евреев) права перемещения в ее пределах, не давала оснований для утверждения мононациональности. Проблема, вынесенная в заглавие этого параграфа, в современной социологии и политологии крайне идеологизирована и удивительно живуча в изданиях как правого, так и левого толка. «Великодержавный шовинизм» для левых изданий – это «тюрьма народов», угнетение великороссами инородцев, антисемитизм, погромы и т.д. Для правых – «Россия для русских», крайние формы черносотенства и антизападничества. У этих позиций есть общий корень – упрощенная трактовка колониальной политики Русской империи по аналогии с западными державами, а также нечеткое понимание исторического базиса в прошлом, на котором формировалась национальная политика Российской империи.

⁸² *Мединский В.* Мифы о России. С. 342.

Инородцы – термин имперской историографии – в узком смысле (на языке законодательства) означал евреев и народности восточных окраин Российской империи, а в более широком (главным образом в лексиконе правых партий) – все народности России кроме господствующей. В имперской России лишь русская народность (43% населения империи) признавалась державной, господствующей. Каково же было реальное положение этого господствующего этноса в Российской империи, созданной Петром I? Выявление этого реального, а не упрощенно-идеологизированного статуса позволяет раскрыть сущность великодержавного шовинизма как национальной политики, геноцидной по отношению именно к великороссам.

Этот идеологический штамп, характеризующий национальную политику Российской империи, возник на рубеже XIX–XX вв. и дожил до наших дней. Но он имеет более древние корни – особенности этногенеза и национальной политики российских государей в доимперский период. Именно это поможет понять роль великороссов (русских) и других этносов в создании различных форм государственности на евразийском континенте в прошлом и то новое (позитивное и негативное), что внесла в этот процесс имперская государственность.

Завоеванные Россией земли вовсе не становились колониями в западном варианте – не было безвозмездного присвоения природных и людских ресурсов. Петровская Россия не была империей в классическом понимании, т. е. конгломератом слепленных военной мощью в одно целое многих государственных образований, как, например, Австро-Венгрия или Великобритания. Только Польша и Финляндия были присоединены к Российской империи как особое королевство и великое княжество на специальных условиях династической унии, прекратившейся вместе с династией Романовых (1917 г.). В остальных случаях включение новых народов в состав империи имело совершенно иной характер. В состав Российской империи вливались обширные, многонациональные регионы Евразии, с различной политической структурой, с размытыми и подвижными границами территорий, принадлежащих различным родам, княжествам, ханствам. Историческая судьба, общность хозяйственных и культурных связей формировали население этого Евро-Азиатского региона в многоэтническое по своему составу государство. Нигде и никогда российские императоры не вели «черной войны» против тех или иных племен и наро-

дов, поэтому ни одно, даже самое отсталое племя, оказавшееся на нашей территории, не прекратило своего существования. Цифры свидетельствуют о том, что численность всех племен, всех «малых народов» России постоянно росла. А это было обусловлено особенностями этногенеза, возникшими именно на евразийском континенте как особой части мира и породившими такие формы, которые не могли возникнуть в других частях планеты. К числу этих особенностей относятся миграция древних племен с севера на юг в глубокой древности, рождение большинства этнических групп в смерче Великого переселения народов в середине первого тысячелетия нашей эры, включая появление древнерусского этноса, возникновение великороссов как национальности, цивилизационно-образующего народа в XIII в.⁸³

Русская цивилизация образовалась как многоэтническое общество вне зависимости от той или иной формы государственности. Российские просторы включают 40 особых ландшафтных зон. Наличие различных климатических и ландшафтных зон создавало многообразие растительного и животного мира, что оказало воздействие на характер жизненных условий и хозяйственной деятельности обитающих там племен и народностей. Этноты, племена, народности, национальности, возникавшие на этом большом пространстве, находили природные (ландшафтные) зоны, которые отвечали их биосоциальным, социально-культурным наклонностям и тем самым способствовали созданию на этом континенте цивилизации полиэтнического характера. По отношению к внешнему миру все народы и национальности имели некоторое единое происхождение: они образовались в этом регионе мира, в этих широтах и долготах. Жили они в степи или в лесу – все они – аборигены Евразии.

Начиная с политической скифской федерации, вся последующая история русской цивилизации, связанная с приходом сарматских племен, гуннов печенегов, половцев, монголо-татар, была историей развития симбиоза кочевников и земледельцев, леса и степи, где войны сменялись относительно мирными периодами взаимных союзов и торговли. Русская цивилизация как синтезирующая культура пропитывалась началами, с одной стороны, мира, с другой – образом жизни и нравами степных кочевников.

---

⁸³ Вопросы этногенеза, включая русский этнос, мы рассматривали в других работах на основе разработок традиционных этнографов и метаисторических гипотез Гумилева.

Их симбиоз выразился в одежде и окружении, в воинском строе и образе мыслей, в песнях и сказках. Этот своеобразный симбиоз, или союз, народов, объединенных общностью исторической судьбы, начал складываться еще задолго до 1-го тыс. до н.э. Кочевники, шедшие волнами друг за другом из глубин континента, оказывались часто посредниками между цивилизациями Средиземноморья и азиатскими культурами (китайской и индийской).

Народы и люди, проживающие в пределах этого мира, способны к достижению такой степени взаимного понимания и таких форм братского сожительства, которые трудно достичь в отношении народов Европы и Азии⁸⁴. Эту идею в метаисторическом аспекте развивает Дугин: «1. Самосознание народов и наций, традиционно населяющих территорию России, коренным образом связано со спецификой сакральной географии этой территории. 2. Эта специфика выражается на символическом языке древнейшего арийского, индоевропейского мифа (сдвинувшегося постепенно в сферу бессознательного). 3. Земли России в комплексе сакральной географии занимают центральное место в согласии с древнейшей логикой астрономических и астрологических соответствий»⁸⁵.

Дугин считает, что Россия никогда не была аналогом государства-нации, которые характерны для Европы Нового времени и модель которых была спроецирована на Азию и третий мир в целом в колониальную и постколониальную эпохи⁸⁶. С этим положением Дугина можно согласиться. В России не было государства-нации как некоего политического института с подчеркнуто светской природой, где «нация» понимается как совокупность граждан с равными в юридическом отношении правами. Правильно и другое положение Дугина, что «русский народ... никогда не ставил своей целью создание моноэтнического, расово-однородного государства. Миссия русских имела универсальный характер, и именно поэтому русский народ планомерно шел в истории к созданию империи, границы которой постоянно расширялись, охватывая все больший и больший конгломерат народов, культур, религий, территорий, регионов... Этот “экспансионизм” составляет неотъемлемую часть исторического бытия русского народа и тесно сопряжен с качеством его цивилизационной миссии. Этот “экспансионизм”

⁸⁴ Россия между Европой и Азией. Евразийский соблазн. М., 1993.

⁸⁵ Континент Россия. М., 1999. С. 64.

⁸⁶ Дугин А. Основы геополитики. С. 193.

несет в себе некий “общий знаменатель”, который позволяет русским интегрировать в свою империю самые различные культурные реальности. Однако “общий знаменатель” имеет свои особенности и применим только к тем народам, которые имеют определенную историческую специфику и культурное содержание, тогда как остальные народы (в частности некоторые нации Запада) остаются глубоко чуждыми русскому универсализму, что проявляется в неустойчивости и даже противоречивости русского политического влияния в Европе»⁸⁷.

Особенностью российской государственности в этническом вопросе на протяжении столетий был принцип «единства в многообразии». Это означало реализацию народами права на сохранение традиционного образа жизни, верований, включение их в правящее меньшинство Российской империи. В Западной Европе оба процесса были невозможны: при завоевании земель германцы, например, в первую очередь уничтожали правящие и духовные власти побежденных народов, а затем уже осуществлялась ассимиляция остального населения победителями, т.е. народ (с их самобытной культурой и традициями) превращался в население тех или иных германских провинций.

Расширение территории русских княжеств в домонгольский период (включая применение военной силы) предполагало включение в это сообщество народов, давно связанных с ней общей исторической судьбой, торговыми, культурными отношениями, а также династическими браками. После возникновения Монгольской империи русские, башкиры, ногайцы, татары вошли в состав Золотой Орды и на протяжении столетий соприкасались друг с другом во всех сферах этого государства – от экономической до военной (русские и башкирские воины, например, участвовали в завоевательных походах монгол против арабов, которые закончились взятием Багдада).

В постмонгольский период в создании политически независимой великодержавной государственности Руси определяющую роль сыграли *великороссы (русские)*, их православная ментальность. Но эти формы самодержавной государственности предполагали объединение других народов вокруг русского ствола. На огромных евразийских просторах великороссы с их земледельческой культурой заселяли территории, которые им были нужны

---

⁸⁷ Дугин А. Основы геополитики. С. 191.

для этих целей, и оставляли для аборигенов анклавы, которые были нужны для их существования. После распада Золотой Орды Московское, Казанское и Сибирское ханства не были мононациональными государствами. В Казанском царстве кроме татар жили марийцы, мордва, удмурты, чуваша, а также часть башкирского народа. Сибирское царство населяли, кроме татар, манси, пермяки, ханты. В Ногайской Орде кроме самих ногайцев жили разные народы – от башкир до предков нынешних каракалпаков. Более или менее гомогенным можно считать Астраханское царство, но оно было самым малочисленным, располагалось в бесплодных солончаковых степях и не обладало реальным суверенитетом, находясь в зависимости от Крыма⁸⁸.

Основой многонациональной структуры самодержавной Руси были великороссы. Сейчас эта постановка отвергается неоевразийцами, ратующими за эгалитарное отношение к русским, к их духовной и материальной культуре. Тем самым они выхолащивают духовно-геополитическую основу России как силы, интегрирующей творческие потенции народов как западного, так и восточного ареала Евразии вокруг русского ствола⁸⁹. Между тем без России и русских нет евразийцев как особого социокультурного феномена, поскольку значительные этнические массы Азии и

---

⁸⁸ *Похлебкин В.В.* Татары и Русь. 360 лет отношений Руси с татарскими государствами XIII–XVI вв. 1238–1598 (от битвы на реке Сить до покорения Сибири). М., 2005.

⁸⁹ Удивительно, как взгляды наших современников созвучны взглядам идеологов первых послереволюционных лет, когда значение великороссов в создании российской государственности просто отвергалось. В этом отношении очень характерно освещение этого вопроса в официальном издании того времени – «Малой Советской энциклопедии», где написано следующее: «Первая всесоюзная конференция историков-марксистов (28.XII.1928–4.I.1929 г.) установила полную неприемлемость для историка-марксиста термина “русская история”: этот старый, унаследованный от царской России термин насыщен великодержавным шовинизмом, признает историческое значение лишь за великорусской (русской) национальностью, игнорируя все остальные народы... В то время как исследование всей “русской истории” в целом открывается обычно так называемой “Киевской Русью” и историей славянских княжеств, расположенных в XIII–XIX веках ... история СССР должна начинаться историей древнейших народов, входящих в настоящее время (речь идет о конце 20-х годов. – *И.М.*). Поэтому не Приднепровье, а Кавказ, является местом начальной истории народов СССР. Одной из древнейших стран этого региона является Грузия, история которой уходит далеко в глубь веков... “Отец истории” Геродот... указывает на связь грузин с древним Египтом».

Европы оставались в лучшем случае нейтральными по отношению друг к другу.

Рассматривая вопрос о взаимоотношениях великороссов и других народов в рамках самодержавной российской государственности в доимперский период, следует отметить особую роль православия и православной культуры в формировании этого многонационального социума. Хотя в период монгольского владычества произошло размежевание двух основных религий, на столетия определивших духовную жизнь народов этого региона, — православия и ислама, новообращенные в ислам кочевники чтили православие не меньше ислама (фанатизм имел место только у камских булгар). Поэтому в доимперский период многонациональная самодержавная государственность, с великороссами как его этническим остовом, включала единую культуру для всех слоев общества — от самых низов до высших страт (дворянства, боярства, государей) — вне зависимости от их этнического происхождения. Здесь первое место занимали татары. Поступавшие на царскую службу татары охотно переходили в русскую православную веру и, если принадлежали к аристократии, получали соответствующий статус, а их потомки быстро принимали русские традиции и образ жизни.

Начиная с XV в. тысячи крещеных и некрещеных татар шли на службу к московскому князю, вливаясь в ряды служилых людей, формируя роды будущего дворянства. Русские не только легко общались, но и сливались со своими подданными, открывая их аристократии доступ к военной и административной карьере. В Московии татарские и монгольские княжны, принимая православие, становились женами русских князей и даже царей. Московский князь Юрий (Георгий) Данилович, брат Ивана I Калиты и внук Александра Невского был женат на родной сестре тогдашнего ордынского хана Узбека Кончаке (в крещении Агафье). Мать Иоанна Грозного Елена Глинская была из обрусевших крещеных татар, осевших в Литве.

По некоторым подсчетам (Н.П. Загоскина) 156 русских дворянских семей были татарского происхождения, из которых в XVI–XVII вв. выделялись Вельяминовы, Зерновы, Сабуровы, Годуновы.

Необходимо отметить роль потомков татаро-монголов, обращенных в христианство, в интеллектуальной и духовной жизни Руси. Вернадский говорит о царевиче Петре Ордынском, основателе монастыря в Ростове. Выдающийся русский религиозный деятель XV в., внук баскака, основал монастырь Св. Пафнутия. Был посвящен в духовный сан в XVI в. боярский сын татарского происхождения по имени Булгак. После него всегда кто-либо из членов этого рода становился священником, включая Сергея Булгакова — одного из самых известных русских философов и богословов.

Абсолютистская имперская государственность, возникшая при Петре I, внесла серьезные изменения в национальный вопрос многоэтнического российского социума. Она породила глубокие противоречия, которые сыграли немаловажную роль в революционных событиях конца XIX – начала XX в., хотя несколько другого содержания, нежели те, которые разрушили имперские структуры Запада. Последние, как уже говорилось, сформировались на основе прямого уничтожения целых этнических анклавов на завоеванных территориях и использования колонизируемых народов в качестве рабов, где европейцы (в этническом отношении имеющие единые корни) всегда выступали как господа по отношению к народам других рас и национальностей. А это породило глубокие расово-этнические противоречия, которые привели к распаду колониальных империй под влиянием национально-освободительных движений. Российская империя в национально-этническом отношении была их антиподом. Глубокие противоречия в национально-этническом вопросе Российской империи в отличие от западных структур были обусловлены другими факторами: политической бесправностью большей части великоросского этноса в условиях крепостного права; особым положением инородцев и полиэтничности правящего слоя, оторванного от русских национальных традиций и культуры. «Странная это была империя, – пишет Солженицын. Во всех других известных тогда имперских структурах метрополии жирно наживались за счет колоний, и нигде не было такого порядка, чтобы жители какой-либо колонии имели больше прав и преимуществ, чем жители метрополии. А в России было как раз все наоборот. Д.И. Менделеев («К познанию России») указывал, как много сделано в России для туземных национальностей, и что пришла пора позаботиться о русском племени»⁹⁰.

Политическое ущемление великороссов было основной причиной этих противоречий, учитывая их роль и в освобождении от татарской неволи, и преодолении исторических катаклизмов. В имперский период они образовывали основу государственности в материальном плане (земледельческая основа хозяйства) и военном (русский солдат – основа военной мощи армии). Абсолютистская империя нанесла сокрушительный удар именно по цивилизационно-образующему народу – великороссам. Этот имперский

⁹⁰ Солженицын А. Русский вопрос. С. 158–159.

геноцид начался еще при Петре I, когда в результате его царствования население в центральных областях России сократилось почти на треть. Великороссов лишили возможности духовного творчества в условиях синодальной церкви, формализовав православную доминанту, полностью устранили народ из системы управления государством, разрушив исторически сложившиеся формы самоуправления. Институт закрепощения крестьянства, появившийся в доимперский период, позднее приобрел столь жестокие и изощренные формы, что поставил народ в более бесправное положение (политическое и экономическое), чем население других анклавов империи.

Русские не только представляли наибольшую этническую группу империи, составляя единый массив во всех центральных районах, но и образовывали тот ствол, вокруг которого и формировалась эта многонациональная государственность. Хотя территориальная и этнографическая структура империи была сложной, Российская империя была в национальном отношении более гомогенной, нежели считалось. Ее ядро составляли Московский центр, а также север, юго-восток Русской равнины. Но именно великоросский этнос в имперский период стал не субъектом, а объектом истории, в связи с формами крепостной зависимости, которые возникли в это время, низводя большую его часть до положения рабов. В конце XVIII в. великороссы составляли 48,9% населения империи (20 117,7 тыс. человек), из них 67% находилось в крепостной зависимости⁹¹.

Помещик имел право продать, заложить и менять крестьян без земли. Он вмешивался во все стороны личной жизни крестьян, «опекая» их с целью получить больший доход, по своему произволу женил крестьянские пары, создавая себе новое тягло. Указом 1730 г. крестьяне были лишены права покупать и брать в заклад дворы, погреба, лавки и пр., им было запрещено обязываться векселями и вступать в поручительство. Право суда помещика над крепостными приобретает самые изощренные формы: помещик даже получает право ссылать в Сибирь (указ 1760 г.), в каторжные работы (указ 1765 г.). Он сечет крестьян без суда, сдает в солдаты. Неугодных барину крепостных засекали до смерти. Иногда помещики у себя в имениях ус-

---

⁹¹ После раздела Польши в состав империи вошли земли, которые были заселены украинцами на юго-востоке и белорусами на западе, что означало численное преобладание населения, имеющего единые этнические и религиозные корни. Можно считать, что православные малороссы в имперский период разделили крепостную неволю великороссов, когда в Новороссии возникли крупные поместья, розданные Екатериной II петербургской знати.

траивали настоящие застенки с разнообразными орудиями пытки, штатом особых палачей и пр. Помещики проигрывали крепостных в карты, меняли на собак, устраивали гаремы из крепостных девушек и подвергали их пыткам в случае отказа удовлетворить господскую похоть. В 1767 г. крестьян лишили права жаловаться на помещиков.

Следует еще раз подчеркнуть, что именно в имперский период на столетие закрепляется этническая дискриминация подавляющей части русского народа, так как крепостная зависимость отнимала у него личную свободу и политически-правовую и экономическую дееспособность, поставив преграду к просвещению, обрекала на материальную нужду. Поэтому даже после отмены крепостного права их положение мало изменилось и в деревне, и в городе – неграмотность обрекала их только на самые неквалифицированные и низкооплачиваемые виды работ. В результате *фактически* возникло более бесправное положение по сравнению с другими этносами Российской империи. Это достаточно спорное положение требует рассмотрения условий, на которых многие народы были включены и существовали в составе Русской империи, на которых не распространялось крепостное право и положение которых регулировалось другими правовыми актами империи.

Появление многих этнических групп (инородцев) в Российской империи непосредственно связано с ее *геополитическими приобретениями и иммиграционными потоками* в страну. Геополитические приобретения породили гибкую политику имперской администрации в отношении многих провинций империи, суть которой состояла в политике невмешательства в традиционные формы жизни. Только Закавказье и Бессарабия управлялись как русские провинции, а в остальных регулирование жизнедеятельности населения было представлено соответствующими религиозными институтами и определяемыми ими правовыми нормами. В этом вопросе имперская администрация не только проявляла лояльность, но и осуществляла систему покровительственных мер. Дореволюционное мусульманское духовенство Российской империи не только выступало как высшее моральное руководство живущих в ней мусульманских народов, но и представляло собой одновременно и организованную национально-политическую силу, с которой считалось правительство. Для мусульман, например, сохранялись традиционные формы правления, не допускалось вмешательство в вопросы культа, местное население избирало волостных, сельских аксакалов, сборщиков налогов.

Существовали регионы с преобладающим или многочисленным мусульманским населением: Северный Кавказ, Азербайджан, Средняя Азия, некоторые районы Поволжья, Южного Урала, Сибири. Еще Екатерина II легализовала ислам и признала его законной религией для татаро-башкирских подданных. При Екатерине II мусульмане смогли свободно торговать по всей стране.

При Александре II в 1872 г. в Закавказье, в 1878 г. в Оренбурге, потом в Уфе были созданы «Духовные собрания по заведованию лицами магометанской веры». Их главы – муфтии – назначались министерством внутренних дел и им оплачивались. Печатались мусульманская духовная литература, открывались средние и высшие духовные школы – медресе. Только в Узбекистане до революции было свыше 400 медресе, а мактабы (сельские духовные школы) имелись в каждом кишлаке. Они могли строить мечети, исповедовать и пропагандировать свою веру где угодно, хоть в Петербурге, Москве; проводить съезды мусульман.

В Средней Азии сохранялись поставленные под власть России Бухарское и Хивинское ханства с полной внутренней автономией. Бухарский эмир, например, по традиции халифатов был одновременно верховным светским и духовным правителем, который управлял по исламу, издавал административные акты, но не издавал законы, ибо все законы были изложены в шариате.

Что касается подданных западных анклавов империи, то они жили по гораздо более демократическим законам, нежели основная масса населения России. Большими льготами пользовались западные районы империи – Польша и Финляндия.

Если Польша после восстания не сумела в полной мере воспользоваться либеральной конституцией, которую Александр I даровал ей в 1815 г., то финны использовали этот шанс. Конституция, дарованная Александром I Финляндии в 1809 г., по тем временам была наиболее либеральной в Европе. Она действовала в течение всего XIX в. Финны, как и прибалтийские немцы, сумели сохранить свой привилегированный статус в большей или меньшей мере неприкосновенным на более длительный период. (Финляндия имела свой сейм, обладавший правом законодательной инициативы; было развито земское движение, в делопроизводстве применялся финский язык; имела своя армия.) Финны при Александре имели больше прав, нежели под шведским управлением.

Второй фактор появления в имперском социуме многих этносов и народностей был обусловлен покровительственной иммиграционной политикой государства. В этом отношении наблюдалась преемственность с доимперской Россией, которая была «землей обетованной» для европейцев. На Русь они бежали, спасаясь от репрессий эпохи Реформации и религиозных войн. Поток

шотландцев хлынул в Россию после походов армии Кромвеля. К 1700 г. в Московии жило до 50 тыс. европейцев.

Во время Северной войны из 20 тыс. шведских солдат и офицеров, оказавшихся в плену, 5 тыс. не захотели возвращаться в Швецию. Финны и немцы, подданные шведов, также остались на завоеванных русскими землях. И позже в Россию все время прибывали переселенцы из Европы. После присоединения Курляндии до 300 тыс. прибалтийских немцев предпочли Россию Германии и большей частью полностью ассимилировались. Из них произошли роды Врангелей, Коцебу, Крузенштерн, Мидлендорф и др. В 1773 г. Вахтанг VI с большой свитой эмигрировал в Россию, положив начало существованию в Москве большой грузинской диаспоры.

Еще при Елизавете Москва поселила на северной окраине Запорожья прибывших в Россию сербов и черногорцев под началом полковника Хорвата (центром этого региона стал Бахмут). Запорожье заселялось не только великороссами, но и представителями других национальностей.

На территории России в разные исторические периоды было создано множество армянских поселений, особенно в Крыму, на Кубани, на Дону. Большая часть этих колоний постоянно пополнялась соотечественниками из Армении. Отметим, что в Российской империи православный армянин мог занимать очень высокое положение.

В XIX в. по инициативе правительства в Запорожье появились немецкие колонии. Когда по Кучук-Кайнарджийскому договору Россия приобрела побережье Азовского и Черного морей между Днепром и Южным Бугом, сюда из Крыма переселились греки и основали Мариуполь. После присоединения Очаковского поля (между Южным Бугом и Днепром) правительство роздало много земель дворянам, военным и гражданским чиновникам, здесь поселились их крепостные крестьяне, беглые и выходцы из Польши. Кроме того, были основаны казенные слободы и селения с разнообразным этническим населением (молдаване, армяне, болгары, евреи и др.).

В Россию переселялись не отдельные беженцы, а целые народы. В XVIII в. Монголию разрывали междоусобицы, и тогда, не желая идти под власть Китая, князья севера Монголии решили обратиться к Московии с просьбой дать им русское подданство. С тех пор часть Монголии отошла к России и стала называться Бурятией. Под руку Москвы попросились и часть западных монголов-ойратов. Русское правительство выделило ойратам места для кочевья и обещало защиту от набегов нагаев и казахов. Калмыки честно и храбро служили государству Российскому⁹².

⁹² В войне 1812 г. калмыцкие полки в составе корпуса атамана Платова громили конницу Наполеона под Бородино, участвовали в «битве народов» под Лейпцигом, в авангарде русских войск вошли в Париж.

В начале XVIII в. сложилась этническая группа народности в верховьях Енисея. Их называли киштымы которые были данниками киргизов. В 1703 г. киргизы решили уйти с Енисея в Джунгарское ханство и увести с собой киштымов. Но те подали прошение о возможности стать подданными России. Их просьба была удовлетворена. Из бывших подданных киргизов сложился народ, который стал называться минусинскими татарами, или хакасами. Сегодня их больше 70 тыс., живут они на юге Красноярского края и в Хакасии. После утверждения России на Дальнем Востоке в империю стали переселяться корейцы.

За период с 1828 по 1915 г. согласно статистике в Россию иммигрировало 4,2 млн иностранцев, в основном из Германии (1,5 млн) и Австро-Венгрии (0,8 млн). К началу Первой мировой войны наша страна была вторым после США центром иммиграции в мире (в Древней Руси выделялось 22 разноязычных народа, в Русской империи эта цифра приближалась к 200).

Включение этнического фактора в социально-экономическую структуру империи и обусловившие его противоречия нашли свое выражение в полиэтничности правящего слоя, оторванного от традиций основной массы населения. Петровский период в этом плане был знаменательным, так как среди прочих нововведений Петр I постарался внедрить новую имперскую идеологию служения государству, где основой была лишь европейская образованность и профессиональная компетенция, что становится для знати любой этнической группы гарантией преуспевания. Российские императоры, подобно британским, в управлении государством использовали иноземную аристократию. Однако королева Виктория не назначала индийских набобов на должности лорд-лейтенантов в графствах Англии. А российские императоры широко использовали практику назначения на должности генерал-губернаторов и губернаторов в исконно русских провинциях иноземцев, плохо говорящих по-русски (немцев, шведов и др.). И не случайно появление у кормила власти министров-поляков (Чарторыйский), министров-армян (Лорис-Меликов), министров-немцев (Бунге), что в Англии было невозможно. Высшие правительственные учреждения были переполнены финнами, которые занимали важнейшие военные должности в Русской империи и в русском флоте, в то время как русские могли занимать в Финляндии какие-либо должности и приобретать там недвижимость только при переходе в финляндское подданство. Существуют исследования, которые доказывают, что в так называемой Бархатной книге в XVIII в.

лишь треть высшего чиновничества России была русского происхождения, тогда как 25% – западноевропейского, 24% были из Польши и Литвы, 17% – татары.

Но речь идет не только о высшей петербургской знати. В этот период дворянство, пополняемое иммигрировавшими в Россию иностранцами, приобретает (или получает в качестве пожалований от императоров) громадные поместья с русскими крепостными крестьянами. Так возникли громадные немецкие латифундии в южных областях России. В итоге к концу XVIII – началу XIX в. образовалась не только социально-экономическая, но и этническая пропасть между помещиками и крепостными крестьянами. Причем даже если владельцем поместья был русский, то управляющим, как правило, был немец или поляк. Результат, по мнению Г.П. Федотова, получился приблизительно тот же, как если бы Россия подверглась польскому или немецкому завоеванию, которое, обратив в рабство туземное население, поставило над ними иноземцев.

Бесправное положение русского народа стали осознавать прежде всего наиболее прогрессивно настроенные представители дворянства после Отечественной войны. Затем это признали и власть предержащие, что выразилось в официальной имперской доктрине «православие, самодержавие, народность» и идеологическом засилье Победоносцева, идеолога Александра III. Но это не затрагивало основу имперской государственности – крепостное право и «официальное православие».

Можно считать, что в этот период возник «великодержавный шовинизм», когда русская тема используется не для реального возрождения великороссов как цивилизационно образующего народа, а как некий девиз в борьбе с революционными настроениями в западных провинциях империи. В пограничных районах в этот период русификация стала обычной практикой, особенно по отношению к полякам после подавления восстания 1868 г. Подвергались дискриминации даже бароны балтийских провинций (хотя в более мягкой форме). В правление Александра III закрывали костелы в Польше, привели униатов в лоно православия. Для евреев при Александре III границы черты оседлости были сужены, усилен запрет на их проживание за пределами черты.

На территории Польши евреи составляли значительную долю. Причем среди них были как очень бедные, почти нищие, так и большое количество богатых предпринимателей. Корни их уходят в

историческое прошлое, когда они, оказавшись в результате гонений из европейских государств в Речи Посполитой, занимались торговлей, ростовщичеством. В новую историческую эпоху, под властью Российской империи, их положение было двойственным. С одной стороны, они обладали серьезными экономическими преимуществами по сравнению с коренным населением, а с другой – их права были ущемлены. Богатые евреи обходили эти противоречия, а для большей части евреев это положение рождало непримиримое отношение к существующему строю.

В рамках этого официального русофильства возникли черносотенные организации, само название которых как идеологическое клише сидит в подсознании интеллигенции, отражая погромный, антисемитский и антиинтеллигентский характер этого движения. Само прилагательное «черный» говорит о чем-то негативно-враждебном, связанном с темными силами. Однако обращение к истории проясняет вопрос. В отличие от служилых людей черные люди назывались еще земскими – это были горожане и сельчане. А черные сотни – это разряды или местные общества, образованные из черных, земских людей.

Войска Дмитрия Донского сражались на Куликовом поле под черным знаменем, поскольку в битве участвовала вся Русская земля, не только служилые, но и земские люди. Характерно, что основоположником и главой первой по времени черносотенной организации – Русской монархической партии (впоследствии она влилась в Союз русского народа) – был В.А. Грингмут, еврей по национальности. Грингмут был преподавателем древнегреческого языка и эстетики в Катковском лицее, а с 1896 г. стал редактором влиятельной газеты «Московские ведомости».

В целом официальное русофильство не столько способствовало возрождению великорусского этноса, сколько стимулировало углубление национальных противоречий в социальном составе империи. Это обусловит русские революции начала XX в. Все особенности религиозно-духовного климата в условиях синодальной церкви, имперской государственности, включая влияние на нее европейского Запада, найдут свое отражение в развитии рыночных связей Российской империи.

ОТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛОК РАЗВИТИЯ РЫНОЧНЫХ СВЯЗЕЙ САМОДЕРЖАВНОЙ РУСИ К МИР-ЭКОНОМИКЕ МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА И НАЦИОНАЛЬНОМУ РЫНКУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

8.1. Социально-экономические и геополитические предпосылки развития рыночных связей самодержавной Руси, роль международной торговли

Созданное геополитически мощное государство, которое представляло собой Великое княжество Московское, в самом начале XVI в. в экономическом отношении было очень слабое. Действительно, еще в рамках политической зависимости от Орды Ивану III удалось собрать основной костяк русских княжеств Центральной Руси, но пока не связанных рыночными отношениями (политика монголов всегда была направлена на разъединение русских княжеств). Кроме того, все южные русские земли – основные поставщики продовольствия – не входили в это государство. Поэтому политически независимая постордынская Русь должна была решить основную задачу: создать материальный базис своего существования, прежде всего в области продовольствия. И она начала решаться сначала силами самого народа еще в ордынский период в Поморье. В XVI в. этот процесс усилился. Восток Поморья – район Вятки, который осваивали еще новгородцы, даже на бедных подзолистых почвах с XVI в. стал житницей.

В Поморье развивается не только сельское хозяйство, но и промышленность. Жизнь этому краю дало также развернутое в широких масштабах солеварение, которое организовала семья Строгановых. (Первая соляная варница была поставлена ими в 1515 г.)¹ Позднее Строгановы стали монопольными хозяевами

---

¹ В северо-восточной части Поморья русское население охотилось на пушного зверя, занимаясь и морскими промыслами в приморской полосе. Широко вели выгодный торг пушницей. Тогда же было положено начало полярному судоходству на о. Шпицберген (Грумаж) и Новую Землю. Уже в конце XIV в. русские промышленники ходили за «Камень» (Урал), а в XV–XVI вв. – в богатую соболями Мангазею, на морских берегах за рекой Обь уже регулярно охотились промысловые люди Поморья, добираясь туда трудным Северным путем и волоком через полуострова Канин и Ямал. Другой путь, через

огромной территории в бассейне Вычегды и в Предуралье, по Каме и Чусовой, а богатый Сольвычегодск стал столицей их владений. Они создали промышленно-земледельческий комплекс, для чего строили городки, в которых развивали различные ремесленные мастерские. Северо-западная часть Поморья становилась центром крестьянских железоделательных промыслов и кузнечного ремесла. В XVI в. начали возрождаться и другие анклавов Руси, развивалось городское ремесло. Поэтому не только Тверь и Москва, но и меньшие по размерам города начали превращаться в оживленные ремесленные центры.

Эта народная инициатива была встроена в целенаправленную экономическую политику государей, в «боевой строй» молодой самодержавной государственности с ее общей идеологией «служилости» всех слоев населения. Эта экономическая политика включала формирование поместной формы землевладения. Сельское хозяйство было основой экономики московской государственности, поэтому самодержавные государи должны были иметь землю в своем распоряжении для развития этого вида землепользования. Хотя юридическая природа поместья конкретнее была определена в середине XVI в., цель жалования поместьем служилых людей прекрасно понимали во времена Ивана III и сам великий князь, и получавшие землю. Именно в это время получивший поместье стал известен как *поместник* или *поместик* (позднее *помещик*), т.е. тот, кто был «помещен» (от место, *поместити*). В отличие от вотчины поместье нельзя было ни продавать, ни менять, ни передавать в другие руки. Владение поместьем юридически носило личный характер, оно продолжалось лишь до смерти владельца или до прекращения им службы.

В конце XV и в XVI в. происходили крупные изменения в соотношении различных форм землевладения, нашедшие свое выражение в более интенсивном развитии поместной формы. Быстрое расширение площади поместного землевладения требовало значительного земельного фонда. С конца XV в. дворцовых земель, из которых шло наделение дворян землей, уже не хватало. Лучшие земли были захвачены боярами и монастырями. Помехой для дальнейшего расширения поместного землевладения

Уральский хребет, был закрыт сибирскими татарами и находящимися от них в зависимости осяками (хантами) и вогулами (манси), жившими на порогах нижней Оби. Там было образовано Сибирское ханство с центром в селении Искер, расположенным на месте впадения Тобола в Обь.

стали земельные богатства церкви. Церковные вотчины продолжали расти за счет вкладов на «поминуши». И не случайно все великие князья московские, а затем самодержавные государи свою экономическую деятельность связывали с наступлением на земельные владения бояр и церкви. Правительство дважды (в 1503 и 1550 гг.) пыталось провести секуляризацию церковных земель. Эти попытки натолкнулись на сильную оппозицию церкви и потерпели поражение. В середине XVI в. было осуществлено некоторое сокращение источников роста церковного землевладения и быстрый рост поместной формы. К началу XVI в. большинство церковных земель Новгорода было конфисковано и роздано как земельные пожалования великим князем служащим своей армии.

Рост поместного землевладения, а также помещицъей страты, был связан с формированием групп крестьянства, которые «обслуживали» бы эту форму землевладения, они отражены в «Судебнике» Ивана III 1497 г. Можно считать, что в период становления поместной формы землевладения Иван III выступал по отношению к крестьянству в том же качестве, в каком великие князья существовали на Киевской Руси, где крепостничества как правового института не существовало, так как смерды лично были свободны. При Иване III крестьяне, которые прикреплялись к имениям своих господ, в юридическом смысле еще имели свои права (могли давать показания в суде и обладать собственностью). Кроме того, традиции оставляли возможность ухода крестьянина от барина. В соответствии с Уложением 1497 г. в течение недели после Юрьева дня (25 ноября), когда главные сельскохозяйственные работы были завершены, крестьянин имел право оставить своего барина при условии выплаты последнему того, что он ему был должен. Врата свободы открывались и в другие праздники: Великий пост, Масленицу, Пасху, Рождество, Петров день. И хотя на практике хозяин прибегал ко множеству уловок, чтобы задержать крестьянина (увеличение размера требуемых выплат, невыплаченных долгов и т. п.), подвижность крестьянского населения была значительной. Это было связано с желанием крестьянина найти более справедливого хозяина, добраться до незанятых «порубежных» земель, попытаться счастья в ремесле, мелочной торговле, торговле вразнос.

В начале XVI в. численность зависимого крестьянства увеличилась, а его положение ухудшилось. В этот период происходит рост барщины, связанный со значительным увеличением господ-

ской запашки наряду с увеличением оброка (натурального, продуктового), а также некоторый рост денежной ренты. Тяжесть крестьянской жизни увеличивали и многочисленные войны XVI в., особенно Ливонская.

Все эти факторы обуславливали уход крестьян со своих участков в поисках лучших условий существования. Уход крестьян подрывал хозяйство вотчинников и помещиков и во второй половине XVI в. Перед землевладельцем возникли две задачи: как удержать уже имеющуюся рабочую силу и как привлечь новые рабочие руки. Тирания и произвол опричников в конце царствования Ивана IV обострили эту ситуацию. К концу его правления центральные районы страдали от недостатка рабочей силы, население которых бежало из этих мест. Завоевание Казанского ханства открыло дорогу для земледельческой колонизации средней Волги. Этот массовый исход населения из центральных районов был бедствием, так как затрагивал интересы прежде всего военных наделов. Поэтому помещики заявили царю, что они разоряются из-за потери работников.

Были приняты меры к ограничению свободы передвижения крестьян. В отношении между крестьянами и землевладельцами энергично вмешивается центральная власть. В основные законодательные кодексы (судебники) вводятся особые статьи, содержащие ограничения ухода крестьян от своих владельцев.

Чтобы прекратить уход населения, издан ряд указов. Сначала в указе 1580 г. «временно», впредь до особого распоряжения запрещено всякий переход. Первым «заповедным годом» стал 1581-й. В дальнейшем правительство заявило, что оно сохраняет за собой право объявлять заповедные годы, когда никому из крестьян не разрешается уходить из поместий. В последующем московские государи продолжают эту политику, издавая новые указы 1597 и 1601 гг., так как бегство крестьян продолжалось. Этот вопрос пытались решить во все последующие царствования.

Важной предпосылкой развития рыночных связей и денежных отношений самодержавной государственности было *становление податно-налоговой системы*, которая своими корнями уходила в монгольский период. «Русских налогоплательщиков настолько выучили безусловному повиновению закону, что когда монгольские чиновники и войска были выведены и хан поручил собирать налоги русским князьям, они не встретили трудностей. В то же время они нашли эту систему целесообразной и прибыль-

ной: в ряде областей собиралось денег больше, чем отдавалось хану, и князья имели возможность положить этот остаток в карман». По мере образования централизованного Русского государства вокруг Москвы «выходы» в Орду стали уменьшаться, а затем прекратились, и ордынская дань перешла в казну московского князя.

Прямым налогом, начиная с монгольского периода, был налог с обработанной земли, оценивавшийся в соответствии с поземельными книгами, а соха – исходной единицей измерения, которая была неодинаковой в разных княжествах.

В вопросе происхождения и содержания понятия «соха» нет единой точки зрения, так как историки пытались отыскать единую окладную податную единицу на Руси того периода. А ее не могло быть в силу раздробленности. Поэтому характер сохи и ее размеры в различных княжествах был неодинаков. При этом обложение по сохам едва ли можно противопоставить обложению по людям. В основе сох, различных по размеру лежало известное количество земли, которое мог обрабатывать один или несколько человек, с одной или несколькими лошадьми. В Новгородской земле XIV–XV вв. дань также была связана с землей, «поралья», хотя были другие налоги и повинности – «черный бор», городное дело, подводная и кормовая повинности. Единицами обложения там были обжа и соха, количественно отличная от московской сохи. В грамоте Новгородского вече говорится, что соха равняется двум коням «да третья припряжь», и указывается отношение сохи и других объектов обложения: лавок, лодок, неводов.

После переписи в середине XVI в. (при Иване Грозном в 1551 г.) была введена как податная единица обложения *большая московская соха*². Это вполне соответствовало экономике Московского государства, в котором земледелие составляло основу хозяйства. Со второй половины XVI в. растет денежная форма налогов, что было связано с отменой «кормления» и военными нуждами. Тогда служилые люди стали получать денежное жалованье, а население вместо «кормов» платить денежный налог («окуп», «откуп») в государеву казну. Размер «кормленного откупа» был неодинаков в посадах, черных и частновладельческих землях. В поместных и вотчинных землях он равнялся 42 алтынам 4 деньгам с сохи, в дворцовых – 21 алтыну 2 деньгам с сохи³. Основные государствен-

² До введения большой сохи согласно реформе Ивана Грозного размер запашки, по-видимому, был важным показателем, так как он определял трудоспособность плательщика.

³ *Веселовский С.Б.* Сошное письмо. М., 1915. Т. 1. С. 138.

ные подати взимались с сохи. Именно к пашне, к определенному количеству четей пашни приравнивались условно и другие объекты обложения: мельницы, лавки, лодки, число дворов в посадах. В конце XVI в. московская соха была введена и на вошедших в состав Московского государства землях – бывших княжествах Ярославском, Тверском и др. Постепенно большая московская «соха» вытесняла окладные единицы («выты», обжи, «луки», местные сохи), применявшиеся в других княжествах, хотя местные особенности во взимании государственных налогов продолжали существовать.

Реформа определяла твердый размер московской сохи: для «черных земель» – 500 четей (четвертей) доброй земли, 600 средней и 700 худой; для монастырских, церковных и дворцовых – соответственно 600, 700 и 800; для служилых (поместных, вотчинных) – 800, 1000 и 2000 четей. Таким образом, количество земли, положенной в соху, колебалось в зависимости от качества земли. Земли, которых было меньше положено в соху, облагались более высокой податью.

Существовала социальная дифференциация налогового обложения: земли черносошного крестьянства облагались по более высокой ставке, нежели вотчинные, поместные и монастырские. Так, «черные земли», т.е. общинные, крестьянские, которые клались в соху 500 четей, были обложены наивысшей нормой подати. Крестьянская община (волость, погост) пользовалась правом раскладки и сбора налогов⁴.

Войны, и тяжелейшая из них Ливонская, потребовали огромных расходов. Крестьянство обременялось уплатой непосильной ренты и государственных налогов, число которых все возрастало.

Характер налогов и повинностей указывал на их связь с войнами: «пищальные деньги» – на покупку огнестрельного оружия, «ямчужные» – на изготовление пороха, «городовое и засечное дело» – строительство укреплений на окраинах страны, «полоняничные» – на выкуп русских из плена. Казачий «корм», называвшийся позднее стрелецким хлебным запасом, платили все категории крестьянства: одни – деньгами, другие – хлебом. С «сохи» уплачивались налоги за «повоз» (брали 2 алтына со двора), ямские деньги, «писчая белка» – пошлина, бравшаяся при переписи земель.

---

⁴ Черносошное крестьянство играло значительную роль в обеспечении финансовой основы государства, учитывая, что в конце XVI – начале XVII в. их было не менее 1,5 млн человек. На севере черносошных крестьян было больше, чем в центральных районах. Есть даже такое понятие, как «черносошные» волости, где владельческих крестьян вообще не было. В центре страны черносошные и владельческие крестьяне жили чересполосно. В Московии XVII в. черносошных крестьян было более 50 тыс. дворов.

Судьбоносный период истории независимой самодержавной власти – XVI в. – ознаменован началом многовековой борьбы с внешними силами, дестабилизирующими жизнь возрождающейся Руси на юге (Крымское ханство), западе (Польско-Литовское государство) и востоке. И хотя все последующие внешнеполитические и военные акции московских государей по «собираанию земель» имели религиозную и чисто геополитическую подоплеку, они играли большую роль в формировании мир-экономики, так как стимулировали развитие международной торговли в южном и западном направлениях.

Международная торговля в любых цивилизациях была рыночным механизмом, который влиял на характер развития мир-экономики той или иной цивилизации. В рассматриваемый период основным направлением российской торговли становится южный сектор. С конца XV в. устанавливаются отношения с Турцией, отсюда едут в Москву турецкие и греческие негоцианты, крымские и ногайские купцы. А в начале XVI в. служба регулярных конных гонцов начала связывать Крым с Москвой, так как главным внешним рынком для России была Турция. Торговые операции осуществлялись по Дону и Азовскому морю.

Освобождение Руси от монгольского данничества в экономической сфере и создание материального базиса московской государственности были долгими и трудными. Этот процесс включал народную инициативу, православную созидательную деятельность монастырей, а также экономическую политику самодержавных правителей на основе развития поместной формы землевладения, крепостного права и податно-налоговой системы. Все это способствовало формированию рыночной структуры русской цивилизации мир-экономики Московского царства.

8.2. Мир-экономика Московского царства, роль государства и народной колонизации в его развитии (XVI–XVII вв.)

Мир-экономики как особая историческая пространственная форма рыночных отношений, образующая связь между малыми товарными мирами и национальными рынками государств Нового времени, достаточно обстоятельно рассмотрены в нашей предыдущей работе⁵. Мир-экономика любой цивилизации –

---

⁵ *Можайскова И.В.* Рыночные связи и деньги в многовековых циклах цивилизаций и их развитие в Западном обществе (ретроспектива). Гл. IV.

это долгоживущая структура, охватывающая столетия, и в русской цивилизации она, начав формироваться в XVI в. в посттордынский период, просуществовала до начала XVIII в., когда ее сменила другая форма рыночных связей – национальный рынок. За столетия существования русской мир-экономики конкретное содержание многих рыночных явлений менялось, особенно в конце XVII – начале XVIII в., когда на нее стала оказывать большое влияние западная цивилизация. Поэтому в данном разделе мы рассмотрим развитие этих процессов в XVI и XVII вв., особенно XVI в., когда стала формироваться эта рыночная структура на фоне мир-экономик других цивилизационных миров.

В начале XVI в. восточная граница европейской мир-экономики проходила на востоке Польши; она исключала (из него) обширную Московию. Последняя была для европейца краем света. Э. Валлерстайн помещает ее вне сферы Запада, за рамки «Европы европейской», по крайней мере до начала единоличного правления Петра Великого (1689). Европейцев пугали масштабы и природа этих мест, Московское государство представлялось им как «великая и обширная» страна, дикая, пустынная, болотистая, покрытая зарослями кустарника и лесами, пересеченная болотами, кои переезжают по гатям, с отвратительными дорогами, даже в хорошее время года. Эта Россия, говорит один из иностранцев, столь обширна, что в разгаре лета «на одном конце империи световой день достигает лишь 16 часов, а на другом – 23». Страна была наглухо закрыта для въезда и выезда: европейцы считали, что невозможно в нее проникнуть и покинуть тайком, без дозволения или охранной грамоты великого князя.

И тем не менее эта громадная страна жила полнокровной жизнью, формируя свою мир-экономику и присущие ей соответствующие институты. На севере и западе русской мир-экономике противостояла мощная европейская мир-экономика; на юге (от Балкан и Черного моря вплоть до Тихого океана) – китайский и мусульманский мир.

При всех особенностях, которые отличают мир-экономики разных цивилизаций, есть ряд общих черт, которые их объединяют. Это неразрывная связь с большим пространственным ареалом, интенсивное развитие городов и городских агломераций, достаточно высокий уровень ремесленного производства с отделением

сельского хозяйства, появление анклавов, т.е. специализированных рыночных структур с выделением больших центров. Именно они будут положены в основу анализа мир-экономики русской цивилизации в постордынский период. Раскрытие содержания этих процессов на историческом материале позволит понять особенности становления мир-экономики России в этот период в отличие от западной и роль государства в этом развитии.

Образование большого территориального ареала мир-экономики было связано с двумя основными факторами: долговременной внешнеполитической деятельностью московских государей по «собираанию русских земель» и колонизацией евразийских пространств на востоке, где народная инициатива выступала в качестве определяющей, но в союзе с государственным участием. Прежде всего необходимо отметить обширный территориальный ареал, который великим князьям и самодержавным государям удалось «собрать» вокруг Москвы.

В начале XVI в. территории бывшего Великого княжества Владимирского и принадлежащих ему уделов назывались «замосковскими городами»; Новгород с пригородами считались «городами от немецкой украины». Определенная часть территории бывшего Смоленского княжества и округа Невеля и Великих Лук – «городами от Литовской украины». Вся громадная северная территория, охватывающая бассейн Онеги, Северной Двины, вплоть до Урала, за которую боролись Москва и Новгород, называлась Поморьем, или «поморскими городами» (туда входили земли Вятки и Перми Великой). Все территории на юго-запад от Москвы к верховьям Оки составляли округу «заоцких» «украинных» (от слова «окраина») городов – Калуга, Белев, Болхов, Козельск, Орел, Кромы, Мценск, Серпухов, Кашира, Коломна (на Оке). Вся территория основной части бывшего Рязанского княжества к югу от верховий Дона составляла область «рязанских городов». Территория бывшего Новгород-Северского княжества считалась областью «северских городов», а восточнее их выдвинутые в степь города назывались «польскими городами» (от слова «поле») – Курск, Белгород, Ливны, Елец. После падения Казанского ханства от Нижнего Новгорода до Казани и далее вниз по Волге вплоть до Астрахани носили название «низовых».

В результате деятельности русских государей уже во второй половине XVI в. возникло единое централизованное государство, что создало геополитическую основу становления мир-экономики возрождающейся русской цивилизации. Громадную роль в образовании территориального ареала русской мир-экономики играла колонизация евразийских пространств, в корне отличная от ее

западной формы⁶. Зауралье, Сибирь начали осваивать еще в конце XIV в. русские промысловые люди, ходившие за «Камень» (Урал), а в XV–XVI вв. – в богатую соболями Мангазею, на морские берега за рекой Обь. Конец XVI в. и весь XVII в. стали новым этапом освоения Сибири, хотя охватившая Московское государство в начале века Смута приостановила на время процесс колонизации. Но с окончанием Смуты он стал еще интенсивнее, причем частная инициатива играла главную роль. Была ли военная составляющая русской колонизации Сибири? Конечно, была, но она не была преобладающим началом в этом процессе⁷. Поэтому далекий от русофильских настроений Бродель пишет: «Там не было ничего похожего на то, что делалось в рабовладельческой Америке или даже в некоторых областях России»⁸. При изучении проблемы территориального образования России «на переднем плане должен стоять народ-строитель, колонизатор, а не народ-завоеватель, не громкие победы и трактаты, а заимка земель и заселение их, возникновение сел и городов», – пишет М.К. Любавский⁹. Ссылка и отдельные переводы служилых людей из центральной части страны в Сибирь ни в коей степени не были сопоставимы со стихийной миграцией.

⁶ Историческая литература по данному вопросу богата, с одной стороны, общими соображениями, не опирающимися на подробный анализ источников (С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, Д.И. Иловайский, П.Н. Милюков и др.), с другой – частными наблюдениями, не связанными друг с другом (К. А. Неволлин, И.Д. Беляев и др.). Фундаментальный труд Любавского устраняет этот пробел. В его исследовании сливаются три проблемы: политическая и историческая география, география населения и историческая география народного хозяйства с выделением специфики этих процессов в разных регионах России. Ученый раскрывает многообразные формы, пути, темпы колонизации, делая акцент на разных ее формах – «вольнонародной» (преобладающей), «монашеской», «правительственной».

⁷ Уже в царствование Михаила казаки и промышленники прошли всю Восточную Сибирь от берегов Енисея до Охотского моря и обложили ясаком племена, жившие по Енисею и Лене и их притокам. После разгрома Ермаком Сибирского ханства собственно вхождение Сибири в состав Московского государства длилось несколько десятилетий. Большие пушные богатства в виде ясака, которые вогулы платили татарскому хану, а в будущем могли бы платить Московскому государю, а также проблемы безопасности восточных границ заставили продолжить начатое Строгановыми дело. В Сибирь один за другим отправлялись московские воеводы с ратными людьми и строили остроги.

⁸ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 470.

⁹ Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX в.

Безвестные труженики – «промышленные люди», охотники, рыбаки, скотоводы, ремесленники, крестьяне «с топором в руке и с мешком семян на плече» – вступали в единоборство с бескрайним пространством и побеждали его¹⁰. На протяжении XV–XVII вв., несмотря на Смуту и иные потрясения, территория России выросла в несколько раз за счет огромных пространств Сибири. За 100 лет она приросла от Урала до Тихого океана, овладевая пространствами Западной Сибири, Центрально-Сибирским нагорьем, гористыми областями на востоке, где ее продвижение было остановлено Китаем¹¹. «Русский путь к Тихому океану не случаен, и территория русского освоения Сибири также следует ясной географической логике, – пишет Дугин. – Этот путь соответствует рельефной границе леса и степи, на географическом синтезе которых основано само Русское государство. По опушке северных таежных лесов, граничащих со степью (или лесостепью), двигались русские освоители Сибири, оседаая на наиболее пригодных для жилья и сельского хозяйства землях»¹².

Города в становлении постордынской мир-экономики русской цивилизации играли важную роль, но их функции по сравнению с киевско-новгородским периодом изменились. Русские города не господствовали над своей огромной деревней; скорее, сильный в биологическом отношении крестьянский мир, нищий и постоянно голодный, оказывал воздействие на развитие городов. В России решение преобладающей части промышленных задач оставалось за деревнями, жившими натуральным хозяйством. Городские поселения не господствовали над ними и не тревожили их, как это было на Западе. Этим был обусловлен медленный подъем городов. Городское население в 1630 г. составляло 2,5% сельского. (В Киевской Руси 13% жителей были горожанами.) И тем не менее роль городов в постмонгольский период для развития общественной жизни и становления мир-экономики России была огромной. Общее количество городов в течение XVI в. более чем удвоилось: к началу XVI в. их было 96, к середине – 160 и к концу столетия – 230. В этот период выделяются еще три типа городов, за исключением тех, которые сохранились в ордынский период как центры русских княжеств: одни обслуживали внешнюю торговлю,

¹⁰ Там же.

¹¹ При Алексее Михайловиче была организована экспедиция для исследования Забайкалья и приведения «под государеву руку» его жителей.

¹² Дугин А.Г. Основы геополитики. С. 336.

другие (городки) играли большую роль в освоении бескрайних просторов новых земель, третьи – административные центры, часто возникавшие на базе тех или иных городков.

К первому типу городов необходимо отнести прежде всего Казань, Астрахань и, конечно, Архангельск. Они создавались как контрольные пункты для внешней торговли. Особенно большую роль играла Астрахань. Дело в том, что русский флот, созданный в Астрахани на протяжении второй половины XVI в., активно действовал на Каспии. Оттуда русские купцы направлялись в степи нижней Волги, особенно в Среднюю Азию (Самарканд, Ташкент, Бухару), Иран (Казвин, Ширан), доходили до Китая. Таким же пограничным городом был Тобольск, последний русский форпост сибирского востока, последний город, куда добирались русские купцы. В торговле с западом роль Архангельска трудно переоценить, так как он до Петербурга был окном в Европу.

Городские поселения (городища), остроги-городки играли очень важную роль в колонизации новых земель и создании засечных полос, а также защите от нападения калмыков и киргизов на южных рубежах Московии. В местах сбора ясака также воздвигались городки, острожки, зимовья, в которых оставалась часть людей. Именно некоторые из них потом превращались в города. Эти острова русской оседлости располагались по рекам на огромных расстояниях друг от друга и были связаны с местожительством аборигенов. Например, на территории Западной Сибири в 1 млн квадратных верст появилось 15 русских колоний-городков с окружающими их поселками.

Третий вид городских агломераций – города как административные центры – возникают уже в конце XVI в., т.е. еще до Смуты. Тогда на реке Туре закладывается город Тюмень (1582 г.), а в верховьях Туры – город Верхотурье. От него на Соликамск прокладывается сухопутная Бабиновская дорога, ставшая головным участком Великого сибирского пути русских землепроходцев. Быстро возникают и другие города: в 1587 г. – Тобольск, в 1593 г. – Березов, в 1596 г. – Обдорск (позже названный Салехардом), в 1604 г. – Томск.

После Смуты в царствование первых Романовых было построено 40 городов и занята необозримая территория – 7,35 млн квадратных верст. В 1619 г. был построен Енисейск, в 1628 г. – Красный Яр, позже названный Красноярском, впоследствии крупный торговый и административный центр Восточной Сибири, центр

сибирского казачества. В 1630 г. основан Илимский острог на Ангаре, в 1631 г. – Братский, а в 1661 г. – Иркутск. В 1632 г. построен Якутск. Создание «городков на Амуре» послужило новым толчком для прокладки более прямых путей на Амур через Забайкалье. В результате открылось новое направление русской земледельческой колонизации через Баргузин по рекам Селенга, Уда на Нерчинск (в 1654 г.), Албазин (1665 г.) и Читу (1706 г.) и далее по Шилке на Амур.

«Каждый новопостроенный город становился не только простым укреплением, но и пунктом постоянной русской оседлости. В город поселялись на вечное жительство с женами и детьми дети боярские, получавшие поместья и денежное жалованье и несшие полковую, городовую, сторожевую и станичную службу, а также низшие разряды служилых людей – стрельцы, казаки, пушкари. Их усадьбы располагались около центрального укрепления – острога – особыми слободами и от поля также отгораживались валом или же одним тыном (надолбами). Эти служилые люди отчасти состояли из «переведенцев» из других городов, а отчасти набирались вновь из разных вольных городов»¹³. В Сибири города становились центрами развития ремесленного производства и с торгово-ремесленным населением быстро обрастали деревнями, затем слободами. Они, в свою очередь, становились центрами, административно объединяющими сельское хозяйство. Эти микрорайоны постепенно сливались, образуя более крупные районы русской оседлости и экономики. Первым наиболее крупным из них в Западной Сибири стал Верхотурско-Тобольский район. Там русские переселенцы поселялись чересполосно с сибирскими татарами, где одновременно появлялись локальные группы промыслового населения в тундровой полосе.

Достаточно высокий уровень ремесленного производства и отделение его от сельского хозяйства также были связаны с развитием городских структур, с одной стороны, и ростом специализации промышленного производства – с другой.

Процесс обособления ремесла от сельского хозяйства и следовавший за ним рост рыночных связей вели к выделению поселений городского типа – рядков, посадов, торгово-промышленных сел, которые становились центрами ремесла и торговли. Рядки существовали в новгородских землях еще с XV–XVI вв. с ремесленным и торговым населением, с лавками, гостинным двором, амбарами и складами зерна и муки, с жилыми дворами. Обитателями рядка были «рядовичи», вчерашние крестьяне, постепенно отрывавшиеся

¹³ Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. С. 305.

от земледелия и превращавшиеся в посадских людей. Удельный вес рядков в жизни новгородской области был значителен: здесь насчитывалось 1500 дворов «рядовичей». Помимо ремесленников в русских городах сосредоточивались мелкие и крупные торговцы. Организация торговли и в крупных городах напоминала «рядки», а точнее ряды. Лавки были сгруппированы по видам товаров, двойной линией тянулись вдоль «рядов». «Ряд» можно было бы трактовать как азиатский «сук», кварталы с теснящимися лавочками скорее напоминали устройство мусульманских городов, нежели специализированные улицы городов западного средневековья. (В Пскове, например, 107 иконописцев были вытянуты в иконный ряд.)

В русском городе XVI в. 25% населения составляли ремесленники (в Твери ремесленники составляли 60% населения, в Можайске – 86%). Ремесленники каждой специальности обычно селились и торговали на одной улице, формируя собственные объединения, или «уличную гильдию». Рост ремесленного населения городов находился в прямой связи с тем, что ремесленник работал не только на заказ, т.е. непосредственного потребителя, но и на более или менее широкий рынок. Насчитывалось свыше 200 различных ремесленных специальностей. Ремесленники были заняты главным образом производством продуктов питания, одежды, обуви.

При этом существовали большая дробность и разнообразие специальностей внутри отдельных отраслей ремесленного производства. Совершенствование техники производства способствовало созданию и развитию таких крупных предприятий, основанных на разделении труда, как Пушечный двор, Оружейная палата и др. Разделение труда между отдельными профессиями достигло большой степени на крупнейших соленых варницах Поморья (водоливы, варщики).

Появление специализированных рыночных структур с выделением больших его центров, а также местных и областных рынков – существенная черта становления мир-экономики этого периода. Развитие рыночных связей «зарубцовывало» швы, которые остались от уделов и княжеств прошлого и в экономическом отношении дополняли ведущие отрасли – хлебопашество, животноводство, рыболовство, лесные и домашние промыслы, ремесленное производство, поставляя необходимую товарную продукцию друг другу.

Более отчетливо выделяются районы, специализирующиеся на производстве определенных предметов ремесла, что было свя-

зано в значительной степени с наличием сырьевой базы. В XVI в. приобретает широкую известность своей железнодеятельной промышленностью Устюжина Железнопольская. Железо производилось также в Новгородском районе, Тихвине, Белозерском крае, Карелии. Вологда и Холмогоры начали приобретать известность как центры «лодейного» дела. Калуга и Тверь славились своей деревянной посудой, широкое распространение имели деревянные ложки из Белозерского края. Крупными районами производства сукон были Можайский район, Ржев, Вологда. Оружие выделывали московские ремесленники, изделия которых ценились далеко за пределами страны.

В XVI в. города уже предъявляли значительный спрос на продукты сельского хозяйства. Наибольшего развития товарообмен и вообще продажа продуктов сельского хозяйства достигли в центральных районах. Товарный характер носило производство ржи (в Центральной России), льна в Новгородской области. На рынок поступали масло, сало, шкуры, так как был достигнут значительный прогресс в разведении скота. В сельском хозяйстве товарную продукцию поставляли как небольшие крестьянские хозяйства на севере, так и большие помещичьи хозяйства в Центральной России. С конца XV в. хлеб становится заметным товаром рыночных отношений. Главным потребителем становится городское население, что способствовало расширению производства. Хлеб на рынок поставляли землевладельцы, в частности монастыри, а также крестьяне. Продавать хлеб крестьян заставляла необходимость платить государственные подати и помещичьи денежные оброки. Наблюдаемая со второй половины XVI в. меньшая зависимость цен от местных случайных причин и намечающееся нивелирование их свидетельствовали о взаимной связи рынков.

Самым большим центром хлебной торговли была Москва, куда стекалось огромное количество хлеба. Только по Ярославской дороге, по свидетельству Р. Ченслера, побывавшего в 50-х годах XVI в. в России, ежедневно прибывало в Москву 700–800 возов с зерном. В становлении мир-экономики русской цивилизации в этот период Москва занимала особое место не только как столица централизованного государства, но и как важнейший торговый и координирующий центр. В середине XVI в. в Москве насчитывалось до 100 тыс. жителей, а в середине XVII в. – около 200 тыс. человек. Иностранцы, посещавшие Москву в XVI в., поражались ее величию и красоте. Англичанин Флетчер писал, что она больше Лондона.

Москва строилась и украшалась по мере освобождения от татарского владычества. На протяжении всего XVI в. еще существовала реальная опасность вторжения крымских татар в пределы Русского государства и их продвижения до Москвы. В связи с этим правительство принимает меры по укреплению территории быстрорастущего московского посада. К 1534 г. торговая часть Москвы была окружена земляным валом, деревянной плетницей. По всей вероятности, по имени плетницы-киты эта стена получила название Китай-города. В 1535–1538 гг. деревянная стена Китай-города была заменена мощной кирпичной, фундамент которой сложили из крупных плит белого окаменелого известняка. Работы по сооружению этой стены проводились под руководством архитектора Петра Фрязина. Строительные работы в Москве и других городах приняли столь широкий размах, что руководство ими было сосредоточено в созданном в 1583 г. Приказе каменных дел. Первой крупной работой, проведенной приказом, было сооружение третьей линии каменных укреплений – Белого города. Это грандиозное сооружение с 27 башнями протяженностью около 9,5 км было создано под руководством русского архитектора Федора Коня в очень короткий срок – с 1586 по 1593 г. Создание этих сооружений, окружающих центр Москвы – Кремль, закрепило радикальную застройку столицы Русского государства, которая в основном сохранилась и в будущем.

Кремль поражал своей красотой. Непревзойденным шедевром русского зодчества стал воздвигнутый в Москве в 1554–1560 гг. Покровский собор, «что на рву», позже получивший название храма Василия Блаженного. Он был сооружен в ознаменование покорения Казани. Столь же совершенным архитектурным сооружением была надстроенная при Борисе Годунове церковь-колокольня Ивана Лествичника (известная впоследствии под названием колокольни Ивана Великого). Это монументальное сооружение высотой свыше 80 м композиционно завершило величественный ансамбль Московского Кремля.

Москва была крупным потребляющим центром, получавшим продукты питания, сырье и ремесленные изделия как из ближайшей округи, так и из более отдаленных мест: хлеб шел из Рязани и других южных районов, рыба с Волги, масло из Вологды, соль из Поморья, железные изделия из Устюжины Железопольской, пушнина с Урала и из Сибири. Заграничные товары шли в Москву через Новгород Великий, Псков и Смоленск, позднее через Архангельск. Будучи крупным ремесленным центром, Москва снабжала своими изделиями также ряд рынков. Часть московских изделий вывозилась за границу. Укреплению экономического значения Москвы способствовала и централизованная политика правительства, которое практиковало принудительные «своды» в Москву ремесленников и торговых людей из других городов.

Австрийский посол барон Августин фон Майерберг, посетивший Москву в эти годы, писал: «В Москве такое изобилие предметов, необходимых для жизни, удобств и роскоши, что это должно вызывать зависть во всех странах мира»¹⁴. В конце XVII в. (1662 г.) в Москве большинство домов были деревянными, но строились и кирпичные дома¹⁵.

Вся московская торговля первоначально была сосредоточена в Китай-городе, где в середине XVI в. было не менее 26 рядов. В конце XVI в. там были построены новые каменные торговые ряды. На нынешней Красной площади находились ряды лавок, у каждого ремесла был свой ряд, так что торговцы шелком никак не смешивались с торгующими сукнами и холстами, золотых дел мастера – с шорниками, сапожниками, портными, скорняками и прочими ремесленниками. Был также ряд, на котором продавали лишь образы святых. В Москве были даже специализированные рынки.

Москва была центром не только внутренней, но и внешней торговли. В Москву стекались, по свидетельству современников, купцы иноязычные. В XVI в. уже был Английский торговый двор, Панский торговый двор для купцов, приезжающих из Литвы и Польши, и Армянский торговый двор для восточных купцов.

В становлении мир-экономики Московской Руси в отличие от европейской *большую роль играло государство в союзе с крупным купечеством (олигархами того времени)*. Можно выделить ряд факторов формирования мир-экономики.

Прежде всего контроль (монополию) государства над важнейшими видами товаров, находившихся в торговом обороте: соляная торговля, торговля поташом, водкой, пивом, медом, пушниной, табаком, а позднее кофе. Нельзя не отметить, что именно царь, начиная с 1653 г. организовывал официальные караваны, которые каждые три года отправлялись в Пекин, доставляли туда ценные меха и возвращались оттуда с золотом, шелком, камкой, фарфором, а позднее – с чаем.

Особо надо выделить включенность государевой администрации в организацию зернового рынка, который хорошо функционировал в национальном масштабе, а на экспорт зерна требовалось разрешение царя.

В этом отношении очень показательно влияние государства на развитие продовольственной базы Сибири, что обусловлено прежде

¹⁴ Вернадский Г.В. Русская история. С. 145.

¹⁵ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 291.

всего необходимостью обеспечить русское население¹⁶ продовольствием, прежде всего хлебом. Сначала базой хлебного снабжения Сибири выступала Вятская земля, т.е. Предуралье. Это был длительный и трудный путь доставки хлеба, например, в Якутск он попадал на третий год. Естественно, все это сопровождалось большими потерями в связи со сложностями транспортировки. Решение продовольственной проблемы было связано с необходимостью развивать пашенное земледелие как ведущую отрасль хозяйства и образовать местные региональные рынки с вовлечением общерусских торгово-экономических связей.

Со временем московское правительство обязывало воевод высказывать места, пригодные под пашню. Кроме того, оно основало в южных степях Западной Сибири слободы, в которые созывало крестьян из внутренних уездов Московского государства, предоставляя им разные льготы в отношении податей и повинностей. И не случайно с конца XVI в. инициативу в освоении пашенного земледелия в Сибири полностью взяли в свои руки русские переселенцы.

Целый ряд внешних политических факторов, которые находились в ведении государства, также повлиял на хозяйственное освоение Сибири. В частности, урегулирование с Китаем границ вдоль монгольских территорий и строительство сложных оборонительных линий в Западной Сибири и на Алтае обеспечили безопасность южно-сибирской лесостепи и степи. Эти новые внешние факторы наметили постепенный переход с середины XVII в. земледельческого населения из таежной полосы на более плодородные угодья. Благоприятные условия для развития сельского хозяйства в даурской земле привлекали сюда многих пашенных крестьян из северных воеводств Сибири. В конце XVII в. на Амуре были распаханы крестьянами и казаками значительные площади, и хлеб стал ввозиться из Даурии в северные районы Сибири, т.е. появляется товарный хлеб. Уже в XVII в. были обозначены контуры первых сибирских земледельческих центров – Тобольской группы пашенных уездов, Томской и Илимской пашен.

Развитие международной торговли особенно со странами Востока – важная характеристика мир-экономики Московского царства. В первой половине XVII в. были первые попытки установления дипломатических и торговых отношений между Россией и Индией. Русские купцы не могли попасть в Индию прямым путем. Им приходилось проезжать туда через много владений чужих, часто враждебных правителей. Два русских посольства ко двору Шах-Джихана (в 1646 и 1651 гг.) были задержаны в пути

---

¹⁶ Во всей Сибири в конце XVII в. проживало 300 тыс. русских людей, примерно 2% всего населения Московии. Распределены русские крайне неравномерно – где невозможно земледелие, их особенно мало. В 1643 г. на реке Оленеке было 156 русских, в низовьях Лены – 461.

иранскими властями и не смогли достигнуть границ Индии. Однако, несмотря на неудачу в установлении прямых дипломатических сношений, в первой половине XVII в. торговые отношения между Россией и Индией существовали. Торговлю с Россией вели преимущественно индийские купцы, в начале XVII в. основавшие торговое поселение в Астрахани¹⁷. Русское правительство всячески поддерживало эту торговлю, предоставляя индийцам (большинство были выходцами из Пенджаба) большие льготы.

В 1675 г. правительство России предприняло новую попытку установления дипломатических отношений с Индией. Ко двору падишаха Аурангезеба был отправлен из Москвы посланец – татарин Мухаммед Юсуф Касимов. Кроме царской грамоты, Касимову была вручена доверительная инструкция, где ему предлагалось выяснить в Дели отношение правящих кругов и купечества к установлению постоянных и непосредственных связей с Россией, а также добиться направления ответного посольства. Наконец, Касимов имел поручение привлечь на царскую службу несколько индийских каменных дел мастеров, слава о которых распространилась далеко за пределами Индии. Через Бухару и Балх Касимов благополучно прибыл в Кабул, входящий тогда в состав державы Великого Могола, но в Дели русское посольство не было допущено. Аурангезеб в ту пору был занят подавлением большого восстания афганских племен и в качестве меры предосторожности закрыл северо-западную границу своего государства.

Спустя 20 лет в Индию отправился русский купец Семен Маленький. Он вез грамоту царей Петра и Ивана на имя падишаха Аурангезеба с просьбой разрешить ему торговлю царскими и собственными товарами, а также закупку местных изделий. В 1696 г. Аурангезеб принял Семена Маленького и разрешил ему беспшлинную торговлю. После шести лет пребывания в Индии, посетив

---

¹⁷ Расширение индийской сухопутной торговли со странами, расположенными к западу и северо-западу от Индии, привело к образованию поселений индийских купцов, главным образом выходцев из Пенджаба и Раджпутаны, на основных путях караванной торговли. Такие поселения появились сначала в Афганистане (Кабул, Кандагар, Герат) и Иране (Исфаган), затем в Средней Азии (Бухара), Закавказье (Баку, Шемаха) и, наконец, в Астрахани. Основав поселение в Астрахани, индийские купцы поднимались по Волге до Казани и Ярославля, торговали в Москве. В начале XVIII в. группа пенджабских купцов обратилась из Астрахани к Петру I с просьбой разрешить им транзитную торговлю с Китаем и западноевропейскими государствами через Россию.

Сурат, Агру, Дели и другие города, Семен Маленький и его спутники возвратились в Москву с ценным грузом индийских товаров.

Однако после завоевания Индии и ее превращения в британскую колонию эти начавшиеся взаимовыгодные экономические и политические отношения были прерваны.

Русско-китайские отношения в конце XVII в. развивались неровно. Сначала торговые отношения между Россией и Китаем осуществлялись через Среднюю Азию, а затем – Сибирь и Монголию. В 1675–1676 гг. русское правительство направило в Пекин большую миссию во главе с ученым, молдаванином Николаем Спафарием (Милеску). Спафарий получил задание установить регулярные дипломатические отношения с Китаем путем обмена посольствами, пригласить на службу в Россию китайских мастеров, узнать о более удобных сухопутных и водных путях на Дальний Восток, добиваться расширения русско-китайских отношений. Но Спафарию, как и его предшественнику Федору Байкову, не удалось достигнуть своих целей.

Некоторые успехи были достигнуты только в 1687 г. Тогда в русский пограничный город Селенгинск, направляясь в Китай, прибыл русский посол Федор Головин, получивший наказ добиться установления нормальных дипломатических и торговых отношений с китайским государством и определить границу между обоими государствами. Несмотря на трудность переговоров (включая демонстрацию военной силы маньчжурами), в 1689 г. был подписан Нерчинский договор. Это первый договор в истории русско-китайских отношений и вместе с тем первый международный договор, заключенный Китаем с европейской державой.

Вместе с тем, когда русские с середины XVII в. начали освоение Забайкалья и Приамурья, циньское правительство отнеслось к этому недоброжелательно. Оно опасалось соперничества с Россией в этом огромном регионе. Этим и определялась политика Циньской династии на протяжении второй половины XVII и почти всего XVIII в. Кроме того, они потребовали, чтобы русские покинули занятые ими земли на Амуре.

Из России на Восток вывозили главным образом изделия ремесленного производства – кожевенного, металлообрабатывающего, деревообделочного, текстильного и продукты промыслов (пушнина, воск, мед). С востока шли хлопчатобумажные ткани, шелк, краски, нефть, ковры, сафьян, оружие, драгоценные камни. Ряд привозимых с Востока товаров (краски) играли большую роль в ремесленных производствах русских мастеров.

В Московском царстве по-особому (в отличие от Запада) были организованы отношения крупных купцов, негоциантов, которые осуществляли торговлю на дальние расстояния, *гостей* (в русской интерпретации этого понятия) с государем. Они состояли на царской службе, имели большие привилегии и большую ответственность.

Торговая деятельность этих крупных купцов не была узко специализирована. Один из самых богатых гостей, Григорий Никитинков, занимался продажей соли, рыбы, сукон, шелков; у него были дела в Москве, но он участвовал в торговых операциях на Волге, владел судами в Нижнем Новгороде, занимался экспортом через Архангельск. Кроме того, он занимался розничной торговлей в Москве, куда систематически доставляли товары из провинции. На гостей поочередно возлагались сбор налогов, управление астраханской и архангельской таможнями, продажа пушнины и прочих товаров, относившихся к государственным монополиям, наконец, управление Монетным двором или Сибирским приказом. За выполнение всех этих задач они отвечали собственной головой и своим имуществом. Зато их состояния бывали порой колоссальными¹⁸. Функции гостей как особо привилегированной касты купцов, игравших такую особую роль в формировании российской мир-экономики при царской администрации первых Романовых, будут отменены при Петре I.

Необходимо отметить роль купечества в преодолении последствий Смуты. В начале и середине XVII в. финансовое положение Московского государства было очень тяжелым. Попытки русского правительства получить деньги за границей – в Голландии, Англии, Персии предпринимались еще в начале XVII в. Но они не всегда были успешны, хотя в 1617 г. из Персии было получено 7 тыс. руб.¹⁹ Выручали Строгановы, которые, владея несметными богатствами, предоставляли Михаилу Романову в начале его царствования крупные суммы пшеницей, драгоценными камнями, деньгами в виде займов или чрезвычайных налогов. Они впо-

---

¹⁸ Начиная с 80-х годов XVII в. внимание правительства и частных металлургов переместилось в Уральскую область. Наиболее крупные предприятия подобного типа принадлежали клану Строгановых, которых в силу удаленности их на севере не затронула Великая смута. Более того, Строгановы расширили сферу своей деятельности. Они торговали шкурами, рыбой, зерном. Им принадлежали соляные промыслы и железодельные заводы, производство поташа. Общая численность работных людей в мастерских достигала 10 тыс. человек (свободные рабочие и крепостные).

¹⁹ *Веселовский С.Б.* Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М., 1908. С. 10.

ледствии безвозвратно предоставят Романовым (сначала царю Михаилу, а затем его сыну Алексею Михайловичу) 412 056 руб. во время русско-польских войн (1632–1634 и 1654–1656 гг.).

Долгое время не только внешняя, но и внутренняя торговля России контролировалась западными купцами, хотя русские купцы обращались с неоднократными жалобами в правительство с просьбой запретить иностранцам заниматься розничной торговлей. Их просьба была услышана только в 1667 г., когда был издан новый коммерческий устав, где были учтены требования отечественных торговцев, что свидетельствовало об их возросшей экономической и политической силе. В последующее столетие формировались мир-экономика национального рынка страны и обслуживающие его торгово-денежные институты.

8. 3. Становление национального рынка Российской империи

Национальный рынок – это пространственная форма рыночных отношений, возникшая в европейских государствах в Новое время. Этот вопрос достаточно подобно рассмотрен в предыдущей работе применительно к реалиям Западной Европы. Здесь представляется целесообразным обратить внимание на несколько важных положений, которые характеризуют национальный рынок как исторически особую форму рыночных отношений безотносительно к цивилизационной специфике. «Национальные рынки строились *внутри* экономической системы, более обширной, чем они, а точнее – *противововес* этой системе», – пишет Бродель. По-видимому, ничто не кажется более само собой разумеющимся (для историка, потому что выражение это отсутствует в различных экономических словарях), чем классическое понимание национального рынка. Так обозначают достигнутую экономическую связность, сплоченность некоего политического пространства, когда это пространство обладает известным охватом, прежде всего в границах того, что мы называем территориальным государством и что в прошлом охотнее именовали национальным государством²⁰.

В чем отличия национального рынка от мир-экономики? Первое отличие состоит в том, что эта рыночная структура всегда обслуживает интересы государства. «Ничего нет удивительного, что

²⁰ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 150.

у начала внутреннего рынка непременно стояла централизующая политическая воля: фискальная или административная, или военная, или меркантилистская, отвечающая интересам государства», – писал Бродель²¹. Второе важное отличие – другая технико-технологическая основа экономики, связанная с более высоким уровнем разделения труда и специализации производства (отраслевого, регионального) внутри данного государственного анклава, основанная на промышленной революции, обусловившая создание сначала крупных мануфактур, а затем и фабричной промышленности, которая «потеснила» все другие виды ремесленного производства и стала оказывать воздействие на другие отрасли народного хозяйства. Третье важное отличие – изменение средств сообщения, что обеспечивало возможность экономической интеграции как внутренних регионов государства с разной специализацией, так и внешнеэкономических связей. Четвертое отличие – интенсивное развитие сети новых институтов, обслуживающих эти многообразные торговые связи (ярмарки, биржи, акционерные общества и т.д.). Все эти характерные черты национального рынка найдут свое отражение и в Российской империи с учетом ее цивилизационных и социально-экономических особенностей.

В начале XVIII в. в России начинает формироваться внутренний (национальный) рынок на базе мир-экономики Московского царства, территориально расширенного геополитическими приобретениями последних двух столетий. У его истоков стояли волевые устремления Петра I по ускоренному созданию военно-промышленного комплекса, что было обусловлено необходимостью создать регулярную армию и флот. Крепостная мануфактура, а затем фабрика были важными структурными элементами формирующегося национального рынка, работали главным образом на внутренний рынок, исполняя казенные заказы. На их создание были брошены все ресурсы государства. До Петра I крупных промышленных предприятий почти не было.

В начале XVIII в. на территории Карелии была построена группа олонцевских заводов, в Казани основана крупная верфь, возникли суконные и кожевенные мануфактуры, на Украине – селитроварение и пороховое производство. В первой четверти XVIII в. была основана крупная Путивльская суконная мануфактура. Наибольший успех выпал на долю металлургии. К этому времени относится создание

²¹ Там же. С. 291.

нового металлургического района на Урале. Было создано 200 мануфактур.

В результате если в конце XVII в. Россия закупала для оружейного производства железо в Швеции, то к исходу первой четверти XVIII в. она сама стала вывозить металл за границу. К началу XVIII в. общая продукция крупных металлургических предприятий составляла примерно 150 тыс. пудов чугуна, а к 1726 г. она достигла 800 тыс. пудов. Крупная промышленность появилась и на окраинах империи.

В петровский период развитие мануфактурной промышленности осуществлялось за счет казны: в течение первого десятилетия XVIII в. за счет государства было построено 14 металлургических предприятий и только два за счет частного капитала. Однако уже тогда начала развиваться практика строительства мануфактур на казенные средства с последующей их передачей на льготных условиях частным лицам. На Урале в 1701 г. был построен Каменский завод, в 1702 г. – Унтусский, в 1699 г. – Невьянский, переданный в 1702 г. Демидову. Государство нередко прибегало к принудительной организации крупных промышленных компаний, которые получали из казны крупные денежные ссуды.

Военно-промышленный комплекс дал стимул развитию гражданской продукции, так как в непосредственной связи с потребностями армии находилось развитие легкой промышленности, особенно полотняной и суконной, снабжавшей армию и флот полотном и обмундированием. После полтавской победы казна ослабила спрос на изделия мануфактур для армии и флота, поэтому некоторая часть продукции стала поступать на гражданский рынок. К этому времени относится возникновение мануфактур, прямо работающих на потребительский рынок и производство бытовых товаров – чулок, шпалер (обоев), игральные карты, пуговиц и т.д., пользующихся спросом у дворян и наиболее зажиточных горожан.

Все эти успехи в ускоренном создании национального рынка имели глубокий социальный порок, отличающий его от национальных рынков европейских государств, – крепостную форму развития мануфактурного и промышленного производства. В XVIII в. посессионные (приписанные к заводам) крестьяне были основной рабочей силой на казенных предприятиях²². Вотчинная

²² К девяти пермским казенным заводам было приписано 25 тыс. крестьян. Сотни крепостных крестьян были приписаны к Сестрорецкому и Тульскому оружейным заводам, казенной парусной фабрике и частной суконной фабрике купца Щеголова в Москве. Иногда для снабжения крепостных фабрик рабочими руками к ним приписывались целые села. Фабрикант Тамес к своим полотняным фабрикам получил село Кохму в Шуйском уезде с 641 двором.

дворянская крепостная фабрика в первой половине XVIII в. была мало развита. Господствует купеческая фабрика, часто достигающая, как и казенная, крупных размеров, что обеспечивалось путем приписки дворцовых крестьян к заводам, а также предоставленной с 1721 г. владельцам мануфактур возможности покупать к заводам крепостных крестьян. Кроме того, предпринимателям разрешалось держать у себя «впредь до указа» беглых крестьян, осужденных за разные преступления, бездомных людей и военнопленных.

Преемники Петра продолжали проводить ту же политику развития промышленного производства, основанного на труде крепостных. По инициативе государства и с его помощью строились горные предприятия, плавильни, арсеналы, новые бархатные и шелковые мануфактуры, стекольные заводы от Москвы и до Урала. Промышленники и купцы также продолжали получать от правительства казенные ссуды и привилегии для строительства крупных предприятий в основном с использованием принудительного труда, удельный вес которого увеличился. В 1736 г. был издан указ, которым «навечно» закреплялись все занятые на производстве рабочие и их семьи. Кроме того, в 30–40-х годах XVIII в. широкое распространение получила приписка государственных крестьян даже к частным заводам, работающим на внешний рынок, в частности металлургическим.

В середине XVIII в. началось строительство горных заводов на Южном Урале, что обуславливалось спросом на железо на внешнем рынке. На Урале с 1752 по 1762 г. было основано 55 заводов. На территории Башкирии строились преимущественно частные заводы (купца Твердышева и др.). Правительство щедро приписывало государственных крестьян для работы на заводах, что засчитывалось им в уплату податей. Заводчики, кроме того, имели крепостных крестьян. Так, граф Шувалов купил для своих заводов в Орловской, Тульской и Калужской губерниях 25 тыс. крестьян.

Если в первой половине XVIII в. промышленные предприятия строились за счет казны или купеческого капитала, которые и играли главную роль в развитии внутреннего рынка, то в дальнейшем в его развитии большое значение приобретает вотчинная помещицья мануфактура.

Наличие больших запасов сырья (льна, пеньки, кожи, шерсти, зерна и т.д.) и даровой рабочей силы, а также возможность выгодно сбыта продукции толкали помещиков на устройство самых разно-

образных мануфактур. В имениях русских, украинских, прибалтийских помещиков создавались суконные, полотняные, кожевенные, стекольные, винокуренные и прочие предприятия. В Прибалтике мануфактуры появились не только в городах, но и в помещичьих имениях, где применялся крепостной труд. Так, граф Плаггер устроил мануфактуру шелковых, шерстяных и хлопчатобумажных тканей: мастера у него были наемные, а рядовыми рабочими – крепостные крестьяне. В Риге к концу XVIII в. имелось 6 мануфактур, где применялся наемный труд. В Эстонии тоже была бумажная мануфактура в Рятмно. На Украине мануфактуры, возникшие еще в предшествующий период, значительно расширились. Путивльская суконная мануфактура была одной из крупнейших в России. К ней было приписано около 9,5 тыс. крестьян. Крупнейшие землевладельцы Разумовский и Румянцев строили в своих имениях на юге суконные, свечные, стекольные, кожевенные и другие заведения. В Белоруссии и Литве крупнейшие помещики Радзивилы и Сапегы, используя труд крепостных крестьян, заводили в своих имениях стеклянные гуты, производство зеркал, gobеленов, сукон, фарфоровых изделий и т.д.

В формировании национального рынка империи активное участие принимала и самая ущемленная страта общества – крепостное крестьянство, в отличие от европейских государств. Крестьяне стремились к этой деятельности и достигали там процветания, порой противозаконно, но бывало и при покровительстве своих господ. Дворяне не препятствовали торговле своих крестьян, но облагали их как крестьян-мануфактуристов высоким оброком... В середине XVIII в. граф Миних, говоря от имени русского правительства, констатировал, что на протяжении столетия крестьяне вопреки любым запретам постоянно занимались торговлей, вложили в нее весьма значительные суммы» так что рост и нынешнее процветание крупной торговли обязаны своим существованием умению, труду и капиталовложениям этих крестьян²³. Манифестом 1767 г. о свободе промышленности и торговли крестьянам была предоставлена возможность заниматься «рукоделием» и продажей промышленных изделий.

Отрыв крестьян от земледелия и домашних промыслов способствовал расширению внутреннего рынка для промышленных товаров. В крестьянское и помещичье хозяйство проникает продукция крупных металлургических заводов и мануфактур, производящих полотно. Все это вызывало быстрый рост спроса на хлеб и другие сельскохозяйственные продукты со стороны земледельческого населения. В нечерноземных губерниях уходили на

²³ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 463.

заработки от 25 до 35% всего мужского населения, что увеличивало численность потребителей покупного хлеба. Житницей России в середине XVIII в. были центрально-черноземные районы, особенно Белгородская и Воронежская губернии, а к концу столетия – и Среднее Поволжье. Отсюда хлеб вывозили в Москву, Петербург, Ярославль, Кострому. Продавцами хлеба выступали помещики и крестьяне. Помещики продавали хлеб и другие сельскохозяйственные продукты с целью увеличения денежных доходов. Большинство крестьян продавали хлеб, необходимый им для собственного потребления, потому что для уплаты оброка и подушной подати, для покупки соли и промышленных изделий им необходимы были деньги²⁴.

Бродель пишет, что «русский крепостной часто получал позволение заниматься от себя лично ремесленным промыслом, совмещая его с сельским хозяйством или отдаваясь ему полностью... Кишевшие в мелкой и средней торговле крестьяне характеризовали некую весьма своеобразную атмосферу крепостничества в России. Счастливый или несчастный, но класс крепостных не был замкнут в деревенской самодостаточности. Он оставался в контакте с экономикой страны и находил там возможность жить и заниматься предпринимательской деятельностью»²⁵. В период с 1750 по 1850 г., утверждает Бродель «фантастическим образом развились старинная традиция деревенских ремесленников, работавших на рынок, кустарей... Это огромное деревенское производство намного превосходило крестьянское надомное производство, организовывалось владельцами мануфактур. В деревне крестьянки изготавливали льняную одежду, мешочные ткани, а мужчины производили гвозди, различные металлические изделия. Производители были хорошо знакомы с нуждами крестьянского рынка и быстро удовлетворяли его потребности, изготавливая множество необходимых товаров – деревянную утварь, колеса, сани, текстиль, упряжь, ножи. Этот тип деревенской промышленности получил название кустарной промышленности. Зачастую крестьянин также получал от своего хозяина паспорт для занятия отхожим промыслом или торговлей вдали от своего дома»²⁶. И все это не переставая быть

²⁴ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 463.

²⁵ Там же.

²⁶ Часть крестьян отрывается от сельского хозяйства. Особенно это относилось к селам, издавна славившимся ткацкими и металлообрабатывающими промыслами. На примере сел Иванова и Павлова отчетливо выступает процесс превращения села в крупный торгово-промышленный центр, становящийся впоследствии городом. В поисках заработков сюда стекалось население окрестных районов.

Паспорта и отпускные документы стали выдаваться на все более длительный срок, пока, наконец, крестьяне не превращались в постоянных жителей, при этом чаще всего они оставались крепостными какого-либо помещика.

крепостным, даже сколотив состояние и, следовательно, не прекращая уплачивать повинность, теперь уже пропорционально своему состоянию. С благословления своих господ крепостные становились разносчиками, странствующими торговцами, лавочниками в предместьях, а затем в центре городов или занимались извозом. «Каждую зиму миллионы крестьян везли на своих санях в города съестные припасы, накопленные в хорошее время года. Летом реки бороздили бесчисленные лодочки. А от перевозок до торговли – всего один шаг»²⁷.

Развитию рыночных отношений способствовало имущественное расслоение среди крепостного хозяйства с выделением значительной страты зажиточных людей. Еще со времен Петра I «семьянистые» более зажиточные крестьяне выполняли наряду с купцами подряды на строительные работы и по снабжению армии продовольствием и фуражом. Стоимость таких подрядов иногда оценивалась в десятки тысяч рублей. Не меньше были состояния некоторых крепостных в крупной торговле, где было мало горожан. Воротилами на внутреннем рынке становятся торгующие крестьяне из числа не только государственных, но и крепостных. В торговле наряду с купечеством все более заметную роль начинало играть крестьянство, хотя крепостное право и тормозило рост его связей с рынком. В 1766 г. 502 петербургских купца обратились с жалобой в Сенат на конкуренцию крестьян. По их словам, крестьяне торгуют по всему Петербургу, на улицах, в обывательских домах, в погребках, лавках, на скамьях и столах, перекрест-

---

Рассматривая вопрос о роли крепостного крестьянства в развитии рыночных отношений, необходимо иметь в виду, что она предполагала *оброчную* форму этой зависимости, хотя *барщина* была формой, которая способствовала становлению рыночного крепостного хозяйства. Однако противоречия здесь нет. Говоря об оброке, мы рассматриваем более ранние периоды этого крепостного хозяйства до начала XIX в. «В противоположность своему польскому собрату русский крестьянин после своего ...полного закрепощения... бывал обязан более *оброком*, денежной или натуральной повинностью (уплачиваемой государству так же, как барину), нежели барщиной, принудительным трудом. Когда последняя существовала, она даже в худшие времена крепостничества, в XVIII в., не превышала трех дней в неделю. Затем положение изменилось. Барщина явилась преобладающей формой эксплуатации, особенно с середины XVIII в. В южной земледельческой полосе больше половины крепостных крестьян сидели на барщине, в северных провинциях – 45%. Помещичье хозяйство, основанное на барщине, работало в большей степени на рынок, особенно к концу XVIII в., и привело ко второй крестьянской революции – пугачевщине».

²⁷ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 461–462.

как и даже скупают иностранные товары на бирже. Несмотря на ряд ограничений, богатые крестьяне переходили в города и записывались в купеческие гильдии²⁸.

В Российской империи, как и в Западной Европе, в развитии национальных рынков на базе мир-экономик особую роль сыграли города. В доимперский период эта особая роль отводилась Москве. Не случайно, рассматривая вопрос об особенностях становления российской мир-экономики, Бродель ставит ее в центр. «Это громадная Россия, невзирая на ее архаические формы, была, несомненно, мир-экономикой, — утверждает Бродель. — Если расположиться в его центре, в Москве, он свидетельствовал не только об определенной энергии, но также и об определенной мощи доминирования. Ось север–юг вдоль Волги была решающей линией раздела, какой в Европе в XIV в. был капиталистический позвоночный столб от Венеции до Брюгге. И если вообразить себе карту Франции, увеличенную до русских масштабов, то Архангельск был бы Дюнкерком, Санкт-Петербург — Руаном, Москва — Парижем, Нижний Новгород — Лионом, Астрахань — Марселем. Позднее южной оконечностью станет Одесса, основанная в 1794 г.»²⁹. В имперский период эта роль будет передана Петербургу.

Петр I действительно повернул громадную Московию лицом к Европе. Основание Санкт-Петербурга, к выгоде которого произошел перенос центра русской экономики, открыло окно на Балтику и в Европу³⁰.

---

²⁸ Богатела преимущественно небольшая группа крупных торговцев и заводчиков, от которых зависела масса средних и мелких купцов, а купцы третьей гильдии обычно были мелкими торговцами или даже наемными людьми и ремесленниками. Прием крестьян в состав городских сословий происходил медленно и только в том случае, если они выполняли ряд условий. Купцы, имеющие капитал свыше 500 руб., должны были с 1775 г. вместо подушной подати вносить в казну сбор в размере 1% от капитала. Остальные купцы переходили в разряд «мещан» и продолжали вносить подушную подать. В 1776 г. с купцов была снята также рекрутская повинность, замененная денежным взносом в сумме сначала 300 руб., позднее — 500 руб.

²⁹ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 467.

³⁰ По замыслу своего основателя, город должен был развиваться к югу и северу от реки, начиная от Петропавловской крепости. Но развитие шло асимметрично: замедленно на правом и довольно быстро на левом берегу Невы. На этом берегу Адмиралтейская часть и Петровская (позднее — Сенатская площадь) образовали центр города, с каменными набережными. Это была небольшая часть города, но самая богатая и красивая. Не говоря уже об императорском дворце, все дома были здесь каменные дворцового типа (30 общественных

Петербург был центром необузданной роскоши (как Лондон, Париж). Огромный город требовал снабжения продовольствием. И на это тратились громадные средства, так как живую рыбу доставляли в живорыбных садках на лодках с Ладожского и Онежского озер; быков и баранов пригоняли на бойни с Украины, из Астрахани, с Дона, с Волги, т.е. за 2 тыс. верст, и даже из Турции.

Значительная часть национального богатства страны тратилась на безмерную роскошь властвующей социальной структуры, которая возникла в результате петровских преобразований. Хронический дефицит покрывался за счет императорской казны и огромных доходов³¹.

зданий и 221 частный дом). Именно здесь находились знаменитые Малая и Большая Миллионные улицы, Невская набережная, начальная часть Невского проспекта, Адмиралтейство, Зимний дворец с огромной Дворцовой площадью, галереи Эрмитажа, Сенат, мраморный Исаакиевский собор, который так долго (1818–1858 гг.) сооружали на одноименной площади...

При строительстве города он сознательно был разбит на зоны богатых и бедных. В городе было сосредоточено большое количество розничных лавок в обширных Гостиных дворах, как в Москве. В городе был Монетный двор, свои мельницы на Неве ниже и выше города. В предместьях города были построены предприятия, необходимые для нормального функционирования этой большой городской агломерации. К востоку от Адмиралтейства находился Литейный двор (деревянное здание, построенное в 1713 г. и перестроенное в 1733 г.). Рядом был выстроен Арсенал. В предместьях появились мануфактуры, которые производили великолепные ткани; построена Шпалерная мануфактура, созданная по образцу мануфактуры Гобеленов, которая изготавливала прекрасные ковры.

³¹ Необходимо отметить цивилизационные особенности Москвы в отличие от Петербурга как космополитического города. «Москва была истинной столицей России, – писал Ф.Ф. Юсупов, – Москва, как Янус, имела два лица. С одной стороны, святой город с множеством церквей – ярко раскрашенных, с золотыми куполами, с часовнями, где тысячи свечей горели перед иконами, с высокими стенами монастырей и толпой верующих... Старинные аристократические семьи вели здесь патриархальную жизнь в прекрасных городских домах, что и в окрестных летних резиденциях, сохраняя во многом старинные традиции, они мало сообщались с Петербургом, который считался слишком космополитичным. С другой стороны, Москва была городом веселым, шумливым, оживленным, городом роскоши и удовольствий, зрелищ и кутежа. Пестрая толпа катилась вдоль улиц, где звенели колокольчики, мчались лихачи, проносились стрелой великолепные элегантные экипажи, которыми правили молодые статные кучера, зачастую участники галантных походов своих клиентов. Эта смесь набожности и распущенности, религии и кутежа была обычна для Москвы. Москвичи безоглядно отдавались своим страстям и капризам, но молились так же, как и грешили. Москва, большой промышленный центр, была не менее богата умственно и художественно по сравнению

Становление и развитие национального рынка имперской России было связано с развитием городских агломераций. Выделение городского анклава российского социума с полным набором особых функций в регулировании общественной и социально-экономической жизни произошло только в конце XVIII в. уже в рамках достаточно развитого всероссийского рынка, когда Петербург и ряд других крупных торгово-финансовых центров стали во главе всероссийского национального рынка.

Города Российской империи после указа Екатерины II 1785 г. жили в режиме самоуправления и корпоративной демократии, определяемые их уставами, которые регулировали правила приобретения и использования собственности в городе, устанавливали местные налоги и формы их уплаты, определяли число и полномочия выборных должностных лиц. В XVIII в. известно до 20 разных уставов, а к началу XX в. в Российской империи их насчитывалось уже более 1820, что свидетельствовало об интенсивном градостроении и повышении роли городов³². Города имели свои гербы, свои права и привилегии, порой довольно значительные. Например, мещане Казани и некоторых городов Приуралья имели право беспошлинно торговать с Туркестаном. Часть Туркестана вошла в Российскую империю, а часть оставалась в Китае. И получалось, что некоторые города Российской империи имели право торговать с границей, конкретно с Китаем, не уплачивая никаких пошлин. А все остальные не имели такого права. Русский, польский или немецкий купец или ремесленник мог поселиться в городе и получить ту же привилегию. Сама привилегия восходила к временам Казанского ханства и была подтверждена московскими царями при присоединении Казанского ханства к Москве.

Для развития внутренней торговли правительство в середине XVIII в. отменяет внутренние таможенные сборы (изымалось 17 различных видов внутренних таможенных сборов). Перелом в

с Петербургом. Оперная и балетная труппы Большого театра соперничали с петербургскими. Драматический и комедийный репертуар Малого театра и постановки были не хуже, как такой же в Александрино». Юсулов Ф. Перед изгнанием (1887–1919 гг.). М., 1993. С. 50.

³² Корпоративная демократия представляла собой механизм самоуправления городов под управлением городской думы: общей и шестигласной. Общая городская дума под председательством городского головы состояла из гласных от всех разрядов. (Разряды – это классификация городского населения по имуществу.) Она имела распорядительное значение, собираясь в известные сроки или по мере надобности. Шестигласная дума называлась потому, что городское население разделялось на шесть состояний по имуществу. Дума состояла из шести членов: по одному от каждого из живших в городе состояний. Она собиралась под председательством того же городского головы, будучи исполнительным учреждением и действовала постоянно, собираясь ежедневно.

экономической политике правительства выразился в уничтожении внутренних торговых пошлин. В дополнение к привилегиям, выдававшимся промышленникам при устройстве мануфактур, нередко выдавалось право не беспошлинную продажу и покупку товаров. Крупнейший уральский заводчик Акинфий Демидов вместо внутренних таможенных пошлин и других сборов получил право вносить в казну ежегодно определенную сумму. Наконец, указом 20 декабря 1753 г. было объявлено об отмене внутренних таможенных пошлин и ликвидации внутренних таможен. Вместо внутренних таможенных сборов была установлена новая пограничная пошлина на внешнеторговый оборот в размере 13% с цены товара. Представители купечества торжественно благодарили императрицу Елизавету и преподнесли ей алмазы и крупную сумму золотом и серебром. Отмена внутренних торговых пошлин в России произошла значительно раньше, чем в странах Западной Европы.

Становление всероссийского рынка требовало развития путей сообщения, прежде всего речных. Сооружения Вышневолоцкого канала, соединившего бассейн Волги с Балтийским морем, началось еще при Петре I в 1703 г. Строится новый канал, соединяющий Каму с Вычегдой и Северной Двиной, в 50-е годы проводятся работы по усовершенствованию Вышневолоцкой системы.

Вышневолоцкая система (1703–1709) – первый по времени искусственный водный путь, соединивший Волгу с Балтийским морем. Идет от Твери до Ладожского канала. С начала 60-х годов стала терять свое значение транзитного пути благодаря проведению в 1810 и 1811 гг. новых каналов Мариинской и Тихвинской систем и введению с 1850 г. паровой тяги сначала на Волге, а затем на Мариинской системе. С сооружением в 1872 г. железной дороги Рыбинск–Бологое значительное количество волжских грузов перестали перевозить по водному пути, соединявшему Волгу с Балтийским морем.

Однако для торговли большое значение имел гужевой транспорт. Летом особенно по проселочным и столбовым дорогам двигались бесконечные обозы. Разрасталась сеть грунтовых трактов, прокладывались первые шоссейные дороги, тракты. Громадной протяженности Охотский тракт прорезал всю Россию с запада на восток, от Петербурга и Москвы до тихоокеанского порта Охотка. Огромное значение для организации внутренних связей в Сибири имела прокладка Сибирского тракта, который из Западной Си-

бири (от Томска и Ачинска) шел по равнинным местам, заселявшимся земледельцами, через Красноярск и Канск в Нижнеудинск и Иркутск.

В России XVIII в. развитию торговли и внутреннего рынка способствовали ярмарки, регулярно повторяющиеся съезды торговцев и производителей для продажи и закупки товаров. Центром всероссийского рынка оставалась Москва, большое значение сохраняли и ряд других ранее возникших ярмарок, особенно Макарьевская, Свенская, Архангелогородская и др. В начале XVIII в. насчитывалось примерно от 3 до 4 тыс. ярмарок, т.е. в 10–12 раз больше, чем городов (в 1720 г. было, как утверждали, 273 города). Дальнейшее развитие внутреннего рынка способствовало росту числа ярмарок и торжков. Цепь ярмарок протянулась от Кяхты и Иркутска на востоке через Ирбит, Троицк и Макарьевскую ярмарку до Свенской и Киевской на западе, от Макарьевской в Поволжье до Архангельской и Петербургской на севере и северо-западе. Все больше втягивались во всероссийские рыночные связи Украина, Белоруссия и Новороссия.

Русские купцы привозили на ярмарки меха, кожи, полотна, оружие, а покупали здесь западноевропейские сукна, восточные шелковые ткани и пряности и местные продукты и изделия – соль, водку, бумагу, ювелирные изделия. На ярмарки в Ромнах, Полтаве и других городах Левобережной Украины, устраиваемые по четыре-пять раз в году, большими партиями поступали изделия русских мануфактур, особенно железо, краски, инструменты, бумага. На рынки центральных и северных губерний России поставляли стекло, сукно, зерно, скот, кожу. Огромная роль в сбыте товаров на внутреннем рынке Украины принадлежала чумакам (торговцам солью и рыбой), обозы которых направлялись на юг, в Причерноморье, и на север, в великорусские губернии. Растущая межобластная торговля способствовала усилению экономических связей между частями самой Украины: Гетманщиной (Левобережьем), Слобожанщиной (Слободской Украиной) и Запорожьем.

Эти процессы наблюдались и в прибалтийских провинциях Российской империи – Эстонии и Латвии.

В Лифляндии ярмарки проходили в 34 пунктах. На рынках Эстонии и Латвии продавалось русское железо, медь, кожи, меха. Во внутренние районы России Эстония и Латвия вывозили стекло и изделия из него, парфюмерию, скот и т.д. Прибалтийские помещики значительную массу товарного зерна использовали для производства водки, которую они поставляли в Петербургскую и Псковскую губернии.

Особенно большую роль играли ярмарки в освоении торговых пространств Сибири, связывая их с русским «шестиугольником» исключительно сухопутными дорогами, для которых, к счастью, Урал почти не был препятствием³³. Города и ярмарки Сибири оживляла двоякая сеть обменов: сеть крупной торговли – русские и европейские товары в обмен на товары из Китая и даже из Индии и Персии; сеть обмена местных продуктов (прежде всего пушнины) на продовольствие³⁴, необходимое всем поселениям, затерявшимся в сибирской беспредельности и нуждавшимся в мясе, рыбе и драгоценной водке, которая крайне быстро покорила Северную Азию. А Россия нуждалась в чае, который она приняла непосредственно от китайцев. Он надолго стал напитком значительной части населения в конце XVII в. – после Нерчинского договора (1689 г.) и открытия Кяхтинской ярмарки (к югу от Иркутска в 1763 г.). Именно тогда верблюжьи караваны повезли кирпичный чай в Россию.

В самом деле, каковы бы ни были протяженность и медлительность сибирских обменов, они сообщались друг с другом. Великие сибирские ярмарки – Тобольская, Омская, Томская, Красноярская, Енисейская, Иркутская, Кяхтинская – были связаны одна с другой. Выехав из Москвы, русский купец, направляющийся в Сибирь, задерживается в Макарьеве, в Ирбите, потом – во всех сибирских торговых центрах, ездя между ними туда и обратно (например, между Иркутском и Кяхтой). В целом поездка длилась четыре с половиной года, с продолжительными перерывами;

---

³³ Ранее существовал морской путь между Сибирью и Россией, которым некогда пользовался Великий Новгород, хотя это был малоудобный приполярный путь, который завершался в обширном эстуарии Оби, на протяжении многих месяцев скованном льдом. Но еще в период Московского царства правительство его запретило, опасаясь, что контрабанда сибирской пушниной приобретает слишком большие масштабы.

³⁴ В Илимске, далеко за Иркутском, главном городе одноименной сибирской провинции, проходила своего рода ярмарка, где пушнина обменивалась на некоторые продовольственные припасы с Запада. Там были самые высокие цены на продовольствие. На обмене таких припасов купец в 1770 г. наживал 200% прибыли и удваивал эту прибыль, перепродавая меха в Китае. «Но какой купец отважился бы без такой денежной приманки отправиться в эти адские края, с их бездорожьем, где приходилось опасаться диких зверей и в не меньшей степени грабителей, где лошади дохли от работы, где последние морозы стояли еще в июле, а новые – уже в августе, где деревянные сани легко ломались и люди в случае сильного снегопада не могли избежать смертельной опасности быть погребенными под снегами?».

в Тобольске «караваны калмыков и башкир... пребывают всю зиму». Это породило продолжительные скопления людей, вьючных животных, саней, в которые запрягали собак и северных оленей, кроме тех случаев, когда поднимался ветер; тогда ставили парус, и животные шли за «кораблем», который двигался сам собой. Эти города-этапы с их лавками были местом сборищ и развлечений. Толпа постоянных покупателей «на Тобольском рынке столь густа, что через нее проталкиваешься с трудом. В Иркутске было множество кабаков, где люди пили ночи напролет.

Ярмарки с 50-х годов XVIII в. в России начинают терять свое значение и сильно видоизменяются. Крупные ярмарки от торговли наличным товаром переходят к контрактной торговле и биржевой торговле по образцам, превращаясь в ярмарки образцов, сходные с торгово-промышленными выставками. Дальнейшее развитие институтов, обслуживающих внутренний рынок России, было связано с образованием бирж³⁵. Уже в 1703 г., вскоре после открытия Петербургской биржи+ были приняты меры к тому, чтобы предоставить в распоряжение торгующих на бирже

---

³⁵ Биржа как особая высшая ступень в развитии организационных форм рынка обладает рядом признаков, упорядочивающих рыночные отношения; наличием определенной системы постоянно действующих органов; осуществлением торгового оборота без предъявления наличных ценностей; торговлей заменимыми товарами, являющимися в то же время объектами массового торгового оборота. Наиболее подходящим для нее объектом являются товары, открывающие простор для крупных сделок, однородные по качеству, исключающие необходимость учета их индивидуальных свойств. Многие товары продавались «по образцам и пробам», хотя осуществлялись сделки с товаром «определенного типа, класса и происхождения», а также с товаром, соответствующим «установленному биржевому стандарту». На русских биржах заключались сделки и с таким товаром, который предварительно «осматривался и одобрялся», т.е. не биржевым с точки зрения западной коммерческой практики.

Регулирование цен имеет на бирже значение самостоятельной операции. Сосредоточивая под своим контролем спрос и предложение, биржа точнее прочих рынков устанавливает уровни цен на те или иные товары. Биржевая торговля в отличие от обыкновенной, устанавливающей связь между производителем и потребителем, является торговлей по преимуществу спекулятивной, т.е. такой, главной целью которой является получение прибыли за счет использования колебания цен во времени. Биржевой оборот и совершенствование биржевых сделок невозможны без котировки, т.е. особого способа учета движения биржевых цен. Котировка дает ясную ориентацию в движении цен на бирже, их регистрация является чрезвычайно важным звеном всего биржевого механизма. Котировки создают твердую опору для расчетов и сделок на определенный срок.

купцов сведения о движении товарных цен. Сведения собирались по русским рынкам, а данные о ценах зарубежных рынков черпались из сообщений иностранных бирж. Однако в XVIII в. институт бирж еще только начинал набирать обороты.

Массовое распространение бирж относится к середине XIX в. В 1846 г. возникла Нижегородская ярмарочная биржа, широко известная не только в России, но и за ее пределами. В 60-е годы открылись биржи в Иркутске, Туле, Казани, Риге, Самаре и Киеве (Иркутская и Тульская биржи оказались нежизнеспособными). Далее процесс создания бирж шел быстрыми темпами. Преимущественно это были товарные биржи, на которых доминировали сделки купли-продажи сельскохозяйственной продукции, сырья³⁶. Основным продуктом товарного оборота традиционно был хлеб. Но в открытую продажу поступала лишь четверть его производства и лишь после реформы 1861 г. половина производимого хлеба реализовывалась на биржах.

Именно с этого периода начинается перерождение русских бирж из инородного тела в институт, органически включенный в народное хозяйство. Важная особенность бирж состояла в том, что они брали на себя некоторые социальные функции – представительства интересов купечества в целом, так как русское купечество долгое время представляло размытую аморфную массу. На Западе аналогичные функции выполняли торговые палаты. Однако биржи того времени имели ряд крупных недостатков.

Во-первых, существенной особенностью русских бирж был низкий уровень биржевой техники, что обуславливалось неразвитостью торгово-транспортной инфраструктуры (железнодорожный транспорт, элеваторы, складские помещения). Во-вторых, на русских биржах не получили распространения сделки на срок (срочные или терминальные сделки), не было жестких правил заключения сделок и их регистрации. В-третьих, российские биржи были связаны с государственной предпринимательской деятельностью, которая ограничивала их фондовую деятельность, подчиняясь контролю со стороны Министерства финансов. Дальнейшее развитие биржевой деятельности непосредственно было связано с формированием акционерного дела и кредитной системы, кото-

---

³⁶ Хотя к этому времени при Московской и Петербургской биржах были созданы фондовые отделы. А это означало, что русские биржи стали выполнять одновременно функции товарных и вексельно-фондовых учреждений. Самостоятельная фондовая биржа возникла лишь в 1900 г.

рая долгое время отставала от потребностей обслуживания коммерческого оборота. В развитии национального рынка империи свою роль сыграло акционерное дело, которое возникло в России в середине XVIII в. Принципиальным моментом в акционерном учредительстве имперской России было то обстоятельство, что акционерную компанию можно было основывать только по особому разрешению правительства.

Первой акционерной компанией можно считать учрежденную 24 февраля 1757 г. «Российскую в Константинополе торгующую компанию». Инициатором ее создания были венецианские купцы, которые в 1749 г. обратились в сенат с просьбой разрешить торговлю между Венецией и Россией через Черное море. Уже в 1758 г. была учреждена Компания персидского торгова, в 1762 г. – Акционерный эмиссионный банк, в 1798 г. – Российско-Американская компания. Последняя занимает в истории акционерного российского предпринимательства особое место. По мнению ряда исследователей, в России до 1822 г. фактически существовала только эта акционерная компания, имевшая черты сходства с первыми европейскими торговыми компаниями. Российско-Американская компания была составлена из частных промысловых обществ, учрежденных командором Берингом, Алеутских островов и северо-западного берега Америки в 1741 г. Указом от 8 июля 1799 г. компания была принята под Высочайшее покровительство, и в том же году ей был дарован ряд привилегий.

Последнее десятилетие XIX в. было периодом невиданного в России прежде усиления темпов акционерного учредительства и соответственно биржевой торговли. За 1893–1901 гг. число компаний возросло на 892, а их капитал – на 1605 млн руб., т.е. за девять лет число компаний увеличилось в 2,5 раза, а их капитал – в три раза.

Успехи акционерного дела в России в конце XIX в. находились в непосредственной связи с политикой С.Ю. Витте, незадолго перед тем реформировавшего финансовую систему, что способствовало усилению железнодорожного строительства и привлечению иностранных инвестиций, обеспечивших в значительной степени промышленный подъем.

Во второй половине 1890-х годов получило распространение спекулятивное учредительство: если в начале 1890-х годов действительно открывали более 70% зарегистрированных российских компаний, то в годы пика – около половины. Министерство финансов пыталось с этим бороться: учредителям разрешалось продавать акции не ранее, чем утвержден первый годовой отчет; уже летом 1895 г. было запрещено вводить котировку до утверждения первого годового отчета.

Международная торговля в формировании национального рынка имперской России приобрела ряд новых черт по сравнению с прежней ее ролью в мир-экономике Московского царства. После десятилетий непрерывных войн Российская империя получила выход к морям, что позволило расширить международные торговые связи. Об этом говорит статистика. В 1701 г. вся иностранная торговля России выразилась в 103 прибывших в Архангельск иностранных кораблях, а через 20 лет (в 1722–1723 гг.) в разные порты России прибыло 552 корабля, в 1725 г. – уже 926 судов.

В конце XVIII в. начинается торговля со странами, находящимися на побережье Черного моря, а выход к Каспийскому морю давал возможность через Астрахань установить торговые связи со среднеазиатскими ханствами, а также с Ираном и Закавказьем.

С 30-х годов XVIII в. начинает успешно развиваться русско-китайская торговля.

В 1726 г. в Пекин прибыло новое русское посольство, в 1727 г. был заключен Буринский трактат, а в начале 1728 г. – Кяхтинский договор, разрешившие пограничные вопросы, вопросы о перебежчиках и торговле. В Нерчинске и Кяхте установились пункты постоянной торговли. В Пекине начала нормально функционировать Российская духовная миссия, выполнявшая отчасти дипломатические функции и функции духовного представительства. В Кяхту из Китая везли чай, крепкие напитки, шелк-сырец, шелковые и хлопчатобумажные («китайка») ткани, тростниковый сахар, ремень, фарфор и т.д. Из России в Китай ввозили меха, шерстяные ткани, зеркальное стекло и т.д. В 1744 г. с целью укрепления непосредственно русско-китайских торговых отношений был запрещен ввоз китайских товаров через Западную Европу, а в 1761 г. введен новый таможенный тариф, освободивший от пошлин ввоз в Россию китайского шелка-сырца.

Присоединение Балтийского побережья изменило направление внешней торговли: стал преобладать ее западный вектор. Упало значение Архангельска и пути через Белое море. В 1726 г. только через Петербург вывезли уже половину всех русских товаров, направляемых в Западную Европу. Во второй половине XVIII в. по некоторым количественным показателям крупного промышленного производства Россия шла впереди всей континентальной Европы (Франции, Голландии, Пруссии). Даже когда Англия переживала промышленный переворот, Россия занимала первое место. На втором стояла Англия. Россия стала крупнейшим экспортером железа в страны Западной Европы.

Среди европейских стран первое место занимала Англия. Ее флот нуждался в русском корабельном лесе, пеньке, парусине и т.п. Важное место в английских закупках занимало уральское железо. Торговля с Англией всегда была важной для России. Англичане компенсировали пассив своего торгового баланса с Россией доходами от фрахта. Главную статью экспорта составляли по-прежнему продукты сельского хозяйства – пенька, лен, кожа. Новым стал в структуре экспорта вывоз железа и полотна – продукции казенных предприятий. Но в целом Россия более, чем когда-либо, продолжала сохранять свою роль поставщика сырья: конопля, льна, смолы, корабельных мачт, продовольствия – хлеба, солевой рыбы. В 1775 г. Россия дозволила иностранцам вывозить свой хлеб, хотя часть империи страдала от голода. В XIX в. в формировании всероссийского рынка и его международных связей необходимо особо выделить геополитический аспект, который связан с созданием, выражаясь современным языком, основной продовольственной базы Новороссии, дававшей основной экспортный товар – зерно. В недавнем прошлом глухой степной край трудами и усилиями русских превращается в житницу Европы³⁷. На юге, на теплом Черном море появились большие города: Херсон, Мариуполь, Николаев, Одесса, в Крыму – Севастополь и Симферополь. А в XIX в. Новороссия стала житницей России, и не только. Вывоз южнорусского хлеба из Одессы кормил и Европу, способствуя одновременно развитию других видов промышленных производств и становлению рыночных отношений капиталистического образца.

---

³⁷ С начала XVIII в. бескрайние засушливые степи превращаются в поля. Тогда начинается переход донского казачества к земледелию, превращение укрепленных поселков казаков («городков») в типичные станицы, которые были не столько военными, сколько сельскохозяйственными и скотоводческими хозяйствами. В конце XVIII в. ареной русской колонизации стали Запорожье, Ногайская степь и Очаковское поле. После уничтожения Запорожской Сечи ее земли также перешли в ведение Московского государства с последующей раздачей запорожских земель дворянам, чиновникам и военным. Новые владельцы переводили сюда крепостных крестьян, принимали к себе выходцев из Польши, беглых из внутренних областей России. Само же государство устраивало здесь слободы, в которых поселялись выходцы из Левобережной и Слободской Украины, казаки, великорусские государственные и экономические крестьяне. Много земель было роздано петербургским вельможам, которые поселили на них значительное число крепостных великорусских крестьян. Этот край колонизируется переселенными сюда молдаванами, сербами, калмыками, армянами и немцами.

Развитие внешней торговли привело к общему росту внешне-торгового оборота, который увеличился с 50-х по 90-е годы XVIII в. в семь раз. При этом неизменно сохранялся благоприятный торговый баланс, т.е. вывоз из России превышал ввоз. Состав русского экспорта показывает преобладание сельскохозяйственных товаров, однако прочное место в нем занимали и промышленные изделия. Первое место в русском вывозе в 1793–1795 гг. занимали пенька, лен, железо, льняные ткани, юфть и кожи, лес. Хлебный экспорт был еще невелик. В первой половине XIX в. коренным образом изменилась структура экспорта, так как в 1853 г. вывоз сельскохозяйственных продуктов вырос до 53% всего русского вывоза, причем в этом вывозе хлеб занимает уже первое место: доля его в сельскохозяйственном вывозе поднялась до 42,6%, а доли льна и конопли упали. Импорт в Россию из Западной Европы составляли главным образом предметы роскоши для высшего класса. На первом месте стоял привоз сукна, шерстяных и бумажных тканей, том числе сукна для армии, шелковых товаров, красильных веществ.

Образование национального рынка России нельзя рассматривать без влияния на него европейского Запада. «Когда экономическая Европа набросилась на Россию, последняя находилась уже на пути, который защитил внутренний рынок, собственное развитие ее ремесел, ее мануфактур, имевшихся в XVII в., ее активной торговли. Россия великолепно приспособилась к промышленной “предреволюции”, к общему взлету производства в XVIII в. В основе оставалась действующей громадная кустарная и домашняя промышленность»³⁸. Российскую экономику начала XVIII в. трудно отнести к отсталой³⁹. Россия активно участвовала во внешнеторговом обмене и ее удельный вес в 1800 г. достигал 3,7% мирового товарооборота⁴⁰. Уровень ВВП на душу населения в 1800 г. составлял в России 170 долл., в Англии (1700 г.) – 170–200 долл., во Франции (1790) – 200 долл., в Индии (1800) – 160–210 долл., в Китае (1800) – 228 долл.⁴¹

Но Россия не смогла защититься от европейской агрессии, стимулируемой политикой Петра I. Начиная с этого периода

³⁸ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 467.

³⁹ Эту точку зрения отстаивали Тарле Е.В. в книге «Запад и Россия» (Пг., 1918. С. 122–149), Струмилин С.Г. «Очерки экономической истории России и СССР» (М., 1966) и др.

⁴⁰ Рязанов В. Экономическое развитие России XIX–XX вв. СПб., 1998. С. 141.

⁴¹ Расчет проведен П. Бэрошем в американских долларах в ценах США 1960 г. См.: Струмилин С.Г. Очерки экономической истории России и СССР. М., 1966. С. 71.

направление развития России стали определять иностранные негодцианты. Приток иностранцев особенно усилился в первой половине XIX в. Особые привилегии были предоставлены европейским купцам – ганзейским, шведским, польским, английским и голландским. В XVIII в. голландцы терпели банкротство один за другим и первенство оказалось за англичанами: в торговых делах в конце столетия они стали хозяевами. В Москве, а потом в Санкт-Петербурге московские купцы редко уравнивали иностранных. Разве не любопытно, что к 30-м годам XVIII в. самый богатый в Сибири купец, который бывал в Пекине в качестве агента московских караванов, а позднее будет вице-губернатором в Иркутске, имел фамилию Лоренц Ланг и был, вероятно, датчанином.

К явлениям, которые пришли в русскую мир-экономику в петровский и постпетровский период, надо отнести засилье восточных купцов. Купцы из Индии, Ирана и с Балкан наводняли русское пространство. Индийские купцы находились в Астрахани и Москве, армяне – в Москве и Архангельске. Начиная с 1710 г. они получали царские привилегии. Царская власть с 1732 г. согласилась облегчить англичанам торговлю с Персией через Казань. Точно так же в связях с турецкими рынками на Балканах, включая Стамбул, «правили бал» турецкие купцы зачастую греческого происхождения. Именно купца Савву Рагузинского, родившегося в Боснии, воспитанного и обученного в Венеции, приехавшего в Россию в 1703 г., будет использовать Петр Великий в своих сношениях с Балканами и ему поручит впоследствии организовать далекую торговлю в Сибири. Историки отмечают, что на открывшейся Ирбитской ярмарке (1734 г.) торговцами были греки, бухарцы, татары, которые превалировали над русскими купцами.

Роль иностранного капитала была велика, ему принадлежала 1/3 промышленности и 70% всех вложений. Кроме того, каждое мощное иностранное предприятие обзаводилось в России дочерними предприятиями и участвовало в ряде предприятий, считавшихся русскими. Примером дочернего общества может служить крупнейшее электротехническое предприятие царской России «Всеобщая компания электричества», организованное германским акционерным обществом того же названия. В угольной промышленности России господствовал франко-бельгийский капитал, нефтяная промышленность была поделена между американским, английским и голландским капиталами, железорудная была захвачена франко-бельгийским и отчасти немецким капиталом, электрическая и электротехническая – немецким.

* * *

Все освещенные в данном разделе вопросы о реформах и контр-реформах в развитии рыночных связей, включая их негативный социально-экономический аспект, приобретают особое звучание, если включить сюда денежную сторону проблемы. Дело в том, что Петр I, опасаясь и равняясь на Европу, не мог одолеть еще одну крепость – монетарную, которая к этому времени была ею воздвигнута с опорой на мощь своих колониальных владений. Речь идет о закрытых денежно-кредитных системах, которые возникли к концу XIX в. во всех европейских государствах с опорой сначала на серебряную, а затем золотую их основу. Эту монетарную крепость пытались одолеть русские императоры, начиная с Петра I, пытаясь поставить рубль наравне с западноевропейскими валютами. И действительно, к самому концу XIX – первому десятилетию XX в. русский рубль, облекшийся в золотое одеяние, достиг этого величия. Но этот его триумф был недолгим, тем не менее он был. Поэтому необходимо представить эту долгую дорогу, длиной в два столетия, к золотому рублю Российской империи.

ФИНАНСОВЫЕ И ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНЫЕ РЕФОРМЫ САМОДЕРЖАВНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И СОЗДАНИЕ ЗАКРЫТОЙ ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

9.1. Податно-налоговые отношения и создание единой денежной системы централизованного Московского государства (конец XV—XVI в.)

Все особенности экономики постордынской русской цивилизации нашли свое выражение в монетарно-денежной системе, отражая сложный путь ее формирования от «безмонетного периода» русских княжеств (XIV—XV вв.) к сложной и противоречивой структуре централизованного Московского государства. Вторая половина XV в. и XVI в. были временем образования Русского централизованного государства. Одним из последствий этого исторического явления было то, что чеканка монеты стала государственной регалией великого князя, предполагающая унификацию монеты на всей территории страны. Если в удельный период почти каждый князь чеканил монету, различающуюся не только штемпелями, но и весом, пробой, то в едином государстве предстояло ввести общий для всех эквивалент денежной единицы и ее фракций. Но решить эту задачу было не просто. Она потребовала длительного времени, охватывая царствование трех государей — Ивана III (1462—1505), Василия III (1505—1533), Ивана IV (1533—1584), обуславливая особую политику по организации денежной системы государства как системы.

Денежная система — это совокупность принципов и отношений, увязывающих между собой различные виды денег. Она изменяется во времени, отражая те или иные новые исторические реалии. В денежной системе государства различаются два вида изменений — незначительные и коренные, порождающие понятия «старые деньги» и «новые деньги». Денежные системы современных государств включают все формы денег и их знаков: монетарные, кредитные, бумажные. Но в рассматриваемый здесь период речь может идти о денежных системах Руси, базирующихся на монетарной форме. А она предъявляет определенные требования к монетам, обращающимся в государстве. Они должны быть,

во-первых, определенного качества, т.е. однородные монеты должны иметь одинаковое содержание драгоценного металла, и, во-вторых, должно существовать строгое единство в весовом содержании содержащегося в них драгоценного металла. На практике это положение реализуется государственным регулированием изменений в денежной системе страны, появлением «новых» монет в противоположность «старым» в условиях монетной регалии государства, где фискальные интересы в той или иной степени всегда имеют место. Становление денежных систем постордынской Руси происходило медленно и с большими трудностями. «Государи всея земли» делали первые шаги к преодолению раздробленности и унификации денежных отношений на основе системы монет разного достоинства, а также начинали использовать монетную регалию в фискальных интересах, где важную роль играло изменение монетной стопы, т.е. установленного в законодательном порядке веса и количества металла монеты.

В правление Ивана III Московское великое княжество и земли, вошедшие в его состав, становятся самостоятельным государством. Иван III «понимал значение денежного дела и заботился о порядке в нем... при его отце чеканка пришла в очень сильное расстройство, вместо которого Иван III установил порядок. И, наконец, Иван III был очень богат не только потому, что очень широко распространил свои владения, но и потому, что при нем осуществилась мечта, о которой, начиная с Дмитрия Донского, всегда упоминается в духовных завещаниях его предшественников и в договорах с удельными князьями: что когда, Бог даст, ордынской дани не нужно будет платить, то она будет собираться в казну князей».

Для установления монетной системы, «общей для всего государства», определение монетной стопы предполагало решение ряда вопросов. Первый был связан с необходимостью восстановления единства рубля. Если при Дмитрии Донском и его сыне существовал один и тот же рубль для всех русских земель, то при Василии Темном это единство было уничтожено. Появилось два отличных друг от друга рубля – новгородский и московский, с двумя видами денежного счета. Не только московский рубль, но и московская полтина, московский алтын и московская деньга отличались от новгородских единиц тех же наименований. Восстановление единства при этом оказалось довольно сложной задачей. Могло бы казаться, что эта задача решалась принудительным упразднением новгородского счета. Но Иван III не пошел этим путем.

Почему? Упразднение новгородского счета было связано с большими фискальными потерями для Москвы. Не только налоги, но и всякие новгородские платежи гораздо выгоднее было получать в крупных денежных единицах, чем в мелких московских. Но в интересах эксплуатации будущей фискальной монетной регалии гораздо выгоднее сохранить новгородскую деньгу. Поэтому она не только не была уничтожена, но было сделано противоположное: она введена в состав московской денежной системы. Было установлено, что московский рубль равен половине новгородского рубля. Тем самым новгородская и московская денежные системы были поставлены в связь. Однако это было очень сильное уменьшение рубля, который составлял уже менее половины первоначального рубля. Введением новгородки, равной двум московкам, Иван III создал рубль, разделяющийся на 100 частей на почве московского рубля, состоящего из 200 московских ходячих денег. Московская полтина была разделена на 5 частей, а московская гривна — на 10 частей. Оставив в силе эти ходячие московские деньги, Иван III воспользовался ими как материалом, и из этого материала дал новый рубль, имевший двоякое значение: он был удобен для фискального использования монетной регалии и обладал большими жизненными силами, благодаря которым он сохранился, дожив до XX века. Он положил основание тому денежному счету, которое у нас остается в употреблении до сих пор. На нужды расширяющегося государства работает монетное производство не только Москвы, где сложился монетный двор, но и Твери, Новгорода и др. Разнообразие типов денег при Иване III объясняется именно рассредоточением денежного производства. Наряду с московками и новгородками имели хождение деньги, выпущенные с именами мастеров-откупщиков: Aristoteles (Аристотель Фьораванти, главный придворный строитель Ивана III итальянского происхождения), мастер Александро, деньга Заманина.

Для восточных территорий, прежде входивших в Золотую Орду, но перешедших под юрисдикцию московского правителя после успешного похода 1487 г. на Казанское ханство и превращения его в вассала Москвы, «новгородки» чеканятся с именем князя Ивана III в арабской графике, читаемой как «Ибан». Размещение на лицевой стороне монеты «всадника с копьем» (московского герба) и имени великого князя, написанного на русском языке и по-арабски на оборотной, отмечало это важное для Русского государства событие. Еще один тип монет для восточных территорий оформлялся с надписью: «Это акче Московское».

Более или менее однообразный тип денег выпускался в Новгороде.

Всего насчитывалось более 4 тыс. штемпелей, использованных для чеканки новгородских монет. Это огромный фонд денег, произведенных в боярской республике для обеспечения торговли. Для мелко-розничного сектора рынка чеканились «пулы новгородские» с оплечным изображением св. Софии в венце.

Определяя время прекращения выпуска новгородских денег, исследователи, как правило, оперируют двумя датами. Чаще всего время самостоятельной чеканки определяют 1420-1478 гг., а к 1478 г. относят начало чеканки денег обычного новгородского типа с надписью «Деньга великого князя». Последним годом самостоятельной новгородской чеканки Орешников признавал 1456 г., так как одним из пунктов заключенного между Москвой и Новгородом Яжелбицкого мира было «о печати князей великих». После подавления боярского мятежа и переселения нескольких тысяч «житьев людей» в другие районы Московского государства казна великого князя Всея Руси пополнилась сокровищами, накопленными в этой богатейшей республике. В 1477 г. из Новгорода было вывезено 300 телег золота.

В последние годы независимости — около 1477 г., после того как великий князь Иван III уничтожил новгородские вольности, на выпускаемых монетах на оборотной стороне чеканилась другая надпись: «Денга великого князя» или «Печать великого князя исподать Всея Руси». Эти монеты получили название «великокняжеские новгородки». В то же время начинается изготовление медных пул с надписью «Князя Великого».

После присоединения к Московскому княжеству Новгородский монетный двор продолжал работать, выпуская деньги с именами московских правителей.

К концу 1470-х годов финансовая политика Ивана III привела к окончательному прекращению чеканки монет всех типов, кроме московской и новгородской. Сохранившиеся в обращении монеты иных типов, как правило, обрезали, подгоняя их под «московский» или «новгородский».

Ко времени Ивана III относятся первые известия о золотой монете той эпохи, проникшей в Новгород. Торгового денежного значения она тогда еще не имела, служила для подарков и как материал для местных золотых изделий церковного гражданского обихода. В 1476 г. Иван III, будучи в Новгороде, удостаивал своим посещением именитых людей и получал от них обильные и крупные подарки, в их числе и золотой монетой. Монета эта была английская и в то время на Руси называлась «корабленником», от изображенного на ней корабля, в Англии ее называли ноблем.

С 1465 г. в Англии началась чеканка ноблей, на которых был изображен не только корабль, но и роза. Мы знаем, что Иван III получил 1300 корабленников.

Экономическая политика Василия III, сына Ивана III, была направлена на стабилизацию денежного обращения. Но ни Иван, ни его сын не последовали новгородскому примеру 1447 г. и не изъяли дело чеканки монеты из рук серебряных дел мастеров и не учредили монетный двор. А это имело негативные последствия, учитывая недостаток драгоценных металлов уже в первые десятилетия XVI в., что вызвало существенные кризисные явления в денежном обращении и понижение веса деньги.

Эти нормы зафиксированы летописью как норма монетной чеканки времени Василия III, где гривна также находится в основе денежной системы. Но она уже содержит не 204,756 г серебра, а 195 г. За столетия своего существования серебряная гривна упала в весе с 48 золотников (204,756 г) до 45,5 золотника (195 г), т.е. более чем на 9 г, что является обычным процентом падения для монетных единиц средневековой монетной системы. В начале XVI в. в полном согласии с великокняжеской московской деньгой происходит целый ряд денежных реформ в Новгороде, Пскове, Нижнем Новгороде.

Однако изготавливаемые в разных княжествах различными мастерами монеты были неодинаковы по весу и содержанию в них драгоценного металла; существовала и сознательная порча монет. Ситуация усугублялась деятельностью фальшивомонетчиков. В Москве, Смоленске, Костроме были раскрыты целые мастерские фальшивомонетчиков, «портивших» монету. Они наводнили рынок большим количеством низкопробных «новгородок» и «московок», а также «обрезанной» серебряной монетой, терявшей 1/3 и даже 1/2 прежнего веса. Но и такая монета в условиях общего хозяйственного подъема объединенного Русского государства в начале XVI в. находила спрос. Ее использовали при осуществлении торговых сделок, в то время как полноценные монеты зачастую сберегали вкладах. Проба монет, выпускавшихся на разных дворах, ухудшалась, хорошие монеты почти все подвергались обрезанию.

Для укрепления денежной системы и упорядочения обращения возникла необходимость либо восстановить прежний вес денег, либо привести в соответствие номинал монеты и его весовое содержание. К тому же развитие мелко-розничного рынка

требовало выпуска мелкой серебряной монеты. Таким образом, сложились все условия для проведения в государстве денежной реформы.

В 1535–1538 гг. была проведена первая денежная реформа, которая отменила монеты периода удельной раздробленности, оформив и закрепив национальную денежную систему централизованного Русского государства. Эта денежная реформа разрабатывалась еще в правление великого князя Василия III Ивановича, умершего в 1533 г., и, по мнению исследователей, «является образцом блестяще продуманной и последовательно осуществленной перестройки денежного хозяйства». Но она получила название денежной реформы Елены Глинской – великой княгини Московской из литовского рода Глинских.

В 1526 г. она стала женой разведенного с первой женой великого князя Василия III и родила ему двух сыновей – Ивана и Юрия. После смерти мужа в 1533 г. совершила государственный переворот, отстранив от власти назначенных последней волей ее мужа опекунов (регентов) и стала первой после великой княгини Ольги правительницей Русского государства.

Преобразование денежного хозяйства, произведенного в период фактического правления в стране великой княгини Елены Глинской (1533–1538), матери малолетнего Ивана IV Васильевича, стало первой денежной реформой в истории России как объединенного государства и просуществовало без изменений до конца XVII в. Тогда в первый раз возникла необходимость воспользоваться монетной регалией для выгод казны. Иван III и Василий Иванович в этом не нуждались, но в регентство Елены Глинской денежное обращение было расстроено. Кроме того, бесконтрольная деятельность денежников привела к тому, что широкое распространение получила практика чеканки монеты из серебра с примесью, т.е. нечистого, и простого снижения веса монет: «Возможно, они уже дошли до чеканки из гривенки 300 денег новгородских и 600 денег московских».

Создание единой денежной системы происходило на основе двух наиболее употреблявшихся в стране денежных единиц: деньги новгородской и деньги московской, причем особое внимание было обращено на чистоту серебра, из которого «Государь, князь великий Иван Васильевич всея Руси, и мать его благочестивая княгиня Елена помыслили со своими бояре, повелеша те резанные деньги заповедати и не торговать, а сливать их в серебро и де-

лать деньги серебряные новые на свое имя и без всякого примиса. А своему богомольцу, архиепископу великого Новгорода и Пскова, Макарию, и своим наместникам и дьякам повелеша те новые деньги накрепко беречь, чтобы безумные челоуеци не исказили и старый бы злой обычай оставили». А это означало, что русские монеты XIV–XV вв. в результате реформы были перечеканены в монеты Ивана IV. Здесь важно указать, что впервые установлен надзор за порядком в монетах и этот надзор возложен на светские и даже духовные власти.

Но несмотря на эти заявления, при восстановлении чистоты монеты с точки зрения наличия в ней серебра вес монеты снижался. Реформой были введены три монеты – копейка, мечевая денга и полушка с пониженным содержанием серебра, так как из гривенки начали чеканить не 260, а 300 новгородских денег, и не 520, а 600 московских. Полученная прибыль пополнила кладовые казны. Кроме того, казна пополнилась еще и тем, что старые, более тяжелые монеты подданные обязаны были обменять на новые, более легкие.

Монеты крупного веса (новгородки) получили рисунки всадника с копьём и стали *копейною денгой*. Копейка, или «денга копейная», чеканившаяся из серебра, имела вес 0,68 г (ранее новгородка имела вес 0,79 г), а название получила по изображенному на ней всаднику с копьём. В нем усматривают изображение московского великого князя. Монеты малого достоинства весом 0,34 г (ранее московка имела вес 0,38 г) были равны половине копейки и на штемпеле получили рисунок всадника с занесенным мечом и стали *мечевой денгой*. Четверти копейки и половине мечевой денги была равна серебряная *полушка* весом 0,17 г, на которой изображалась летящая птица и помещалась надпись вязью «Государь». В конце XVI в. в некоторые годы изредка появлялась двухкопеечная монета в виде двукопеечника, или гроша, или в виде алтына, т.е. серебряные монеты с двукратным или троекратным весом.

С середины XVI в. до конца XVII в. мечевая, а не копейная, денга составляла основание денежного счета. Счет на мечевую денгу сделался и остался до Петра I единственно употребляемым всеми классами населения, в том числе служилыми. Не случайно распространение счета на алтыны (название этой единицы татарское от алта – шесть) – в шесть мечевых денег, а не три копейные деньги.

Денежной реформой был отменен прежний порядок, разрешавший мастерам-ювелирам чеканить монету по откупам (своего

рода специальным лицензиям, выдававшимся за уплату определенного налога в казну). На смену ему пришла централизованная чеканка монеты на четырех оставшихся к тому времени денежных дворах – в Москве, Новгороде, Пскове и Твери. После проведения денежной реформы они окончательно получили статус государственных, что позволило правителям более четко контролировать прибыль от эксплуатации монетной регалии. Денежными дворами XVI в. заведовал Казенный двор во главе с дьяком, назначаемым царем. Доход от чеканки стал распределяться между казной и денежными мастерами и получил название денежного жалования «от дела». Дворы были обязаны исполнять казенные заказы на чеканку монеты. При этом каждый денежный двор оставлял за собой право принимать и частные заказы из серебра заказчика. Была введена пошлина для частных лиц, которые приносили на монетный двор серебро для перечеканки его в монеты, примерно в размере 2% с каждой гривны серебра, приносимого на монетный двор. Дошедшие до нас клады свидетельствуют о том, что объемы начеканенной новой монеты были весьма внушительными и не поддаются точной математической оценке.

Реформа сопровождалась показательным зрелищем – публичными казнями фальшивомонетчиков, наглядно демонстрировавшими народу силу правителя и последствия этого незаконного промысла. «В лето 7042 (1535) в сентябре на Москве казнили многих людей, москвич и смолян, и костромич, и волгожан, и ярославцев, и иных многих городов московских; а казнь была: олово лили в рот и руки секли».

Денежная реформа 1535–1538 гг. технологию чеканки монет оставила в прежнем виде. Как известно, с конца XIV в. монеты русских княжеств чеканились в проволочной технике: серебряное сырье сплющивалось в проволоку, которую нарезали кусочками определенного веса.

Денежное обращение при Иване IV имело еще один важный аспект – связанный с развитием международной торговли.

По мнению исследователей, отечественная денежная чеканка заметно оживилась в первые годы Ливонской войны (конец 50 – начало 60-х годов XVI в.). Трудности переживало денежное хозяйство страны в конце XVI в., когда Россия оказалась отрезанной от балтийской торговли, а южные и западные торговые пути были блокированы враждебными царю крымско-татарским ханом и правителями Речи Посполитой. Лишь после 1595 г., когда во время фактического правления Бориса Годунова (номинально страной

в 1584–1597 гг. правил сын Ивана IV царь Федор Иванович) был подписан Тязвинский мир со Швецией, русская торговля и экономика вновь испытали подъем. Он естественным образом отразился на деятельности русских денежных дворов, особенно псковского, метящего свою продукцию знаком «ПС». Именно поэтому в Псков в большом количестве стали поступать европейские талеры из Риги, крупнейшего торгового города Восточной Прибалтики. Из серебра этих крупных монет была выделена большая масса серебряных копеек, клады которых находят как в России, так и на территории современных Латвии и Эстонии. Одновременно серебряный поток в Россию усилился с другого направления – из основанного в 1584 г. Архангельска, куда в период навигации прибывали корабли европейских негоциантов.

Все это свидетельствовало о том, что объемы чеканки находились в прямой зависимости не только от развития рыночных связей внутри страны, но и от развития внешней торговли. При благоприятном балансе России во внешней торговле в русскую экономику поступал минимум денежного материала – европейского или китайского серебра, без которого невозможны активность рынка и эффективная денежная политика. Примерно с 1540-х годов в Россию в результате оживленной внешней торговли хлынул массовый поток талеров, крупных серебряных монет весом 27–29 г, которые стали основным полуфабрикатом для чеканки русских денег (до этого серебро-сырье для чеканки русской монеты поступало из Европы в виде слитков). Западноевропейские талеры казна получала как от торговли товарами, необходимыми западу, так и от уплаты иностранными негоциантами торговых пошлин. При этом обращали внимание на то, чтобы талеры были «добрые любские (любекские) чистого серебра, чтобы в денежное дело годились».

Талерное серебро, имевшее более низкую пробу, чем русские монеты XVI в., требовало специальной плавки «на кости» для выжигания примесей. Это способ очистки серебра применялся в российском денежном деле еще и в XVIII в. Он заключался в выжигании из металла лишних примесей в горнах, куда клали смесь из древесного и костяного угля. Только после этого обогащенное серебро волочилось и использовалось для изготовления русской монеты.

В XVI – начале XVII в. каждый перечеканенный на денежном дворе талер приносил государству не менее 8,5% дохода. Государство начинает принимать активное участие в развитии кредитных отношений. К правлению Ивана IV можно отнести начало

урегулирования кредитных отношений. В роли кредиторов до организации государственных кредитных учреждений выступали церковь, монастыри, землевладельцы, купцы. Своеобразными формами кредита было «ростово» и «издельное» серебро.

Сын Дмитрия Донского Юрий брал деньги у гостей и суконников, уплата этих денег считалась одним из важных условий договора его с Василием Темным. Один из братьев Ивана III должен был перед смертью около 31 тыс. руб., в том числе 30 тыс. руб. занято было на уплату дани Золотой Орде.

Правительство также брало деньги займы у крупных купцов, например у Строгановых, не только под обеспечение: известны многочисленные случаи принудительных займов. По мере роста товарно-денежных отношений крестьянское и посадское население вынуждено было все чаще обращаться к ссуде, к займу денег (серебра), т.е. к ростовщикам. О росте денежных долгов крестьян уже в первой половине XVI в. дает представление долговая книга Волоколамского монастыря. В ней указаны не только сумма долга и фамилия должника, но и сведения о составе семьи, члены которой вместе с должником отвечали за взятые в долг деньги, а также причины, заставившие прибегнуть к долгу, — пожары, покупка скота.

Стоглавый собор 1551 г. постановил: «И того ради отныне по священным правилам святителем и всем монастырям деньги давати по своим селам своим крестьянам без росту и хлеб без наспу того, для чтобы за ними хрестьяне жили и села их были не пусты».

В некоторые периоды задолженность вотчинников достигала таких размеров, что правительство вынуждено было вмешиваться с целью ее уменьшения. Так, в 1557 г. оно освободило заемщиков от уплаты процентов в течение пяти лет, установило в дальнейшем максимальный процент — 10 вместо 20, т.е. уменьшило процент и «наспы» вдвое и рассредоточило возвращение полученных ссуд на пять лет. Указом 1558 г. правительство распространило эти условия на займы, полученные под обеспечение земель, вотчиной. Перечисленные меры касались как служилых, так и неслужилых людей.

«Последствием изложенных мер был полный порядок, водворившийся в русском монетном деле на очень продолжительное время. Не только во все царствование Ивана Грозного, но и при Федоре Ивановиче и при Дмитрии Самозванце монеты чеканились весьма близко к их первоначальному весу».

9.2. Смута и усиление податно-налогового гнета. Фискальный аспект монетной регалии первых Романовых, разрушение «старой» системы денежного счета. Новые процессы монетной чеканки (XVII в.)

Существенные изменения в налоговой системе произошли в XVII в. После польско-шведской интервенции и крестьянской войны экономическое и финансовое состояние страны было тяжелым. Правительство прибегало к чрезвычайным налогам, взимаемым главным образом с ремесленно-торгового населения посадов. В 1614 и 1615 гг. Собор вынес постановление о сборе пятой деньги. В процессе переписей выясняются противоречия между централизованной властью и землевладельцами, последние всегда старались уменьшить по переписи число крестьян в своем поместье или вотчине и показать больше пустующих земель.

Посошное обложение сильно выросло, особенно в 30-е годы, с введением стрелецких денег. Размер налогов, падавших на соху, был значительно больше, чем в конце XVI в. Росли недоимки по налогам. Крестьянство под тяжестью государевых податей всячески стремилось освободиться от платежей сошного письма за пустые «выти», т.е. за необработанные земли разбежавшихся крестьян. В свою очередь, и посадские пытались освободиться от податей по сошному письму. В целом выяснилось, что сошная форма обложения не соответствовала возросшим финансовым потребностям государства, поэтому правительство искало новые формы получения доходов с населения. С целью увеличения числа плательщиков налогов правительство начинает переходить от обложения по сохам к обложению по дворам через так называемую переходную единицу — «четверть», состоявшую из некоторого числа крестьянских и бобыльских дворов и сочетавшую принцип обложения земли с учетом наличных дворов.

Была проведена повторная перепись. В ходе нее создавались переписные книги (при предыдущих переписях — писцовые), в которых на первый план выдвигался учет численности дворов, населения, а в писцовых книгах учитывались пашни, сенокосы.

В Указе о введении подворного обложения подчеркивалось, что новый оклад — отдельные налоги, например «подымный» сбор, уплачивались и до введения «живущей четверти» по домам, но систематический учет наличных дворов при обложении начал применяться в первой половине XVII в. после избрания Романовых. Круговая порука и принцип разверстки налогов «по животам и промыслам» между плательщиками сохранились. В результате этой реформы старые

налоги (стрелецкие деньги, данные, оброчные и др.) заменили подворным обложением под названием стрелецкой подати; некоторые из прежних налогов («пищальные», «засечные») были отменены. Из прежних налогов сохранились «полянские» деньги, слившиеся с «ямскими». Стрелецкий хлеб, уплачиваемый отдельными категориями крестьян (вотчинными, поместными, монастырско-церковными) в натуре, был также разверстан по дворам.

Введение подворного обложения расширило число налогоплательщиков, непашенные бобыли стали в податном отношении приравниваться к крестьянам. Ремесленно-торговое население кроме выполнения государева тягла – уплаты постоянных налогов – обязано было платить (особенно во второй половине XVII в.) различные чрезвычайные налоги: пятую, десятую, пятнадцатую деньгу с дохода и «запросные деньги». Первоначально пятинные деньги должны были уплачивать только торговые люди. Но потом эти деньги превратились в обыкновенный налог, взимавшийся с «животов и промыслов», т.е. по принципу своеобразного подоходного обложения не только посадского, но и деревенского населения.

Раскладка государева тягла, как правило, происходила под контролем землевладельца, но производилась окладчиками, а рассматривалась и утверждалась на мирском совете. При взимании и раскладке государственных налогов «мир» играл большую роль, он мог даже освободить от налогов. Но, как правило, крестьянство и мелкий посадский люд за недоимки расплачивались «правежом», т.е. своей спиной.

Во второй половине XVII в. большинство государевых налогов взыскивалось деньгами. Городское население в 1672 г. начало платить хлебный стрелецкий налог деньгами, а крестьянство продолжало уплачивать их до введения новой денежной стрелецкой подати. Кроме того, вводятся разного рода меры, способствующие пополнению казны, к которым надо отнести чрезвычайные сборы, которые участились во второй половине XVII в. С 1654 по 1680 г. два раза собиралась пятая деньга, пять раз – десятая, один раз – пятнадцатая, а также деньги на войны.

Получает развитие система *откупов*, отдавая сбор кабацких таможенных доходов частным лицам, важный источник обогащения откупщиков и одно из средств создания крупных капиталов. Откупа были очень разорительны для населения, но удобны правительству, поскольку сразу обеспечивали поступление необходимой суммы денежных средств. На некоторое время, перед войной

с Польшей, кабацкие откупа были уничтожены и торговля «питей» стала казенной монополией. Однако тяжелое финансовое положение государства вынудило вновь обратиться к откупам.

Правительство стало прибегать и к косвенным налогам. Была попытка увеличить пошлину на соль на 2 гривны с пуда (1646 г.), которая окончилась «соляным бунтом». По имеющимся данным росписи 1680 г., денежные доходы государства достигали 1,5 млн руб., в том числе косвенные доходы, таможенные и кабацкие давали 650 тыс. руб. (Прямые налоги, стрелецкие, «полдничные», оброчные, ясак, «запросные» деньги составляли столько же.)

Этот период сохранились и натуральные налоги. Стрелецкий хлеб, хлебные запасы, сибирский хлеб уплачивались натурой.

Крестьяне Сибири, переселившиеся главным образом с севера, отбывали государственные повинности в форме *государевой пашни* (пашня, помол государственного хлеба, постройка амбаров и т. д.). Она исчислялась размером снопов, которые крестьяне должны были сдать государству (в XVI в. во многих уездах крестьяне обрабатывали государеву пашню из четвертого снопа, а затем их доля была увеличена до половины.) На протяжении XVII в. некоторая часть крестьян Сибири уплачивала повинности натурой, в виде хлебного оброка. Кроме того, крестьянство Сибири несло также еще одну тяжелую повинность — ямскую гоньбу.

Многочисленные народности Севера, Поволжья и Сибири платили *ясак*. Его платили ненцы (самоеды), ханты (остяки), манси (вогулы), буряты, башкиры. В отдельных случаях ясак собирали местные князья, которые сами часто освобождались от уплаты. Воеводам предоставлялось право взимать ясак. За отсутствием меха в крайнем случае разрешалось принимать в уплату ясака кожи, лосиные и оленьи, а также деньги, крайне редко ясак уплачивался хлебом. Лишь с 1767 г. было разрешено платить ясак хлебом. Кроме ясака взимались так называемые *государевы*, *воеводские*, *подьячьи поминки*, причем в некоторых случаях не с человека, а с лука.

Весь XVII в. характеризуется громадным ростом финансового обложения тяглого населения. Увеличивались не только прямые, но и косвенные налоги. Налоговый гнет на население усилился еще в связи с податями, которые оно платило церкви. Зависимое население платило монастырю оброк с лавок, амбаров, житниц, промышленных заведений потому, что эти постройки стояли на монастырской земле. Посадское население, пользовавшееся пашенной и сенокосной землей, пахотные люди монастыря уплачивали ренту натурой: хлебом (четвертый, пятый, шестой

сноп) и сеном. Кроме денег и продуктов посадское население отрабатывало на монастырь барщину – монастырское зделье, поденщину и караулы.

В XVII в. в русской денежной истории можно выделить четыре основных периода: время сохранения монетной стопы и основ денежной системы Ивана Грозного; ее разрушение в Смутное время; появление нового денежного счета в царствование Михаила Федоровича; неудачные монетные эксперименты и попытки связать русскую денежную систему с медью и талером в царствование Алексея Михайловича. При своеобразии денежных отношений в каждом из этих периодов можно выделить общий тренд в развитии монетарных отношений. Он связан с опытами эксплуатации монетной регалии в интересах казны, которая привела к обесценению серебряной деньги, созданной Дмитрием Донским, подкрепленной Иваном III и сохраненной Иваном Грозным. Деньга в обоих ее видах, копейном и мечевом, должна была превратиться из серебряной монеты в медную, расчистив дорогу для внедрения талера в денежную систему русского государства.

В конце XVI в., несмотря на сложную политическую ситуацию (династический кризис), Борис Годунов в период своего неблагословенного царствования принимает ряд мер в плане нормализации денежных отношений. Основной целью преобразований было сосредоточение в конце XVI в. всей чеканки в Москве и ее полное подчинение интересам царя и государства в противовес боярской оппозиции, которая использовала денежные дворы в своих сепаратных политических целях.

При Федоре Ивановиче и при Борисе Годунове финансовой эксплуатации монетной регалии не было, благодаря чему вес монет мог безукоризненно держаться на установленном уровне. Тогда не только чеканилась деньга по монетной стопе 1535 г., но и началась чеканка золотых медалей для наград.

Около 1595 г. по инициативе Бориса Годунова (официально он венчался на царство в 1598 г.) создано центральное ведомство по руководству монетной чеканкой – Денежный приказ. Его функции возложили на Московский денежный двор. Он должен был максимально централизовать производство монеты, чтобы усилить контроль за расходом серебра. Заказы на частную чеканку (по крайней мере на Псковском монетном дворе) были отменены, и иностранные купцы не могли перечеканивать в копейки привезенные талеры, как раньше. По-видимому, была налажена их скупка в казну по заниженному (относительно рыночного) курсу.

Продукция Московского двора стала метиться буквами «МО» или «МС», Псковского — «ПС», «Новгородского — «ВНО». С 1596 г. на новгородских монетах стала помещаться дата, написанная старославянскими буквами. А московский двор с того времени чеканил не только деньги, но и копейки.

В России XVII в. начинался катастрофически и в политическом отношении (борьба за престол), и в экономическом (неурожай). В 1601-1603 гг. из-за неурожая сильно возросли цены, деньги обесценились, поэтому масштабы эмиссии увеличились, прекращается выпуск деньги и полушек. Царь стал раздавать деньги из казны, что усугубило ситуацию, вызвав новый скачок цен. Боясь массовых волнений и погромов, которые могла устроить отчаявшаяся беднота, Борис перевел Московский денежный двор в Кремль.

В 1603–1605 гг. Денежный приказ предпринял дальнейшие шаги по унификации денежного производства. Оформление монет на всех трех монетных дворах (Московском, Псковском, Новгородском) было приведено в единообразие: рисунок и надписи стали однотипными. Образцовые штемпеля-маточки для всех дворов стали готовить только на Московском денежном дворе. По мнению А.С. Мельниковой, именно в это время готовился полный отказ от размещения на монетах знаков денежных дворов.

К концу царствования Годунова происходит унификация оформления монет в московском стиле на Новгородском и Псковском монетных дворах. Однако Смута разрушила это новшество, и унификация была восстановлена только в период царствования Михаила Романова.

После смерти Бориса Годунова (13 апреля 1605 г.) на престол должен был взойти его сын царевич Федор, однако он успел стать только нареченным государем. Около двух месяцев продолжался период междуцарствия. Началась Смута, которая охватывает период самозванцев (1605-1612), по-разному использовавших денежный фактор для реализации своих политических амбиций.

После свержения Федора Борисовича (1 июня 1605 г.) и до венчания на царство Лжедмитрия I (21 июля 1605 г.) проходит менее двух месяцев. Его царствование длится меньше года. В этот период чеканка монет с именем царя Дмитрия Ивановича (так именовал себя самозванец Григорий Отрепьев) не могла быть налажена. Но громадная потребность в деньгах для расчетов со своими польскими покровителями заставила Лжедмитрия I уже в

июне и июле чеканить монеты с именем Федора Ивановича, так как самозванец официально называл себя его братом, т.е. сыном Ивана Грозного. За это короткое время он успел наладить чекан собственных монет в Москве, Новгороде, Пскове. При чеканке монет использовался только один оборотный штемпель, лицевые же были старые, изготовленные еще при Федоре Ивановиче, а на Новгородском и Псковском монетных дворах использовали лицевые штемпели царя Бориса Годунова.

После свержения 17 мая 1606 г. Лжедмитрия I на престол 19 мая взошел князь Василий Иванович Шуйский. 1 июня 1606 г. он был коронован. Царствование Шуйского было крайне сложным и тяжелым, так как не вся территория страны находилась в его подчинении. Более того, Москву несколько раз осаждали другие претенденты на власть: с октября до начала декабря 1606 г. войска Болотникова, с июня 1608 г. войска Лжедмитрия II (Тушинского вора), которому в сентябре присягнул Псков.

При Шуйском появляются маловесные монеты, так как ослабело «смотрение, чтобы в денежном дворе было безо всякие хитрости». Хотя ослушание строго наказывалось: «Воровских денег не делать никаких, чеканов не красть и воровски под чекан подрезываться», угрожали жестокими казнями тем, кто «делали на царском дворе или у себя в домах воровством деньги и те воровские чеканы продавали на сторону иным людям». Кауфман ставит под сомнение, что при Василии Шуйском происходило, инициированное царем понижение ценности деньги. «В 1610 г., последнем году правления Шуйского, дела в Москве шли своим чередом: торговые люди приносили на денежный двор значительное количество серебра для перечеканки в монету; при этом они уплачивали золотничную пошлину, которая поступала в казну натурой, по золотнику серебра с каждой гривенки серебра. Вывод ясен: чеканка монеты из серебра, взятого в золотничную пошлину, и оценка этого серебра произведены на почве чеканки из гривенки 300 копейных денег, или 600 мечевых денег».

Царь начал с выпуска серебряной монеты, для которой были изготовлены новые штемпели с именем Василия Шуйского, имевшей средний вес 0,64; 0,60 и даже 0,49 и 0,47 г. Однако их выпуск был ограничен, так как Московский двор испытывал недостаток сырья вследствие блокады ее сначала войсками Болотникова, а затем Лжедмитрия II. Псковский и Новгородские дворы также не могли на него работать. Находясь в отчаянном финансовом по-

ложении, царь пытался найти достойный выход из него и не стал расшатывать финансовую систему страны выпуском легковесной валюты. Он идет на необычный шаг, начиная чеканить золотую монету. Для этого использовались золотые изделия из казны, которые отливались в монеты, которые стоили в 10 раз дороже серебряных. Их эмиссия была незначительной.

Лжедмитрий II (1608–1610) организовал чеканку монеты в Тушинском лагере с помощью западных мастеров под Москвой и Пскове, используя старые штемпели Лжедмитрия I. Это были копейки не из чистого серебра и с плохим изображением всадника, но имеющие больший вес (0,72 г) по сравнению с обычным (0,68 г). Учитывая, что денежные дворы Шуйского почти прекратили чеканку монет, Псковский денежный двор, выпускавший эту монету, работал очень интенсивно до конца 1608 г., так как получал сырье из северных и северо-западных городов, подчинявшихся самозванцу. Но с весны 1609 г. его деятельность резко сократилась из-за начавшегося освободительного похода М.В. Скопина-Шуйского из Новгорода к Москве, когда северные города вновь присягнули Шуйскому.

В 1610–1612 гг. в период «семибоярщины» и двухлетнего пребывания польского гарнизона в Кремле возникли деньги Владислава Сигизмундовича. С осени 1610 г. Московский денежный двор начал выпускать монеты с именем царя Владислава Сигизмундовича, но уже с пониженным весом 0,54 и 0,56, а с начала 1612 г. их вес стал еще меньше – от 0,51 до 0,47 г. При этом для расчетов с польским гарнизоном использовались золотые монеты, отчеканенные еще Шуйским, но с именем королевича, а серебряными выдавали жалованье русским служащим, дьякам, стрельцам и т.д. Такие монеты чеканились только на Московском денежном дворе, в Пскове их не выпускали, поскольку город полякам тогда не подчинялся, в Новгороде монеты Владислава чеканились всего несколько месяцев.

Негативный «вклад» в расстройство денежного обращения внесли шведы, которые заняли Новгород 16 июля 1611 г. и вернули его России только 27 февраля 1617 г. по Столбовскому мирному договору. Хотя они пытались посадить на новгородский престол шведского принца Карла-Филиппа, но наладили выпуск монет с именем царя Василия Шуйского, желая показать, что свержение этого государя было незаконным. Учитывая, что денежное производство досталось им в полной исправности, они достаточно

быстро наладили выпуск копеек пониженного веса, используя старые штемпели с именем царя Василия Шуйского. Историки считают, что чеканка копейки с именем Василия Шуйского началась с 1 сентября 1612 г. из расчета 115 новых рублей из 100 старых. В итоге вес копейки стал 0,579 г. Кроме того, шведы в начале 1614 г. потребовали от новгородцев выплатить значительную контрибуцию и получили 1,1 тыс. руб. «посадки денег», 49,3 тыс. «заводных денег» и 6,0 тыс. руб. «митрополичьих и монастырских», всего 15,9 тыс. руб. Все тяжелые монеты из этого состава были отправлены на переплавку в более легкие, что дополнительно принесло шведам большие доходы.

Когда воцарился Михаил Федорович, государственная казна была в полном расстройстве. Молодому царю Михаилу Федоровичу Романову, избранному на царствие в 1613 г., достались крайне разрушенные хозяйство и финансовая система. Неудивительно, что прибегли к понижению веса монеты, пользуясь тем, что около 80 лет монетную регалию не использовали как финансовый ресурс. С избранием на царствование Михаила Романова (февраль 1613 г.) денежные дворы в Москве и Пскове (а после возвращения — и Новгорода) начали эмиссию монет от имени нового царя. Чеканились в основном копейки. Монеты Михаила Федоровича чеканились сначала по 400 копейных денег из гривенки, потом по 425 и, наконец, по 432. Деньги 1535 г. стали в 1613 г. «старыми» деньгами, подобно тому, как в 1535 г. стали «старыми» деньги Ивана III. Копейная деньга (бывшая новгородка) уже представляла лишь $3/25$ золотника, а мечевая — $3/50$ золотника серебра. Новый рубль составлял $3/4$ старого, времен Ивана IV.

Основная эмиссия производилась на Московском денежном дворе с аббревиатурой «МО» или «Москва». (Монетные дворы в Пскове и Новгороде были вспомогательными, а в 1628 г. их упразднили.)

Это изменение «монетной стопы» было произведено скрытно. Для того чтобы запретить обращение старых денег и принудить их сдачу в Денежный двор для перечеканки в новую монету, вся операция должна быть проведена гласно и открыто. Но в 1613 г., видимо, боялись причинить «людям вельми убыток в старых деньгах». Поэтому перечеканивали секретно старые деньги, которые поступали в государственные доходы. Может быть, надеялись, что постепенно все старые деньги поступят в государственный доход и будут перечеканены. Но этот расчет оказался недально-

видным. Во-первых, это очень замедлило реализацию прибыли. А во-вторых, население в подобных случаях оказывается хитрее, чем его считают: оно быстро замечает, что в казну поступают монеты старые, большого веса, а выходят из казны монеты новые, уменьшенного веса. Во избежание этого неудобства население перестает отдавать казне старые деньги и для платежей в казну употребляет исключительно новые деньги. Но этим дело не ограничивается. Находятся предприимчивые личности, сравнивающие вес старых и новых денег и понимающие выгоду от разности между старым и новым весом денег. Они готовы скупать старые деньги с некоторой «наддачей» (лажем) к их нарицательной цене, как делали шведы в Новгороде в 1615 г. Конечно, это делается негласно. Но и правительство действовало негласно. Таким образом, «старые деньги» сосредоточивались в руках предприимчивых людей, которые стали отсылать их «за рубеж», где перечеканивали по новой монетной стопе, чтоб затем вновь перевезти обратно уже в виде новых денег. Прибыль от понижения веса монеты при этом была, и даже большая, но только не у государственной казны.

В связи с нехваткой серебра в царской казне вес копейки продолжал неуклонно снижаться: к 1618 г. — до 0,5 г, в 1620 г. — до 0,49 г, к 1626 г. — до 0,48 г, в 1630 г. — до 0,475 г, и, наконец, в 1642 г. вес копейки опустился до 0,42 г. Перестали очищать талерное серебро, из которого изготавливались русские монеты, что означало значительное снижение их пробы. Страна наводнялась фальшивой монетой. В обращении циркулировало немало «воровских» денег, так называемых «корелок» и «олонок» (предполагается, что эти фальшивые копейки чеканили фальшивомонетчики из русских перебежчиков, обосновавшихся на Карельской земле). Их незаконно чеканили не только в России, но и в Дании, Северной Германии, Голландии, Швеции. Неумелые способы употребления монетной стопы повлекли за собой последствия: «старые деньги» (1535 г.) пошли для перечеканки в новые деньги не на Московский денежный двор, а за границу, прибыль от перечеканки монет поступала не в государственную казну, а в частные руки.

Правительство 3 мая 1620 г. разослало воеводам во все концы списки (копии) государственной грамоты, «слово в слово от царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси», следующего содержания: «Ведомо нам учинилось, что у Архангельского города на кораблях и в иных украинских городах разных государств иноземцы, гости и торговые люди привозят с собой деньги, а делают

их у себя на русский московский чекан, и отдают их русским всяким торговым людям и на старые деньги променивают и на товары. А те их деньги зело худы... А московским и московских городов гостям и всяким торговым людям велеть заказать накрепко, чтобы они денег Московского государства старого дела приезжим немецким людям ни на какие товары однолично не меняли, а те старые деньги привозить к нам в Москве на Денежный двор, а по нашему указу на Москве от денежного дела за тех им деньги дадут с наддачей нового дела деньгами. А которые люди начнут с немцами торговать, менять на московские старые деньги, а у немцев начнут иметь новые деньги, а после про то сыщется, и тем людям от нас быть казненным смертью». Тем не менее проблема совершенствования монетарной системы оставалась острой во все время правления Михаила Федоровича и можно считать, что обострилась в последующее царство.

Вопрос о реформировании денежных отношений, особенно его монетарной составляющей, возник в качестве одного из самых острых в царствование Алексея Михайловича. Хотя царская казна пользовалась репутацией необыкновенного богатства, на деле войны ее очень истощили, и открытие новых финансовых ресурсов шло очень туго. Фискальный аспект монетной регалии возник в качестве наиболее достижимого. Однако от простого уменьшения монетной стопы, т.е. понижения веса копейной и мечевой деньги, особенно столь же значительного, как в 1613 г., многого не ждали ввиду его неудачного опыта. Поэтому царю Алексею Михайловичу предлагались разные новые, более решительные, чем старые, проекты по монетной части, но он сначала не соглашался на них. Однако в 50-х годах финансовое положение стало критическим: в казне не хватало средств для выплаты жалованья ратным людям, особенно во время войны, продолжавшейся много лет. Царь силой обстоятельств вынужден был дать согласие на предлагавшиеся ему меры.

Реформа была начата в 1654–1656 гг. и продолжалась до 1663 г. Автором концепции реформы современники считали приближенного к царю окольничего Федора Михайловича Ртищева — главу ряда приказов.

Прежние серебряные монеты, копейные и мечевые, не были упразднены. Остались в силе серебряный рубль (в 11 $\frac{1}{9}$ золотников), серебряная копейка в 10 $\frac{2}{3}$ доли и серебряная денга в $5\frac{1}{2}$ доли.

Но наряду с этим счетным серебряным рублем появился новый серебряный рубль в виде реальной монеты с определенным рисунком и надписями, но с неопределенным весом. Точнее, вес этой монеты был фактический, а не положенный по закону. Нумизматы считают, что вес новой рублевой монеты был равен $6\frac{2}{3}$ золотника и связан с весом талера, который получил название ефимок. Ефимок – старинное название обращавшегося в России серебряного талера, происходящее от места первоначального появления этой серебряной монеты в Санкт-Иоахимстале (Чехия.) Позднее под ефимком понималась всякая иноземная монета крупного достоинства, весом не менее $6\frac{6}{7}$ золотника (по 7 на гривенку в 48 золотников). Это требование было неосуществимо, поэтому на практике довольствовались в среднем весом талера в $6\frac{2}{3}$ золотника.

Еще до реформы, в начале царствования Алексея Михайловича в центре внимания правительства были приобретение талеров (ефимок) и стремления сосредоточить в государственной казне по возможности все ефимки, привозимые иноземными торговыми людьми. В наказе о таможенных сборах в июне 1649 г. говорится: «У которых приезжих немец будут в привозе ефимки, и те ефимки покупать на государя, а мимо государской казны ефимков никому покупать не велеть». Казна не довольствовалась покупкой наличных ефимков, но покупала их на срок, выделяя вперед деньги под займы для приобретения талеров в будущем. Для этого была учреждена особая Ефимочная палата.

Началом реформы следует считать указ от 8 мая 1654 г., по которому было велено перечеканить 893 620 немецких талеров в серебряные рубли. Однако опыт чеканки нового серебряного рубля себя не оправдал. Население не хотело принимать эту новую рублевую монету, которая была дешевле «старой» на треть. А это делало убыточной для казны ее чеканку. Поэтому правительство перестало ее чеканить уже через год и прибегло к использованию ефимок в качестве национальных денег. В 1655 г. талеры стали начеканиваться с одной стороны двумя штемпелями – прямоугольным с датой «1655» и круглым штемпелем копейки (всадник на коне). Такая монета получила название «ефимок с признаком». Ефимок и рубль приравнялись к 64 копейкам (по весу), хотя ранее варьировались от 40 до 60 копеек. Разрубленный на четыре части талер надчеканивали, таким образом появилась в обращении четвертина (полуполтинник). Была введена еще монета – полудефимок (разрубленный пополам талер с надчеканом). «Ефимок

с признаком» и его доли (полуефимок и четвертина) имели хождение в основном на Украине.

Введение в денежную систему медной копейки было важной составляющей этой реформы. Намеревались увеличить цену меди в монете против ее рыночной цены в 100 раз. Прибыль от медной монеты определялась разницей между ценой серебра и меди в монете и на рынке и суммой, на которую производилась чеканка медной монеты. Начался выпуск медных монет с принудительной курсовой стоимостью значительно выше существовавшего тогда рыночного соотношения серебра к меди (1:60–62,5). Эта монетарная акция предполагала систему мер в области податно-налоговой системы: собирание налогов должно было производиться серебром, а выплаты из казны — медными монетами. Уплата старых долгов (например, недоимок по податям или за проданные казной «заповедные товары») также должна была производиться серебряной, а не медной монетой. По подсчетам К.В. Базилевича, эта грандиозная финансовая операция должна была принести казне около 4,2 млн руб. прибыли.

Медная монета чеканилась главным образом в копейках и полукопейках (деньгах), так как медные деньги предназначались главным образом для народа. А для этого требовалось, чтобы они имели привычное для населения достоинство копейной и мечевой деньги, штемпелями которой они и чеканились. Но для скорой чеканки монет таких достоинств в огромных массах техника чеканки того времени была мало приспособлена. И она сама по себе требовала больших изменений в денежном деле.

Царь требовал чеканить деньги «наспех днем и ночь». Для производства новых номиналов в Москве был открыт новый Английский денежный двор, разместившийся на бывшем подворье купцов Английской торговой палаты в Белом городе. Для него, по замыслу резчика Федора Байкова, были изготовлены специальные деревянные станы (станки, механизмы для чеканки), которые, однако, быстро ломались. Тем не менее тиражи новых номиналов были отчеканены и поступили в обращение. Некоторые из них отличались довольно высоким художественным уровнем, напоминая европейские монеты. Так, на серебряных рублях и медных полтинах красовалось детально профилированное изображение царского всадника. В отличие от них «ефимки с признаком» начеканивались на Старом денежном дворе в Кремле; здесь же изготовлялись и медные копейки (со знаком «М»). Но в правительстве сочли, что мощностей двух московских денежных дворов не хватает, и новые монетные дворы были устроены в Новгороде и Пскове, на которых было налажено массовое производство медных копеек и алтынов. На короткое время был также обустроен монетный двор в Кукейнойсе, работавший на шведской меди.

«Но едва ли за два или полтора года между 1654 и 1656 гг., когда начался выпуск медной монеты в виде копеек и мочевых денег, возможно было их много приготовить. И во всяком случае выпуск был неосуществим в пределах суммы 20 000 000 руб., о которой говорят исторические источники, отнеся эту сумму к одной только медной монете. Ведь в копейных деньгах на эту сумму нужно было начеканить два миллиарда монет».

Эта задача не могла быть выполнена, поэтому ясно, почему в 1656 и 1657 гг. медные деньги еще не оказали сильного действия. Население встретило новые деньги с недоверием и внедрялись они в обращение с большим трудом, что потребовало издания специальных указов с угрозами применения репрессивных мер. Более богатая часть населения, имеющая серебряные монеты, уже с самого начала их прятала и не желала отдавать за равные им медные. Что касается основной массы народа, то она не сразу поняла различие между серебряной и медной монетами.

Разрушительные последствия этого денежного эксперимента нарастали постепенно, но неотвратимо. Они нашли свое выражение в двух основных процессах, один из которых связан с разрушением рыночных связей, другой – с падением стоимости денег. Вместе эти процессы привели к инфляции и социально-экономическим потрясениям. Разрушение торговли было первым симптомом. «Крестьяне не почали в города возить сена, и дров, и съестных запасов, и начала быть от тех денег на всякие запасы дороговизна великая». С конца 1661 г. цены на сельскохозяйственные продукты изменялись каждый месяц. «В государстве серебряным деньгам начала быть скудность, а на медные было все дорого и многие помирали с голоду». Другим выражением стала чеканка фальшивых медных денег, которые практически не отличались от настоящих. Инфляция приобрела угрожающие формы: несмотря на официальное признание за медными деньгами определенных номиналов, они принимались в частные платежи по невыгодному рыночному курсу – за одну серебряную копейку в 1662 г. давали 154 медные.

Все эти монетарные факторы, соединившись с противодействием усилению налогового бремени, привели летом 1662 г. к восстанию, известному под названием «медный бунт». Не случайно пусковым механизмом стал указ царя, направленный на пополнение казны иностранной валютой за счет введения новых налогов – «пятой деньги». В Москве на воротах и стенах домов

во многих местах города 25 июля 1662 г. появились «воровские письма» — листовки с призывами уклоняться от сбора очередного налога — «пятой деньги» (с торговли промыслов).

Толпа посадских, к которым примкнули стрельцы и солдаты некоторых московских полков, двинулись к Земскому приказу и Красной площади, разгромив дворы купцов Семена Задорина и Василия Шорина (на него был возложен сбор этого налога). Царю было составлено письмо с перечислением притеснений и виновных в них лиц, среди которых упоминались Ф.М. Ртищев и И.Д. Милославский. После этого недовольные направились в Коломенское, где, по слухам, находился царь Алексей Михайлович.

Восстание было жестоко подавлено. Тем не менее оно показало царю предел терпения народа, связанный с порчей денег и сбором налогов.

После народного мятежа в 1663 г. был издан указ, восстанавливающий серебряное обращение, запрещавший дальнейшее обращение медных рублей и приписывающий сдать медные рубли в государственные кассы и перелить их в медные вещи. Когда неурядица с медными деньгами окончилась, то 26 июня 1663 г. вышел указ: «Великий государь указал и бояре приговорили, медные деньги сливать, а не слив деньгами никому у себя не держать. А похочет кто принести в государеву казну (медные деньги) и деньги принимать в Москве июня с 1 числа две недели, а в городах месяц, а давать за медные деньги за рубль серебряных по две деньги», т.е. менее стоимости заключенной в них меди. Такой «выкуп» был равнозначен аннулированию медных монет.

С 1663 г. правительство было вынуждено вернуться к прежней денежной системе (существовавшей до 1654 г.), основанной на серебряной копейке, содержащей 45 г серебра. От широких новых мероприятий по монетной части, предложенной Алексею Михайловичу его советниками, осталось очень мало. Хотя с 1663 г. была возобновлена чеканка серебряных копейных и мечевых денег, но до 1680 г. включительно ежегодно их чеканилось немного. Казне стало невыгодно чеканить эти монеты. Расходы на чеканку этих номиналов даже для незначительных сумм были больше, а прибыли были меньше, чем при выпуске новой монеты в виде «ефимков с признаками» или даже при простой продаже из казны ефимок хотя бы и нештмпелеванными. Казна покупала ефимки по 50 копеек, а продавала по 64 коп. «Считая, как тогда было принято по 7 ефимков на гривенку, казна покупала серебро по 3 рубля 50 копеек за

гривенку. Когда она перечекивала это серебро в копейные деньги, она из гривенки начеканивала их на 4 рубля 32 копейные деньги, и из этой суммы некоторая часть должна была служить для покрытия значительных расходов на чеканку 432 серебряных монет. Когда же казна просто перепродавала ефимки, то она за 7 ефимков по 64 копейки выручала 4 руб. 48 копеек и никаких расходов на чеканку монет не имела».

Правительство пошло по последнему пути, проводя целенаправленную политику по накоплению серебра как основы денежной системы. А она стала возможной благодаря успехам в экономическом и политическом развитии государства, в немалой степени связанном с постепенным формированием единого всероссийского рынка и расширением международной торговли с западными и восточными странами. Важную роль играла и возросшая защита интересов российского купечества: ограничения на внутреннем рынке для иностранцев и увеличение доходов государства за счет таможенных сборов. Свои плоды стал давать и сбор торговых пошлин с иностранных купцов ефимками и золотыми, закрепленных Новоторговым уставом 1667 г. Наконец, в 1674 г. по царскому указу московскому купцу («гостю») И. Сверчкову «с товарищами» было поручено скупать в российских городах талеры, полученные за товары от европейских негодантов (с 1667 г. они могли беспошлинно торговать в России только на талеры и золотые). Активизировалась деятельность Купецкой ефимочной палаты, которая обеспечивала централизованную закупку талеров для казны. Она подчинялась Приказу Большой казны, осуществлявшему руководство денежным делом в стране, в ведение которого с 1680 г. перешли таможенные и кабацкие сборы. Для закупки талеров Купецкая ефимочная палата рассылала своих эмиссаров в разные города России и на Украину, где они их закупали на деньги, вырученные от сбора таможенных пошлин и налога с кабаков. Полученные талеры отправлялись на денежный передел в Москву.

Оживление монетной чеканки было связано с деятельностью известного государственного деятеля боярина А. С. Матвеева. В 1675 г. он организовал выгодную торговлю поташом, которая принесла казне почти 67 тыс. ефимков (серебряных талеров), им была организована крупная хлебная торговля на Украине. Как писал А.С. Матвеев царю в 1676 г., «денежный двор пятнадцать лет стоял пуст, туда в заводе на денежное дело не бывало; я ж

завел делать на том дворе деньги, и от того непрестанная прибыль в казну». В целом за последние 20 лет XVII в. наблюдался значительный рост чеканки серебряных денег: по сравнению с 60–70-ми годами в 90-е годы она увеличилась в 2,6 раза.

Анализ развития денежных отношений Московской Руси свидетельствует о том, что оно связано с серебром как основным денежным материалом, хотя на Западе золотой след в монетах уже широко обозначился. Золото в виде иноземных монет проникало на русский рынок, но его приобретали для изготовления ювелирных изделий или для подарков, а также вкладов в монастыри и храмы. Какая-то часть золота шла на чеканку монетовидных знаков, которые носили характер наградных медалей «за хорошую службу». Они использовались также как памятные знаки в сношениях с иностранными державами.

Степень значимости таких подарков определялась весом, эталоном которого стала масса венгерского золотого 3,4 г. Венгерский золотой, наряду с крупной серебряной монетой, очень ценился в Центральной и Восточной Европе. Не случайно русскую золотую монету также называли «угорской» (досл. «венгерской монетой»).

В конце XVII в. место угорского занял равный ему по весу *червонец*. Монетовидные знаки чеканились весом 10, 5, 2 и 1 угорский, а также в половину, четверть, три четверти угорского – строгой схемы не существовало. Большие и тяжелые знаки чеканились в незначительном количестве. Они предназначались для наград наиболее знатным боярам и военачальникам. Рядовые ратники – служилые казаки, стрельцы – получали в лучшем случае чеканенную в золоте деньгу, но чаще лишь позолоченные копейки или деньги. Очень высокой наградой среди них был «золотой с чепью» (цепью). Крупные золотые монетовидные знаки оформлялись торжественно. На лицевой и оборотной сторонах помещалось изображение государственного герба – двуглавого орла, а круговая надпись содержала полный титул и имя царя. На более мелких номиналах двуглавый орел был только на одной стороне и не имел на груди щита с изображением всадника, хотя вообще строгой системы в оформлении этих предшественников орденов и наградных медалей не было.

Золотой в 5 или 10 «угорских» был одной из самых высоких наград, который мог пожаловать царь за отменную службу; его достаивались только самые высокие должностные лица. Монетами в один «угорский» и ниже награждались слуги менее высокого

ранга. Для ношения на одежде в этих монетах обычно пробивали отверстие.

Рассмотренные выше особенности мир-экономики русской цивилизации, включая ее денежно-монетарную систему, позитивные и негативные стороны, образуют базу дальнейшего развития в эпоху имперской государственности. Тогда на нее окажет воздействие западная мир-экономика, которая определит вектор ее социально-экономического развития. Возникнут другие формы рыночных отношений (международных и внутрироссийских), которые через серебряно-валютный стандарт приведут рубль к его золотой основе, поставив во главу всей денежно-кредитной системы Российской империи.

9.3. Финансовые потребности империи, податно-налоговая система и кредитно-денежные реформы Петра I и его преемников (первая половина XVIII в.)

Закрытые денежно-кредитные системы – это обособленные и самодостаточные структуры государств, способные обеспечить функционирование национальных рынков и их международные связи на базе субординации многообразных форм денег и знаков денег в соответствии с их ценностью по отношению к золоту или серебру. Все денежные системы европейских государств возникли на базе накопления драгоценных металлов в результате крестовых походов, колониальных захватов, неравноправной колониальной торговли и, значительно позже, промышленной революции. Когда на западноевропейские рынки хлынули потоки награбленного в Новом Свете дешевого золота и серебра, в Европе наступила эпоха накопления денежного капитала. Именно их золотосеребряный щит позволил сформировать денежные единицы (сначала в монетарной форме), часть которых становились мировыми деньгами (флорин, гульден, фунт стерлингов). Этот вопрос подробно исследован в предыдущей работе, где показана роль монетарного могущества Запада в мировом противостоянии цивилизаций особенно в конце XIX в., которое непосредственно затрагивает и интересы России. Российская империя, включившаяся в это противоборство, не располагала таким монетарным оружием. Она должна была его создать. Однако становление денежно-кредитной системы Российской империи происходило в других социально-экономических условиях – Российская империя вынуждена была рассчитывать в противостоянии на собственные ресурсы.

Эпоха Петра I с ее огромными затратами на войны с Турцией, Швецией, Персией, на создание мануфактур, морского флота, городов предъявила колоссальные требования к финансовой системе. При этом военные расходы занимали в государственном бюджете петровского времени основное место, достигая в 1701–1710 гг. 3/4 всех государственных расходов. Петр неустанно повторял, что стране необходимо «денег как возможно собирать; понеже деньги суть артерия войны».

Но деньги – это прежде всего драгоценные металлы в их натуральном облике и весовом количестве, прежде всего серебро как основная монета, обслуживающая денежные отношения России испокон веков. Серебро в течение многих столетий для Руси (Киевско-Новгородской, Московской) – основной ввозимый металл, а *иностранная монета – основная форма ввоза серебра*, постоянный спрос на которую поддерживался как нуждами денежного обращения, так и потребностями ремесленного производства. Как ни бедна была допетровская Русь, но она за рублевую эпоху с начала XIV в. до конца XVII в., в течение 400 лет, хлопотала о серебре, старалась его иметь и добывалась его. Следовательно, некоторый запас его она успела накопить. Кауфман приводит некоторые гипотетические расчеты и соображения на этот счет. «Весь запас серебра, который мог накопиться в допетровской Руси в четыре столетия до конца XVII в., не превышал 10 000 тыс. гривенок или 100 000 тыс. рублей XIV в. В эту сумму мы и принимаем монетный капитал, унаследованный от Древней Руси. Но его было мало для решения грандиозных задач реформирования страны. Нужда в серебре – острая потребность для петровского периода империи. Речь пока не шла о драгоценных металлах. Нерчинские месторождения золотосодержащего серебра будут открыты в 1691 г. и разрабатываемые греческими предпринимателями дадут первое серебро только в 1704 г., а первое золото – лишь в 1752 г. Однако всеми этими монетарными возможностями Российская империя в петровский период не располагала, поэтому реформирование денежной системы по образцу европейских монетарных систем опиралось исключительно на внутренние ресурсы, податно-налоговую систему и использование монетной регалии в фискальных целях.

Податно-налоговая система включала введение многих новых налогов, расширение круга налогоплательщиков, широкое развитие различных оброчных сборов, казенных монополий на вино,

меха, икру, смолу, реформу прямых налогов, введение подушной подати. Налоговый гнет был неимоверен. Как писал И. Т. Посошков, «покушаются с одного вола по две и по три кожи сдирать». Все это увеличивало государственные доходы в несколько раз: общая сумма податей, сборов, поступавших в казну, выросла в текущей валюте с 1,5 млн руб. в 1680 г. до 3 млн в 1701 г. и до 8,5 млн руб. в 1724 г.

Экономическая история дает более конкретную картину образования государственных доходов. Еще в начале XVIII в. изъята в пользу государства значительная часть доходов, получаемых монастырями, создан для управления монастырскими доходами специальный Монастырский приказ. Лишь позднее церкви было разрешено распоряжаться монастырскими доходами. Таможенный доход главным образом с внешней торговли стал играть большую роль. Таможенная политика Петра, принося значительный государственный доход, вместе с тем охраняла нарождающуюся молодую мануфактурную промышленность. (Своей таможенной политикой Петр I продолжал развивать принципы ограничения иностранного капитала, выраженные в Новоторговом уставе 1667 г.) Петр увеличил налогообложение торговли и промышленности. Сбор десятой деньги с торгово-посадского населения превратился в постоянный налог. Кроме рублевой пошлины, введенной еще в 1653 г., была установлена пошлина на товары, покупавшиеся в своих городах, товары, привозимые на ярмарки и торжки.

Правительство, не удовлетворяясь доходами от обложения, само продавало многие товары, получая доходы от торговли. Значение государственных монополий было расширено: кроме таких товаров, как вино, табак, меха, икра, клей, была установлена монополия на соль, деготь, рыбий жир и др. Государственная продажа этих товаров давала большие доходы, составляя солидную долю бюджета. Весьма широко использовалась система откупов. На откупа сдавались право на рыбную ловлю, сенные покосы, постоянные дворы, мельницы и мельничные сборы, бани, мосты и перевозки. Все, что не представляло государственной монополии, облагалось сетью податей, сборов. Были введены сбор с лавок, посаженный, погребной, трубный, с мостов и переправ, с судов, с клеймения платья, подушный, пчельный, банный, мельничный и т. д.

Система налогов с населения также претерпевала многочисленные изменения. До введения подушной системы взима-

ние налогов при Петре происходило со дворов, исчисленных по переписи 1678–1679 гг. Объектом обложения подушной податью в XVIII в. была ревизская душа мужского пола независимо от возраста. И лишь у раскольников, плативших двойной оклад подушной подати – одну часть в казну, другую – штраф в синод, облагались податью в половинном размере лица женского пола. (Это положение было отменено в 1782 г.) Так как подушная подать устанавливалась в зависимости от числа ревизских душ, крестьянам приходилось платить за малолетних детей (мальчиков), стариков и больных. Кроме того, помещики, используя свое право раскладки податей, заставляли крестьян платить подушную подать, которую должны были внести дворовые люди. Для пополнения новых данных о численности дворов и населения правительство провело в 1710 и 1717 гг. новые переписи. Однако результаты были неутешительны. Население страны не возросло, а в ряде районов даже уменьшилось, еще больше сократилось количество дворов при росте числа душ в одном тягловом дворе (с 3,5 до 5,5). Эти дворы должны были не только платить подати за себя, но и вносить подати, падавшие на пустые дворы. Подушная подать с посадского населения заменила почти все другие сборы с него. Сбор казенных платежей с посадов тоже происходил по принципу круговой поруки. Укрупнением среднего размера двора крестьянское и посадское население отвечало на невероятный рост налогов.

В то же время государству требовалось все больше денег, об их нехватке свидетельствует то, что вместо них приказным и другим людям выдавалось жалованье товарами. Назревал вопрос о реорганизации финансовой системы. Решение было найдено введением в 1724 г. подушной подати, давшей дополнительные контингенты тягловых людей. Петр впервые предлагает ввести подушную подать в 1717 г., правда, только для посадского населения. В этих целях производится новая перепись населения, «не обходя от старого до самого последнего младенца». По окончании переписи установлено, что численность лиц мужского пола 4,5 млн человек, включая «весьма дряхлых, увечных и дураков». Определили размер подушной подати с крестьянского населения 74 коп., а с городского, посадского тяглого населения подушная подать вместе с оброком составила 1 р. 20 коп. с ревизской души. Холопы обязаны были вносить подушную подать независимо от того, находились они в услужении у помещиков или пахали землю. Это решение сблизило холопов и крепостное крестьянство.

В погоне за новыми налогоплательщиками правительство расширяло контингент лиц, плативших подати. Постепенно бобыли, потом так называемые задворные, деловые, дворовые люди были занесены в перепись и принуждены платить налоги. Подушной податью были обложены дворцовые, синодского ведомства, архиерейские, монастырские и церковные, помещичьи и вотчинные, государственные крестьяне. К государственным крестьянам относились чернососшные, однодворцы, ясачные (кроме астраханских и уфимских татар и сибирских ясачных иноверцев), пашенные люди разных служб Сибирской губернии, рейтеры, солдаты, казаки, пушкари и люди разного звания, записанные в поголовную перепись. Купечество через некоторое время также было обложено подушной податью.

Дворянство и духовенство от платежа подушной подати освобождались. Не облагались подушной податью башкиры, татары и мещарики, отставные солдаты, мастеровые, состоявшие при казенных фабриках и заводах. Таким образом Петр увеличил государственные доходы в несколько раз. Согласно десятой ревизии только 3 млн лиц, или около 10,5% населения, Европейской России не платили подушную подать.

Подушная подать обнаружила свою несостоятельность и уже через несколько лет после ее введения возник вопрос о ее реформе, «так как не токмо крестьянство, на которое содержание войска наложено, в великой скудности обретается, и от великих податей и непрестанных экзекуций и других не порядков в крайнее и всеконечное разорение приходит; но и прочие дела, яко коммерция, юстиция и монетные дворы, в весьма в разоренном состоянии обретаются». За неуплату налогов и долгов как неплательщиков, так и поручителей их (по откупам, подрядам, государственным недоимкам, частным долгам) указано было отсылать на работу в Петербург, в Адмиралтейство, в галерную работу, а женщин – в прядильный дом и за работу засчитывать долговых денег по 1 руб. в месяц и давать корм наравне с каторжными. За неуплату налогов ссылали в Азов, в Сибирь на строительство городов-крепостей. Указом от 15 января 1718 г. предписывалось всех осужденных должников «на правеже» не держать, а заставлять отрабатывать задолженность.

Для изыскания новых налогов создали специальный институт «прибыльщиков», «вымышлинников», которые выдумывали объекты обложения – от имущества до «бороды». «Прибыльщики» Петра систематически увеличивали число налогов, прямых и косвенных, обыкновенных и чрезвычайных. Вводились военные налоги: рекрутские, корабельные, драгунские, седельные, под-

ворные и др. В итоге насчитывалось более 30 различных налогов, а в некоторых районах страны и более. Страну наводнили фискалы, которые должны были выявлять казнокрадов и взяточников. О размерах взяточничества и казнокрадства говорят, например, такие сведения: из 100 собранных податных рублей только 30 попадали в казну. Но податно-налоговые поступления не решали финансовых проблем.

Петровским реформам в русской монетной системе предшествует сравнительно незначительное изменение, произведенное в 1682 г. царевной Софьей. Оно заключалось в уменьшении веса рубля и копейки на $1/7$.

Во время правления Софьи, а затем Петра и Ивана на Московском дворе, единственном в стране, продолжали чеканить проволочные серебряные копейки, деньги (0,5 коп) и полушки (0,25 коп.). В основном делали копейки, мелкие номиналы почти не выпускались, потому что казна не желала нести двойные и четверные расходы. Поэтому в ходу были только копейки. Они чеканились раздельно от имени каждого из царей – Ивана и Петра. Наблюдалось уменьшение металла в денежной единице, в результате счетный рубль 1698 г. составлял немногим более $1/3$ счетного рубля Ивана III.

Возрастающий европейский престиж России требовал также более представительных денежных знаков, нежели серебряная копейка доимперской России. Кроме того, Петр I видел, что чрезмерный выпуск менее ценной монеты, медной, наносит ущерб торговле. Общий план денежной реформы зародился у Петра в середине 90-х годов XVII в. Денежной реформой Петр I хотел решить несколько важных вопросов. Прежде всего создать гибкую денежную систему с использованием в качестве монетного сырья не только серебра, но и других металлов. Надо было определить приемлемую весовую норму и пробу для серебряных, золотых и медных монет, обеспечить перевод всего денежного дела на новый технический уровень – машинное производство. Ставилась также задача установить единство денежного обращения на всей территории России, в том числе и на Украине, в Прибалтике и других регионах, где хождение имела иностранная монета. Реформа преследовала и фискальные цели: она должна была значительно увеличить доходы казны от чеканки монет для покрытия возросших расходов в связи с Северной войной против Швеции за завоевание выхода в Балтийское море. Фискальная сторона была важной

стороной этой реформы, которую поддерживал И.Т. Посошков, полагая, что ценность денег зависит от государственной власти. Чеканка монеты – область весьма консервативная, в которой приходится считаться с народными привычками. Это ясно видно как в осторожности, так и в постепенности, с которой вводятся новые серебряные монеты Петра, представляющие новые номиналы, монеты новых достоинств. Реформа осуществлялась постепенно.

Изменения в реформировании монетной системы империи делятся на три качественно различных периода: 1) от 1698 до 1711 г. производятся различные перемены на почве чеканки из серебра, проба которого не установлена, как это бывало в предшествующие эпохи; 2) с 1711 до 1718 г. идут приготовления к установлению пробы монет; 3) наконец, в 1718–1724 гг. монетные преобразования Петра получают тот законченный вид, в котором он переходят к преемникам Петра.

Первый этап (1698–1704). Была создана материальная база, т.е. построены новые монетные дворы, оснащенные машинами (закуплены в Англии, которая в это время под руководством И. Ньютона проводила денежную реформу). Всего за этот период было создано пять монетных дворов. Первые изменения, внесенные Петром, не были связаны с принципиальным изменением старой монетной системы, а стали лишь ее развитием и дополнением.

С 1698 г. чеканятся копейки из того же высокопробного серебра, что и раньше. С 1699 г. появляются гривенники в 10 копеек, совершенно новый номинал; но в высшей степени характерен и тот факт, что надпись на ней гласит: десять денег. С 1699 г. появляются полтинник и рубль, с 1701 г. – серебряная монета, которая впоследствии была известна как пятачок. Но изложенным не исчерпывается новая монетная система Петра в том ее первоначальном виде, в котором она с 1699 г. постепенно складывалась из значительного уже числа серебряных монет мелкого и крупного достоинства. По существу, она отличалась от старой монетной системы тем, что не только увеличилось число мелких монет, но и появились две крупные монеты: полтинник и рубль. Но рубль пытались чеканить уже предшественники Петра. Введение их и других номиналов было не принципиальным изменением старой монетной системы, а лишь ее развитием и дополнением.

Перемена монетной стопы означает перечеканку монеты, а для этого необходимо, чтобы «старая» монета, т.е. монеты прежних

стоп, притекала в казну и в ней задерживалась. Для этого был издан указ 18 мая 1701 г. Он предписывал: «Старого передела денег, которые деланы по 206 г., ныне и впредь в расход не давать, а переделав отсылать... всего Московского государства всяких чинов людям указ сказать, чтобы они старые деньги для передела вновь несли на Денежный двор и им на те деньги к тому числу, сколько их принято, наддачей будет дано по гривне на рубль, а за работу никому ничего о тех людей не иметь». Таким образом, постановка нового «передела», или перчеканка, монет, начавшаяся с 1698 г., существенно отличалась от постановок XVII в. Не только воспрещено расходование старых монет, но и их выкуп обеспечен уплатой 10% лажа («наддачи») на их нарицательную стоимость. Еще существеннее новый передел 1698 г. отличается введением новых номиналов, или достоинств, серебряной монеты, крупных и мелких.

Но старая монетная система, построенная на серебряной деньге, неминуемо должны была подвергнуться принципиальному изменению, поскольку эта коренная основа отжила свой век. Первым шагом в этом направлении было введение медной монеты вместо ничтожно малой серебряной деньги.

Она с 1698 г. стала такой незначительной, что о ней, а тем более об ее половинке, полушке, как о серебряной монете, чеканка которой продолжается, уже не могло быть речи. В 1698 г. Петр еще полагал, что в этой роли наименьшей серебряной монеты мечевую деньгу может заменить копейная деньга, или копейка. Но затем он убедился, что копейка как наименьшая серебряная монета стала невозможна. «Но вместо серебряной (мечевой) деньги и полушки все-таки необходимо было создать что-нибудь новое. Это ставил себе задачей указ 11 марта 1700 г. о делании медных денег — полушек и полуполушек».

После неудачного опыта Алексея Михайловича 1656–1663 гг. с медными деньгами официально признавалась возможность возобновления чеканки их уже в виде «денежек» и частей денежки, полушки и полуполушки. Новым было то, что они должны были вписаться в монетную систему наряду с серебряными и золотыми монетами.

«Великий государь указал делать медные денежки, и полушки, и полуполушки, для того чтобы во многих низовых иных городах за скудностью денежек на размену в мелких торгах пересекают серебряные копейки на двое и трое и торгуют ими вместо денежек на раз-

мен, а в Калуге и иных городах вместо серебряных денежек торгуют кожаными и иными жеребьями. И для соблюдения серебряных копеек, чтобы в городах за умалением серебряных копеек и денег не секли и кожаными и иными жеребьями не торговали, и ныне и впредь в Москве и в городах, и в уездах, и в селлах, и в деревнях по всяким торжкам, и на перевозах, ходить и торговать и в пошлинный сбор иметь... без всякого прекословия медными денежками и полушками». За этим следует обстоятельное описание новых медных монет и указание способа сделать их общеизвестными. Запрещая дальнейшее обращение прежних «сеченых копеек», указ предписывал их обмен на медную монету, а равно размен серебряных копеек на «ту монету и на копейку по две денежки, по четыре полушки, по осьми полуполушек, а буде, где есть серебряные печатные денежки, а не сеченые, и тех ходить и торговать ими по-прежнему с медными за едино». Указ кончается угрозами государевой опалы и великих наказаний за его нарушение.

Из этого следует, что включение единых денег в монетную систему было неминуемо без всякого фискального мотива, хотя впоследствии он приобретет явно выраженный характер.

В 1701 г. на Кадашевском монетном дворе стали чеканиться и золотые червонные, равные по пробе и весу дукату – золотой международной монете. Выпуск червонных означал создание русской золотой монеты, которой ранее не было в денежном обращении страны. Червонцы чеканились из китайского «коробчатого» золота-песка (он упаковывался в небольшие коробочки) или (реже) китайских слитков. Размеры чеканки золотой монеты были невелики – 2,3%. Они традиционно употреблялись в качестве средства накопления и для международных платежей. «Все основные номиналы новой денежной системы вошли в обращение в 1700–1704 гг. В основу ее был положен десятичный принцип с присущим России денежным счетом, ведущим начало с XV–XVI вв.: рубль, полтина, гривенник, пятак, копейка, денга, полушка. Со старым счетом денги и алтына было покончено, денежные суммы исчислялись в рублях и копейках». Постепенно возникла серия серебряных монет – 50, 25, 10, 5 и 3 коп. В 1704 г. был выпущен серебряный рубль, который по весу был равен талеру (28 г).

Весовая норма и проба серебра и золота сначала была ориентирована на стандарты талера и дуката, но затем постепенно от этого принципа отошли. Началось постепенное понижение пробы сначала в серебряной, а затем и медной монете. Этот процесс, увеличивая доходы казны от чеканки, вместе с тем вел к порче монеты

со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями. Денежная реформа, сопровождавшаяся уменьшением количества серебра в монете, принесла казне крупный доход. Только за три года (1701–1703 гг.), когда интенсивно проводилась чеканка новой валюты, казна получила свыше 2,8 млн руб. чистой прибыли. Тем не менее уже на третьем году войны со Швецией расходы значительно превысили текущие доходы.

На втором этапе (1711–1717 гг.) происходит отказ от чеканки мелких серебряных денег талерной пробы, уменьшение содержания в них чистого серебра и, следовательно, их реальной стоимости. В дальнейшем «фискальная» тема эксплуатации монетной регалии реализовывалась посредством ухудшения качества монеты, «ее пробы, т.е. посредством уменьшения количества содержащегося в ней чистого серебра. Оставляя лигатурный вес прежним, Петр, очевидно, задумал заменить медью то количества серебра, на которое уменьшалось содержание его в монете». Рубль, задуманный около 1711 г., был лишь 5/6 рубля, чеканившегося с 1704 г., или 5 рублей, чеканившихся с 1704 г., равнялись 6 рублям новым; 100 рублей, чеканившихся с 1704 г., равнялись 120 рублям новым.

Серебро было еще очень дорогим в России. Это стало препятствием к тому, чтобы и золото могло цениться достаточно высоко. И это препятствовало высокой доходности монетной регалии. На почве чеканки серебряной монеты доход казны от денежной регалии мог быть только скудным. Оставалось возлагать все надежды на медную монету. А медная монета имела в системе Петра наименее определенное положение, почти контрабандное, потому что открыто показывать, что с ней связывали большие финансовые требования, Петр не решался. Медная монета оставалась слабейшей частью монетной системы Петра Великого.

Руководствуясь исключительно фискальными соображениями, казна перешла к чеканке медной монеты (ее объем составлял 9,2% чеканки) в новой 40-рублевой весовой норме, что привело к резкому обесценению медных денег. Выделка медной копейки прекратилась, ее заменила полушка. Подверглась изменениям и золотая монета. Прекратился выпуск червонцев высокой пробы, соответствующей дукату. Вместо них стали делать золотые двухрублевики 75%-ной пробы.

На третьем этапе (1718–1724 гг.) государство образует монетный двор как государственное учреждение заводского типа,

чеканившее монету. Монетный двор был основан в 1724 г. в Петербурге, помещался в Петропавловской крепости. Полностью прекращается выделка серебряных копеек и ведущее место в чеканке занимают монеты крупного достоинства (главным образом рублевые), для которых также была установлена 70-я проба. Указ от 24 января 1718 г. гласит: «Мелких денег не чеканить, а делать тисненые, а именно: копейки и алтынники против пробы с медью, как состоялся указ в Петербурге и здесь подтвержден в бытие наше на денежном дворе. А гривенники, полтинники и рублевки делать из чистого серебра против пробы». Эти указы дополняются указом от 9 апреля 1719 г.: «Великий государь указал публиковать в народ, дабы нового российского дела тисненые золотые и серебряные рублевки, полтинники другие мелкие монеты, которые велено чеканить по указу, состоявшемуся в 1718 г. февраля 7 числа, в народе ходили по назначенным на оных надписям обыкновенными деньгами без всякого спору». «В первый раз в 1719 г. появляется у нас определение закона, что такое в России деньги, обыкновенные деньги. Это, во-первых, не только серебряные, но и золотые; медные пропущены, но их должно подразумевать».

Итак, с 1718 г. мы имеем если не биметаллизм, то параллельную систему обращения золотой и серебряной монет. Следовательно, отношение золотого рубля к серебряному рублю было 1:13. Золото ценилось Петром слишком дешево, гораздо дешевле, чем в Лондоне или в Гамбурге.

Фактически, с 1718 г. прекращается чеканка копеек и алтынов как серебряной монеты любой пробы. Чеканятся уже с 1718 г. только медные алтыны и копейки, а также денежки, полушки и полуполушки. Это означает, что в 1718 г. прекращает свое существование старинная русская денежная система, поскольку она выражалась в мелких серебряных монетах. В серебряной монете допетровской Руси не заметно было, кому она служит, состоятельным или бедным: копейчаная, полукопейчаная и еще меньшая прямо рассчитана на население, в котором не произошло видного расслоения на более или менее состоятельных. На деле это расслоение, конечно, уже очень давно произошло в допетровской Руси, но оно не находило видимого выражения в денежной системе.

С Петра I серебряные деньги становятся деньгами более состоятельных слоев населения; для бедных служат медные деньги. А более состоятельным нужны рубли, гораздо меньше нужны полтины и полуполтины и очень мало нужны гривенники и пятакки.

Оттого 85% монет приходится на рублики, 11% – на полтины и четвертаки и лишь 4% – на гривенники и пяточки.

Общий итог всех чеканок монеты, серебряной, золотой и медной, при Петре достигал 43 441,1 тыс. руб., из них серебряной монеты – 38 380,7 тыс., золотой монеты – 706,2 тыс., медной – 4434,2 тыс. руб.

Денежная система стала иметь следующий вид: высшей денежной единицей стал двойной червонец, содержащий 6,94 г золота. Далее следовал червонец – 3,47 г золота. Затем золотые два рубля, равные 0,69 г золота, серебряные рубль, полтина, полуполтинник («четвертак»), гривенник, пять копеек – десять «денег», алтын и копейка, медная деньга, копейка и полушка, а с 1723 г. пятак. Деньга равнялась половине копейки, 2 деньги составляли 1 копейку, рубль – 100 копеек.

Серебряная монета была ведущей в России (88,5%), хотя в первой четверти XVIII в. началось усиленное внедрение медных денег. Таким образом, основное значение в обращении имели серебряные монеты, хотя снабжение монетных дворов серебром было затруднено, так как добыча серебра в стране (Нерчинский рудник) была незначительной. Проблема решалась путем покупки сырья (ефимок, старых денег) у иностранных и русских купцов, запрета вывоза за границу серебра и золота, даже старых мелких серебряных копеек. Наряду с этим денежная реформа, связанная с уменьшением веса монеты, понижением пробы, массовой чеканкой малоценной медной монеты, привела к обесценению денег, падению вексельного курса. В результате цены на товары (отечественные и особенно зарубежные) выросли в два раза, в том числе на привозное серебро.

Денежная реформа Петра I позволила сосредоточить в руках государства крупные средства, ставшие одним из источников финансирования громадных военных расходов. Доходы от эксплуатации монетной регалии помогли Петру I выиграть Северную войну, не прибегая к иностранным займам. Прибыль, полученная от чеканки монет, шла, в частности, и на развитие просвещения, а серии монет помогали обществу усвоить новое летоисчисление, гражданский алфавит и цифры. Но эта чрезвычайно позитивная оценка деятельности Петра I в денежно-монетарной сфере затуманивает серьезные проблемы, которые остались в наследство его преемникам. К крупным недостаткам денежного обращения и монетного дела следует отнести низкую пробу серебряной монеты,

наличие в обращении монет одинакового достоинства, но разных проб, неполноценность медных денег, большое количество фальшивых монет, неправильное соотношение цен между серебром и золотом (занижены цены на золото).

Во времена ближайших преемников Петра I (до Екатерины II) в сущности сохраняются созданные ими податно-налоговая и денежная системы. Изменения, которые в нее желали внести, или не удавались, или не имели существенного значения, и петровский рубль оставляли неприкосновенным. Но часть денежной системы Петра, которая была слабейшей уже при нем, еще больше ухудшается при Екатерине I, Петре II и Елизавете. Расстройство обращения медной монеты становится хроническим явлением всей указанной эпохи, которая кончается тем, что из-за этого расстройству ухудшается и серебряный рубль Петра I.

Серебряный рубль Петра I, несколько обновленный, продолжал существовать, оставаясь с тем же содержанием чистого серебра, которое было установлено в 1718 г. В таком виде он просуществовал в царствования Анны и Елизаветы Петровны. Мелкие серебряные монеты при Анне были такой же пробы, как и крупные, а при Елизавете их проба была в 1741-1746 гг. 72-я, а с 1746 г. – 77-я.

Казна покупала серебро при Екатерине I, Петре II и Анне Ивановне по 18 копеек за золотник чистого серебра. Но уже в начале царствования Анны Ивановны было трудно получать серебро по этой цене, поэтому указом 8 июля 1741 г. цена была повышена до 19 коп. за золотник чистого серебра, а затем было разрешено платить даже 19 1/2 коп.

Чеканка серебряной монеты в царствование Екатерины I и Петра II составляла 5157 тыс. петровских рублей; в царствование Анны Ивановны – 20 094,9 тыс. руб.; в царствование Елизаветы она доходила до 32 317,8 тыс. руб.

К приведенным суммам серебряных чеканок необходимо еще прибавить: начеканки 1741-1742 гг. (Ивана Антоновича) – 1111,4 тыс. руб. и Петра III – 643,0 тыс. руб. Следовательно, общий итог серебряных чеканок за время от смерти Петра I до Екатерины II достигал 59 324,8 тыс. петровского рубля 1718 г.

Золотые монеты тоже чеканились этими императорами. При Екатерине I и Петре II в 1725–1729 гг. непрерывно чеканились золотые монеты (андреевские двухрублевики по 100 штук из фунта золота 75-й пробы). В 1729 г. чеканка их прекратилась, потому что они были убыточны для казны... Поэтому по воцарении Анны Ивановны золотая монета чеканилась только в виде червонцев, еще не имевших нарицательной цены, установленной законом.

Чеканка производилась на небольшие суммы для нужд двора и только три года. Но уже с самого начала царствования Анны Ивановны было отмечено заниженное содержание золота в русской монете. Поэтому указом 23 декабря 1730 г. велено «делать червонцы пробой и весом против голландских».

При Елизавете Петровне обращалось внимание на эту проблему, но решительных мер не было принято, хотя указом 12 ноября 1755 г. устанавливается новая золотая монета в виде империалов и полуимпериалов. Новое название монеты было переделкой и приспособлением к русскому императорскому титулу названия золотой монеты, давно существовавшей во Франции и в Англии — рояля и полурояля.

Установлению новой золотой монеты придавалось особое значение. Для этого предписывалось делать отныне империалы и полуимпериалы в 10 и 5 рублей 88-й пробы, империалы с лигатурным весом в 3 золотника 85 долей, а полуимпериалы с лигатурным весом в один золотник и 90 долей. Червонцам устанавливалась цена в 2 рубля 25 копеек; андреевские золотые двухрублевки совсем демонетизировались («отныне в народе никакого хождения не имели»). Особым указом установлены новые золотые рублевки и двухрублевки 88-й пробы, рублевки весом 36 долей, а двухрублевки — 73 доли. Отношение между серебром и золотом в новой монете было 1: 13,685, т.е. опять возвращались к отношению, сложившемуся при Анне Ивановне, хотя на открытом рынке золото тогда было более чем в 15 раз дороже серебра. В итоге за время от Петра I до Елизаветы объем чеканки золотых монет не превышал 1 028,4 тыс. руб. Следовательно, всего до Екатерины II золотая чеканка в России не превышала 2552,7 тыс. руб.

В течение всего рассматриваемого периода обращение медной монеты было хронически расстроено, особенно в последние пять лет царствования Елизаветы Петровны. Но в остальные 25 лет рассматриваемого периода не было неумеренной чеканки медной монеты, хотя были и некоторые попытки ее упорядочения, учитывая, что она обслуживала нужды народа. Серебро еще было очень дорого; цены на все покупное находились под гнетом этой высокой стоимости серебра. Неудивительно, что Посошков и другие экономисты той эпохи, впервые пытавшиеся обобщить явления русской экономической жизни, были поклонниками медной монеты не только в интересах фиска, но и как необходимого элемента развития рыночных связей, торговли. Медной монете предстояло

еще продолжительное время играть заметную роль в денежном обращении России.

При Екатерине I и Петре II чеканили медную монету по 40 рублей из пуда и начеканили ее на 3988,4 тыс. руб., а серебряной монеты было начеканено на 5157,7 тыс. руб. При Петре Великом чеканка меди составляла немногим более $1/10$ суммы серебряных чеканок, а при ближайших его двух преемниках чеканка меди составляла уже более $3/4$ чеканки серебра: относительно чеканка меди увеличилась почти в 7 раз, но абсолютное увеличение еще не было значительным.

Считают, что при воцарении Анны Ивановны в России обращалось столько же фальшивой медной монеты, сколько было выпущено казной. Чеканились полушки, копейки, гроши (2 копейки), а больше всего – пятикопеечники, прямо рассчитанные на фискальное использование народной потребности в мелкой монете. Императрица Анна Ивановна понизила до 10 рублей цену меди в монете и чеканила только полушки и денежки. За все время царствования Анны Ивановны новой медной монеты начеканено лишь на 2936,5 тыс. руб.

При Елизавете Петровне борьба с излишеством в медной монете сначала была энергичной. До 1754 г. медная монета чеканилась по 10 рублей из пуда, чеканились только полушки и денежки. С 1755 до 1757 г. чеканились только копейки, по 8 рублей из пуда меди. Но с 1757 г. из-за потребности в средствах для покрытия чрезвычайных военных расходов пришлось начать чеканку не только полушек, денежек и копеек, но и двухкопеечников, пятикопеечников из меди по 16 руб. за пуд.

Всего было начеканено при Елизавете медной монеты на 15 121,7 тыс. руб. Объем чеканки Елизаветы за пять лет превышал объем чеканки за 40 лет – с 1701 по 1740 г.

Выпуск медной монеты за пять-шесть лет с 1757 г. на огромную для той эпохи сумму – почти 11 000 рублей – был первым случаем такой значительной эксплуатации монетной регалии для нужд казны, в наихудшем ее виде. При Алексее Михайловиче, за 100 лет до этого, чеканка монет для казенных нужд составляла в два раза меньшую сумму. Естественно, поэтому уже в конце царствования Елизаветы возникла необходимость изъять из обращения медную монету, выпускавшуюся с 1757 г. Граф П.И. Шувалов предложил: заменить «старые» медные монеты «новыми», выпустив новую медную монету, чеканенную не по 16, а по 32 руб. из

пуда; перечеканить серебряную монету по новой ухудшенной стопе. Предложения Шувалова при императрице Елизавете не осуществились, но императору Петру III они понравились. Поэтому в январе 1762 г. на сенатском докладе он написал: «Быть по сему». Но эти планы не были осуществлены в связи с дворцовым переворотом.

9.4. Податно-налоговая система и создание закрытой денежно-кредитной системы (вторая половина XVIII в.)

Ко времени воцарения Екатерины II и особенно за 30 лет ее правления образовался большой внутренний национальный рынок в рамках формирующегося территориального каркаса империи. Он требовал для своего функционирования «монетарной смазки» и внутри страны, и в рамках ее международных связей. Закрытые денежные системы в Западной Европе начали возникать в XVIII в. на основе сформировавшихся национальных рынков территориальных государств, включенных в международные связи, породив многие обслуживающие их институты с разнообразными формами монетарных, кредитных, казначейских и производных от них знаков денег, базирующихся на накоплении золота и серебра из колониальных владений.

Геополитические амбиции России того времени также предъявляли особые требования к денежно-кредитной системе. Именно во второй половине XVIII в. при Екатерине II возникают (в противоречивой форме) основные элементы закрытой денежно-кредитной системы. Но начать надо с общей характеристики финансовых потребностей и податно-налоговой системы – материального базиса, в рамках которого формировалась эта закрытая денежно-кредитная структура империи. Финансовые потребности, обслуживающие военные нужды государства, превалировали и в этом смысле мало отличались от петровского времени. Во второй половине XVIII в. больше половины бюджета России расходовалось на содержание армии и флота (в 1763 г. – 53%). Податно-налоговая система и использование монетной регалии в фискальных целях образовывали основы государственных доходов имперской России тех лет.

В податно-налоговой сфере сохранились петровские тенденции, где основное бремя падало на низшие слои населения. Более того, она приобрела более взрывоопасные формы в связи с усилением крепостнической зависимости и указа о «вольностях дво-

рянских». Первое место в государственных доходах занимала, начиная с петровских времен, подушная подать, которая в 1765 г. распространяется на юго-восточную Украину, а также на население Остзейского края, платившее ее провиантом и фуражом.

Круговая порука тяглого сословия – это неизбежные атрибуты финансовой системы имперской России петровского и постпетровского времени. Начиная с первого года введения подушной подати и до ее отмены, недоимки были неизбежным явлением, увеличиваясь в отдельные годы до особенно высоких размеров, несмотря на самые строгие указы. Для выколачивания налогов из тяглого населения, в первую очередь деревни, правительство создало специальный доимочный приказ. Порядок сбора податей неоднократно менялся, передавая этот сбор иногда из рук гражданских властей в военные, за недоимки податей казенных крестьян отвечало все селение. За неплату податей продавали имущество, наказывали батогами, ссылали. По указу 19 мая 1769 г. старост и выборных забирали в случае неплаты крестьянами подушной недоимки под караул и использовали на тяжелых работах без платежа заработанных денег вплоть до полной уплаты податей. Безнадежные недоимки царское правительство вынуждено было «складывать» особыми «высочайшими указами», приурочивая их к каким-либо политическим событиям: окончанию войны, началу нового царствования.

Второе (после подушной подати) место в государственных доходах во второй половине XVIII в. занимали доходы от питейных сборов, давно уже игравшие важную роль в финансовой системе России, хотя иногда делались попытки ограничить продажу водки. В большей мере питейные доходы получали в форме откупов. Откупа составляли характерную особенность финансовой системы России на протяжении столетий. Они были неразрывно связаны с монополией правительства на торговлю отдельными товарами и служили важнейшим источником первоначального накопления капитала. Многие экономисты полагали, что они, а также подряды играли большую роль, чем торговля. На откупах и монополиях нажили колоссальные состояния Строгановы, Шуваловы, Кокаревы, Злобиновы. Среди различных откупов первое место принадлежало винным. Прибыль откупщиков от продажи водки во много раз превышала их платежи в казну. На откупа часто сдавались также внутренние и портовые сборы. Значительную статью доходов в бюджет России (как и многих государств) составляли соляные сборы.

Тем не менее финансовое состояние России в начале второй половины VIII в. было крайне тяжелым, чего не могла не признать Екатерина II вскоре после своего вступления на трон. С целью покрытия дефицита в бюджете прибегали к разным мерам, среди которых были и увеличение цен на водку, и обложение чрез-

вычайной податью фабрик и заводов, и предложение купечеству (которое до 1775 г. тоже платило подушную подать) откупиться за определенные суммы от подушного оклада, и т.д. Но все это не помогло покрыть дефицит бюджета, составивший за вторую половину XVIII в. свыше 200 млн руб. Пришлось прибегнуть к новым средствам, связанным с монетарной стороной финансовой системы. Сама императрица при вступлении на престол так охарактеризовала общее финансовое положение России: «В 1762 г., при вступлении моем на престол, я нашла сухопутную армию в Пруссии, за две трети жалованье не получившую. В штатс-конторе именные указы на выдачу 17 млн руб. не выполненные. Монетный двор, со времени царя Алексея Михайловича, считал в обращении 100 млн, из которых 40 млн почитали вышедшими из империи вон и натурой отправленными; понеже тогда вексельного оборота либо вовсе не знали, либо мало употребляли. Почти все отрасли торговли были отданы частным людям в монополию. Таможни всей империи Сенатом даны были на откуп за два миллиона. Шестьдесят миллионов, оставшихся в империи, были двенадцати разных весов. Серебряные деньги от 82-й пробы по 63-ю, медные от 40 до 52 рублей в пуде и т.д.»

Можно считать, что в начале своего царствования Екатерина II пыталась решить два вопроса: ввести некоторое единообразие в весовые соотношения монет, так как неодинаковая ценность монеты была первым ненормальным явлением денежного обращения империи; найти формы денежных знаков, которые способствовали бы развитию торговли. Скорость и легкость обращения денег играют значительную роль в развитии торговли. Поэтому одним из первых вопросов, который обсуждался советниками Екатерины, был вопрос об учреждении банков и выпуске последними бумажных кредитных знаков). Но к реализации этих предложений Екатерина II приступила не сразу. Реформирование монетарной системы началось с законодательного акта о соотношении между золотом и серебром. В 1764 г. было установлено твердое соотношение между золотом и серебром (1:15), причем оба металла были признаны основой денежной системы. Вступив на престол, Екатерина II отменила распоряжение Петра III по медной монете и опять восстановила чеканку по 16 рублей из пуда меди. Предложения Шувалова об изменении серебряной монеты были приведены в связь с новыми мерами по золотой монете и осуществлены в 1764 г. Указом 30 марта императрица повелевала чеканить золо-

тые монеты, чтобы «внутренняя их доброта состояла точно пятнадцать против предельной цены серебра». Но это не значило, что этим постановлением в России был установлен биметаллизм, так как в России в то время всякий имел право производить платежи на неограниченную сумму не только золотой и серебряной, но и медной монетой. Был триметаллизм.

«При Екатерине II создалось многое, что впоследствии очень долго держалось. Но едва ли многое из созданного той эпохи держалось так долго, как серебряный рубль в 405 долей, или 4 золотника 21 долю чистого серебра, и золотой рубль в 27 долей чистого золота как пятая часть полуимпериала в 135 долей чистого золота, или десятая часть империала в 270 долей чистого золота».

Это значит, что с 1764 г. казна уже не пользовалась в России изменением чистого серебра или золота в монете в фискальных целях. Более того, с 1768 г. на Петербургском монетном дворе началась тайная чеканка голландских дукатов, по пробе, весу и внешнему виду полностью идентичных подлинным. Голландские дукаты были самой распространенной международной валютой, пригодной для платежей во всех странах. Эти тайные дукаты играли большую роль в финансовом обеспечении флота и армии во время операций за пределами страны, когда не следовало раскрывать смысл тех или иных операций. Именно этими дукатами был снабжен русский флот во время русско-турецкой войны в Средиземном море и на архипелаге, одержавший блестящую победу при Чесме 26 июня 1770 г.

Пик чеканки золотых монет приходится на 60-е годы XVIII в., что объясняется увеличением добычи отечественного золота, а также, по-видимому, перечеканкой всей прежней золотой монеты. Как уже отмечалось, именно во второй половине XVIII в. России удалось решить самую острую проблему за счет добычи золотистого серебра на Колыванско-Воскресенских и Нерчинском заводах, золота на Урале и Олонецком крае, создания в Петербурге главной лаборатории по разделению золота и серебра. Поэтому монетный двор Петербурга более чем на 40% был обеспечен отечественным серебром и почти на 60% – золотом. В последующие десятилетия происходит падение добычи золота в России, а рост расходов, дефицит государственного бюджета, внешние долги не позволяли приобретать за рубежом такое количество золота, которое дало бы возможность сохранять российские червонцы и золотые монеты меньшего достоинства.

Но не золото-серебряные монеты обеспечивали денежную систему тех лет, а медные. Основная тенденция в денежном обращении второй половины XVIII в. нашла свое выражение в неуклонном возрастании роли медной монеты. В начале медная монета чеканилась в небольшом количестве и выполняла свою основную функциональную задачу – служить для размена крупной. Но с конца 50-х годов XVIII в. она стала вытеснять серебряную монету и превращаться в главное орудие денежного обращения внутри страны. Это положение привело к отрицательным последствиям. Во-первых, медь была тяжелой и ее перевозка на большие расстояния требовала значительных расходов; во-вторых, прием и выдача больших сумм требовали много времени и людей, что сопровождалось ошибками и просчетами; в-третьих, постоянное снижение стоимости медной монеты (от 10 руб. из пуда до 40 руб.) отрицательно сказывалось на экономике страны. Массовая эмиссия малоценной, тяжеловесной и громоздкой медной монеты тормозила развитие товарного производства, рост торговли и общероссийского рынка. Медная монета приобрела фактическое господство на русском денежном рынке как «финансовый знак», поэтому как худшая монета она оттеснила серебряную монету. Наконец, медная монета по своему тяжелому весу (в 1768 г. 16 медных рублей весили пуд) затрудняла скорость обращения, особенно при значительных пространствах, которые ей приходилось проходить в виде меновых оборотов.

Медная монета до массовой эмиссии бумажных денег была главным платежным средством внутри страны. На первом месте стояли фискальные интересы, т.е. увеличение доходов казны от чеканки медной монеты, особенно после того, как был поставлен вопрос о возвращении государству всех казенных медеплавильных заводов, переданных частным лицам. Раньше владельцы медеплавильных заводов обязаны были продавать казне от 50 до 75% своей продукции по цене ниже рыночной. Передел меди приносил казне большую прибыль, нежели чеканка монет из серебра и золота. Кроме того, всегда ощущалась нехватка этих драгоценных металлов, меди же было достаточно.

Требовались новые денежные знаки, удобные в обращении. Так возник вопрос о бумажных деньгах, которые уже прошли свою первую апробацию (правда, не всегда удачную) в Европе. Интерес к бумажным деньгам проявил еще Петр I, имевший беседу с Дж. Ло во время посещения Парижа в 1717 г. Но эта идея

не была им реализована. Она стала обсуждаться в царствование Елизаветы Петровны. Первые предложения об их выпуске встретили возражения Сената, который считал предосудительным, что вместо денег будут ходить бумажки, поскольку медные, пятакопеечные монеты имеют «внутреннюю доброту» около 8 руб. за пуд, а бумажные билеты уже никакой «внутренней доброты» иметь не будут. Но вскоре к отвергнутой идее выпуска бумажных денег вынуждены были возвратиться. Правительство Петра III в силу огромного дефицита бюджета 5 мая 1762 г. издало указ об учреждении в стране банка с правом выпуска банковских билетов, в котором отмечалось желание в целях развития коммерции найти средство облегчить хождение медных денег в стране.

Но в результате дворцового переворота и прихода к власти Екатерины II указ остался невыполненным. К идее выпуска бумажных денег вернулись через шесть лет, а до того времени продолжалась чеканка неполноценной медной монеты. Медная монета за рассматриваемый период сама относилась к типу денег, к которому относятся бумажные, т.е. ее ценность, установленная законом, не соответствовала ценности материала. Так, в 1768–1786 гг. «внутренняя ценность» медного рубля никогда не была выше 62 1/2 коп. серебром.

С 1769 г. начинается история бумажных денег в России. Перейти к выпуску ассигнаций правительству пришлось в связи с военными событиями. Поскольку налоговый пресс был использован полностью, истрачены значительные внешние займы, испробованы и другие средства для увеличения доходов, правительство встало на путь выпуска бумажных денег. Наряду с монетной регалией в середине XVIII в. в России возникла новая регалия, в виде монополии на выпуск бумажных денег, параллельной монополии чеканки звонкой монеты. Обе монополии составили новую, более сложную, чем старая монетная регалия, денежную регалию.

Этой новой регалией весьма разносторонне воспользовалась Екатерина II. При этом необходимо отметить, что бумажные деньги существовали наряду с медной монетой. Переход от монетарных основ денежной системы к знакам денег, коими являются бумажные деньги, уже само по себе ставит вопрос об особых учреждениях, которые могут выпускать эти денежные знаки, — эмиссионных банках. Не случайно важнейшим элементом всех закрытых денежно-кредитных систем, созданных в Европе, было интенсивное формирование банковских структур, начиная с эмис-

сионных. Этот процесс происходил и в имперской России, но уже отражая ее особенности в образовании податно-налоговой и монетарной систем.

Екатерина II подписала манифест (1768) о создании двух банков в Москве и Санкт-Петербурге и о выпуске государственных ассигнаций и их размене на медные деньги – денежные знаки сначала свободно разменивались на медь. Они не имели принудительного курса, но правительство принимало их наряду со звонкой монетой. Ассигнации получили быстрое признание. Доверие к бумажным деньгам росло вместе с потребностью в них. Ярким доказательством этого был тот факт, что сумма обмена медных денег на ассигнации постоянно превышала в несколько раз сумму обмена ассигнаций на деньги. Разрешалось обращение ассигнаций во всех казенных учреждениях наряду с ходячей монетой. Ассигнации первого образца выпускались четырех достоинств – 100, 75, 50 и 25 руб. В первое время ассигнаций было выпущено на 1 млн руб. Золотые и серебряные деньги к этому времени оказались в дефиците и практически не использовались при расчетах.

В течение почти 20 лет (первый период их истории) курс не устанавливался в принудительном порядке и мог колебаться по отношению к металлическому рублю (колебания были незначительными). Бумажные деньги, выпущенные в России, в 1769 г. стали важным средством покрытия дефицита бюджета. В первый год выпуск ассигнаций составил 2,5 млн руб.; ежегодно размер его колебался от 500 тыс. до 5 млн руб. Огромное значение при Екатерине II получила чеканка медной монеты, которая чеканилась в виде полушек, денежек, копеек, грошевиков (2 копейки) и пятакопеечников. Преувеличенное значение медной монеты при Екатерине II, по-видимому, было связано с ролью ассигнаций. Конечно, Екатерина II лично понимала, что в качестве финансового ресурса новая денежная регалия, возникающая от возможности выпуска ассигнаций, гораздо эффективнее для казенных нужд при производстве больших чрезвычайных государственных расходов, чем монетная регалия. Поэтому многие советники Екатерины II боялись больших выпусков ассигнаций и отстаивали умеренность, особенно, когда ассигнации стали понижаться в цене и серебряная монета вместе с золотой стала в последнее десятилетие царствования Екатерины II уходить за границу. Но именно в это десятилетие чрезвычайные расходы предъявляли увеличенное требование денег. Для удовлетворения этих требований проводи-

ли увеличенные выпуски ассигнаций в сочетании с увеличенной чеканкой медной монеты.

До 1786 г. правительство при выпуске ассигнаций постоянно имело в виду главную цель, для которой оно их выпустило, — облегчение денежного обращения в государстве. Но в 1786 г. государственная казна оказалась в затруднительном положении: военные расходы ее истощили, дворянство и купечество нуждается в кредите. Правительство снова решается выпустить ассигнации в небывалом до этого размере.

Манифестом от 28 июня 1786 г. учреждается Государственный заемный банк. В манифесте говорится, что 1) императрица торжественно обещает за себя и преемников, что ассигнаций ни в коем случае не будет выпущено больше 100 млн; 2) новый Заемный банк будет пользоваться особыми привилегиями, как Ассигнационный банк; оба будут государственными; 3) раздача новых ассигнаций обеспечивается залогом недвижимости, находящейся в собственности дворян и горожан; 4) предполагается, что после возвращения долгов дворянами и городами в обращении будет не более 40 млн руб. Хотя в манифесте от 28 июня 1786 г. было заверено, что число банковских ассигнаций никогда не превысит в России 100 млн руб., обещанное их количество держалось только три года, а затем печатный станок заработал опять очень интенсивно.

Размен на серебро прекратился вскоре после 1786 г., курс ассигнационного рубля стал быстро падать. Например, в 1788 г. за ассигнационный рубль во внутреннем обращении давали только 92,6 серебряной копейки.

Размен на медь был прекращен до 1810 г. Итак, во второй период своего обращения ассигнации потеряли разменность не только на серебряную монету, но и на медную монету. Впрочем, если бы ассигнации потеряли разменность только на серебро, то можно было бы считать, что с 1786 г. начался новый период их жизни. При изучении явлений бумажно-денежного обращения следует сравнивать бумажные деньги с деньгами, которые составляют нормальный тип денег в современном экономическом мире, а не с деньгами, которые сами являются до известной степени искусственным созданием государственной власти.

В конце царствования Екатерины II выяснилось, что падение ассигнаций начинает пагубно отражаться и на медной монете, чеканка которой не только перестала давать казне «прибыль», но

становилась даже убыточной. Медная монета чеканилась по 16 руб. из пуда. Прибыль же от нее зависела от рыночной цены меди. Дороговизна, вызванная падением ассигнаций, коснулась, конечно, и меди, вызвав повышение ее цены. Народ считал медную монету в одной цене с ассигнациями: ассигнационный рубль стоил 100 копеек медными деньгами, и наоборот. Когда ассигнации стали падать, то с ними стала падать в народной оценке и медная монета против серебра. Когда ассигнационный рубль понизился на 40%, то на столько же понизилась и стоимость медной монеты. В итоге возник прямой убыток казне от чеканки медной монеты.

Доверие к ассигнациям существовало до тех пор, пока их количество соответствовало внутренней потребности – общей стоимости производимых товаров, торговых сделок и услуг – и пока они обеспечивались медной монетой. Но постепенно ассигнации потеряли эту связь. В целом следует подчеркнуть, что золотые и даже серебряные монеты не играли большой роли в денежном обращении России – лидировали ассигнации и малоценная медная монета. За 34 года царствования Екатерины II было выпущено денег на сумму 324 663,6 тыс. руб. Из них: монет – 166 959,9 тыс. руб. (золотой – 16 052,3 тыс. руб.; серебряной – 70 942,6 тыс. руб.; медной – 79 965,0 тыс. руб.); ассигнаций – 157 703,7 тыс. руб.

Царствование Екатерины II закончилось значительным государственным долгом – 125 074 тыс. руб. Вместе с падением курса ассигнаций происходило обесценение медной монеты, тесно связанной с бумажными деньгами. Все это можно расценивать как кризис монетарной системы, сложившейся в XVIII в., хотя банковские учреждения, являющиеся неотъемлемым элементом закрытых кредитно-денежных систем, именно при Екатерине II получили достаточно интенсивное развитие.

Развитие кредитной инфраструктуры, которая должна была по своей основной направленности способствовать развитию коммерческой деятельности, складывалось достаточно трудно, преодолевая характерное для России ростовщичество, а также формы кредита, которые носили потребительский характер и явно выраженную социальную направленность, (кредитные учреждения прежде всего для дворянства и крупного купечества).

Еще до организации специальных кредитных государственных учреждений в XVIII в. правительство Петра I в значительных размерах ссужало деньгами промышленников и купцов. Государственные ссуды с «возвращением» отпускались главным образом на строи-

тельство мануфактур, а Мануфактур-коллегия выполняла «функции своеобразного промышленного банка, или ссудной кассы, по финансированию промышленности в XVIII веке». Первыми примерами в этом направлении были ссуды, которые при Петре I казна выдавала учредителям фабрик и заводов – часто безвозвратно. Естественно, что их нельзя рассматривать как кредиты в полном смысле этого слова. Значительная часть петровских мануфактур была создана частными лицами, пользовавшимися в большой степени государственными средствами. Денежные и натуральные ссуды выдавались владельцам мануфактур и раньше.

В постпетровское время первая попытка организации кредитных учреждений была предпринята в 1733 г. Анной Иоанновной. Рост товарно-денежных отношений, необходимость борьбы с ростовщичеством требовали создания в стране кредитных учреждений. В указе 1733 г. «О правилах займа денег из Монетной конторы» необходимость организации государственного кредита мотивировалась в основном тем, что «безсовестные грабители», т.е. ростовщики, берут чрезвычайно высокий процент: по 12, 15, 20%. Тогда стали выдавать ссуды из Монетной конторы, из 8% годовых под залог золота или серебра. Причем в указе оговаривалось, что «алмазных и прочих вещей, также деревень и дворов под заклад и на выкуп не брать». Однако объем кредитной деятельности Монетной конторы был невелик, поэтому она не оказала большого влияния на торгово-промышленное развитие страны, к тому же ссудами пользовалась главным образом (нередко вопреки уставу) придворная верхушка. Свои ссудные операции Монетная контора через несколько лет прекратила.

В царствование Елизаветы Петровны были предприняты некоторые шаги по созданию государственного ипотечного кредита для дворянства и коммерческого кредита для «торгующего в С.-Петербурге купечества». В 1754 г. вышел именной указ об учреждении государственных заемных банков для дворянства в Москве и С.-Петербурге при Сенате и Сенатской конторе и банка для поправления при столичном порте коммерции купечества в С.-Петербурге при Коммерц-коллегии. Указом 1757 г. были приняты так называемые «меры вексельного производства». Они состояли во введении вексельно-переводной операции между С.-Петербургом и 50 наиболее крупными городами. Эти операции осуществлялись через городские магистраты, которым для оборота выделили два миллиона медных денег. Ссуды выдавались под 8-месячные векселя с выплатой 1/2% в месяц. Платеж по векселям производился в С.-Петербурге. Новая операция оказалась успешной, и 21 июля 1758 г. появился указ о расширении вексельно-переводной операции и об учреждении в С.-Петербурге и Москве самостоятельных банков под названием «Банковых контор вексельного производства для обращения медных денег». Эти конторы больше были известны под названием «медных банков». Денежно-кредитные отношения в последующие годы развивались крайне медленно, особенно во вновь отвоеванных у Турции областях. Однако деятельность этих первых кредитных учреждений оказалась малоэффективной – они не оправдали ожиданий правительства.

Наряду с дворянским и купеческим банками в 1758 г. были созданы так называемые Медный банк и две банковские конторы для обращения внутри России медных денег, а также долговые конторы вексельного производства. Организация Медного банка преследовала цель улучшить денежное обращение: облегчить движение медной монеты в стране и привлечь серебряную монету в казну. Конторы выдавали ссуды купцам, промышленникам и помещикам, осуществляли перевод векселей от лиц, которые сдавали на хранение медную монету. Ссуды под переводные векселя выдавались медной монетой, а возвращаться должны были серебром. Однако капитал банка использовался в значительной степени непроизводительно. В результате малоуспешной деятельности банк в 1763 г. был ликвидирован. В 1760 г. был создан Банк артиллерийского и инженерного корпусов. Капитал его состоял из медных монет, начеканенных из старых медных пушек.

Развитие банковских структур происходило в царствование Екатерины II. Было учреждено два банка: Дворянский банк из денег, собираемых с вина в 700 тыс. руб., и Купеческий – из капитальных денег, находящихся в монетных дворах, в 500 тыс. руб. Услугами Дворянского банка могли пользоваться дворянство и дворяне-иностранцы, которые обязались быть в вечном подданстве России и владели в стране недвижимым имуществом. Позднее право пользоваться этим банком было предоставлено остзейскому, белорусскому и украинскому дворянству.

Дворянский банк с конторами в Москве и Петербурге выдавал ссуды из расчета 6% годовых под залог золота, серебра, алмазов, жемчуга, сел и деревень с крестьянскими угодьями. При этом дворяне нередко решались на подлоги, пытались получить ссуды на уже проданные и заложенные имения. Сначала на ревизскую душу Дворянский банк выдавал 10 руб., с 1766 г. – 20 руб., а позднее еще больше. Затем ссуды можно было получить под залог каменных строений. Общая ссуда одному лицу составляла от 500 руб. до 10 тыс. руб.

Деятельность банка проходила в сложных условиях: взятые капиталы помещики часто не возвращали, заемщики порой не платили процентов, встречались злоупотребления. В результате Дворянский банк попал в трудное положение, и правительство было вынуждено выдать ему в виде помощи 300 тыс. руб. В 1786 г. обе конторы банка были ликвидированы, а их капиталы переданы вновь созданному Государственному заемному банку. Он выдавал ссуды под залог помещичьих населенных имений, считая за каждую мужскую душу по 40 руб.; населенных горнозаводских имений; домов каменных и фабричных строений в С.-Петербурге. Дворянству кредиты выдавались сроком на 20 лет из 8%, а городам – на 22 года из 7%. В случае неуплаты срочных платежей после льготной отсрочки (три месяца) имения брались в опеку.

Купеческий банк был организован при Коммерц-коллегии и сначала выдавал денежные ссуды под залог товаров сроком от одного до шести месяцев. Однако этот срок был мал и купцы часто не решались брать ссуды. Позднее этот срок увеличили до года, а в некоторых случаях и больше. Через десять лет было разрешено выдавать ссуды купцам под поручительство ратуш и магистратов без залога товаров. У Купеческого банка были свои трудности: малый размер капитала, затруднительные условия получения кредита, ограниченность сферы действия только купцами Петербургского порта. Все это объясняет ограниченность его влияния на торговую деятельность. В 1770 г. Купеческий банк прекратил выдачу ссуд, в 1782 г. его капиталы были переданы Дворянскому банку, а после ликвидации последнего, в 1786 г. – Государственному заемному банку, перед которым ставилась задача способствовать тому, «чтобы всякий дворянин-хозяин был в состоянии удержать свои земли, улучшить их и оставить навсегда непрменный доход своему дому». Кроме того, банк должен был кредитовать внутреннюю торговлю, промыслы, торговлю с Китаем, Персией. В манифесте «Об организации государственного заемного банка» было установлено, чтобы ни казна, никто из частных лиц во всем государстве не взимали больше 5%. Запрещалась «лихва», если же кто будет «рост» больше установленного, то корыстолюбец накажется лишением всего капитала, отданного заем.

Все монетарно-кредитные проблемы конца XVIII и XIX в. непосредственно связаны как с крупными геополитическими и внутренними катаклизмами, так и с попытками правительства создать денежно-кредитную систему, отвечающую развивающимся рыночным связям империи. В XIX в. открытое военное противостояние с Западом (вторжение Наполеона, Крымская война и др.), попытка изменить общественный строй и демократизировать общество (отмена крепостного права, земство) не только во многом определили характер финансовых потребностей государства и традиционных способов их удовлетворения податно-налоговой системой, но и вызвали к жизни две крупные денежно-кредитные реформы – одну, основанную на серебряном, другую – на золотом монометаллизме. Условия, которые привели к столь радикальным преобразованиям, требуют более обстоятельного анализа причин возникновения и серебряного монометаллизма, и довольно быстро пришедшего ему на смену золотого стандарта и появления золотого рубля.

9.5. Опыт реформирования денежно-кредитной системы на основе серебряного монометаллизма

Доверие к ассигнациям существовало до тех пор, пока их количество соответствовало внутренней потребности – общей стоимости производимых товаров, торговых сделок и услуг, и пока они обеспечивались медной монетой. Но постепенно ассигнации потеряли эту связь. И поэтому Павел I именным указом Сенату от 18 декабря 1797 г. признал ассигнации государственным долгом и обещал выкупить их за металлические деньги (в это время курс ассигнаций составлял 79 коп.).

Павел сразу после восшествия на престол обратил свое внимание на положение денежного обращения, потому что последнее было непосредственно связано с финансовыми интересами государства. Подчеркнем, что именно Павлом I впервые ассигнации были признаны государственным долгом и были высказаны намерения изъять их из обращения.

В первые годы царствования Александра I политика правительства была старая и простая: выпускать ассигнации, как только Государственное казначейство будет нуждаться в финансовой поддержке. Но теперь целью были государственные потребности. Для таких целей, как дача дешевого кредита городам и дворянству, выпуски больше не производились. При этом большая часть выпущенных ассигнаций пошла на военные цели: для войны с Францией в 1798 г. выпущено ассигнаций на 31 млн; во время третьей коалиции против Франции (1805–1807 гг.) – на 20 млн и в начале шведской войны (в 1808) – на 95 млн.

Ежегодно рост количества ассигнаций в обращении за царствование Павла и первые годы царствования Александра I шел по нарастающей: с 1797 по 1810 г. он достиг астрономической суммы 5 770 000,0 тыс. руб.

В манифесте от 2 февраля 1810 г. есть общие положения относительно ассигнационного обращения, значения банков. «Державы искали в кредите и его посредниках-банках способов к расширению их промышленности и к удобнейшему движению народного богатства». Эту чисто экономическую роль, отмечается в манифесте, наши банки выполняли удовлетворительно. Но затем в чрезвычайных обстоятельствах правительство, начиная с 1786 г., вынуждено было расширять кредит банков для пособия государству, и этим было положено начало внутренним долгам, которые затем возрастали непрерывно. Но так как «источники государственных

богатств» у нас «обеспечивали сии долги с несравненным превосходством», то правительство, убежденное в этом и надеясь на это, в прежнее время не предпринимало «постоянной системы» к уплате их, но теперь останавливает свое внимание на этом предмете и твердо решает приступить к погашению внутреннего долга.

Правительство решается на уплату ассигнационного долга. Дальнейшие выпуски ассигнаций не будут иметь места. Обращающиеся ассигнации признаются теперь, как и признавались всегда, «действительным государственным долгом, обеспеченным всем богатством империи». Роль Ассигнационного банка и учреждаемых разменных контор по отношению к ассигнациям будет ограничиваться только заменой ветхих ассигнаций новыми и разменом ассигнаций одного достоинства на ассигнации другого достоинства «без всякого роста».

Директорами ассигнационного банка назначаются три представителя от купечества, выбранные им. «Правительство при своих расходах будет следовать голосу возможно бережливости, много прежде вредившее делу разъединение касс устраняется с учреждением Министерства финансов и подчинением ему общего Государственного казначейства, ...все чрезвычайные расходы будут производиться не иначе, как после рассмотрения их проектов в Государственном совете».

Таковы были основные положения первого законодательного акта. Дальнейшими мерами в том же направлении были: продажа государственных имуществ; заключение срочного внутреннего займа; урегулирование монетной системы. Заем должен был собрать в руки правительства массы ассигнаций, которые подлежали уничтожению, а продажа имущества должна была дать средства для уплаты займа.

Основание такой меры, как продажа государственного имущества, правительство видело в том, что оно всегда служат залогом для ассигнаций. В продажу назначались: оброчные земли (3 млн десятин) и земли «порозжие» (первые находились в 26 губерниях, а вторые – в 11 губерниях); б) въезжие леса (до 900 тыс. десятин) и леса в 8 западных губерниях, оставшиеся за населением сельских обществ (до 1500 тыс. десятин); арендные имения, находившиеся в 8 западных и 3 юго-восточных губерниях (до 350 тыс. десятин). Продажа должна была производиться с публичных торгов и под наблюдением особой комиссии, составляемой из губернских чинов. К покупке оброчных статей и лесов допускались «все свободные состояния». Но для именитых купцов и

даже иностранных капиталистов предусмотрели льготы: они могли покупать населенные имения, оставаясь в купеческом звании и не приобретая никаких новых прав. Продажа имущества должна продолжаться в течение пяти лет, и составлявшийся таким образом капитал должен называться «капиталом погашения долгов». Заведование этим капиталом было отдано в руки вновь учрежденной комиссии погашения долгов. «Избытки же сего капитала, поскольку они будут превышать уплату 100 миллионов займа, комиссия имеет право обращать на погашение государственных долгов, не входя ни в коем случае и ни под каким предлогом в обороты торговли, кроме покупки золота и серебра». От продажи государственного имущества предполагалось в 1811 г. выручить 4 429,0 тыс. руб. металлом и 5148,0 тыс. руб. ассигнациями.

Тот же манифест от 27 мая 1810 г. объявляет об открытии внутреннего займа, причем об отношении «капитала погашения» к займу говорится так: Для ускорения мер, принятых к погашению долгов, на счет капитала, определяемого для сего погашения, открывается публичный внутренний заем ассигнациями. Следовательно, капитал погашения должен был быть на первое время основной гарантией выполнения обязательств по займу. Основания самого займа были следующие. Заем должен быть внутренним и в ассигнациях, причем самый высший размер его не должен превышать 100 млн. Он производится по частям, по 20 млн каждый раз, подписка на следующую часть открывается, когда пополнена предыдущая часть. Платеж процентов по займу производится раз в год, а капитал уплачивается по истечении срока не ассигнациями, а серебром настоящего достоинства (83 $\frac{1}{3}$) или золотом по его курсу к серебру. Размер процентов и срок уплаты определяется для каждой части займа особо, т.е. условия могли быть не одинаковыми для всех частей займа.

В это время правительство еще питало надежду, что если его общий план восстановления металлического обращения удастся, то оно уничтожит ассигнации или по крайней мере уменьшит до таких размеров, при которых оставшимся ассигнациям может быть отведена благодетельная роль разменных кредитных знаков. Таков смысл и значение манифеста от 20 июня 1810 г. Главный пункт манифеста гласит: «Главною непрременной и законной мерой (монетной единицей) всех монет, обращающихся в государстве, устанавливается серебряный рубль настоящего достоинства, а именно весом в ста рублях пять фунтов и шесть золотников

лигатурного серебра 83 1/3 пробы». Все остальные серебряные монеты, т.е. монеты другого достоинства и пробы остаются в свободном обращении по сравнительному их достоинству к настоящему серебряному рублю».

Выделяется и разменная монета – серебряная монета (достоинством 20, 10, 5 коп.) и медная монета (достоинством 2, 1 и 1/2 коп.). Серебряная разменная монета должна чеканиться из металла с большей лигатурной примесью по сравнению с банковской монетой, а достоинство медной монеты определялось действительным отношением цены меди в слитках к серебру.

Однако этот правительственный план не удалось провести в жизнь ни в части прекращения выпуска новых ассигнаций, ни в части продажи государственного имущества, ни в части заключения займов. Политические обстоятельства не позволили провести эти меры.

Дефицит бюджета 80 млн, рассчитанный по смете 1810 г., не представлялось возможным покрыть без такого надежного источника, как эмиссия ассигнаций. В 1810 г. правительство прибегло к выпуску новых ассигнаций на сумму 46 млн для покрытия дефицита, небольшое количество ассигнаций было выпущено в 1811 г.

Продажа государственного имущества проходила не так удачно, как рассчитывало правительство. В 1811 г. продано на 1818,4 тыс. руб. вместо 9577,0. «Странно было надеяться на восстановление металлического обращения, когда, прежде всего, не было приложено усилий для привлечения в страну металла, без которого, разумеется, говорить о возможности металлического обращения означало надеяться на чудо, которое может внезапно вызвать на свет Божий отсутствующий предмет... Понятно также, что привлекать к роли единственного законного платежного средства серебряный рубль, когда он по своему отсутствию или, по крайней мере, из-за нехватки не мог выполнять эти функции, означало создавать фикцию и вносить путаницу в отношения, уже фактически прочно установившиеся». К479

С этой точки зрения замечателен манифест от 9 апреля 1812 г. о беспрепятственном обращении звонкой монеты на внутреннем рынке.

Говоря о принудительном курсе, приданном ассигнациям в 1812 г., нужно иметь в виду, что их цена не была фиксированная, что они были обязательны в приеме только по их курсовой

цене, объявляющейся на бирже в день платежа. Но мог ли в это время быть установлен принудительный курс по номинальной цене? На этот вопрос должен последовать отрицательный ответ. Ассигнации в 1812 г. упали в весьма значительной степени: ассигнационный рубль в 1812 г. стоил 25 коп. серебром. Установление принудительного курса по биржевой цене имело значение для денежного обращения: на рынке теперь беспрепятственно обращалась звонкая монета.

С 1812 г. вплоть до полного уничтожения ассигнаций в России обращались два сорта денег: металлические и бумажные. В этой двойственной денежной системе было оригинально еще и то, что между ценностью обоих видов денег не было установлено твердого законного отношения; это отношение устанавливалось не законом, а отношением частных лиц, и в каждом меновом акте отдельно.

Наибольший выпуск ассигнаций относится к периоду с 1812 по 1815 г., т.е. к периоду от начала Отечественной войны до Парижского мира: за эти четыре года выпущено облигаций на 244 429,3 тыс. руб. Но за это же время падение их цены было максимальным: в 1815 г. давали 23,7 коп. за ассигнационный рубль. Ниже они никогда не падали ни до, ни после. После заключения Парижского мира цена ассигнаций сразу и быстро поднялась, очевидно, под влиянием усилившегося доверия к финансовым возможностям государства. В 1817 г. количество облигаций достигло 838 млн и больше не росло.

После 1817 г. история ассигнаций разделяется на две фазы: в министерстве графа Гурьева их желают довести до наименьшего количества главным образом путем займов; в министерстве графа Канкрин (с 1823 г.) такая политика признается нецелесообразной.

Наступившие с 1817 г. мирные политические обстоятельства были благоприятны для прекращения выпуска ассигнаций. Гурьев принял ряд мер, которые, по его мнению, должны были укрепить денежное обращение, снять с государства хотя бы часть долга, который представлялся ассигнациями, и наряду с этим переложить часть того же долга в другой вид долгов, более благоприятный для государства, чем долг в ассигнациях. В 1820 г. заключен первый 5%-ный внешний заем, прежние внешние займы были 6%-ми. Окончательный вывод Гурьева таков: «Ассигнации, быв первоначально банковскими билетами, потом превратились

в бумажные деньги, по изменямости и упадку их достоинства, затрудняя обращение, угрожали потрясением и частному и общественому достоянию; теперь оные приобретают ценность капиталов, принося проценты желающим обращать их в наши фонды, внесенные в Государственную долговую книгу».

При Александре I Россия переходит к серебряному монометаллизму (1801-1820 гг.) в начале XIX в. в рамках обширного плана Сперанского (большей частью неосуществленного). Разработанный М.М. Сперанским по поручению Александра I «План финансов» в сфере денежного обращения предполагал введение серебряного монометаллизма и изъятие из обращения ассигнаций за счет распродажи казенного имущества, главным образом купцам первой гильдии и иностранным предпринимателям. Предложенный Сперанским план был принят. В опубликованном 20 июня 1810 г. манифесте Александра I указывалось, что денежной единицей в России является серебряный рубль, выпускавшийся при Екатерине II. «Главной, незаменимой и законной мерой (монетной единицей) денег, обращающихся в государстве, устанавливается *серебряный рубль*». План изъятия из обращения ассигнаций и создания капитала для их погашения предполагал переход к твердому устройству монетной системы; поддержание равновесия между расходами и доходами; меры для поощрения развития торговли. Но ассигнации нельзя было быстро вывести из обращения. Манифестом Александра I от 9 апреля 1812 г., составленным с учетом идей Карамзина, было объявлено, что ассигнации должны беспрепятственно приниматься во все платежи без исключения по курсу к серебряным монетам. Манифест расширил сферу обращения ассигнаций и констатировал их фактическую девальвацию, сыграв большую роль в обеспечении относительно нормального денежного обращения во время Отечественной войны 1812 г., хотя оно подрывалось фальшивыми ассигнациями, которые распространялись войсками Наполеона.

После войны в 1815 г. вновь начали осуществлять меры, разработанные Сперанским, которые предполагали ежегодное выделение из казны 30 млн руб. серебром. (Однако из-за нехватки денег выполнение этого плана было приостановлено до 1824 г.) К этому времени было выкуплено ассигнаций на сумму 166 млн руб., их новые выпуски, прекращенные в 1816 г., не возобновлялись. И хотя курс облигаций вырос незначительно (с 23 коп. в 1816 г. до 27 коп. в 1833 г.), наметившаяся тенденция проявилась в том, что

серебряные монеты опять появились в обращении и стали дешеветь на фоне укрепившегося ассигнационного рубля.

М.М. Сперанский по просьбе министра финансов Е.Ф. Канкрин высказал свои взгляды о путях дальнейшего реформирования денежной системы России. Они нашли выражение в «Записке о монетном обращении», которая содержала как теоретические, так и практические вопросы. М.М. Сперанский выделял три формы денег: металлические, ассигнационные (бумажные) и кредитные. Кредитные деньги, по его мнению, включали все частные обязательства, в том числе векселя, заемные письма, банковские билеты, билеты казначейства. Ассигнации – «это суть зачетные квитанции на платежи следующим правительству платежей». Он считал их займом и поэтому предлагал выкупать за серебряную монету. Главное отличие кредитных денег от бумажных М.М. Сперанский видел в том, что кредитные деньги должны обмениваться на металл, а бумажные – нет. Он видел два пути реформирования российской денежной системы: уменьшение количества ассигнаций путем их выкупа за серебряную монету «доколе не придут они в равенство с серебром» и обмен ассигнаций на кредитные билеты, разменные на серебро. Канкрин тоже считал необходимым выпуск кредитных (депозитных) билетов, но рассматривал это как переход к деньгам, разменным на серебро, сохраняя на определенный срок в обращении ассигнации.

В соответствии с этими идеями проводится частичная денежная реформа. Она была вызвана продолжавшимся в течение десятилетий падением покупательной способности выпущенных впервые при Екатерине II ассигнаций и состояла в выкупе их правительством. Реформа была совершена посредством девальвации, известна под названием реформы Е.Ф. Канкрин. Россия реформой 1839–1843 гг. официально учреждает серебромонетный стандарт, при котором все атрибуты денежно-валютного устройства ориентировались на серебро.

«Серебряная российского чекана монета, – говорилось в Монетном уставе 1857 г., – есть главная государственная платежная монета, а серебряный рубль... есть главная применяемая законная мера (монетная единица) обращающихся в государстве денег... Все счета, условия и вообще всякого рода сделки, как в делах казны с частными лицами и обратно частных лиц с казною, так и во всех вообще делах частных людей между собою, производятся и совершаются единственно на серебряную монету» (статьи 163–164 Устава).

Одновременно правительство организовало депозитные кассы, которые приступили к эмиссии кредитных казначейских билетов, принимая от населения вклады в драгоценных металлах. Эта мера была принята для накопления резервов золота и серебра. В последующие годы торговый баланс России был положительным. Кроме того значительно возросло производство благородных металлов, что способствовало увеличению вкладов в золоте и серебре. Денежную реформу 1839–1843 гг. специалисты оценивают положительно, отмечая, что она сопровождалась поддержкой курса российской валюты операциями на открытом рынке, что стало впоследствии достоянием мировой практики. Ее итоги были подведены манифестом от 1 июля 1843 г., в котором было объявлено о начале выпуска в обращение государственных кредитных билетов, разменных на серебро, которые должны были заменить три обращающихся знака денег – ассигнации, депозитные билеты, кредитные билеты.

Крымская кампания надолго вывела государственный бюджет из равновесия и потребовала чрезмерной эмиссии. Во время Крымской войны официальный размен на металл был приостановлен, и в России утвердилось бумажно-денежное обращение неразменных кредитных билетов.

С 1817 г. выпуск ассигнаций был прекращен, его роль ограничивалась обменом старых ассигнаций на новые, крупных – на мелкие и ходящую монету – на утвержденную по курсу. Существующие учетные конторы были уничтожены, а вместо них учрежден Государственный коммерческий банк.

Гурьев для снижения дефицита бюджета установил ряд новых налогов и сборов, ввел в 20 губерниях винную монополию (1819), учредил Государственный коммерческий банк (1817). Система графа Гурьева состояла в том, чтобы сначала текущий государственный долг обратить в консолидированные долги, а затем все усилия обратить на выкуп обязательств по последним долгам. Система эта ведет начало от плана Сперанского, предложенного к осуществлению в 1810 г. Как сказано выше, план Сперанского не удался, но его преемники приписывали его неудачу не существу самого плана, а неблагоприятным политическим обстоятельствам. Поэтому в 1817 г. желали опять осуществить тот же план, хотя значительно отличающийся в деталях от своего прототипа.

Для осуществления мер, предложенных Гурьевым, комиссия погашения долгов получила в свое распоряжение: 30 млн, еже-

годно ею отпускаемых, с специальной целью погашения ассигнаций; остатки от платежей по срочным долгам; остатки от общих государственных доходов; суммы, выручаемые от продажи государственного имущества. Уже в 1817 г. правительство обратилось к внутреннему бессрочному займу, вся сумма которого должна была пойти на уменьшение количества ассигнаций. Любопытно, что заем 1817 г. первый бессрочный государственный заем и, следовательно, он начинает ряд так называемых консолидированных займов. Основания его следующие: подписчики вносили ассигнации или билеты Заемного банка на сумму не меньше 100 руб. На каждые 100 руб. выдавалась облигация ценностью уже не 100 руб., а с надбавкой 20% к цене, действительно внесенной, т.е. за каждые 100 руб. выдавались облигации ценностью 120 руб.; при этом облигация приносила 6% ее номинальной цены, или 7,2% с действительно внесенной суммы. Подписка по этому займу, довольно выгодному для подписчиков, составила 28 252,2 тыс. руб. ассигнациями. К сумме, вырученной путем займа, прибавлено около 10 млн ассигнаций, из 30 млн, которые комиссия погашения долгов получила из Государственного казначейства, и представлялась возможность в 1818 г. сжечь до 38 023,9 тыс. руб. ассигнаций. В Государственной долговой книге записан «первый шестипроцентный внутренний бессрочный заем» в капитальной сумме 33 млн руб. ассигнациями, или 9755,6 руб. серебром.

В 1818 г. с той же целью уменьшения ассигнаций открыт внутренний заем, как и первый, 6%-ный и бессрочный, реализованный 85 за 100. Этот заем дал более 68 млн руб., а в Государственной долговой книге внесен в капитальной сумме 80 млн. Благодаря последнему займу, комиссия погашения долгов имела возможность в 1819 г. сжечь ассигнации на сумму 80 229,0 тыс. руб. Облигации двух описанных займов находили благоприятный прием и в скором времени их рыночная цена превысила номинальную. Кроме того, заключены два внешних займа: первый в 1820 г., второй – в 1822 г., оба займа 5%-е и бессрочные. По обоим займам облигации выданы на серебряную монету: первый дал правительству 28 800,0 тыс. руб. серебром, второй – 32 928,0 тыс. руб. серебром.

Всего в период с 1817 до 1823 г. было уничтожено ассигнаций на 236 077,6 тыс. руб. В 1819 г. приступили к генеральному обмену обращающихся ассигнаций старого образца на новый, более трудный для подделки.

Окончательный объем обращающихся ассигнаций к 1 января 1824 г. должен был составить 595 776,3 тыс. руб. Это количество оставалось неизменным вплоть до 1839 г., когда граф Канкрин приступил к денежной реформе, так как нашел превращение текущего долга в долг процентный бесполезным и дорогостоящим.

Н.Х. Бунге, по мнению Никольского, дает более справедливую и верную оценку системы Гурьева: «Ряд займов, сделанных графом Гурьевым, позволил уменьшить сумму обращающихся ассигнаций с 836 млн до 595 млн, следовательно на 241 млн руб., и если нельзя оправдать этого средства во всех отношениях, то несомненно, что оно во многом облегчило упрочение самого курса и переход к металлическому обращению». Н. 497.

Действительно, переход к металлическому обращению от бумажно-денежного – цель, к которой должен стремиться тем или другим путем всякий финансовый политик; против этого большей частью не спорят. Предметом спора обычно бывает, каким именно путем идти к названной цели и какие меры при данных обстоятельствах в данный период наилучшие. Теория знает два метода перехода от бумажно-денежного обращения к металлическому: размен бумажных денег по нарицательной цене и законная девальвация.

Какой из этих двух способов соответствовал обстоятельствам, возникшим после наполеоновских войн? Правительству в то время ничего не оставалось делать, как приступить к девальвации, потому что тогда ассигнации сохраняли только четверть своей номинальной цены. Но девальвация не могла быть проведена сразу. Не говоря уже о дороговизне такой операции, едва ли правительство могло достать за границей большую сумму (200–230 млн руб. металлом). Поэтому нужно было, чтобы звонкая монета предварительно появилась на внутреннем рынке в более значительном количестве, чем до сих пор, вот почему уменьшение ассигнаций, расчищавших место для монеты, ускоряло и облегчало возможность перехода к металлическому обращению, хотя бы в силу необходимости этот переход должен был совершиться путем девальвации. Без мер графа Гурьева реформа едва ли удалась Канкрину.

В министерстве графа Канкринина положение государственно-текущего долга оставалось неизменным до 1839 г., когда по инициативе Канкринина совершена коренная реформа в денежном обращении. Однако до реформы были проведены мероприятия,

направленные на увеличение притока звонкой монеты на внутренний рынок.

Принят ряд законов (от 11 ноября 1827 г., 5 апреля 1829 г., от 11 декабря 1830 г.), которые позволяли прием серебра в платежах частных лиц казне в ряде случаев, по многим податям и от питейных откупщиков.

Положение ассигнаций после реформы Канкрин (1839–1843) изменилось. В 1839 г. курс ассигнаций был фиксирован, именно серебряный рубль должен был равняться 3 руб. 50 коп. в ассигнациях и открыт размен ассигнаций, хотя и ограниченный. Присвоение ассигнациям какого-либо иного курса, кроме установленного, как и надбавка на серебро и на ассигнации какого-либо лажа, строжайше запрещается. Во всех платежах (казенных и частных) ассигнации обязательны к приему по тому же курсу. Что касается размена, то уездные казначейства должны обменивать ассигнации на серебро по указанному курсу, не больше 100 руб. в одни руки. Положения манифеста от 1 июля по отношению к ассигнациям были временным определением, так как предполагалось, что ассигнации уступят место другим кредитным знакам, существенно отличным от них. К 1853 г. старых ассигнаций в обращении не оставалось.

Преобразования денежной системы осуществлено с осторожностью и постепенностью. Первым шагом на этом пути стал манифест от 1 июля 1839 г. Манифест определял ассигнациям точную роль на время перехода к новой системе и, что главное, опять вводил металлическую валюту.

В манифесте говорится о серебряном рубле как законном (единственном) мериле ценности и средстве платежа: «Все подати, повинности и сборы так же, как и все расходы государства, будут пересчитаны на серебро. Все платежи казне и платежи казны частным лицам должны производиться или серебром, или ассигнациями по узаконенному курсу (3 руб. 50 коп. ассигнациями равна 1 руб. серебром). Все счета, условия и вообще всякого рода сделки как в делах казны с частными лицами и частных лиц, так и вообще во всех делах частных лиц между собой должны производиться единственно на серебряную монету».

В 1841 г. приступили к выпуску особого вида денежных знаков под названием «кредитных билетов». Их выпустили в небольшом количестве и в течение двух лет функционировали наряду с ассигнациями и билетами депозитной кассы. «Все выпускае-

мые кредитные билеты взамен до сих пор обращавшихся денежных знаков должны обеспечиваться в своем размене наличным металлическим фондом, который равняется 1/6 части выпускаемых билетов. Выпуск кредитных билетов мог производиться не только взамен циркулировавших до 1843 г. денежных знаков, но и новых, однако с тем различием, что эти новые выпуски допускались только за приносимый на хранение в экспедицию металл (в монете и слитках) и только в сумме, равной принесенному металлу. Выпускаемые кредитные билеты были разных достоинств – 100 руб., 50, 25, 10, 5, 3 и 1 рубль.

Кредитные билеты нельзя отнести к банковским билетам, поскольку банковские билеты выпускались путем ссуд производителям по мере надобности самого оборота в денежных знаках, т.е. выпускались для целей производства, а не для целей потребления. По отношению к этому виду денежных суррогатов название «разменные государственные банковские билеты с принудительным курсом» более приемлемо.

К недостаткам денежной реформы 1843 г. относят: эластичность, высокую стоимость для страны. Кредитные билеты по способу своих дальнейших выпусков не могли с возможной полнотой заменить монету в обращении, потому что всякая дальнейшая потребность развивающегося оборота в денежных знаках могла быть удовлетворена только звонкой монетой. Прилив же монеты возможен из-за границы через займы и благоприятный торговый баланс или обуславливается разработкой рудников внутри страны. Хотя монета шла обоими путями, ее все-таки было недостаточно. Поэтому оборот должен был обратиться к широкому содействию серий и вкладов банковских билетов, противником которых был творец реформы 1839–1843 гг. Канкрин. И поэтому уже через десять лет помимо звонкой монеты орудиями менового обращения были: государственные кредитные билеты – на 333 443 тыс. руб.; билеты Государственного казначейства – на 57 000,0 тыс. руб.; вкладные банковые – на 848 420,4 тыс. руб.

Движение кредитных билетов за 1843–1855 гг. свидетельствует о том, что уже в 1853 г. правительство отступило от основной манифеста от 1 июля 1843 г. Именно в этот год выпущено в обмен за принесенный на хранение металл только 29,5 млн, а общий итог выпуск билетов составил 38,5 млн.

Трудная для России первая восточная война требовала громадных средств. Правительству ничего не оставалось делать, как

открыто прибегнуть к выпуску государственных кредитных билетов, о чем говорит указ от 10 января 1855 г. Правительство желало сделать выпуски кредитных билетов временными, обещая через три года после заключения мира приступить к постепенному изъятию их из обращения. Правительство широко воспользовалось своим правом временных выпусков: в 1855 г. оно выпустило кредитных билетов на 215,1 млн, в 1856 г. — на 153,3 млн и в 1867 г. — на 74,1 млн. Вообще в период первой восточной войны количество обращающихся бумажных денег увеличилось на 401,8 млн.

Все монетарно-кредитные проблемы XIX в. связаны как с крупными геополитическими и внутренними катаклизмами, так и с динамикой драгоценных металлов (золота и серебра, включая их стоимостное соотношение между собой). Поэтому можно выделить три периода: довоенный; военный, включающий наполеоновское нашествие и Крымскую войну; пореформенный, т.е. после отмены крепостного права.

В первой половине XIX в. в стране был глубокий финансовый кризис, унаследованный от предыдущего века. Огромных расходов требовали армия и флот. В 1804 г. из 122 млн руб. бюджета по этой статье было израсходовано почти 53 млн, в 1812 г. из 342 млн руб. — 184 млн, в 1813 г. из 423 млн руб. — 285 млн; в 1855 г. из 526 млн руб. — 270 млн. В начале XIX в. удельный вес эмиссии ассигнаций, выпускаемых для покрытия бюджетного дефицита, стал преобладающим. Увеличившийся дефицит государственного бюджета, расходы на подготовку ко второй русско-турецкой войне обусловили наращивание темпов эмиссии бумажных денег, их курс по отношению к серебряной монете катастрофически упал. В 1810 г. в обращении находилось 577 млн руб., котировка ассигнационного рубля к металлическому составляла 26 коп. Серебряный рубль ценился в четыре раза выше бумажного. Вместе с падением курса ассигнаций происходило обесценение медной монеты, тесно связанной с бумажными деньгами. Все это можно расценивать как кризис денежной системы, сложившейся в XVIII в.

При Александре I Россия переходит к серебряному монеталлизму. В 1817 г. учрежден Государственный коммерческий банк, начавший свою деятельность с 1 января 1818 г. при наличии 30 млн руб. казенного капитала.

Победа в Отечественной войне 1812 г. обернулась в финансово-экономическом отношении крайним разорением страны. Специальные военные расходы на войну составили 157 млн руб.

ассигнациями, а расходы по бюджету на армию и флот составили за три года (1812–1814 гг.) 769 млн руб. ассигнациями, т.е. война стоила, не считая других колоссальных потерь, свыше 900 млн руб. Положение усугублялось тем, что войска Наполеона ввели в Россию много фальшивых ассигнаций.

В условиях хронического дефицита и при огромной потребности в деньгах правительство продолжало сверх меры использовать печатный станок. Во время войны с Турцией их количество постоянно увеличивалось и к 1823 г. достигло 596 млн руб. (обеспечение их звонкой монетой было ничтожно).

Дорого обошлась России и Крымская война: дефицит бюджета за четыре года войны составил 797 млн руб. Во время войны правительство пыталось получить внешние займы. В первой половине XIX в. бюджет был хронически дефицитным. За 1845–1861 гг. дефицит бюджета составил 1 млрд руб. И вновь, как и раньше, дефицит покрывался путем выпуска внутренних и внешних займов, а также бумажных денег. В общем, на протяжении первой половины XIX в. дефицит непрестанно возрастал не только абсолютно, но и по отношению к размеру бюджета.

Крымская война привела к огромному дефициту бюджета, покрываемому главным образом выпуском кредитных билетов. Металлический разменный фонд уменьшился. Интенсивный выпуск кредитных билетов начал подрывать устойчивость валюты, достигнутую в результате проведения денежной реформы. В 1854 г. появился лаж на серебро, а в 1858 г. был прекращен размен кредитных билетов. Часть кредитных билетов (96,7 млн руб.) удалось изъять из обращения, но все же курс кредитного рубля по отношению к золоту в 1859 г. составлял 83,5 коп.

Дальнейшее развитие кредитных учреждений было связано с коммерческим кредитом, что обуславливалось нуждами торговли и промышленности. В последующие годы коммерческий кредит развивался слабо, особенно в первой половине царствования Николая I, когда министерство финансов возглавлял граф Е.Ф. Канкрин, который считал частные банки вредными для «государственного банковского дела». Однако именно в этот период (1842 г.) возникает новое кредитное учреждение – сберегательные кассы – сначала в С.-Петербурге и Москве, а затем и при некоторых приказах общественного призрения. Кассы принимали вклады от 50 коп. до 50 руб. одновременно: общая сумма вкладов по одной книжке не должна была превышать 300 руб. Сберегательные кас-

сы платили по вкладам 4% годовых. Их деятельность развивалась очень слабо даже в столицах. Через 10 лет их насчитывалось 37. Их развитие усилилось только в пореформенный период. В 1881 г. был повышен процент по вкладам сберегательных касс с 3 до 4%.

Если в начале XIX в. сумма государственного долга (внутренние и внешние займы, ассигнации) равнялась почти четырем государственным бюджетам России, то накануне крестьянской реформы государственный долг превышал ежегодный бюджет уже примерно в восемь раз. В результате уплата процентов поглощала в отдельные периоды от 10 до 20% бюджета, а в 1860 г. платежи по государственным долгам составляли уже 26%.

Внешние займы в первой половине XIX в. начинают играть существенную роль в покрытии дефицита бюджета, поскольку внутренних доходов для этого не хватало. В 1820 г. правительство получает 5%-ный заем у банкиров Беринга в Лондоне и Голе в Амстердаме. Через два года России предоставил заем Парижский дом Ротшильда на тех же условиях. Первый заем дал 27,3 млн руб., а второй – 31,2 млн руб. серебром. Голландские банкиры кредитовали правительство в 1828, 1831 и 1832 гг. В 1842 и 1843 гг. были выпущены два внешних займа по 8 млн руб. серебром. Первый предназначался для строительства Петербургско-Московской железной дороги. Неурожай во многих губерниях России, крупные расходы, связанные с интервенцией Николая I в Венгрию, еще больше расстроили финансы. Правительство добивается наряду с выпуском бумажных денег нового внешнего займа. В 1854 г. был заключен договор на заем в 50 млн руб., в следующем году опять пришлось прибегнуть к внешнему займу.

Промышленный капитал был заинтересован в стабильной денежной системе. Хотя крупных землевладельцев устраивала инфляционная обстановка, способствовавшая росту цен на их продукцию и одновременно уменьшавшая бремя долгов по заложенным имениям. С 1851 по 1878 г. курс кредитного рубля упал на 35%, затем сильно снижался до 1887 г.

9.6. Триумф рубля в условиях возникновения золотого монометаллизма закрытой денежно-кредитной системы Российской империи

Потребовалось около двух десятилетий, чтобы создать в России надежную денежную систему, основанную на золотом монометаллизме. Русский рубль в конце XIX – начале XX в. котиру-

вался выше франка и германской марки. Этому способствовали развитие банковской системы и механизм проведения денежной реформы.

Во главе финансового управления в 1881–1887 гг. стоял Н.Х. Бунге, сторонник восстановления металлического обращения в России. Но в этот период бюджет был дефицитным. Не располагая необходимыми ресурсами для восстановления металлического обращения, Бунге разработал ряд мер, в том числе пересмотр монетного устава и увеличение запаса золота, сосредоточенного в кассах Государственно банка.

Пересмотр монетного устава в 1880-х годах стал настоящей необходимостью, потому что с середины 1870-х существенно изменились условия обращения кредитных билетов, золотой и серебряной монеты: платежи кредитными рублями противопоставлялись металлическим рублям, не различались платежи золотом и серебром. Но с середины 1870-х годов платежи серебром начали терять свою многовековую традицию, так как полноценной серебряной монеты в обращении уже не было. Поэтому счет на серебро фактически вышел из употребления, а существовал счет на кредитные рубли и на золото. Вместо серебряного монометаллизма, на котором по закону строилась монетная система, у нас фактически начал складываться золотой монометаллизм. Этот фактически золотой монометаллизм с середины 1870-х годов признала казна, заключая внешние государственные займы уже только на золото и требуя уплаты таможенных пошлин только золотом. Но для платежей золотом нужна золотая монетная единица. Оценка золотой монеты зависела от того, во сколько раз золото дороже серебра, когда серебро исчезало из обращения, то золотая монета приходила в зависимость от ее оценки на ассигнационные или кредитные рубли.

Хотя с Петра I золотая монета входила в российскую монетную систему, но содержание чистого золота в этой монете и ее цена часто и значительно изменялись. Количество чистого металла в империале – основной золотой монете – изменялось пять раз. Н.Х. Бунге посчитал возможным допустить изменение золотой монеты посредством уменьшения доли чистого металла в полуимпериале. В период стихийно возникшего монометаллизма в качестве условного счетного средства стал использоваться золотой рубль, под которым понималась рыночная стоимость $1/5$ полуимпериала (пятирублевой золотой монеты) в бумажных деньгах.

Новыми правилами о монете (от 17 декабря 1885 г.) содержание чистого золота в полуимперiale было уменьшено с 135 долей до 130,68 доли золота. Оправдывалось это уменьшение тем, что узаконенный в 1839 г. лаж на золотую монету уже потерял значение, и отношение 1:15,45, положенное в основание оценки на серебро золотой монеты в 1839 г., следовало заменить отношением 1:15, как во французской золотой 20-франковой монете.

Другой подготовительной мерой для восстановления металлического обращения было увеличение запаса золота в кассах и кладовых Государственного банка. Для этого воспользовались уплатой таможенных пошлин золотом, что давало в распоряжение Государственного казначейства значительные суммы золотом. Эти суммы еще более возрастали, когда поступления по новым займам превышали суммы, необходимые для внешних платежей.

С 1 января 1887 г. управлять финансами стал И.А. Вышнеградский, тоже убежденный защитник восстановления металлического обращения. На посту министра финансов он провел ряд мер по ликвидации дефицита бюджета, по выкупу железных дорог в казну и расширению поддержки помещиков через Дворянский банк. Путем усиления налогов и форсирования хлебного экспорта Вышнеградскому удалось достичь сбалансированности бюджета, накопления золотых запасов, укрепления курса бумажного рубля. При нем увеличилась в значительных размерах сумма золота, сосредоточенного в кассах Государственного банка, составившая свыше 80% суммы находившихся в обращении кредитных билетов. «Это был блестящий результат. Но он висел в воздухе. Почвы под ним еще не было, потому что финансовое положение Государственного казначейства не давало свободных средств для большого золотого запаса».

Кредитно-банковская структура – неотъемлемый элемент всех закрытых денежно-кредитных систем, возникших в европейских странах золотого монометаллизма. Помимо недостатков в организации этих учреждений, необходимость радикальных преобразований вызывалась также крестьянской реформой 1861 г. В намечаемой реформе кредитной системы важную роль был призван сыграть Государственный банк, образованный 31 мая 1861 г.

Созданный в процессе реформирования банковской сферы Госбанк в новых исторических условиях был призван сыграть ключевую роль. Госбанк возник на развалинах старых казенных кредитных банков в обстановке повышенного спроса на капиталы

и кредиты. При его учреждении имелось в виду прежде всего организовать центральный банк европейского образца, но с подчинением министру финансов. (В европейских странах центральные банки как эмиссионные организации были самостоятельными учреждениями, независимыми от государства.) В России Госбанк находился в ведении министра финансов. Министерство финансов сделало банк своим экономическим агентом, преследуя главную цель – поддержать государственный кредит. Необходимость активной поддержки государственного долга приводила к тому, что банк выделял целевые кредиты коммерческим банкам специально на покупку новых выпусков государственных обязательств. Активная политика Государственного банка на рынке ценных бумаг проявлялась также в развитии инфраструктуры финансового рынка. Прежде всего это касалось новых банков.

В начале 60-х годов XIX в. открылись акционерные банки – для долгосрочного земельного и краткосрочного коммерческого кредита.

Устав первого акционерного коммерческого банка – Санкт-Петербургского частного коммерческого банка – был утвержден 28 июля 1864 г. Государственный банк по приказу Министерства финансов приобрел 4000 акций учреждаемого заведения на общую сумму 1 млн руб. (20% уставного капитала). При этом Государственный банк на десять лет уступил в пользу других акционеров 5% будущих дивидендов на принадлежащие ему акции. В мае 1871 г. в Харькове возник первый акционерный Земельный банк. Акционерные банки стали наиболее эффективной формой и коммерческого, и земельного кредита. Для долгосрочного земельного кредита правительство учредило Крестьянский (1883) и Дворянский (1886) банки. Согласно «Положению о Крестьянском поземельном банке 1882 года» учреждаемому банку предоставлялось право выдавать ссуды под залог земель, покупаемых крестьянами у землевладельцев. Однако впоследствии ему разрешалось покупать за счет собственного капитала земли для перепродажи их крестьянам. Тем самым Крестьянский банк из пассивного учреждения превратился в активный коммерческий орган; он стал скупщиком частновладельческой земли. Но все же Крестьянский банк в своих покупках был ограничен размерами собственного капитала. С устранением этого ограничения указом от 3 ноября 1905 г. в его деятельности наступил третий период.

После учреждения Государственного банка в России стали возникать частные кредитные заведения как в форме обществ заемщиков, сплоченных ответственностью, круговой порукой, так и в акционерной форме. Большое значение для экономического

развития России имели промышленные ссуды, предназначенные для фабрик и заводов, введенные с 1 сентября 1864 г. В равной степени следует говорить и о ссудах сельским хозяйствам для приобретения земледельческих машин и орудий.

Первым таким учреждением было Санкт-Петербургское городское кредитное общество для выдачи ссуд под залог городской недвижимости. Его устав, утвержденный 4 июля 1861 г., стал образцом для всех последующих частных кредитных обществ в империи. Вторым частным учреждением для долгосрочного кредита стал Херсонский земский банк, устав которого был утвержден 20 мая 1864 г. Этот банк предоставлял землевладельцам Херсонской губернии кредиты под залог земельной собственности. Ссуды выдавались по закладным не свыше 59% оценочной суммы сроком на 34 года и 11 месяцев, с платежом ежегодно 5,5% интереса, 0,25% на расходы по управлению и 0,25% на составление запасного капитала. Несмотря на такие достоинства нового типа организации долгосрочного кредита, как дешевизна ссуды, большая надежность оценки, из-за слабой инициативы на местах он не прижился.

После освобождения крестьян возникла острая необходимость в более широкой организации долгосрочного кредита. В 1866 г. было образовано Общество взаимного поземельного кредита. Оно выдавало долгосрочные ссуды под залог земельной собственности (закладными листами не свыше $\frac{2}{5}$ оценочной стоимости). Уплата процентов по кредитам и оплата процентов по закладным листам производилась золотом или кредитными билетами по биржевому курсу. Организаторы Общества из-за недостатка в России свободных капиталов надеялись выпуском металлических закладных листов привлечь иностранные капиталы для нужд отечественного земельного кредита. Однако металлическая валюта принесла Обществу взаимного поземельного кредита громадные убытки и привела его к краху. Кризис возник после 1877 г., когда курс кредитного рубля стал падать.

Почти одновременно с учреждением обществ долгосрочного кредита начали появляться и организации краткосрочного кредита (на началах взаимности). Устав первого в России Общества взаимного кредита в Санкт-Петербурге был утвержден 9 апреля 1863 г. К 1 января 1881 г. в империи действовало уже 83 общества взаимного краткосрочного кредита, в том числе 15 земских.

В связи с активизацией России на мировом рынке, расширением торгово-экономических отношений с европейскими странами в 1871 г. был создан Русский для внешней торговли бан». Он

осуществлял товарно-ссудные и товарно-комиссионные операции, в своей деятельности обращал особое внимание на состояние мирового рынка, особенно по хлебным товарам. Отделения этого банка были открыты в 1890 г. в Лондоне и Париже, в 1894 г. в Генуе, в 1909 г. в Константинополе.

Существенные изменения в кредитной системе, в частности в области законодательства, произошли в царствование Александра III. Прежде всего расширились функции Государственного банка – в направлении его коммерческой деятельности, что было закреплено в новом уставе, утвержденном в 1894 г. С 1881 по 1894 г. по всей территории России было создано 10 контор и 94 отделения. В 1884 г. Государственный банк получил право учреждать сберегательные кассы при губернских и уездных казначействах, а также в крупных торгово-промышленных пунктах.

Госбанк также всячески способствовал развитию инфраструктуры внутреннего рынка ценных бумаг в лице Петербургской биржи. К началу второго десятилетия XX в., когда сложилась достаточно развитая финансовая инфраструктура, не требующая чрезмерного вмешательства государства, Госбанк использовал собственные средства не только на развитие финансовой инфраструктуры, но и на реализацию собственных проектов. Одним из них стала программа сооружения сети собственных элеваторов и зернохранилищ.

Однако вплоть до 1897 г. Госбанк России не был собственно эмиссионным учреждением. Право печатать бумажные деньги принадлежало правительству, банк лишь учитывал банкноты. Но считать Госбанк того времени лишь казенным учреждением (кассой для государства) нельзя. Казначейство и ряд других организаций имели свой текущий счет в банке, используя его для выпуска и подписки на государственные ценные бумаги. Особенности Госбанка заключались и в том, что он одновременно выполнял функции обычного коммерческого банка. Помимо казначейства, в нем имели право держать свои счета и кредитоваться коммерческие организации и просто физические лица. Там же могли размещаться и депозиты. Более того, вплоть до 90-х гг. XIX в. Госбанк был монополистом на рынке финансовых услуг. В нем сосредоточивались 30% всех текущих счетов и депозитов кредитной системы России.

Создание Госбанка с особыми эмиссионными функциями – важный шаг в реформировании финансовой системы. По новому

уставу 1894 г. Госбанк получил право выпускать банковые билеты, став эмиссионным. Государственный банк согласно указу от 29 августа 1897 г. об основах эмиссии кредитных билетов был превращен в центральный эмиссионный кредитный институт, который находился в непосредственном распоряжении Министерства финансов.

За двадцать лет золотой запас, числившийся на балансе Государственного банка России, увеличился почти в шесть раз, составив к 1896 г. 848 т (1095,5 млн руб.) против 144 т в 1877 г. Ко времени проведения реформы золотой запас России был одним из крупнейших в мире.

Проведение денежной реформы совпало с денежным кризисом 1899 г., который вызвал многочисленные банкротства, изъятие вкладов, увеличение спроса на иностранную валюту, отток золота за границу. Это вынудило Госбанк принять ряд мер по отношению к своим основным клиентам — акционерным банкам, которые могли воспользоваться этой ситуацией в своих интересах: были изменены правила операций по вкладам — условным текущим счетам, введены новые правила по срочным сделкам с золотом, иностранной валютой и банкнотами иностранных банков.

В 1893 г. в России начался экономический подъем, что обусловило расширение объема сделок, увеличение доходов, поэтому уже через два года проявилась нехватка платежных средств — кредитных билетов. Правительство оказалось перед дилеммой: начать выпуск кредитных билетов, тем самым еще больше увеличив государственный долг, или принять меры к ускоренному введению золотого монометаллизма. Был выбран второй вариант, поскольку в предыдущее десятилетие были созданы предпосылки для этого реформирования: уничтожен бюджетный дефицит, изменен характер налогов, увеличена роль прямых и уменьшена роль старых налогов; накоплен в Государственном банке запас золота, проводилась политика активного баланса во внешней торговле и протекционистской защиты внутреннего рынка.

Денежная реформа не была одномоментным актом, а состояла из ряда этапов. Все мероприятия проводились с целью обеспечить твердое золотое содержание новой денежной единицы путем бесперебойного размена банкнот на золото по твердым паритетам и внедрить в обращение полноценную золотую монету, используя ее наравне с кредитными деньгами при наличных платежах. Примеров одновременного восстановления обращения монеты в стране и

ликвидации государственного долга по бумажным деньгам финансовая история знает немного. Одной из важнейших особенностей русской денежной реформы второй половины 1890-х годов были источники средств. Займы составляли 27% средств, потребовавшихся для реформы. Остальные средства были ассигнованы во время финансового управления С.Ю. Витте. Благодаря преобразованиям (конверсиям, выкупам, обменам и т.д.) удалось не увеличить государственный долг. «Следовательно, в окончательном счете денежная реформа не только не сопровождалась увеличением ежегодных расходов по государственным долгам, но общий итог капитала всех государственных долгов ее еще уменьшился на 600 миллионов рублей».

Кроме того, в этот период был бездефицитный бюджет, были проведены меры, направленные на стабилизацию курса кредитного рубля по отношению к золотым валютам. К ним надо отнести покупку и продажу Государственным банком золота и иностранных валют в обмен на рубли в сочетании с активной борьбой против отечественных и зарубежных дельцов, спекулировавших на колебаниях курса кредитных билетов.

Ликвидация государственного долга по кредитным билетам должна была произойти посредством платежей золотой монетой. Но какое количество чистого золота будет признано золотым рублем? Этот вопрос вызывал споры. По указам от 3 января, 29 августа и 14 ноября 1897 г. содержание чистого золота в империале составляло 261,36 доли, а в полуимпериале – 130,68 доли. Новые цены по новому золотому рублю (15 и 7 1/2 рубля) были неудобны, поэтому ввели 10- и 5-рублевые золотые монеты.

По мере увеличения ассигнований на денежную реформу появилась возможность начать в 1896 г. платежи золотом. В 1897 г. денежную реформу можно было считать осуществленной: увеличены запасы золота в Государственном банке, восстановлено металлическое обращение. Условием успеха денежной реформы и единственным доказательством ее реального проведения выступает использование монеты в каналах обращения, производство платежей золотой монетой, обмен кредитных билетов на золото, погашение государственного долга по кредитным билетам. По новому монетному уставу, изданному в 1899 г., уже только «золотая монета обязательна к приему во всех платежах на неограниченную сумму».

Количество бумажных денег упало до 661,80 млн. В 1899 г. количество золота в обороте составило 451,40 млн руб., по срав-

нению с 1898 г. оно увеличилось в три раза, а по сравнению с 1897 г. – в 12,5 раза. За 1900 г. количество золота в обороте увеличилось еще в 1,42 раза. Затем этот оборот стабилизировался. В целом за четыре года количество золота в обороте увеличилось почти в 18 раз, а бумажной наличности уменьшилось в 2,175 раза. Объем денежной массы страны составлял 1460 млн рублей.

История старого серебряного рубля в России окончилась; началась история нового рубля – золотого. Несомненной заслугой Витте стало проведение денежной реформы в 1897 г. В результате Россия получила устойчивую валюту, обеспеченную золотом. Это способствовало усилению инвестиционной активности и увеличению притока иностранного капитала. В этой книге анализ заканчивается концом XIX в., когда в России был введен золотой стандарт и рубль получил стабильную основу. Но расцвет золотого рубля относится уже к XX в., поэтому в данной работе не рассматривается.

Предложенная в этой работе методология анализа рыночных связей и денег как особых сторон многовековых циклов развития цивилизации позволяет сравнить развитие Западной и Русской цивилизаций, выделить три многовековых цикла их развития, различающиеся по религиозно-духовным основам, формам государственности и формирующимся рыночным и денежным отношениям.

Глава 10

ЭХО РУССКОЙ ИСТОРИИ В ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЕ ЗАПАДА И ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ КЛИМАТЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

10.1. Информационная война Запада против России: сущность, геополитические корни, обострение в современный период, негативное влияние на российский социум

Информационная война – это понятие, которое широко вошло в современную социологию, но условия ее возникновения как оружия воздействия Запада на идеологический климат других цивилизаций не вскрываются. В данном разделе особое внимание уделено выявлению глубинной сущности информационной войны и временных параметров ее возникновения. Отметим, что здесь выделяются только узловые проблемы этого влияния.

Возникновение информационного оружия нужно отнести к концу XVIII–началу XIX в. Материальные предпосылки связаны с общими коммуникационными процессами развития общества – распространением печатного слова, развитием грамотности и регулярной почты, появлением настоящих газет, развитием средств сообщения. Духовные предпосылки связаны с веком Просвещения и появлением идеологов и идеологий. Идеологи взяли на себя функции изменения ментальности общества, столетиями формировавшегося под влиянием католичества или протестантизма. Они формировали определенные мировоззренческие константы, которые и были названы идеологией. Идеологии стали использоваться в качестве действующего оружия формирования общественного мнения, т.е. воздействия не только на материальный, но и духовный мир всего населения каждого данного государства. Это означало, что идеи должны быть обернуты в художественно оформленные и понятные формы, воздействующие не только на сознание, но и на подсознание разных страт населения, включая и его низы.

В общественном мировосприятии того времени религия (в католическом или протестантском варианте) стала соседствовать с идеологиями как распространенной «общественной психикой», которая оказывала воздействие на государственный строй, харак-

тер нравов и настроений, состояние умов и другие мирозренческие константы общества. Понятие «идеология» для обозначения духовной жизни общества ввел французский философ Э.Б. Кондильяк в работе «Элементы идеологии».

Появление этой новой мировоззренческой константы сначала встретило двойственное и ироничное отношение к ней, в том числе и Наполеона I как «мнимой реальности», которая выдавалась за действительность. Претензии на познавательные функции идеологии подвергли обоснованной критике К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии».

Но действенность идеологии в формировании настроений общества с использованием печатного слова в полной мере проявилась во время Великой французской революции. Впоследствии ее использовал Наполеон для реализации своих имперских амбиций и геополитических устремлений. Проанализировав большой исторический материал, Мединский считает, что в разработке технологии информационного оружия Нового времени пальма первенства принадлежит Наполеону¹. Возникло новое явление: «правильная информация», которую впоследствии назвали пропагандой и широко использовали разные политические режимы вплоть до нашего времени с применением новых технических средств (СМИ). «Правильная информация» стала оружием потому, что она охватывала все слои общества. Наполеон был инициатором и других средств массовой пропаганды. К ним надо отнести: церемониал парадов и смотров, в которых иногда участвовало по несколько десятков тысяч солдат; тиражирование портретов самого Наполеона, его маршалов и генералов, написанных лучшими художниками Франции и Европы; «монументальную» пропаганду, связанную с «украшением» Парижа.

В XX в. именно информационное оружие было использовано в полной мере Западом против России в геополитических целях. Главная идея, которая была заложена Наполеоном в его пропаганде, когда он готовился к походу на Россию, – это идея ее геополитической агрессивности и необходимости «упреждающих» военных акций против нее. Этот постулат был и впоследствии задействован

---

¹ Заметим, что в прошлом многие правительства стремились подчинить себе это мощное орудие формирования общественного мнения путем цензуры, инспирирования и подкупа. Людовик XIII и Фридрих II «сотрудничали» в газетах, субсидировали ряд изданий. Ян Собеский выступал военным корреспондентом и не скупился на подкуп прессы.

государствами Запада для оправдания антироссийской политики. Во второй половине XIX в. происходит сначала неявная, а затем ускоренная консолидация Запада против России.

Информационное оружие с этой идеологической компонентой стало использоваться в геополитических целях в дополнение к военному в полной мере в XX в., приобретая характер информационной войны, где были задействованы все коммуникационные средства. Она получила яркое выражение в XX в. с его двумя мировыми войнами, которые выявили, что именно Россия (СССР) была объектом геополитических устремлений Запада. Этот вопрос не требует особой аргументации, за исключением, может быть, политики западных держав по отношению к нацистской Германии. Нет сомнений в том, что агрессивная, захватническая политика Германии была направлена главным образом против России. Западные державы пытались разыграть «карту Гитлера» как козырную, сумев столкнуть своих главных противников, Советский Союз и Германию, в кровопролитной войне.

Когда Германия начала действовать все более агрессивно в Европе, а Япония на Востоке, политики Англии, Франции и США, формально заявив о политике «невмешательства», фактически стали попустительствовать милитаристским настроениям и провоцировать мировую войну. Но они стали союзниками СССР в борьбе против стран оси. Почему? На этот вопрос отвечает один из самых компетентных специалистов в области «тайной войны» Запада против СССР. «В жестком противоборстве СССР и западного мира заложена главная причина взаимной нетерпимости во всех событиях внутренней и внешней политики нашей страны, — пишет П.А. Судоплатов. — У меня нет никаких сомнений, как бы это не оспаривали сегодня, что правящие круги Запада не только ненавидели наше государство, но и на всем протяжении его истории делали все, что было в силах, для его гибели. Вынужденный союз США, Англии и СССР в борьбе с гитлеризмом в годы войны также не был передышкой в их противоборстве. Холодная война продолжалась, просто быстрое поражение СССР в борьбе с Германией было невыгодно Западу, опасавшемуся за свое мировое господство... Вплоть до декабря 1991 года делалось все для ослабления СССР»².

Это мнение полностью совпадает с пониманием этого противостояния У. Черчиллем: «Стратегическими целями политики

² Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. М., 1995. С. 5.

демократических государств является: разгром нацистской Германии и нахождение России на операционном столе». Первая цель была достигнута с помощью СССР в 1945 г. после победы над гитлеровской Германией, а для реализации второй цели потребовались десятилетия. В фултоновской речи Черчилля, которую называют манифестом «холодной войны», эта цель была ясно сформулирована. Она постепенно реализовывалась ведущими политиками западного мира, возглавляемого США. Даллес сказал: «Россию нельзя победить, но ее можно сломать». Это было стратегическим ориентиром политики США в конце Второй мировой войны сразу после смерти Рузвельта. Все началось с демонстрации военного превосходства при атомном ударе по Хиросиме и Нагасаки в конце войны. Продолжением стала навязанная СССР гонка вооружений, которая сочеталась с подготовкой информационно-идеологического оружия.

Отношение к своему прошлому, культурному и историческому наследию – это важный аспект и показатель духовного здоровья нации и его творческой энергии. Американцы видят свою историю как последовательно восходящий путь к цивилизационному триумфу, к победе мировоззренческой модели, на которой основана американская цивилизация³. На практике реализовалась идея Даллеса о деидеологизации советского социума, используя, конечно, и просчеты сталинского режима. США «колонизировали психологически страну, до того как они колонизировали ее экономически», писал известный итальянский журналист и социолог Дж. Кьеза.

На эти цели были брошены колоссальные людские и материальные средства чтобы деморализовать людей, пробудить и поощрить в них самые низменные чувства и стремления. Для реализации этой стратегической задачи использовались все средства. «По своему размаху она охватила все сферы жизни – экономику, политику, дипломатию, идеологию, пропаганду, культуру, спорт, туризм. Использовались все средства воздействия на людей: радио, телевидение, секретные службы, конгрессы, дискуссии, культурный обмен, подкуп, паблисити. Использовались любые поводы, любые уязвимые точки противника, любые человеческие слабости, национальные разногласия, религиозные предрассудки, любопытство, тщеславие, корысть, зависть, критические умонастро-

³ Завтра. 1997. № 42. С. 6.

ения, страх, склонность к приключениям, эгоизм и т.д.», — писал А. Зиновьев⁴.

Нельзя не учитывать научную базу, на которой ковалось это информационное оружие. В США и других государствах Запада работали сотни различного рода научных и исследовательских учреждений, кафедр, фондов, группы русистов, кремлинологов, советологов, которые изучают все аспекты русской истории и интерпретируют их в нужном информационном ракурсе. Это институты с разветвленной структурой, частные фонды, созданные американцами и русскими эмигрантами, общественные организации религиозного и просветительского характера, аналитические группы при спецслужбах и всевозможных фирмах, это, наконец, целая сеть университетских кафедр, имеющих независимый статус и ведущих научные изыскания. Изданы сотни книг, десятки специальных журналов и тысячи статей, посвященных истории России, ее экономике, системе политической власти, выдающимся русским ученым и государственным деятелям. Сотни «русистов», «советологов», «кремлинологов» и прочих специалистов прочитывают море нашей литературы, разумеется, не художественного содержания. Изучаются, анализируются, переводятся горы материалов, которые после необходимой обработки формируют то, что долгое время называлось советологической школой. Что в СССР было предметом идеологической критики и борьбы, то на Западе стало предметом всестороннего научного изучения.

Эта цель была достигнута в 90-х годах, когда президент США Клинтон поздравил американский народ с победой после распада СССР и прихода к власти Ельцина⁵. Государство погибло в результате войны нового типа, хотя ее называют «холодной войной». Без военных действий была разрушена мощная держава. Эти факторы в совокупности ослабили дух российского социума, внедрив в массовое сознание русского народа мысль об ущербности исторического прошлого России, подрывая тем самым основы национальной самоидентификации и веру в жизнеспособность народа. «Век от века мы отворачиваемся от своего родного и начинаем верить в то, что мы погрязли... в грязи ли, в невежестве ли... не важно. Важно то, что отрицание родного и идеализация чужого искажают национальное самосознание, порождают чувство безнадежности,

⁴ Зиновьев А.А. Русская трагедия. М., 2003. С. 213–214.

⁵ Кузьмич А. Заговор против правительства. М., 1994; Медведев Р.И., Медведев Ж.Р. Россия и Запад в конце XX в. М., 1997.

неверия в свои собственные силы, исторической бесперспективности немытой России»⁶.

В информационной войне Запада существует несколько плацдармов наступления, где господствует принцип «у нас все хорошо», а «у вас все плохо», а также откровенная ложь в освещении наиболее значительных явлений истории. Эта направленность по-разному реализуется применительно к разным strata населения: для широких масс крайне упрощенно и в пределах бытового восприятия национального образа жизни (отсюда все формы поношения характера, национальных традиций, быта народа)⁷. Для «творческой» интеллигенции – акцент на частности вместо концепций, игра в «правдизм», перенесение нравственных бытовых норм в геополитику, формирование мировоззрения с опорой на зарубежную информацию⁸. В этом отношении интересна историческая судьба книги маркиза Кюстина, посетившего Россию в 1835 г., которая как яркое антирусское произведение живет более 100 лет.

Кюстин пробыл в империи три месяца, больше всего времени, посетив Москву, Владимир, Ярославль и Нижний Новгород. Он выдержал экзамен новичка, не восхитившись Петербургом. Чудо-город среди финских болот не обманул его: «Стоит монарху на один день забыть эту

⁶ *Мединский В.* Мифы о России. С. 74–76.

⁷ Все формы поношения характера, образа жизни и быта русского народа – нечистоплотность, лень, отсутствие тяги к культурному образу жизни, пьянство, жестокость и т.д., которые широко освещаются во многих очерках западных «специалистов» по России, не отвечают историческим реалиям. Многие пороки в образе жизни русских скорее относятся к западным народам.

⁸ Наши бывшие соотечественники за 70 лет эмиграции внесли свой негативный вклад в этот процесс, но по-разному. Трудно дать объективную и справедливую оценку их по отношению к «метрополии». Правда, нельзя не отметить, что именно первая эмиграция унесла с собой русскую культуру и сохранила ее. Что касается второй волны, то в ней скорее доминировали пронемецкие настроения, далекие от каких-либо патриотических чувств к стране, победившей фашизм, хотя писатели первой послевоенной волны эмиграции написали лучшие свои произведения. Более поздняя волна эмигрантов породила массу журналов: «Синтаксис», «Стрелец», «Вестник РХД», «Время и мы», «22», «Грани», «Страна и мир», «Посев» и др. Появилась возможность неподцензурных дискуссий, а самиздат шестидесятых превратился в тамиздат, где обсуждались многие важные проблемы культурного и политического развития России. Но нельзя не заметить, что публикации новых эмигрантов подчиняются выполнению специальных задач, будь то на радио «Свобода», в издательстве «Посев» или в российских филиалах «Ротари клуба».

столицу, не имеющую корней ни в истории, ни в почве, и сдерживающий реку гранит искрошится, низины вновь покроются водой и вся эта безлюдная местность отойдет к ее первоначальным хозяевам». Да и вся Россия в его воображении превратилась в ледяную (хотя он посетил ее летом) призрачную местность. Разочарованному страннику в России понравилось немного: обилие и дешевизна продуктов, красота церквей, удивительная вежливость и церемонность людей в общении друг с другом.

Кюстина добился цели: его книга, вышедшая в 1843 г. в четырех томах, стала настоящим бестселлером. В течение года ее трижды переиздали в Париже, напечатали в Бельгии, Англии и Германии. Общий тираж превысил 200 тыс. В России книгу читали. Герцен писал, что не знает ни одного приличного дома, где бы сочинения Кюстина не читали. Читали само собой, по-французски, русский, сильно сокращенный перевод вышел только в 1910 г. Поле революции Общество политкаторжан выпустило новый вариант под названием «Николаевская Россия». Оставив в этом издании обличения царского режима, его авторы выбросили критику в адрес русского народа. Но эта книга была запрещена, много лет крамольного маркиза хвалили и ругали, не читая. Только в годы Перестройки появились новые издания, а в 1996 г. вышел полный перевод с подробными комментариями. Но задолго до этого о маркизе вспомнили в Америке, выпустив его труд по-английски с предисловием генерала-разведчика Б. Смита. Книга патриарха русофобии, как Кюстина называли в СССР, стала оружием на фронтах «холодной войны»⁹.

Подчеркнем, что подавляющая часть гуманитарной интеллигенции (в противоположность «технарям») была в лучшем случае индифферентна или они выступали ярыми приверженцами либерального переворота. Общую ауру настроений определяло диссидентское отношение к советскому строю, где акцент делался на сталинском тоталитаризме и ущемлении прав человека. Поэтому антисоветизм стал визитной карточкой интеллигенции того времени, где вместе с советским режимом втапывалась в грязь и сама Россия. Потеряв государственное самоуважение, она полностью открылась Западу во всех отношениях, начиная с политических – руководящие центры России находились в Вашингтоне или Берлине; заморские и европейские советники вместе с «пятой колонной», которая представляла мощную силу в верхах практически во всех ведомствах, включая вооруженные силы страны, правили страной, проводя так называемые реформы, беззастенчиво разрушая мощную державу и ее экономический потенциал. Поэтому совершенно естественно было появление концепции «проигранной Третьей мировой» или «исторического

⁹ Биография. 2013. № 2. С.140–141.

поражения России». «В результате Россия впервые за несколько веков оказалась не субъектом истории, а ее объектом»¹⁰. И опять за этой идеологической доктриной стоят геополитические интересы.

Истощились многие природные ресурсы, которые образовывали материальную базу западных стран в прошлом. Еще в середине 70-х годов была выявлена тенденция в экономике развитых стран, которая получила название «структурных кризисов» – сырьевого, энергетического, экологического. В период глобализма все эти кризисные процессы обострились. За период после Второй мировой войны человечество потребило больше сырья, чем за всю свою предшествующую историю. «Мир находится перед исторической вехой негативного роста, полной беспоконьята и борьбы»¹¹. Но что вносит формирование информационной модели развития западных стран в экономику ресурсов? Немного, так как они связаны с большим потреблением электроэнергии и необходимостью в энергоресурсах. Сырьевые и энергетические ресурсы являются главными факторами современного мирохозяйственного развития в условиях глобализации. А ими пока обладает Россия, но «для мира в целом – это вопрос об “изначальном” праве на колоссальные территории и неисчислимые природные богатства. Стоит с помощью PR размыть это право, и сразу найдутся такие, которые заявят свои претензии на наши нефть и газ, земли и воды, на наш воздух»¹². И поэтому информационная война продолжается. Только в США сегодня существует более 200 центров, специализирующихся на России.

Здесь выделяются крупные имена, которые определяют стратегические направления этой информационной войны. Это Р. Пайпс¹³, ожививший и развивший норманистскую версию возникновения российской государственности. Это З. Бжезинский¹⁴, один из главных идеологов американского внешнеполитического курса второй половины XX в., автор концепции новый мировой порядок (НМП). Бжезинский утверждает, что кратчайший путь к глобальному мироустройству лежит через всестороннюю гегемонию «последней сверхдержавы» – Соединенных

¹⁰ Леонтьев М. Реставрация будущего России.

¹¹ Профиль. 2006. 5 мая. С. 69.

¹² Мединский В. Правдивая история Руси от Рюрика до Петра. С. 67.

¹³ Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993.

¹⁴ Бжезинский З. Великая шахматная доска. 1998

Штатов Америки. Цель политики США должна состоять из двух частей: необходимости закрепить свое господствующее положение и необходимости создать геополитическую структуру, которая будет способна смягчить неизбежные потрясения и напряженность.

Это У. Лакер, специалист по «немецкому» и «русскому фашизму», доказывающий, что Гитлера вырастил Сталин, чтобы с его помощью развязать войну против Запада¹⁵. Это Дж. Хоскинг¹⁶, один из главных историков по СССР. Это Д. Веллингтон, интерпретатор русской культуры в ауре иконы и топора¹⁷. В этой информационной войне активное участие принимают и наши бывшие соотечественники¹⁸.

При этом необходимо отметить, что общий идеологический климат постсоветской России определяли в целом агрессивные либерально-западнические средства СМИ. Можно выделить некоторые имена, которые оказали большое практическое влияние на умонастроения большей части интеллигенции, которые находятся сегодня во властных структурах. Здесь нельзя не назвать имена К. Поппера и Дж. Сороса¹⁹.

Прозападно настроенная часть интеллектуальной «элиты» российского социума, оказывающая громадное влияние на верховную власть страны, постоянно внедряет в общественное сознание идею о том, что в этих условиях у России остается единственный выбор: стать восточной окраиной западной цивилизации, так как элементы европейской культуры, в отличие от китайской, издавна были внедрены в российскую идеологическую жизнь.

---

¹⁵ У. Лакер, председатель Международного научного совета при Центре стратегических и международных исследований, известный специалист по немецкому и русскому «фашизму». В книгах «Россия и Германия: наставники Гитлера» и «Черная сотня», изданных на русском языке на средства известного миллиардера Дж. Сороса, Лакер пытается убедить читателя, что в появлении нацизма виноваты русские.

¹⁶ Хоскинг Дж. История Советского Союза 1917–1991. М., 1995.

¹⁷ Виллингтон Д.Х. Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры. М., 2001.

¹⁸ В серии своих книг Суворов «озвучивает западную версию о том, что Сталин использовал Гитлера как таран против Европы». В «Ледоколе» и «День М» автор подтасовывает факты, чтобы обвинить русских в захватнических планах.

¹⁹ Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1994; Сорос Дж. Новый взгляд на открытое общество. М., 1997.

10.2. Отечественная социологическая мысль в противостоянии информационной агрессии Запада

Главная проблема современной России лежит не в экономической или политической плоскости, а в сугубо философской как проблема самоидентификации.

А. Дугин

В противовес широко распространенной критике советского и российского прошлого значительная группа социологов, философов и публицистов, представлявших разные политические движения, выступала за сохранение национальной самоидентификации²⁰. К этой группе надо отнести А.И. Максимова, А.Н. Зиновьева, А. Проханова, А. Дугина²¹, С. Кургиняна²², С. Кара-Музу²³, А.С. Панарина²⁴, М. Леонтьева, А. Уткина²⁵, Г.А. Зюганова²⁶, М. Делягина²⁷ и др. Однако эти социологи и политологи не были единомышленниками, так как отражали идеологические константы разных политических течений, иногда противоположное понимание российской истории, включая советский период.

К постановкам, содержащимся в их работах, мы вернемся в дальнейшем исследовании. А здесь обратим внимание на знаковые работы идеологического характера, свидетельствующие о

---

²⁰ В этом параграфе не ставится задача полностью осветить эту сложную проблему. Задача заключается в том, чтобы показать первые ростки этого сопротивления, выделив наиболее известные имена и не подводя итогов.

²¹ Дугин А. Г. *Континент Россия* (1998), *Философия традиционализма* (2002).

²² Кургинян С.Е. *Россия. Власть и оппозиция* (1994).

²³ Кара-Мурза С.Г. *Советская цивилизация от начала до Великой Победы* (2004); *Советская цивилизация от Великой Победы до наших дней* (2004).

²⁴ Панарин А.С. *Искушение глобализмом* (2000); *Глобальное политическое прогнозирование* (2003); *Православная цивилизация в глобальном мире* (2003); *Стратегическая нестабильность в XX веке* (2004).

²⁵ Уткин А. *Мировая холодная война* (2005); *Месть за Победу – новая война* (2005).

²⁶ Зюганов Г.А. *На рубеже тысячелетий. Судьба России в современном мире* (2001); *Глобализация и судьба человечества* (2002); *Верность* (2003); *На переломе* (2009); *Имя модернизации – социализм* (2010).

²⁷ Делягин М. *Возмездие на пороге. Революция в России: когда, как, зачем* (2007).

признаках изменения настроений правящей элиты по сравнению с первым десятилетием постсоветской России. Сейчас общая атмосфера общественной жизни требует формирования не либеральной идеологической концепции развития России²⁸.

Перед последними парламентскими и президентскими выборами появились тезисы лекции Владислава Суркова «Русская политическая культура. Взгляд из утопии», которую (даже его противники) сравнивают со знаменитой статьей А.И. Солженицына «Как нам обустроить Россию» (1990 г.). Она вызвала дискуссию, правда, среди узкого круга политической элиты и обслуживающих ее экспертов, в отличие от статьи Солженицына, выпущенной в свое время многомиллионным тиражом и вызвавшей огромный интерес в обществе²⁹. Причем в пользу Суркова говорит то обстоятельство, что если статья Солженицына была написана в эмиграции и представляла собой взгляды теоретика, то автор текста о русской политической культуре, безусловно, практик, человек, само положение которого во властной иерархии исключает всякую случайность при выдвижении того или иного тезиса. Эта дискуссия интересна самим фактом ее появления, свидетельствующим о том, что власти постсоветской России нуждаются в новой идеологической опоре. «По-прежнему сохраняется ситуация нахождения российского общества в длительном историческом дрейфе, когда оно все еще ищет и выбирает свой путь», – пишет Рязанов. «После августовского краха 1998 г. и фактического фиаско реформаторской команды Ельцина Россия переживает новый этап развития, – убежден Борисов. – И теперь многое зависит от того, насколько ее нынешние власти учитывают результаты и уроки содеянного их предшественниками... Альтернативы будущего страны обозначились, таким образом, достаточно четко. Либо дух

---

²⁸ Отрицание советского периода – это общая особенность приверженцев путинского режима, каких бы различных взглядов они не придерживались по более частным вопросам. В этом вопросе они разделяют взгляды многих современных обществоведов русофильской ориентации. Их духовным лидером был А. Солженицын, который делал акцент на сталинском тоталитаризме, отрицая все позитивные стороны советского строя. Конечно, нельзя без чувства боли воспринимать многие страницы советской истории. Но при этом надо иметь в виду, что все революционные потрясения в мировой истории, включая и их осуществление в западных государствах, «умывались кровью».

²⁹ В обсуждении этой статьи приняли участие Константин Ремчуков, Георгий Бовт, Сергей Степашин, Михаил Барщевский, Анатолий Стреляный, Владимир Жириновский, Алексей Малашенко и др.

и принципы либеральных реформ сохранятся. Либо государственная власть в России решительно возьмется за переориентацию реформ в сторону национального возрождения, и тогда появится возможность остановить разрушительные процессы и начать движение вперед, восстанавливая утраченные позиции... не остаться на обочине истории в роли международного неудачника»³⁰.

Сейчас ощущается потребность в исследованиях, которые опираются на более глубокие исторические разработки. И они появились. В их ряду необходимо выделить серию работ Мединского. В них раскрываются технологии информационной войны и убедительно доказано негативное влияние черных мифов об историческом прошлом России на духовный климат российского социума в условиях глобализации.

Работы Мединского – *это историческая публицистика явно выраженной идеологической направленности*, которую автор не только не вуалирует, а, наоборот, выдвигает на первый план, выделяя громадную роль необходимости позитивного восприятия своей истории для духовного здоровья нации. «Идеологическое нашествие Запада бывает намного опаснее нашествия военного, поскольку оно подрывает духовные силы нации... ибо под влиянием массивированной пропаганды в сознании русского народа начинают прорастать семена самоуничтожения и комплексов»³¹. Автор, реализуя свою общую задачу, вводит в работу громадный исторический материал, который уже по своей фактологии у разных авторов трактуется по-разному³². И тем не менее в целом автор выполнил свою задачу: заставил широкие слои интеллигенции заинтересоваться своим прошлым, показал наше прошлое как историю великого народа.

Хотя «Мифы о России» – эта историческая публицистика, где известные историкам факты подобраны в определенной последовательности и трактуются с определенной точки зрения, но в ней есть важные научные разработки научно-социологического характера.

• Четко выделен аспект изучения русской истории, где анализируются особенности национального пиара (PR) и механизм его

³⁰ Борисов С.М. Рубль – валюта России. С. 402.

³¹ Мединский В. Особенности национального пиара. С. 342.

³² Книги Мединского основаны на известных работах отечественных историков и свидетельствах иностранных наблюдателей российской действительности, активном использовании публикаций в прессе и Интернете.

реализации при помощи политтехнологий. «Что такое PR-технологии (пиар)? Это – технология, которая позволяет формировать чужое мнение о нужном вам объекте и через это влиять на поведение людей в отношении этого объекта»³³. Автор подчеркивает, что его книга не о том, «как все было на самом деле», а как использовались и подавались факты истории», как формировалась идеология народа в интересах власть предержащих в те или иные периоды русской истории. «Искусство управления общественными коммуникациями существовало всегда, и история дает его превосходные образцы – от Владимира Мономаха до Иосифа Сталина... Без использования PR-технологий не было бы ни крещения Руси, ни ее объединения, ни выигранных войн, ни переноса столицы в Москву, ни отражения монгольского нашествия, в общем совершенно ничего»³⁴.

• В «информационном продукте» исторические реалии освещаются в особом ракурсе, отражающем интересы власть предержащих. И в таком модифицированном виде реальные факты входили в исторические хроники. Этот «идеологический продукт», используемый в политических и геополитических целях, автор назвал мифом.

• «Черные мифы» – «идеологический продукт негативного содержания», используемый как информационное оружие в политической и геополитической борьбе цивилизаций и государств, в том числе Запада против России³⁵. Сопоставление реальной фактологии истории с ее интерпретацией западными средствами массовой информации показывает истинную природу этих черных продуктов информационного общества, делая их мощным оружием разрушения духовного климата России уже в наше время. Новые мифы о Советской России, родившиеся в середине, а то и в

³³ Мединский В. Особенности национального пиара. С. 10.

³⁴ Там же.

³⁵ Мединский обоснованно выделяет три фактора, которые порождают «черные мифы»: «Внутри страны – это политическая борьба разных страт и классов общества; вне страны – это или столкновение народов разной ментальности, или столкновение геополитических интересов государств и цивилизаций. Черные мифы внутри страны – это очень действенное орудие в борьбе за власть и ее легитимизацию в глазах широких масс. Мифы специально создаются для ведения политической пропаганды. Особенно большой размах получали черные мифы как предпосылка легитимизация новой власти, полученной в результате переворота или революции. Черные мифы играют важную роль в геополитических играх и прошлого и настоящего.

конце XX в., восходят к образцам «старых» мифов, созданных в XVI–XIX вв. «Благодаря черным политическим мифам для народов Запада образы России и русских обретают черты дикой, варварской страны, которую надо опасаться»³⁶. Русофобия приобрела в некоторых странах формы тотальной ненависти, которая стала сама по себе важным политическим ресурсом.

В работе показано негативное влияние искаженной информации об историческом прошлом России на духовный климат российского социума в современный период³⁷. «Россия имеет все основания для того, чтобы гордиться своей историей и ее деятелями. Без этой законной гордости нет и не может быть России современной, сильной, гордой, промышленно развитой, культурной, демократической»³⁸.

Работа Мединского подверглась критике в либеральных изданиях и в работах левых³⁹. Выделяя публицистические и научные достоинства работ Мединского, вместе с тем нельзя не отметить один важный недостаток: это вопрос о содержании мифа, который может задерживать развитие этой темы, важной для духовного оздоровления современной России. Заметим, что это слово в современной бытовой лексике чрезвычайно распространено в смысле чего-то нереального, выдуманного, несуществующего. В работе Мединского нет такого прямолинейно-бытового его употребления, но упрощенная, разносмысловая и метафорическая его трактовка присутствует. Сначала дается общая характеристика мифа как категории познания, затем миф трактуется как «идеологический продукт», при этом вводится понятие «черный миф» как идеологический продукт разрушительного характера, используемый Западом против России. Как нам представляется, в двух последних значениях «идеологического продукта» термин миф можно рассматривать как метафору, и она к смысловому содержанию самого понятия «миф» не имеет непосредственного отношения. Эти разработки интересны в социологическом аспекте, хотя не четко разграничиваются временные границы между идеологическим продуктом долговременного существования и кратковременным идеологическим продуктом, «пылью истории».

³⁶ Мединский В. Мифы о России. С. 11.

³⁷ Там же. С. 14.

³⁸ Там же. С. 11.

³⁹ «Анти-МЕДИНСКИЙ»: опровержение – как партия власти «правит» историю // Сергей Кремлев, Юрий Нерссов, Андрей Буровский, Вадим Долов. Андрей Раев. М., 2012.

Следует остановиться на предложенной Мединским общей трактовке понятия «миф» как познавательной категории. Автор констатирует, что существуют мифы космогонические, мифы о происхождении народов, мифы о своей истории, мифы географические, что мифы истории имеют разную форму, включая героические предания или бытовые сказки. Эта сугубо утилитарная трактовка категории мифа неверна, так как миф – это категория метаистории, отражающая духовную жизнь разных анклавов человечества. Миф – это долгоживущая, духовная временная информационная структура каждой данной цивилизации, способствующая ее сохранению в потоке времени, обращенная к чувствам человека, воздействующая на его душевное состояние, но способствующая жизни каждого человека в череде поколений каждой данной цивилизации.

В основе мифологии любой цивилизации лежит метаисторическая идея, т.е. генетический духовный код, в рамках которого складываются предания, сказы, сказки, бытовые притчи, каждое из которых в бытовом плане можно назвать мифом. В отечественной религиозно-философской литературе Д. Андреев сумел сформулировать сущность мифа и обозначить религиозные основы мифологии цивилизаций как метаисторических организмов, показывая одновременно иерархичность и взаимосвязанность мифов в жизни каждого социума, в том числе российского⁴⁰.

Мы обращаем такое внимание на духовное содержание понятия «миф» в работе Мединского потому, что он ввел в социологический современный обиход этот термин, связав его с негативными агрессивными действиями против России. Между тем миф, рассматриваемый как явление духовное, аналог метаисторической идеи, может и должен сыграть свою роль в формировании идеологии русской цивилизации в третьем тысячелетии. «Сознанию российского сверхнарода христианский миф с самого начала сообщил предчувствие именно всемирной миссии – не миссии всемирного державного владычества, но миссии некоторой Высшей

---

⁴⁰ Наука, пытающаяся объяснить происхождение мифов, теряется в отдаленной древности, и потому со времен древних греков выдвинуты различные теории их происхождения. Мифологическая школа основана немецким ученым Я. Гримом – научное направление, изучавшее связь народной поэзии (былин, сказок и др.) с мифологией. Представителями мифологической школы в России были Ф. Буслаев (в его первых работах) и О. Миллер. Андреев в своей работе «Роза Мира» в красочной форме рассказал об особенностях мифологии русской цивилизации.

правды, которую он должен возвестить и утвердить на земле на благо всем», – утверждал Д. Андреев⁴¹. В современном споре интеллектуалов В. Никонов сказал, что «у нас слабы компоненты мягкой силы – силы информации, культурной экспансии. Мы должны научиться побеждать в борьбе идей. И тогда можем полноценно войти в число великих держав, к которым принадлежим по праву»⁴². «Вопрос о конкретном содержании “мягкой силы” возрождающейся русской цивилизации остается открытым. Исходя из анализа генетических духовных основ русской цивилизации в прошлом, она должна в будущем реализовать идеи справедливости, которые несли в мир наиболее выдающиеся представители русской культуры»⁴³. Не случайно новое столетие называют веком России⁴⁴. Все вышеизложенное позволяет сделать вывод, что открытая Мединским тема мифов как «оборонительная» в информационной борьбе против Запада должна перерасти в наступательную, если она будет опираться на русскую религиозно-духовную философию. Но начать надо с уяснения сущности советского периода не в традиционно-примитивном формационном ключе (социализм, капитализм, коммунизм), а в религиозно-философском плане, поскольку именно Россия попыталась связать будущее цивилизационной эволюции мира с наступлением на золотой телец, который тысячелетиями правит миром. Россия вновь начинает борьбу против «воинствующего монетаризма» Запада. Исторически сложилось так, что Россия выполняет роль цивилизации – синтезатора, перерабатывая духовный и материальный опыт Востока и Запада (а в последние десятилетия – Юга и Запада). Таково ее место в духовной эволюции мира. Оно связано с трансцендентным характером Русской цивилизации. «В рамках трехмерной мета-онтологической модели для России, как и для Запада, отправной конечной точкой является мир людей. Однако обход осуществляется в противоположных направлениях. *Евро-Атлантическая* (западная) цивилизация сначала связывает мир людей с миром вещей (рациональная, предметная деятельность). А затем мир вещей с миром идей. Для *Русской* культуры характерно первичное связывание мира людей с миром идей (иррациональная, информационная деятельность) – таково место России в исторической

⁴¹ Андреев Д. Роза Мира. С. 264.

⁴² Парламентская газета. 06. 03. 2008.

⁴³ Леонтьев М. Реставрация будущего России.

⁴⁴ Рязанов В.Т. Экономическое развитие России XIX–XX вв. С. 127.

эволюции мира. И эту основную константу должны понимать все обществоведы, изучающие русскую историю, с учетом всех катаклизмов, связанных и с возникновением, и с гибелью советского строя и СССР. «В последние годы в активную общественную жизнь вошло новое поколение, которое резко отличается и от поколения “советских ветеранов”, и от “поколения, что выбрало пепси”. Это поколение 20–30-летних не несет родовой травмы крушения Советского Союза, его политический горизонт уже не сужен до проблемы столкновения социализма и капитализма, его сознание не раздражает борьба несовместимых утопий – коммунизма, рынка, возвращения в цивилизацию и т.д. Для этого поколения есть главная реальность – Россия с ее огромным потенциалом и сложнейшими проблемами и противоречиями, с одной стороны, и находящийся в кризисном состоянии внешний мир – с другой», – пишет С. Батчиков⁴⁵. Мы полностью разделяем его мнение о роли нового поколения в преодолении идеологического кризиса. Это поколение столкнется с еще не потерявшими власть предшественниками, которых «вырастил для себя Запад», и в политике и в экономике⁴⁶. «И сейчас мы испытываем мучительные переживания в связи с переходом в новую стадию противоборства и сотрудничества со странами Запада, которые все равно будут базироваться на исторической роли России как одной из сверхдержав»⁴⁷. «Для того чтобы восстановить положение страны, это поколение должно за кратчайший срок освоить огромный объем знаний и опыта, освободиться от идеологических химер перестройки и 90-х годов. Поэтому любая политическая партия, которая обращается к этой молодежи с вопросами, которые были предметом яростных противоречий в 80-е годы или даже в 1993 г., не находит отклика. Для 20–30-летних это уже история, важная для развития нашего общества, но не дающая объяснения ни настоящего момента, ни ближайшего будущего»⁴⁸. Новому поколению и их либеральным предшественникам предстоит встретиться, решая проблему «русского креста», соединив современные реальности во многом виртуального мира с метафизическими целями русской цивилизации и российской государственности, выработанными тысячелетиями их предков.

⁴⁵ Батчиков С. Новая реальность и оппозиция.

⁴⁶ Распад мировой долларовой перспективы. М., 2001. С. 23.

⁴⁷ Судоплатов П.А. Разведка и Кремль.

⁴⁸ Там же.

Научное издание

Ирина Владимировна
Можайскова

**РЫНОЧНЫЕ СВЯЗИ
И ДЕНЕЖНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В МНОГОВЕКОВЫХ ЦИКЛАХ
ЗАПАДНОЙ И РУССКОЙ
ЦИВИЛИЗАЦИЙ**

РЕТРОСПЕКТИВА

В ДВУХ КНИГАХ

КНИГА ВТОРАЯ

**РЫНОЧНЫЕ СВЯЗИ
И ДЕНЕЖНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В МНОГОВЕКОВЫХ ЦИКЛАХ
РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ**

Печатается в авторской редакции

Подписано в печать 08.07.2014

Формат 60 × 90¹/₁₆. Гарнитура SchoolBookC

Ус. печ. л. 25,5. Тираж 1000 экз.

Тип. зак. 1285

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»

121099, Москва, Шубинский пер., 6